П-136

ВОЕННЫЙ

СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

П.3039

ГОДЪ ШЕСТОЙ

ТОМЪ XXIX

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТДѢЛЬНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ
1863

ПОХОДЪ ВЪ ХИВУ

ВЪ 1839 ГОДУ

ОТРЯДА РУССКИХЪ ВОЙСКЪ, ПОДЪ НАЧАЛЬСТВОМЪ ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА ПЕРОВСКАГО.

Краткій историческій очеркъ событій въ средней Азіи и постепеннаго знакомства европейцевъ съ нею.

Первыя извѣстія о непосредственныхъ сношеніяхъ европейцевъ съ внутреннею Азіею послѣ Р. Х. начинаются съ IX вѣка (*), именно, когда король англо-саксонскій Альфредъ Великій отправилъ епископа шернбургскаго для посѣщенія христіянскихъ общинъ Индіи, путемъ, указаннымъ арабскимъ писателемъ того же вѣка Абулъ-Касимомъ, т. е. черезъ землю хазаровъ, Каспійское море и Бальхъ (1).

Подробнаго письменнаго извѣстія объ этомъ путешествіи не осталось, и затѣмъ только спустя 400 лѣтъ находимъ другой примѣръ поѣздки подобнаго рода въ средне-азіятскія страны, а

(*) Хотя о средней Азіи оставили извѣстія и древнѣе этого времени писатели греческіе, римскіе, арабскіе и китайскіе, но, по недоступности такихъ сочиненій, а равно и по нежеланію слишкомъ распространять этотъ отдѣлъ нашего труда ограничимся указаніемъ только на существующій на русскомъ языкѣ «Историческій очеркъ событій въ средней Азіи» съ древнѣйшихъ временъ до IX вѣка по Р. Х., составленный по китайскимъ источникамъ монахомъ Іакинѳомъ въ 1851 г.

(1) Géographie d'Aboulfeda, Reynaud, t. I, p. LIX.

именно, когда раввинъ изъ Туделлы (небольшаго городка въ Наваррѣ) Веніаминъ предпринялъ объѣхать во всемъ свѣтѣ синагоги: онъ доходилъ до сѣверо-западныхъ предѣловъ Персіи (2). Естественно поэтому, что европейцы имѣли самыя ошибочныя понятія о средне-азіятскихъ земляхъ. И дѣйствительно: на уцѣлѣвшихъ экземплярахъ планисферъ XI, XII и XIII вѣковъ, напримѣръ, р. Танаисъ (Донъ) показана текущею съ баснословныхъ горъ Рифейскихъ, а Каспійское море представлено заливомъ Сѣвернаго океана, и т. д.

Но съ XIII вѣка начинаются частыя сношенія европейцевъ съ западною частію средней Азіи, и притомъ уже вслѣдствіе причинъ политическихъ и выгодъ торговыхъ.

Въ 1204 году крестоносцы (4-го крестоваго похода) изгнали греческую династію изъ Царяграда, а венеціянцы, содѣйствовавшіе имъ флотомъ своимъ, распространили колоніи свои по берегу Чернаго моря и оттуда завели торговыя сношенія съ отдаленнымъ востокомъ. Венеціянцы господствовали на Черномъ морѣ около полувѣка, и къ этому-то времени относятся знаменитыя путешествія по средней Азіи братьевъ Паоло и другихъ лицъ.

Въ 1260 году греческая династія была возстановлена при помощи генуезцевъ, которымъ однимъ и предоставлено было право торговли на Черномъ морѣ, гдѣ они господствовали около 200 лѣтъ.

Одновременно съ этимъ движеніемъ европейцевъ на востокъ, оттуда началось движеніе на западъ, вслѣдствіе завоеваній (съ 1204 по 1250 годъ) чингисханидовъ, покорившихъ почти всю Азію и часть Европы. Естественно, что такое столкновеніе повело къ частымъ торговымъ и политическимъ сношеніямъ съ среднею Азіею.

И, дѣйствительно, осталось много памятниковъ о путешественникахъ въ средне-азіятскія страны въ XIII, XIV, XV и началѣ XVI столѣтій (3).

---

(2) Voyag. de Ruisbr. dans le recueil de Bergeron, t. I, pag. 48.

(3) Desbouroug Cooley. (Histor. génér. de voyages. Traduct. franç.), Abel Remusat (Mémoire sur les relations des princes chrétiens avec les empereurs Mongols), и Averoe (Notices sur les anciens voyages en Tartarie); неизвѣстнаго англичанина въ 1243 году, и слѣдующихъ монаховъ: Бенедикта, Лаврентія, Іоанна Планикарпина, Асцелина, Сенкентина, Александра, Альберта, Гишара и Лонжгомеля 1245—1247 г., монаха Андрея — 1248, Рюизбрука — 1253, Николая и Матвѣя Паоло—

Конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ и познанія о средней Азіи въ то же время улучшались; на планисферѣ Марино-Сануто 1375 года (во флорентійской и каталонской библіотекахъ) Каспій показанъ уже въ видѣ озера, а Аральское море хотя и неправильно (окруженное горами), но изображено уже къ востоку отъ Каспія, и т. п.

Но съ конца XV вѣка сношенія съ среднею Азіею снова прекращаются на долгое время. Причиною тому было, во первыхъ, разореніе турками Кафы и другихъ генуэзскихъ колоній по берегамъ Чернаго моря, на 300 лѣтъ прекратившее доступъ туда европейцамъ съ запада (4); во вторыхъ, открытіе торговаго пути въ Индію обратило торговлю на выгоднѣйшій морской путь, и наконецъ изгнаніе чингисханидовъ и тимуридовъ изъ Мавръ-Эльнагора и Харезма узбеками подчинило большую часть центральной Азіи своеволію мелкихъ и дикихъ деспотовъ, окруженныхъ кочевыми ордами, и тѣмъ пресѣкло поводы и возможность ко всякимъ политическимъ и торговымъ сношеніямъ съ этими странами. А потому въ теченіе около ста лѣтъ не было предпринято европейцами ни одного путешествія въ означенныя страны. Въ послѣдней же половинѣ XVI вѣка, съ паденіемъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго и съ началомъ распространенія господства русскихъ въ Сибири, Россія, сблизившись съ среднею Азіею, неминуемо должна была войдти и въ торговыя сношенія съ нею, чрезъ новыхъ подданныхъ своихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣсти и обстоятельныя о ней свѣдѣнія.

Доказательствомъ тому можетъ служить книга «Большой Чертежъ» (5), гдѣ находимъ много вѣрныхъ географическихъ данныхъ о моряхъ Каспійскомъ и Аральскомъ и замѣчательной точности указанія протяженія между ними, а также статьи о рѣкахъ Оби и Яикѣ. И въ то время, какъ русскіе, по географическому положенію своему, должны были съ конца XVI вѣка

1250—1260 г., Марко Паоло — 1271—1295, Гайтона — 1254, Рикольда Демонтекроче — 1290, Іоанна Демонтекроче — 1288—1307, ОдезикоМатеучи—1317, Іоанна Декаро — 1330, Журдана Каталяни — 1330, Паскаля де-Викторія и Жуана де-Марніолли — 1339—1353, Франческо Пеголетта—1335, Мандевиля—1322—1355, Арнго — 1374, Гомеца де-Сатомаіоръ и Германа Саница — 1393, Гонзалесъ де-Клявиго — 1403, Шильдбергера — 1395—1427, Конти—1424—1449, Іосифа Барбаро — 1471, Амвросіо Контарини — 1473, Бартема — 1502—1508.

(4) Мурзакевичъ. Исторія генуэзскихъ поселеній въ Крыму, стр. 77—91.

(5) «Книга, глаголемая Большой Чертежъ». Стр. 4, 5 первой редакціи XVI вѣка; въ послѣдней редакціи XVII вѣка стр. 67—76 и 203—211.

находиться въ непрерывныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ среднеазіятцами, западно-европейцы проникали къ нимъ, побуждаемые надеждою открыть новые пути въ Индію, изъ зависти къ португальцамъ и испанцамъ, овладѣвшимъ морскимъ путемъ туда и торговлею.

Такъ уже въ 1520 году генуэзецъ Павелъ Центуріоне пріѣзжалъ въ Москву для развѣдыванія торговаго пути по Каспію и Оксусу въ Индію. Та же цѣль привела въ Москву въ 1537 году венеціянца Марко Фоскарини. Наконецъ то же намѣреніе высказано въ сочиненіи (Rellazione dell'imperio di Moscovio) неизвѣстнаго итальянца, бывшаго въ Москвѣ въ 1553 году и увѣряющаго, что объ этомъ же хлопоталъ и Іоаннъ IV Грозный (6).

Въ концѣ же XVI вѣка, съ одной стороны образовалась въ Англіи компанія для открытія пути въ Индію вдоль сѣверо-восточныхъ береговъ Азіи, основанная Іоанномъ Каботомъ и сыномъ его Себастіаномъ, отправившая нѣсколько экспедицій. Съ другой стороны образовалось съ тою же цѣлью торговое товарищество въ Голландіи, откуда отправлены были два судна въ 1595 году, подъ начальствомъ Корнелія Ная, съ участіемъ въ дѣлѣ штатгальтера Морица Нассаускаго и генеральныхъ штатовъ.

Сѣверный морской путь въ Индію не былъ открытъ, и тогда обращено было вниманіе на путь чрезъ среднюю Азію, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Ричардъ Чанслоръ въ 1553 году, пробираясь Сѣвернымъ океаномъ тоже въ Индію, попалъ въ Архангельскъ, а оттуда въ Москву, гдѣ узналъ отъ одного персіянина, что въ Персіи шелку больше, чѣмъ въ Россіи пеньки и льну. Съ того времени компанія Кабота устремила всѣ усилія на открытіе торговаго пути, черезъ Каспійское море, въ Туранъ и Персію. Примѣръ Англіи подѣйствовалъ на Австрію и Голштинію (7). Къ тому же присоединилась и цѣль политическая: успѣхи тогдашняго шаха персидскаго Абасса Великаго противу турокъ возбуждали въ европейцахъ надежду употребить Персію для ослабленія турецкаго владычества, дѣлавшагося опаснымъ въ Европѣ, отвлекая вниманіе ихъ въ Азію.

---

(6) Adelung. (Uebersicht der Reisenden in Russland. Bibliot. sanscrit. S. 217.)

(7) Посолъ голштинскій Олеарій оставилъ любопытныя записки своего путешествія, въ которыхъ особенно интересно описаніе Кавказа

Наконецъ распространеніе восточнаго языкознанія въ Европѣ и сношенія съ Индіею побуждали также къ поѣздкѣ на востокъ.

Слѣдствіемъ всего этого было, что въ концѣ XVI и въ XVII вѣкахъ является снова многочисленный рядъ европейскихъ путешественниковъ въ среднюю Азію (8).

Въ XVIII и XIX вѣкахъ европейцы еще чаще начали проникать въ центральную Азію не только съ запада, но и съ сѣверо-востока и юго-востока. Притомъ къ цѣлямъ торговымъ присоединяются и цѣли чисто-политическія и ученыя, почему знакомство съ среднею Азіею расширяется. Поводомъ къ изслѣдованію восточной части средней Азіи послужили перевороты въ Китаѣ въ концѣ XVIII вѣка.

Ничтожное еще въ 1586 г., племя манджуровъ начало съ 1610 г. свои вторженія въ Китай, а въ 1644 году, пособивъ китайцамъ низвергнуть самозванца, провозгласило въ Пекинѣ Шунчи (малолѣтняго племянника послѣдняго хана манджурскаго) китайскимъ императоромъ. По смерти Шунчи въ 1662 году вступилъ на престолъ сынъ его, Канги, или Канхи, 62-лѣтнее царствованіе котораго упрочило манджурскую династію Минга въ Китаѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ открылось начало китайскому вліянію (не прекращавшемуся и донынѣ) на восточную часть средней Азіи, куда китайцы начали въ новѣйшія времена вновь проникать съ половины XVII вѣка (9).

Воспользовавшись переворотами въ Китаѣ и утвержденіемъ манджурской династіи, іезуиты успѣли утвердиться въ Китаѣ и значительно распространить тамъ свое вліяніе и христіянское ученіе, такъ что, напримѣръ, іезуиту Адаму Шалю поручено было даже составленіе императорскаго календаря, а императоръ

---

(8) Дженкинсонъ и Джонсонъ въ 1558 г., Дженкинсонъ въ 1516 г., Альдкокъ и Чайни — 1564 г., Эдвардсъ и Джонсонъ — 1565 г., Эдвардсъ и Чапманъ — 1568, Боругъ, Эдвардсъ, Турунбуль, Тальбайсъ и Газаздъ съ 1579—1581 гг., Нивбери—1582, Кихель съ 1585 — 1589 гг., Какашъ и Дектандеръ — 1602 г., Бенедиктъ Госсъ — 1603, Тексейро — 1604, Стель и Кровторъ — 1615, Позеръ — 1621 г., Гарсія Сильва — 1621, Піестро де-Лявали — 1614—1626, Олеаріусъ, Крузіусъ, Гербертъ —1628—1641, Мандейело и Флемингъ — 1636—1638, Іоаннъ де-Люкки—1637, Андерсонъ — 1644—1650, Таверные — 1645—1670, Шарданъ — 1666, 1669 и 1673—1677, Гайденфельдъ — 1680, Струйсъ — 1645—1670, Кемферъ —1684 г.

(9) Huc и Habet. (Французскіе миссіонеры, путешествовавшіе по Китаю, Монголіи и Тибету въ 1844, 1845 и 1846 годахъ.) По свидѣтельству китайскихъ историковъ (см. Истор. очеркъ событій въ ср. Азіи, монаха Іакинѳа), китайцы задолго до Р. Х. имѣли вліяніе на эту часть Азіи, впослѣдствіи постепенно утраченное.

Шунчи назначилъ его предсѣдателемъ пекинской астрономической палаты. При императорѣ Канги предсѣдателемъ астрономической палаты былъ другой монахъ, Фербистъ, у котораго императоръ самъ бралъ уроки въ математикѣ.

По проекту Кольбера, приведенному впослѣдствіи въ исполненіе Лувуа, парижская академія отправила въ 1685 г. монаха Буве и пять другихъ іезуитовъ (Фонтанай, Типаръ, Жербилліонъ, Леконтъ и Визделу) въ Китай для математико-географическихъ изслѣдованій. Изъ нихъ Жербилліонъ и Гуве оставлены были императоромъ при себѣ. Они также давали уроки математики императору и получили дозволеніе устроить церковь въ самомъ дворцѣ. Изъ нихъ Жербилліонъ въ 1688—89 гг. неоднократно посылаемъ былъ въ Монголію и Нерчинскъ, по дѣламъ разграниченія съ русскими (10).

Геодезическіе труды іезуитовъ въ XVII и XVIII вѣкахъ обхватили всѣ предѣлы имперіи Китайской, а вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ ученыя изслѣдованія коснулись и земель восточной части средней Азіи, чему, конечно, много способствовали неоднократные походы китайцевъ въ тѣ отдаленныя страны, по поводу возникшихъ въ Монголіи волненій въ царствованіе Канги и при преемникѣ его Юнгъ-Чингѣ, вслѣдствіе распространившагося тамъ сильнаго мятежа осетовъ, или джунгаровъ, стремившихся возобновить времена чингисханидовъ и покорить Китай, а потомъ турутовъ (тоже монгольскаго племени), желавшихъ образовать независи-

---

(10) Русскимъ уполномоченнымъ былъ тогда графъ Рудзинскій (у Н. Устрялова, I т. «Исторіи Петра Великаго», стр. 244, сказано, что въ 1686 былъ отправленъ Головинъ), который въ воспоминаніяхъ миссіонеровъ Гука и Габета названъ просто Владиславичемъ. Послѣ него былъ посылаемъ Петромъ Великимъ съ подарками и для закупки въ Пекинѣ товаровъ гвардіи капитанъ Измайловъ, возвратившійся въ 1721 г. (по Берхгольцу); а въ 1728 году снова былъ посылаемъ Измайловъ же, по возникшимъ недоразумѣніямъ о р. Амурѣ. Другой іезуитъ, Буве, былъ отправленъ въ 1697 году во Францію съ порученіемъ привезти оттуда сколь возможно болѣе миссіонеровъ, почему онъ въ 1699 г. возвратился съ 10 монахами, въ числѣ коихъ были Премаръ, Дегисъ и Паренингъ. Въ 1708 г. Канги предпринялъ составить точную карту своихъ владѣній, что и поручилъ исполнить іезуитамъ Буве, Регису и Яртуксу, которые уже въ 1709 г. составили карту пространства около большой китайской стѣны, величиною въ 15 квадр. футовъ. Въ началѣ 1710 года повелѣно было Регису, Яртуксу и Фриделли снять Манджурію, а къ концу года карта была готова. Въ томъ же году произведена съемка области Печели; потомъ Канги поручилъ двумъ партіямъ іезуитовъ снять сѣверную пограничную провинцію Шенси и землю калкасовъ. Затѣмъ быстро шли съемки остальныхъ земель, такъ что въ 1718 г. Яртуксъ представилъ Канги карту его имперіи, а Регисъ отчетъ о способахъ производства этой съемки. Въ общую карту вошла и рекогносцировка восточнаго Тибета, произведенная двумя ламами въ 1717 году.

мое владѣніе. Война эта продолжалась и при преемникахъ Юнгъ-Чинга, до совершеняаго истребленія джунгаровъ и бѣгства калмыковъ за Уралъ, въ предѣлы Россіи (въ 1703 г., подъ начальствомъ извѣстнаго хана Аюки) (11).

---

(11) Монголы-джунгары вооружились подъ предводительствомъ своего контайши (титуль владѣтеля) Галдана. Двухлѣтняя война не усмирила джунгаровъ, почему императоръ Канги въ 1697 году лично выступилъ противъ Галдана и заставилъ его бѣжать. Между тѣмъ племянникъ императора, Чевангъ-Арабдакъ (сынъ умерщвленнаго императоромъ брата), тоже возмутился и образовалъ въ долинѣ р. Или независимое владѣніе, присоединивъ вскорѣ къ своимъ калмыкамъ и джунгаровъ Галдана, умершаго въ 1697 г., такъ что владѣнія Чеванга простирались отъ озера Балхаша и горъ Алтайскихъ до горъ Кхунъ-Лунь и верховій рѣкъ Сыра и Аму, и не только города Яркендъ, Турфанъ, Хами (самый западный пунктъ изъ астрономическихъ опредѣленій іезуитовъ) и Кашгаръ, но даже Самаркандъ и Бухара считались отъ него въ зависимости. Въ 1703 году, вслѣдствіе возникшихъ несогласій между Чеванги и тестемъ его Аюкою, послѣдній откочевалъ съ племенами турутовъ (тоже тургутовъ), или калмыковъ, за рѣку Уралъ, въ предѣлы Россіи.

Въ 1709 году Чевангъ вознамѣрился подчинить себѣ Тибетъ, для чего вздумалъ выдать дочь свою за сына тамошняго калмыцкаго владѣльца Чиница, но потомъ объявилъ своего зятя плѣнникомъ и отправилъ въ Тибетъ войско, которое низвергло далай-ламу и умертвило Чингиза. Это обстоятельство, а равно и отказъ китайскаго императора выдать одну изъ дочерей за Чеванги повело къ войнѣ съ китайцами. Джунгары въ 1713 г. были отражены, но въ 1717—1719 гг. производили набѣги въ Китай съ успѣхомъ, а въ 1717 году и въ Тибетъ, гдѣ разграбили Хлоссу (столицу). Въ 1721 г. Канги удалось наконецъ изгнать непріятелей изъ Тибета; но покушеніе императора въ 1722 г. истребить владычество джунгаровъ въ самомъ корнѣ, т. е. по берегу рѣки Или, не имѣло успѣха. Къ счастію Китая, страшный Чевангъ въ томъ же году былъ убитъ среднимъ своимъ сыномъ Галданъ-Черномъ, что дало возможность наслѣднику Канги императору Юнгъ-Чингу, ограничиться однимъ наблюденіемъ Джунгаровъ, у которыхъ начались междоусобія: Галданъ-Черенъ былъ убитъ вскорѣ младшимъ братомъ своимъ, который въ свою очередь умерщвленъ былъ старшимъ братомъ Дарджи, а противъ послѣдняго возмутились два родоначальника Давадзи и Амурзане. По убіеніи Дарджи хитростію Давадзи, онъ былъ провозглашенъ контайшею (владѣльцемъ), что возбудило зависть въ Амурзане, бѣжавшемъ въ Пекинъ искать помощи въ 1754 г. Грубыя требованія со стороны Давадзи о выдачѣ Амурзане раздражили наслѣдника Юнгъ-Чинга, императора Кіангъ-Лунга, который, подъ предлогомъ возстановленія правъ Амурзане, рѣшился нанести послѣдній ударъ джунгарамъ, для чего въ 1755 г. послалъ 150,000 войска, подъ начальствомъ Панти, который въ 5 мѣсяцевъ кончилъ войну, установилъ Амурзане начальникомъ джунгаровъ, а Давадзи привелъ плѣннымъ въ Пекинъ, гдѣ тотъ вскорѣ и умеръ. Но Амурзане тоже не хотѣлъ оставаться въ зависимости отъ Китая, почему въ 1756 г. противъ него послано было войско, двѣ попытки котораго были неудачны; но за то третій походъ въ 1757 г. кончился съ успѣхомъ: китайцы принудили Амурзане бѣжать, и онъ удалился въ Тобольскъ, гдѣ и погибъ отъ оспы, а тѣло его отвезено въ Кяхту и выдано китайцамъ. Затѣмъ послѣдовало совершенное истребленіе джунгаровъ. Обширныя, зависѣвшія отъ ихъ контайши, джунгарскія земли, между Тхянъ-Шаномъ, Болоромъ и Кхунлунемъ, предоставлены были китайцами въ раздѣлъ двумъ сыновьямъ Махмуда-Ходжи, нѣкогда любимца Давадзи, управлявшаго

Въ то же самое время, какъ съ китайцами европейцы проникали въ центральную Азію съ востока, англичане утверждаются въ Индостанѣ, и ихъ искусные агенты знакомятся съ странами средней Азіи, въ юго-восточномъ направленіи, а русскіе со временъ Петра Великаго проникаютъ туда же съ сѣвера и запада.

Петра Великаго, какъ извѣстно, также занимала мысль открыть торговыя сношенія съ Индіею. Съ этою цѣлью и для изслѣдованія путей въ 1694 году былъ отправленъ въ Индію Семенъ Маленькій; но онъ умеръ въ Шемахѣ. Затѣмъ войны съ шведами и турками отвлекли вниманіе Петра въ Европу; однакожь, въ 1703 году, онъ принялъ въ подданство хана хивинскаго, тѣснимаго бухарцами, а впослѣдствіи, съ 1714 — 1717 г., старался прочно утвердиться по берегамъ Каспійскаго моря и въ Туркестанѣ. Съ этою цѣлью предприняты были значительныя экспедиціи изъ Сибири (подполковникъ Бухгольцъ) и изъ Астрахани (князь Бековичъ) (12). Несмотря на неудачный исходъ ихъ, Петръ Великій не переставалъ обращать вниманія на означенныя страны, для изслѣдованія которыхъ отправилъ въ 1718 г. въ Бухару посломъ Беневени.

Вскорѣ затѣмъ самъ Петръ Великій предпринялъ въ 1722 г. походъ въ Персію и утвердился при юго-восточномъ берегѣ Каспійскаго моря (но эти завоеванія, по мирному договору въ 1732 году, были возвращены Персіи).

Для изслѣдованія же путей въ Индію, по смерти Семена Маленькаго, предназначался сначала Ашуръ-Бекъ, бывшій въ 1714 г. посломъ хивинскаго хана въ Петербургѣ, а потомъ, одновременно съ хивинскою экспедиціею, отправленъ Тевкелевъ, котораго бу-

---

восточнымъ Туркестаномъ, впослѣдствіи же низверженнаго имъ по подозрѣнію въ возмутительныхъ замыслахъ. Младшій изъ сыновей Махмуда помышлялъ о независимости и вовлекъ въ свои замыслы брата. Тогда многіе изъ соперничавшихъ съ нимъ князьковъ Туркестана бѣжали въ Или и объявили обо всемъ Китайцамъ, что побудило двухъ братьевъ явно возмутиться. Противъ нихъ послано было войско подъ начальствомъ Чао-Хай, который съ своимъ помощникомъ Футхе перебрались чрезъ Тхянъ-Шанъ въ долину Тарима, въ 1759 г., и покорили всѣ города восточнаго Туркестана, и китайцы, преслѣдуя бѣгущихъ братьевъ, проникали даже въ верхнія долины Аму и Сыра, т. е. въ коканскія и бадагшанскія владѣнія. Одинъ изъ братьевъ, Хаджи, вскорѣ затѣмъ умеръ, другой же былъ казненъ хановъ бадагшанскимъ, вслѣдствіе возникшей между ними ссоры.

(12) Объ этихъ экспедиціяхъ краткія свѣдѣнія находятся въ статьѣ А. Попова. См. «Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1853 г., кн. IX: «О сношеніяхъ съ Хивою и Бухарою при Петрѣ Великомъ»; тамъ же и о посольствѣ въ Бухару Беневени въ 1718—1721 гг.; и въ статьѣ «Походъ въ Хиву въ 1717 г.», въ № 10 «Военнаго Сборника» на 1861 г.

рею выбросило въ Астрабадъ, гдѣ онъ былъ взятъ въ плѣнъ, изъ котораго освобожденъ бывшимъ въ 1718 году посломъ нашимъ въ Персіи Волынскимъ (извѣстный Артемій Петровичъ, знаменитый кабинетъ-министръ Анны Іоанновны).

Въ одной изъ записокъ своихъ Тевкелевъ говоритъ, между прочимъ: «Въ 1722 году, при Его Императорскомъ Величествѣ блаженной и высокія славы достойной памяти Государѣ Императорѣ Петрѣ Великомъ былъ я, нижайшій, въ персидскомъ походѣ старшимъ переводчикомъ въ секретныхъ дѣлахъ, и по возвращеніи изъ персидскаго похода Его Императорское Величество Государь Императоръ Петръ Великій изволилъ имѣть желаніе для всего отечества Россійской имперіи полезное намѣреніе въ приведеніи издревле слышимыхъ, и въ тогдашнее время почти неизвѣстныхъ киргизъ-кайсацкихъ ордъ въ россійское подданство, и оное свое монаршее особое меня нижайшаго къ тому употребить намѣреніе имѣлъ, съ тѣмъ, буде оная орда въ точное подданство не пожелаетъ, постараться мнѣ, несмотря на великія издержки, хотя бы до милліона, держать; но токмо чтобъ однимъ листомъ подъ протекцію Россійской имперіи быть обязались; ибо какъ Его Императорское Величество Государь Императоръ Петръ Великій въ 1722 году, будучи въ персидскомъ походѣ, и въ Астрахани черезъ многихъ изволилъ увѣдомиться объ оной ордѣ, хотя-де оная киргизъ-кайсацкая степной и легкомысленной народъ, токмо-де всѣмъ азіятскимъ странамъ и землямъ оная орда ключъ и врата.»

Такимъ образомъ, Тевкелевъ первый указалъ на необходимость занятія Киргизской степи; но, по смерти Петра Великаго, виды его и намѣренія въ этомъ отношеніи были забыты до 1730 года, когда Абулъ-Хаиръ, ханъ Меньшой Киргизской орды, тѣснимый джунгарами, калмыками и башкирами, просилъ защиты Россіи, отдаваясь въ ея подданство. Переговоры по этому велись тѣмъ же Тевкелевымъ, и въ 1732 году Меньшая орда признала свою зависимость. Первое устройство новаго края поручено было оберъ-секретарю сената (первому статистику русскому) Кирилову, а затѣмъ Татищеву (извѣстному историку) и Неплюеву. Благодаря ихъ усиліямъ, пространство между гг. Омскомъ и Уральскомъ, въ промежуткѣ между которыми существовалъ, до 1730 года, одинъ только пригородъ Сакмарскъ (13),

(13) Сакмарскъ основанъ въ 1719 году сибирскими бѣглецами, а въ 1721 году занятъ, по распоряженію правительства, яицкими казаками.

связалось вскорѣ населенною линіею по берегамъ рр. Урала и Уя, отрѣзавъ башкирскія земли отъ степей Киргизской орды, чѣмъ прекратились постоянная вражда и грабежи между Киргизскою ордою и башкирами.

Съ тѣхъ поръ начала гражданственности все далѣе и далѣе вносились русскими въ глубь средней Азіи. Въ 1822 году былъ изданъ уже уставъ для киргизовъ, кочевавшихъ въ Иртышо-Ишимской степи, а съ 1834 года киргизы тамъ уже управляются приказами. Въ 1834 же году основано Александровское укрѣпленіе, при Кайдакѣ, заливѣ Каспійскаго моря. Въ 1846 году основаны укрѣпленія Оренбургское и Уральское на рр. Иргизѣ и Тургаѣ, въ глубинѣ степи, а съ устройствомъ, въ 1847 году, Раимскаго укрѣпленія при устьѣ Сыръ-Дарьи и послѣ покоренія въ 1853 году Акъ-Мечети, русскіе утвердились и на р. Сыръ-Дарьѣ.

Остается теперь обозрѣть, какимъ путемъ европейцы въ XVII и XVIII столѣтіяхъ проникали съ юго-восточной стороны, а вмѣстѣ съ тѣмъ напомнить и тѣ перевороты, которые совершались въ центральной Азіи одновременно со стремленіемъ европейцевъ туда проникнуть.

Въ началѣ XIII вѣка Чингисханъ, утвердившись въ Монголіи и начавъ свои завоеванія (съ 1203 г.), успѣлъ уже разгромить Китай къ 1217 году и, преслѣдуемый мечтою всемірнаго владычества, направлялся оттуда на юго-западъ для подчиненія сильнаго противника Ала-Эдина-Мухамеда Харезмскаго, который, утвердившись въ среднихъ частяхъ р. Аму, распространилъ свои владѣнія отъ Болурскаго хребта до Каспія, и отъ Аральскаго моря до р. Тигра и южныхъ предѣловъ Авганистана. Къ востоку отъ Болурскихъ горъ, въ нынѣшнихъ областяхъ Яркенда и Кашгара, лежало могущественное владѣніе Караджатай, отъ котораго Ала-Эдинъ-Мухамедъ отнялъ Бухару и Самаркандъ. Къ югу отъ Харезма находились небольшія владѣнія сельджуковъ, а къ сѣверо-западу владѣнія нѣсколькихъ туркскихъ князьковъ и кочевыя орды. Въ 1223 году всѣ эти страны были покорены Чингисъ-ханомъ, который тогда же раздѣлилъ земли свои между сыновьями, Тули, Джагатаемъ и Огатаемъ, на три удѣла: восточный, джагатайскій и кипчакскій.

Восточный удѣлъ вскорѣ обнялъ всю восточную Азію, джагатайскій все пространство къ сѣверо-востоку отъ р. Аму-Дарьи, долину р. Или южную Сибирь, а кипчакскій почти всю Рос-

сію, западную половину Киргизской степи до моря Аральскаго и устья р. Сыръ-Дарьи.

Въ Персіи чингисханиды утвердились окончательно въ 1285 году, по взятіи Багдада ханомъ Хулагу, который положилъ тамъ начало дому персидскихъ Иль-Хановъ, властвовавшихъ на пространствѣ между рр. Аму, Тигромъ и Индомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что эти обширныя владѣнія чингисхановыхъ потомковъ даже и въ самомъ началѣ не представляли полнаго государственнаго единства, а только связь родовъ и общинъ, болѣе или менѣе самостоятельныхъ, обязанныхъ однимъ платежемъ дани и военною повинностію. А потому естественно, что монгольскія владѣнія начали вскорѣ очень быстро распадаться на множество независимыхъ владѣній. Однакожь, въ 1371 году, появляется новый монгольскій завоеватель, Тамерланъ, успѣвшій возстановить джагатайскій улусъ (т. е. средній). Тамерланъ въ теченіе 25 лѣтъ прошелъ войною изъ Самарканда на сѣверо-востокъ до р. Иртыша, на сѣверо-западъ до Рязани, на юго-западъ до Смирны и Дамаска, а на юго-востокъ до р. Ганга, и умеръ въ 1405 году, на походѣ въ Китай. Но и тимуровы владѣнія также быстро распадаются: въ Персіи сначала утверждаются туркменскіе родоначальники, а въ 1499 году, съ Измаиломъ Сафи, начинается династія сафинидовъ; Кипчакская орда окончательно пала съ покореніемъ русскими царствъ Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго; наконецъ, въ Китаѣ монгольская династія свергнута была въ 1644 году.

Въ долинахъ рр. Сыра и Аму утвердились незначительные князьки тимуридскіе, съ слабою зависимостію отъ самаркандскаго владѣльца, и вели между собою непрерывныя войны. Этимъ воспользовалось небольшое туркское племя узбеки, жившіе за горами Болурскими, и подчинили своей власти долины означенныхъ рѣкъ (14) и часть Хорасана, который остался на долгое время спорнымъ предметомъ между узбеками и персами (15).

---

(14) Это междурѣчіе, т. е. пространство между рѣками Сыромъ и Аму, въ древности называли Трансоксіяной, а арабскими писателями—Маверанегре, или Маврънагоръ.

(15) Родоначальникъ узбековъ Шайбекъ въ 1498 году началъ свои предпріятія въ Маверанегръ, или междурѣчіе, въ 1504 г. уже тамъ утвердился, а въ 1507 г. овладѣлъ частью Хорасана. И хотя въ 1510 году Шайбекъ палъ въ сраженіи съ шахомъ персидскимъ Измаиломъ-Сафи и Баберомъ, блестящимъ представителемъ

Съ того времени узбеки не переставали господствовать на р. Аму и верховьяхъ Сыръ-Дарьи, въ оазисахъ, окруженныхъ пространными безводными и песчаными пустынями, или же мало доступными горами. (Правда, въ одно время въ Бухарѣ возведенъ былъ въ ханы одинъ изъ потомковъ Чингисхана, Динь-Мухамедъ (16); но онъ былъ уже полуузбекъ, родился въ Бухарѣ отъ сестры Иснадеръ-Хана изъ рода шабанидовъ, и, притомъ, ханы въ то время были въ большой зависимости отъ своихъ узбековъ. Столь же малое вліяніе имѣло на власть узбековъ господство въ Ташкендѣ и Хивѣ владѣльцевъ изъ дома брата батыева Шейбака, основавшаго царство Сибирское, такъ какъ могущество этого дома сокрушено было русскимъ оружіемъ.)

Гораздо большею опасностію грозило новое возрастаніе монгольскаго могущества или джунгаровъ при Галданъ-Черенѣ, но эта опасность миновала, ибо, какъ упомянуто уже выше, владычество джунгаровъ было уничтожено китайцами, которые, истребивъ опаснаго врага своего, удалились.

Затѣмъ владѣнія узбековъ едва не были подчинены персидской власти, когда шахъ Надиръ, положивъ конецъ существованію династіи сафинидовъ въ Персіи въ 1736 году и отправляясь въ походъ въ Индію, двинулъ войско въ 1740 году, подъ начальствомъ сына своего, на узбековъ и съ огромною потерею людей успѣлъ навремя подчинить себѣ Бухарію и Хиву; но эта зависимость исчезла съ удаленіемъ персидскихъ войскъ.

Владѣнія узбековъ состояли изъ множества небольшихъ княжествъ, находившихся въ вассальной зависимости отъ главнаго, принадлежавшаго эмиру бухарскому. Но первенство Бухаріи было только номинальное, въ особенности для отдаленныхъ областей, какъ Хорезмъ, Хива, Ферганы, Ташкендъ и Коканъ, такъ что вассалы весьма часто даже грабили владѣнія эмира бухарскаго, особенно хивинцы, во времена извѣстнаго ихъ хана Абулъ-Газы, далеко распространившаго свою власть (въ первой половинѣ XVII вѣка).

Тѣмъ не менѣе, бухарцамъ удалось къ концу XVII столѣтія

тимуридовъ, однакожь сынъ его Кунджъ-Канджи возстановилъ власть узбековъ въ Хорасанѣ.

(16) Динь-Мухамедъ-ханъ возведенъ былъ по убіеніи послѣдняго шабенида, Абдулъ-Муменъ-Богадура, и былъ сыномъ Джани-Хана и внукомъ Яръ-Мухамеда, который по семейнымъ раздорамъ оставилъ во второй половинѣ XVI вѣка астраханскій престолъ и удалился въ Бухару.

завладѣть Хивинскимъ ханствомъ, что заставило хивинскихъ хановъ искать помощи у Петра Великаго, а именно ханъ Шаніязъ въ 1700 году, по его просьбѣ, былъ принятъ въ подданство Россіи, что было подтверждено и преемнику его въ 1703 году. Тогда-то, съ цѣлью утвердить господство русскихъ въ Хивѣ, по повелѣнію Петра Великаго и предпринята была упомянутая выше экспедиція князя Бековича-Черкасскаго (съ 1714 — 1717 г.).

Но въ половинѣ XVIII вѣка Мухамедъ-Рахимъ въ Хивѣ и Нарбута-Бій въ Коканѣ успѣли упрочить свою независимость, а въ началѣ XIX вѣка, именно въ 1821 году, къ югу отъ Бухары усилилось еще одно узбекское владѣніе — Кундузское, владѣлецъ котораго Муратъ-Бекъ подчинилъ себѣ почти всю юго-восточную часть верховьевъ Аму.

Само собою разумѣется, что непосредственное участіе русскихъ въ судьбахъ западной части центральной Азіи дало возможность снова проникнуть туда и торговлѣ европейской; почему эта часть Азіи съ начала XVIII вѣка и по настоящее время посѣщалась множествомъ всевозможныхъ экспедицій и путешественниковъ, что дало возможность ближе ознакомиться съ среднеазіятскимъ пространствомъ (17).

---

(17) Изъ посѣщавшихъ въ XVIII и XIX вѣкахъ среднюю Азію и вообще предпріятій туда извѣстны:

Мейеръ — 1703 г., Трушинскій—1713 г., подполк. Бухгольцъ (военн. эксп.)— 1714 г., князь Бековичъ (военн. экспед.) — 1714—1717 гг.), Волынскій—1718 г., Беневени — 1718 г., Верденъ, Соймоновъ и князь Урусовъ — 1719 г., Лихаревъ — 1720 г., Соймоновъ — 1722 г., Гарберъ — 1722—1723 г., Брюсъ — 1723 г., Соймоновъ и Далматовъ — 1726 г., Дубровинъ — 1729 г., Гарберъ — 1731 г., Тевкелевъ — 1731 г., Угрюмовъ 1732 г., Миллеръ—1734 г., Кушелевъ—1735 г., Миллеръ — 1739 г., Томсонъ — 1740 г., Маравинъ — 1741 г., Гладышевъ — 1742 г., Миллеръ — 1743 г., Эльтонъ — 1743 г., Лерхе — 1747 г., Ригельманъ — 1750 г., Рукавкинъ и Максютовъ — 1753 г., военн. экспед.— 1760—1761 г., Гордѣевъ — г., Токмачевъ и Панинъ — 1764 г. военн., экспед. — 1767 г., Палласъ и Крафтъ — 1769 г., Гмелинъ — 1770 г., военн. экспед. — 1771 г., Ловичъ и Иноходцевъ — 1769—1771 г., Исленьевъ, Лепехинъ, Рычковъ, Фалькъ и Соколовъ — 1771 г., военн. экспед. — 1774 г., Чернышевъ — 1780 г., Ефремовъ — 1774—1782 г., Вонновъ — 1781 г., военн. экспед.—1784, 1785 и 1790 г., Германъ — 1790 г., Сиверсъ — 1791 г., Бланкенагель — 1793 г., Чевкинъ — 1794 г., Снѣгиревъ — 1795 г., Ждановъ — 1796 г., Поспѣловъ и Бурнашевъ — 1800 г., Гавердовскій — 1803 г., Фелькерзамъ — 1805 г., Клапротъ 1807 г., Колодкинъ — 1809—1817 г., Назаровъ — 1813 г., Вишневскій 1806—1815 г., экспедиціи къ Свинцовымъ горамъ — 1814—1815 г., Быстрицкій, Завьяловъ Меньшенинъ, Лосевъ и Лещовъ — 1817 г., Бурнашевъ — 1818 г., Муравьевъ — 1819 г., Негри, Мейендорфъ и Эверсманъ — 1820 г., съемки Сибирской линіи съ

Въ то же время, когда въ средне-азіятскомъ междурѣчіи утвердились узбеки, т. е. въ началѣ XVI вѣка, на развалинахъ же монгольскаго могущества въ Персіи (западной части Ирана) возвысилась династія Сафи, господствовавшая съ блескомъ до Аббаса Великаго (въ 1628 г.) на пространствѣ отъ озера Вана до р. Инда и отъ предѣловъ Хорасана до Индійскаго моря. А, между тѣмъ, въ восточной части Ирана, авганскій владѣтель Субуктегинъ, изъ дома газневидовъ, началъ распространять свою власть въ Индію, и сынъ его Махмудъ положилъ тамъ прочное основаніе магометанскому владычеству.

Въ Индію изъ средней Азіи начались вторженія со временъ Чингисхана: Джагатайскаго улуса монголы неоднократно вторгались туда, но никогда не успѣвали (какъ и вездѣ) прочно тамъ утвердиться. Тамерланъ проникъ въ Индіи до Дели, но также не упрочилъ тамъ своей власти. И только Баберъ, правнукъ Тамерлана, достигъ этого.

Владѣтель Ферганы, небольшаго города въ Коканѣ, Баберъ въ 1503 году былъ изгнанъ оттуда узбеками въ числѣ прочихъ тимуридовъ. Около года скитался онъ въ верховьяхъ Аму, думалъ было пробраться въ Китай, но, наконецъ, избралъ поприщемъ своей дѣятельности восточный Хорасанъ, гдѣ, при помощи перешедшей на его сторону дружины монгольской, овладѣлъ

1820—1830 г., Левшинъ — 1820—1822 г., Муравьевъ — 1821 г., Бергъ—1822 г., Броневскій, Григорьевъ и Горскій — 1823 г., Жемчужниковъ — 1823 - 1824 гг. Бергъ, Леммъ и Эверсманъ — 1825—1826 г., Тафаевъ и Ягминъ — 1825 г., Бассаргинъ — 1823—1824—1825 гг., Эйхвальдъ и Ладыженскій — 1826 г., Мейеръ — 1826 г., Энгельгардтъ и Гельмерсенъ — 1826 г., рекогносцировка отъ Семіарскаго форпоста до рѣки Чуй — 1827 г., Гельмерсенъ и Гофманъ — 1828 г., Гумбольдтъ и Розе — 1826 г., съемка Оренбургскаго края — съ 1830—1850 г., Ленцъ, Ларинъ и Карелинъ — 1830 г. Парротъ — 1831 г., Карелинъ въ 1831—1832 гг., Федоровъ — 1832—1837 гг., Гельмерсенъ — 1833 г., рекогносцировка земель сибирскихъ киргизовъ — 1832—1841 гг., Гебель, Васильевъ и Демезонъ—1834 г., Сози и Виткевичъ—1835 г., Лессингъ — 1833—1836 гг., Гельмерсенъ—1835 г., Карелинъ, Фелькнеръ и Бларамбергъ — 1836 г., каспійская экспед. — 1836—1837 г., Гомеръ -де-Хель — 1836—1840 гг., Як. Ханыковъ 1836—1840 г., съемка земель Внутр. Киргизской орды — 1836 — 1839 гг., Мансуровъ и Даниловскій — 1837 г., Виткевичъ — 1837—1838 гг., Леманъ — 1838 г., Эверсманъ, Леммъ, Бодиско, Ширковъ, Ник. Ханыковъ, хивинская экспедиц. и Васильевъ—1839 г., Ковалевскій и Гернгросъ — 1839—1840 г., Рейхенбергъ — 1840 г., Романовъ, Бларамбергъ и Никифоровъ — 1840 г., Бутеневъ, Леманъ и Ник. Ханыковъ — 1840—1841 гг., Карелинъ — 1840—1842 гг., Даль — 1832—1841 гг., Данилевскій и Базинеръ — 1841—1842 гг., Генсъ и Шренкъ — 1840—1844 г., Мурчисонъ — 1841 г., Соколовъ — 1842 г., Иванинъ и Леммъ — 1846 г., Жеребцовъ — 1847 г., Бутаковъ — 1848—1849 гг., съемочный отрядъ — 1850 года.

Бадахшанскимъ княжествомъ, а въ 1504 году утвердился и въ Кабулистанѣ. До 1519 года Баберъ, продолжая завоеванія, усиливался вытѣснить узбековъ изъ Мавераннегра, но тщетно. Тогда онъ обратилъ оружіе въ Индію, куда совершилъ нѣсколько неудачныхъ экспедицій, и только въ 1526 году завладѣвъ городомъ Дели, основалъ тамъ владычество свое, подъ громкимъ титуломъ имперіи великаго могола. При второмъ наслѣдникѣ его, Акбарѣ, владѣнія эти расширились до того, что состояли уже изъ 15 вице-королевствъ.

Между тѣмъ, и европейцы начали проникать въ Индію, и въ половинѣ XVI вѣка португальцы владѣли уже значительнѣйшими мѣстами по западному и нѣкоторыми по юго-восточному берегамъ Индостана; чрезъ 100 лѣтъ въ Индіи имѣли владѣнія и голландцы, и французы, и латчане, и англичане (18).

Таково было положеніе дѣлъ въ началѣ XVII вѣка въ юго-восточной части средней Азіи и въ Индіи, откуда англичане старались проникнуть въ среднюю Азію, съ цѣлью подчинить ее своему вліянію для выгодъ торговыхъ.

Здѣсь мы должны нѣсколько подробнѣе изложить событія XVIII и начала XIX вѣковъ въ юго-восточной части средней Азіи и Индіи, дабы яснѣе видѣть, каково было положеніе дѣлъ нашихъ въ Азіи и что заставило прочно утвердившихся въ Индіи въ XVII и XVIII вѣкахъ англичанъ съ оружіемъ въ рукахъ вторгнуться изъ Индіи въ означенное пространство, а потомъ прибѣгнуть къ другому средству — золоту и искуснымъ агентамъ, для противодѣйствія русскому вліянію въ той части Азіи.

На юго-западѣ Азіи, какъ уже сказано выше, утвердилась династія сафинидовъ, которая со смертью Абасса Великаго начала быстро клониться къ упадку. Окончательный же ударъ этой династіи былъ нанесенъ усилившимся авганскимъ племенемъ изъ окрестностей Кандагара. Это племя съ 1714 года упрочило свою независимость отъ Персіи, а въ 1722 году, пользуясь возмущеніемъ подвластныхъ Персіи курдовъ, овладѣло столицею сафинидовъ, Испаганью, и къ 1727 году распространило власть

---

(18) Въ 1602 году голландцы уничтожили испанско-португальскій флотъ въ индійскихъ моряхъ Въ 1612 г. англійская индійская компанія (основанная Елисаветою 1599 г.) заложила первую свою колонію въ Суратѣ. Въ 1604 году образовалась остъ-индская компанія во Франціи; но она не ранѣе 1672 года основала колонію Пондишери, на купленной у короля беджапурскаго землѣ. Въ 1612 году основана въ Даніи компанія, которая въ 1616 году купила Транквебаръ.

свою надъ большею частію Персіи, такъ что сынъ убитаго авганами послѣдняго шаха, Хосейнъ-Томашибъ-Мирза, едва успѣлъ сохранить въ своей власти небольшой участокъ отцовскаго наслѣдія на южныхъ прибрежьяхъ Каспійскаго моря. И тамъ-то явился въ рядахъ войскъ персидскихъ Надиръ-Кули, забывшій до того атаманомъ разбойничьей шайки, а вскорѣ затѣмъ сдѣлавшійся владыкою Персіи и послѣднимъ изъ страшныхъ мусульманскихъ завователей.

Въ 1729 году Надиръ выгналъ авгановъ изъ Испагани; въ 1732 году, вопреки миру, онъ изгналъ турокъ изъ западныхъ предѣловъ Персіи и, низложивъ Томашиба, возвелъ на престолъ сына его Аббаса III. Наконецъ, въ 1736 году, послѣ новыхъ блестящихъ побѣдъ надъ турками и какъ бы уступая просьбамъ народа, Надиръ провозгласилъ себя шахомъ. Затѣмъ, обезпечивъ западные предѣлы Персіи усмиреніемъ курдовъ, шахъ Надиръ послалъ сына своего Риза-Кули на сѣверо-востокъ, наказать узбековъ, а самъ обратился къ Кандагару, для окончательнаго покоренія авгановъ своей власти. Весь юго-восточный Авганистанъ покорился его оружію, и здѣсь произошло одно изъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя столь часты въ Азіи; а именно: побѣжденные сдѣлались главнымъ орудіемъ побѣдителя въ дальнѣйшихъ его предпріятіяхъ: авганцы составили многочисленнѣйшую и любимѣйшую часть войска Надиръ-Шаха.

Между тѣмъ, уже съ осады Кандагара начались непріязненныя сношенія Надиръ-Шаха съ дворомъ великаго могола, по поводу невыдачи авганскихъ бѣглецовъ. Великіе моголы въ то время уже утратили почти совсѣмъ свое могущество. Сынъ Экбера, Джегангиръ, равно какъ и наслѣдники послѣдняго Джеганъ и Эврангзибъ еще распространяли и поддерживали владычество свое въ Индіи; но со смертью Эврангзиба, въ 1707 году, начинается паденіе имперіи великаго могола. Мараты, начавшіе съ половины XVII вѣка пріобрѣтать политическое значеніе, стали безпрерывно вторгаться съ юга въ имперію и опустошать ее. Къ тому же придворныя смуты не давали возможности безпрерывно смѣняющимся государямъ обуздать грабителей, а намѣстники, посылаемые противъ непріятелей, пользовались предоставляемыми имъ средствами, для пріобрѣтенія независимыхъ владѣній. Таковымъ именно явился въ 1738 году намѣстникъ великаго могола Могамедъ-Шахъ Низамъ-Ульмулькъ, управлявшій пограничнымъ съ маратами Деканомъ. Желая окончательно и по-

скорѣе упрочить свою независимость, Низамъ призвалъ себѣ на помощь Шахъ-Надира, который не замедлилъ воспользоваться этимъ случаемъ и, вторгнувшись въ Индію, въ 1739 году занялъ городъ Дели, гдѣ умертвилъ до 100,000 жителей, разграбилъ городъ и сокровища двора могольскаго, взялъ съ императора огромный выкупъ, а съ народа тяжкія контрибуціи и отправился обратно съ войскомъ въ Персію. Послѣ этого удара, внутреннія смуты довершили окончательный упадокъ могольскаго могущества до такой степени, что уже въ 1750 году императоры могольскіе въ сущности владѣли однимъ городомъ Дели и небольшимъ пространствомъ земли около него. Персидскіе шахи не могли этимъ воспользоваться, такъ какъ, со смертью Надира, убитаго въ 1747 году, и въ самой Персіи начались смуты, и хотя Мухамедъ-Керамъ, изъ рода курдовъ. успѣлъ съ 1759 по 1779 г. возстановить нѣкоторое спокойствіе внутри государства, но по смерти этого правителя начались вновь распри между многочисленными претендентами, пока наконецъ смерть, въ 1794 году, послѣдняго изъ нихъ не открыла пути къ престолу Ага-Магомеду изъ рода каджаровъ. Ага-Магомедъ, бѣжавъ изъ Шираза, гдѣ находился въ заключеніи, утвердился первоначально въ южномъ прибрежьи Каспійскаго моря, т. е. въ земляхъ, занимаемыхъ каджарами; потомъ онъ утвердился въ Персіи и сдѣлался родоначальникомъ нынѣ господствующей тамъ династіи.

Во время этихъ персидскихъ и могольскихъ смутъ въ восточной части Ирана образовалось новое, также скоро прошедшее могущество, а именно: Ахметъ-Дурали, начальникъ авганской части войскъ Надиръ-Шаха, послѣ убіенія послѣдняго, хотѣлъ отмстить за это виновникамъ его смерти, а можетъ быть и завладѣть престоломъ Надира, но, убѣдясь въ трудности того, оставилъ съ своими единородцами западную Персію и, пользуясь тогдашними смутами, выгналъ персовъ изъ Газы, Кабула, Пешавера, Балха, а въ 1748 году перешелъ Индъ и завладѣлъ Пенджабомъ и Кашмиромъ, равно какъ и среднею частію означенной рѣки. Затѣмъ, въ 1750 году, расширивъ свои предѣлы на западъ до Герата и подчинивъ своей зависимости Мешедъ съ окрестностями (гдѣ властвовалъ сынъ Надира Шахрокъ), Ахмедъ обратилъ все свое вниманіе на востокъ. Делійскій дворъ, въ 1756 году, вздумалъ было отнять у Ахмеда Пенджабъ; но войска могольскія были прогнаны до самой столицы,

и Ахмедъ, удовольствовавшись смѣною императорскаго визиря, оставилъ власть Алемгиру, даже защитилъ императора отъ маратовъ, оставивъ его однако въ своей зависимости. Въ 1761 году Ахмедъ предпринялъ новый походъ въ Индію, разбилъ маратовъ и, предоставя корону императорскую внуку Алемгира, Джеванъ-Бахты, въ дѣйствительности управлялъ государствомъ чрезъ оставленнаго при императорѣ опекуна Меджидъ-Эдъ-Девле. Въ 1773 году Ахмедъ умеръ, а наслѣдникъ его Тимуръ-Шахъ, хотя еще успѣвалъ поддерживать порядокъ внутри владѣній, но лишился всѣхъ земель, расположенныхъ за Индомъ. И затѣмъ дальнѣйшія попытки возобновить авганское владычество за Индомъ были напрасны; а, между тѣмъ, внутреннія смуты у авганцевъ кончились тѣмъ, что персы отняли у нихъ и Хорасанъ.

Наконецъ, одинъ изъ владѣтелей авганскихъ, Шахъ-Шуджа, низложенный въ 1809 году своимъ соперникомъ Махмудомъ, оставивъ своему побѣдителю лишь небольшую часть авганскихъ владѣній, самъ бѣжалъ въ Индію.

Такимъ образомъ и авганамъ не удалось завладѣть имперіею великаго могола, и она досталась англичанамъ, которые, послѣ основанія въ 1654 году суратской факторіи, открыли подобную же въ Мадрасѣ, а въ 1664 году и въ Бомбеѣ. Англичане, однакожъ, еще долгое время не имѣли политическаго вліянія на внутреннія дѣла государствъ Индіи, особенно сѣверныхъ, такъ какъ имъ должно было прежде всего бороться съ соперниками своими португальцами и голландцами, и даже дѣла ихъ страдали отъ соперничества нѣсколькихъ собственныхъ торговыхъ компаній. Но въ 1707 году всѣ эти компаніи слились въ одну, а послѣ 1785 г. и послѣднія серьезныя опасенія, со стороны французовъ, прекратились, послѣ чего англичане, какъ кажется, навсегда утвердились въ Индіи (19). Вскорѣ затѣмъ вся сѣвер-

---

(19) Съ XVII вѣка уже англійская торговля проникла въ сѣверную Индію. Лекарь Буфтонъ, находившійся при посольствѣ, отправленномъ суратскою факторіею въ Агру, къ императору Джегану, спасъ жизнь любимой дочери его и за то получилъ право свободной торговли во всемъ царствѣ. Буфтонъ продалъ свое право компаніи, которая, поспѣшивъ воспользоваться этимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, основала торговую контору въ Госли, на одномъ изъ рукавовъ р. Ганга, въ Бенгаліи; вскорѣ появились конторы въ Чимболорѣ и Патнѣ, на той же рѣкѣ. Вслѣдствіе возникшей въ 1686 г. распри между факторіею Госли съ бенгальскимъ набобомъ, англійскіе купцы перешли на лѣвый берегъ рукава и положили тамъ начало Калькутѣ. Въ 1696 г. европейцамъ дозволено было, для безопасности отъ

ная часть Индіи подчинилась англичанамъ: такъ въ 1801 году набобъ удскій, въ замѣнъ наложенной на него дани, уступилъ имъ 32,000 квадр. миль земли, съ 15,000,000 жителей; а въ 1803 г. владѣлецъ делійскій, сохранивъ титулъ императора, совершенно подчинился, за ежегодный пенсіонъ, англичанамъ, отъ чего англійская власть утвердилась по всей верхней части долинъ Ганга и Джумны, а побѣды въ 1818 г. въ Непалѣ распространили ихъ владѣнія до горъ Гималайскихъ. Окончательное же усмиреніе маратовъ лордомъ Гастингсомъ, въ 1818 г., и бирмановъ, въ 1826 г., обезпечило спокойствіе и прочность англійскаго владычества въ сѣверной Индіи, которое, такимъ образомъ, придвинулось къ юго-восточнымъ частямъ средней Азіи.

Вмѣстѣ съ распространеніемъ англійской власти измѣнялся и характеръ ея, т. е. изъ торговаго учрежденія она все болѣе и болѣе превращалась въ политическое. Наконецъ, въ 1785 году, правительство приняло положительное участіе во внутреннемъ управленіи Индіи, которая затѣмъ обратилась въ колонію великобританской имперіи.

Въ то время, какъ Англія быстро подчиняла своей власти Индостанъ, политическія обстоятельства вынудили Россію снова сблизиться съ юго-западными частями Азіи.

Уже выше замѣчено, что Россія, по ганжинскому договору въ 1732 г., уступила обратно Персіи пріобрѣтенныя Петромъ Великимъ прикаспійскія наши владѣнія. Но Шахъ-Надиръ, не удовольствовавшись этимъ, распространилъ свое вліяніе на Дагестанъ и, изгнавъ Турокъ изъ Грузіи, возвелъ на престолъ ея, въ качествѣ данника своего, бывшаго кахетинскаго царя Тей-Мурзу. Неустройства, послѣдовавшія за убіеніемъ Надира, дали возможность Тей-Мурзѣ упрочить независимость Грузіи; но для

бывшимъ междоусобій, укрѣплять свои факторіи; а въ 1700 г. компанія, пользуясь нуждою императора въ деньгахъ, скупила земли около этой конторы въ Госли и устроила тамъ крѣпостцу Вильямъ. Но въ 1756 г. набобъ завладѣлъ этимъ фортомъ и задушилъ гарнизонъ. Тогда полковникъ Клейвъ отправился изъ Мадраса для отмщенія погибшихъ, разбилъ набоба и возстановилъ по прежнему калькутскую факторію. Тогда же Клейвъ, пользуясь войною съ французами, разорилъ всѣ ихъ заведенія, на низовьяхъ Ганга, и вынудилъ новыми побѣдами договоръ, по которому императоръ уступилъ англичанамъ, за ежегодную плату 2,033,375 р. сер., въ полное владѣнію всю Бенгалію до сліянія Джумны и Ганга. Вмѣстѣ съ тѣмъ набобъ бенгальскій обязанъ былъ платить англичанамъ дань за содержаніе ихъ войскъ для поддержанія внутренняго спокойствія въ Бенгалѣ. Этимъ положено было начало той системѣ, которая вскорѣ обратила почти всю Индію въ вассальную зависимость отъ Остъ-Индской компаніи.

обезпеченія этой независимости, особенно отъ притязаній возникшей тогда въ Персіи династіи каджаровъ, преемникъ Тейскихъ войскъ ему въ помощь, а наслѣдникъ его, Георгій XIII— о принятіи Грузіи въ подданство Россіи, на что въ 1801 г. и послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Съ тѣхъ поръ русская власть начала быстро распространяться за Кавказомъ, конечно, не безъ войнъ съ сосѣдними владѣніями, Турціею и Персіею, не хотѣвшими отказаться отъ своего вліянія на Закавказье.

Мурзы, Ираклій, вынужденъ былъ просить о присылкѣ рус-

Въ Персіи, по убіеніи перваго шаха изъ каджарской династіи Ага-Магомеда, мѣсто его занялъ племянникъ Фетъ-Али-Шахъ, который, утвердившись на престолѣ, обратился къ возстановлению прежнихъ предѣловъ Персіи, для чего долженъ былъ вести войну: на востокѣ съ авганцами, на западѣ съ турками и на сѣверо-западѣ съ русскими. Фетъ-Али-Шахъ началъ первоначально дѣйствовать противъ авганцевъ, поддержкою гератскаго владѣтеля Махмуда противъ авганскаго владѣльца.

Въ это же время происходила борьба въ Индіи между Типо-Саибомъ, поддерживаемымъ французами, и англо-индійскою компаніею, почему обѣ стороны искали содѣйствія персіянъ. Посланникъ индійскаго генералъ-губернатора, полковникъ Мальколмъ (первымъ былъ присланъ азіятецъ Меди-Аліханъ), въ 1821 г. успѣлъ заключить съ шахомъ договоръ, по коему Фетъ-Али обязался напасть на Хорасанъ, для отвлеченія авганскихъ силъ отъ Индіи. Въ Мешедѣ въ то время господствовалъ еще, подъ зависимостью отъ авганцевъ, внукъ Надиръ-Шаха, Надиръ-Мурза, отцу котораго авганскій государь Ахметъ-Дурали пожаловалъ это владѣніе. Персы завоевали Мешедъ, убили Надиръ-Мурзу и присоединили западный Хорасанъ къ своимъ владѣніямъ. Послѣ того Фетъ-Али, побуждаемый англичанами же, обратилъ свое вниманіе на западъ, и преимущественно на противодѣйствіе Россіи. Въ это время старшій сынъ Фетъ-Али-Шаха, Магомедъ-Али, управлялъ въ Керманшахѣ, на границахъ Турціи, а Абассъ-Мирза, третій сынъ шаха, назначенъ былъ въ 1804 г. правителемъ въ Тавризѣ, на границахъ Россіи, и горѣлъ желаніемъ пріобрѣсти военную славу. Слѣдствіемъ этого было то, что давнишнія непріязненныя сношенія наши съ Персіею окончились наступательными дѣйствіями персидскихъ войскъ въ наши предѣлы, еще въ томъ же году. Но когда до персидскаго двора достигли слухи о возникавшемъ тогда сближеніи Россіи

съ Англіею, кончившемся въ 1806 г. трактатомъ между ними, то Фетъ-Али, не разсчитывая болѣе на англичанъ, рѣшился искать содѣйствія у французовъ и для того отправилъ въ Константинополь къ французскому посланнику письмо съ однимъ армяниномъ. Результатомъ этого была присылка въ Тегеранъ первоначально Жобера, въ 1805 году, а потомъ Гардана, въ 1806 г., которые обнадеживали шаха вліяніемъ Франціи склонить Россію къ возврату закавказскихъ владѣній. Но вскорѣ неосновательность такихъ надеждъ обнаружилась, и Англіи удалось возобновить прежнее свое вліяніе въ Тегеранѣ, первоначально чрезъ Малькольма, повѣреннаго остъ-индскаго генералъ-губернатора, а потомъ чрезъ посланниковъ британскаго двора Гордсфорджонса и Узлея. Настояніемъ послѣднихъ французы были удалены изъ Персіи; но это не способствовало улучшенію отношеній между Россіею и Персіею: сначала французскіе, а потомъ англійскіе офицеры поддерживали убѣжденіе Абасса-Мирзы, что, съ принятіемъ европейцевъ въ персидскую службу, ему удастся, по примѣру Петра Великаго, мгновенно преобразовать персидское войско, и тѣмъ ободряли честолюбивые виды наслѣдника престола ([20]). Наконецъ подговоры Турціи, начавшей войну съ Россіею по происканъ Франціи въ 1807 году, побуждали къ тому же и Персію.

Все это было причиною того, что съ 1804 г. военныя дѣйствія съ Персіею почти не прекращались до 1813 года; однакожь, благодаря геройству князя Циціанова и генерала Котляревскаго, всѣ усилія персіянъ были безуспѣшны, и война окончилась славнымъ для Россіи миромъ гюлистанскимъ, которымъ упрочено наше владычество въ Закавказьѣ, такъ что и новая попытка Абасса-Мирзы, чрезъ 13 лѣтъ послѣ того прорвавшагося въ наши предѣлы обманомъ, безъ объявленія войны, повела къ занятію русскими Тавриза, Урміи и Ардебиля и къ заключенію въ 1828 году туркманчайскаго трактата, по которому къ Россіи отошли еще ханства Эриванское и Нахичеванское.

Эти неудачи заставили Персію окончательно обратить всѣ свои усилія на востокъ, на пространство, гдѣ между остъ-инд-

---

([20]) Абассъ-Мирза назначенъ былъ наслѣдникомъ, несмотря на то, что былъ третьимъ сыномъ, въ уваженіе происхожденія его отъ жены шаха изъ знаменитой каджарской фамиліи, тогда какъ старшій сынъ Фетъ-Али, Магометъ-Али, происходилъ отъ жены низшаго происхожденія. Это нарушеніе права первенства было причиною страшной ненависти между братьями.

скими, англійскими и персидскими владѣніями произошли въ концѣ XVIII вѣка значительныя перемѣны.

При кончинѣ, въ 1773 г., Ахмета, основателя авганской династіи Дурали, владѣнія его состояли изъ Мешида, Балха, Герата, Кабула, Большаго Горбунда, Кандагара, Газны, Пешавера, Кашмира, Пенджаба, Нишапура, Джелибада, Дерагази-Хана, Дера-Измаилъ-Хана, Мултана, Синда, Белуджистана и всего пространства отъ р. Инда до Сиркинда; сверхъ того даже Дели былъ въ зависимости отъ авганцевъ. По смерти же внука ахметова, Земана, начались распри между сыномъ послѣдняго Махмудомъ и дядею его Шахъ-Шуджею, и кончились бѣгствомъ Шуджи въ Индію; Махмудъ успѣлъ прочно утвердиться, при содѣйствіи умнаго и твердаго совѣтника Фате-Хана. Наскучивъ, однакожь, зависимостію отъ этого совѣтника и подговариваемый сыномъ своимъ Камраномъ, Мухамедъ, въ 1818 г., измѣнически убилъ Фате-Хана, который при жизни своей успѣлъ роздать важнѣйшія мѣста въ государствѣ восемнадцати братьямъ своимъ, а они не замедлили отмстить смерть брата общимъ бунтомъ. Мухамедъ поспѣшно бѣжалъ въ Гератъ, гдѣ въ 1829 году и умеръ, оставивъ сыну Камрану въ наслѣдство этотъ городъ съ небольшою областію вмѣсто огромной имперіи дѣда.

Съ бѣгствомъ Махмуда авганскія владѣнія распались такъ: половина ихъ, по западную сторону Инда, раздѣлилась на три главныя владѣнія: Гератское, Кандагарское, гдѣ по смерти старшаго брата Фате-Хана, владѣлъ племянникъ его Азимъ-Ханъ, и Кабульское, гдѣ, послѣ многихъ смутъ, утвердился братъ Азимъ-Хана, Достъ-Магомедъ, который, въ 1826 году, успѣлъ подчинить себѣ Газну, Джелабадъ и окрестныя владѣнія; но Гератъ и Кандагаръ остались независимыми, и сверхъ того образовалось много независимыхъ княжествъ въ такъ называемомъ Сеистанѣ и въ Келатѣ.

Авганскія же владѣнія, лежавшія къ востоку р. Инда, перешли во власть постепенно возраставшихъ тамъ сейковъ и синдовъ, о которыхъ необходимо здѣсь нѣсколько распространиться.

Власти сейковъ положено было начало еще въ XV вѣкѣ, когда фанатикъ Нананъ-Шахъ старался въ новомъ ученіи соединить браманизмъ съ магометанствомъ и на томъ основать свое господство, но вмѣсто примиренія этихъ религій возбудилъ только непримиримую ненависть къ исламизму, которая наконецъ, въ

половинѣ XVII вѣка, побудила тогдашняго главу новаго ученія (или гуру) Харгавинда къ вооруженному возстанію противъ мусульманскаго владычества авганъ, при чемъ, для усиленія своей стороны, онъ прибавилъ къ прежнему ученію, что предъ Богомъ всѣ касты равны и что, слѣдовательно, лица и низшихъ кастъ могутъ носить оружіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ Харговиндъ образовалъ въ Амридзирѣ совѣтъ для управленія всѣми приверженцами и придалъ всему устройству форму федеративной республики, такъ что по смерти его не было ни одного признаннаго главы, но каждая община управлялась своимъ сиръ-даромъ, съ равными правами власти.

Возрастаніе авганскаго владычества временно обуздывало сейковъ, но не успѣло искоренить этой секты, и даже послѣ послѣдняго пораженія ихъ Ахметомъ въ 1762 году сейки, по возвращеніи шаха въ Кабулъ, бросились на Сиркиндъ, разрушили его и въ 1764 году, завладѣвъ Лахоромъ, прочно тамъ утвердились, основавъ 12 соединенныхъ округовъ или мисулей. Быстрое паденіе могущества авганскаго способствовало усиленію сейковъ, и хотя они еще при шахѣ Земанѣ, между 1795 и 1793 гг., уходили въ горы со вторженіемъ авганскихъ войскъ, но по возвращеніи ихъ занимали прежнія мѣста. Съ появленіемъ въ 1798 году Рюджитъ-Синга (Реджитъ-Сингъ) сейки достигли высшей степени могущества.

Рюджитъ-Сингъ родился въ 1782 г. отъ сиръ-дара Мага-Синга. Отецъ его уже успѣлъ подчинить своей зависимости три мисулы или округа, а когда онъ умеръ, то Рюджитъ-Сингъ, освободясь отъ опеки матери отравленіемъ ея, задумалъ однимъ собою замѣстить трехъ сиръ-дарей, бѣжавшихъ по случаю нашествія авганцевъ. Съ этою цѣлью онъ, мнимою подчиненностію, выманилъ себѣ въ управленіе Лахоръ у шаха Земана и пріобрѣлъ, такимъ образомъ, право на пособіе всего мусульманскаго населенія, равно какъ, присвоивъ себѣ обманомъ четыре пушки изъ числа двѣнадцати, потонувшихъ у авганцевъ въ Ильмолѣ, Рюджитъ-Сингъ въ 1800 г. завладѣлъ означеннымъ городомъ, и съ тѣхъ поръ могущество его не переставало возрастать. Въ 1805 году въ послѣдній разъ собирался гуру-мата или федеральный совѣтъ, а затѣмъ большая часть мусулей подчинилась безусловно Рюджитъ-Сингу. Въ 1805 году, отказавшись содѣйствовать Голъ-Карау противъ англичанъ, онъ пріобрѣлъ расположеніе послѣднихъ, которые двумя трактатами, въ 1805 и 1809 гг., признали

его самостоятельность и постановили восточною границею его владѣній р. Седтлечь. Съ тѣхъ поръ Рюджитъ-Сингъ, съ рѣдкою въ азіятцахъ вѣрностію, соблюдалъ трактаты съ англичанами и прочно утвердился въ сѣверо-западномъ углу Индіи (21).

Чтобы упрочить свои завоеванія, Рюджитъ-Сингъ преимущественно старался объ улучшеніи своей военной силы, и въ этомъ отношеніи счастіе ему поблагопріятствовало, приведя въ Лохоръ, въ 1822 году, двухъ талантливыхъ наполеоновскихъ офицеровъ: Аллара и Вентуру, которые довели постоянное войско, артилерію и крѣпости Рюджитъ-Синга до рѣдкаго для Азіи совершенства и дали тѣмъ ему возможность сохранить до самой смерти полное господство въ Пенджабѣ. Въ то же время паденіе авганскаго могущества повело къ образованію на низовьяхъ р. Инда другаго, могущественнаго владѣнія Синдъ, державшагося въ силѣ до позднѣйшихъ временъ. Племена белуджей, завладѣвъ этими странами въ 1780 году, признали себя первоначально данниками кабульскихъ владыкъ; но впослѣдствіи мѣстные князьки изъ рода Тальпура основали три союзныхъ и независимыхъ владѣнія, между которыми и владѣніями сейковъ образовалась еще небольшая, независимая область Даутъ-Шутра, по лѣвую сторону притока Инда, Седтлеча, основанная также авганскимъ выходцемъ Даудъ-Ханомъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Таково было положеніе дѣлъ около 1830-хъ годовъ, когда англійское правительство обратило особое вниманіе на долину р. Инда. Отправленный туда агентомъ Александръ Борнсъ (22) изслѣдовалъ

---

(21) Въ 1809 г. Рюджитъ-Сингъ завладѣлъ федеральными сокровищами въ Умридзирѣ, а въ 1814 г. вынудилъ пытками, у бѣжавшаго къ нему шаха Шуджи, выдачу увезенныхъ послѣднимъ богатствъ. Вскорѣ авганскіе перевороты доставили ему новыя добычи: въ 1813 г. онъ захватилъ Атокъ; по убіеніи Махмудомъ Фате-Хана, когда старшій братъ его Магомедъ-Ханъ, правитель Кашмира, двинулся оттуда противъ кабульскаго владѣльца, Рюджитъ-Сингъ поспѣшилъ занять эту провинцію и вслѣдъ затѣмъ покорилъ Мультанъ и подчинилъ своей зависимости Пешаверъ. Всѣ усилія Магомедъ-Хана возвратить эти утраты были безуспѣшны, и, потерпѣвъ наконецъ рѣшительную битву подъ Нушеро, онъ умеръ съ горя. Рюджитъ-Сингъ продолжалъ съ тѣхъ поръ постоянно расширять свои владѣнія къ сѣверу и даже въ 1835 г. овладѣлъ Ладакомъ, но былъ изгнанъ оттуда китайцами.

(22) Александръ Борнсъ былъ тогда лейтенантомъ остъ-индской компанейской службы; онъ издалъ свои записки, гдѣ описаны его путешествія въ 1831, 1832 и 1833 годахъ, и помѣщены изслѣдованія долины Инда. Записки эти переведены на русскій языкъ въ 1848 г., подъ названіемъ: «Путешествіе въ Бухару», въ трехъ томахъ. Впослѣдствіи изданы были и записки Борнса о пребываніи его въ 1836, 1837 и 1838 гг. въ Авганистанѣ, тоже переведенныя на русскій языкъ.

долину р. Инда, и вслѣдствіе его донесеній былъ заключенъ въ 1832 году торговый трактатъ съ синдскими владѣльцами, чѣмъ открылся новый путь торговлѣ англійской по Инду и до центральной Азіи.

Но для успѣшнаго развитія торговли необходимо было внутреннее спокойствіе въ означенномъ пространствѣ, а, между тѣмъ, къ поддержанію его представлялось множество затрудненій: съ одной стороны Рюджитъ-Сингъ питалъ надежду завладѣть низовьемъ Инда; съ другой окончательное покореніе имъ Пешевера въ 1831 г. оживило ненависть кабульскихъ владѣтелей противъ главы сеиковъ. Всѣ усилія Борнса, посланнаго въ 1837 году въ Кабулъ, потушить эту вражду были безполезны, почему англичанамъ пришлось поддерживать одну изъ враждующихъ сторонъ. Они рѣшились помогать Рюджитъ-Сингу, который умѣлъ сохранять спокойствіе въ подвластныхъ ему странахъ и постоянно былъ преданъ Англіи; кромѣ того они надѣялись, что, при неизбѣжныхъ смутахъ, въ случаѣ смерти Рюджитъ-Синга, при содѣйствіи Аллара и Вентуры, бывшихъ въ приязненныхъ тогда отношеніяхъ съ англійскими агентами, имъ удастся захватить и эту часть Индіи.

Между тѣмъ въ Персіи, какъ изложено выше, туркманчайскій миръ заставилъ Абасса-Мирзу обратить свои завоевательные замыслы на востокъ, и онъ, какъ только его вліяніе у Фетъ-Али-Шаха, временно упавшее по случаю неудачныхъ походовъ противъ русскихъ, возстановилось, и усмиривъ соперничествующихъ братьевъ, направился въ Хорасанъ, покорилъ неповиновавшихся тамъ князьковъ и задумалъ изгнать потомковъ Ахмеда-Шаха изъ послѣдняго ихъ удѣла, Герата; но походъ этотъ былъ неудаченъ. Вскорѣ затѣмъ Абассъ-Мирза и Феть-Али умерли, а имъ наслѣдовалъ, въ 1834 г., сынъ Абасса, Мухамедъ, который, не отказываясь отъ видовъ отца, снова подступилъ къ Герату въ 1836 году, и хотя осада была снова безуспѣшна, но эта настойчивость къ распространенію персидской власти на востокѣ не соотвѣтствовала видамъ Англіи и озаботила англичанъ, почему употреблены были всѣ усилія, чтобъ отклонить персовъ отъ новаго предпріятія на Гератъ въ 1838 г. Когда это не удалось, то англійскій посланникъ при персидскомъ дворѣ Макъ-Нагденъ прервалъ дипломатическія сношенія, а капитанъ Потинджеръ отправленъ былъ для обороны Герата. Вмѣстѣ съ тѣмъ англичане надѣялись противоставить персамъ Достъ-Ма-

гомеда; но и въ этомъ случаѣ всѣ происки Борнса остались безуспѣшными: онъ вынужденъ былъ выѣхать изъ Кабула въ 1838 году и былъ на пути убитъ. Достъ-Магомедъ по прежнему явно обнаруживалъ расположеніе къ персамъ и враждебныя намѣренія противъ союзника англійскаго Рюджитъ-Синга.

Эти обстоятельства, важность коихъ преувеличена была раздраженнымъ неудачею Алекс. Борнсомъ, пользовавшимся большимъ вліяніемъ у лорда Ауклеида, побудили англійское правительство попробовать однимъ рѣшительнымъ ударомъ упрочить вліяніе Англіи въ Авганистанѣ, а именно низложеніемъ Достъ-Магомеда и замѣною его преданнымъ Англіи владѣльцемъ, каковымъ былъ признанъ живший въ Индіи изгнаннымъ Шахъ-Шуджа, который еще въ 1834 году безуспѣшно пробовалъ ворваться въ Авганистанъ. Вслѣдствіе чего между Англіею, Рюджитъ-Сингомъ и Шахъ-Шуджею заключенъ былъ въ 1838 г. договоръ, конечно, вполнѣ обезпечивавшій выгоды англичанъ, а въ 1839 г. англійскія войска перешли р. Индъ для осуществленія означеннаго договора. Въ августѣ англичане уже овладѣли Кабуломъ, послѣ чего заняли Кандагаръ и Газну и провозгласили Шахъ-Шуджу владѣльцемъ вмѣсто Достъ-Магомеда. Два года затѣмъ продолжалась борьба съ безпрерывно возникавшими возмущеніями; наконецъ въ октябрѣ 1842 года послѣдовало общее возстаніе, принудившее генерала Эльфинстона заключить договоръ, по которому онъ обязывался вывести англійскія войска изъ Кабула. Несмотря, однакожь, на договоръ, при отступленіи англичане истреблены были совершенно. Для отмщенія такого вѣроломства, направлены были въ 1842 же году изъ Джелабада и Кандагара двѣ колонны, которыя на пути сжигали всѣ города, какъ вдругъ виды англичанъ на эту войну и вообще авганскія дѣла измѣнились, вслѣдствіе перемѣны министерства виговъ министерствомъ Роберта Пиля, который, признавая пожертвованія, требуемыя поддержаніемъ англійскаго вліянія въ Авганистанѣ, несоразмѣрными съ выгодами отъ этого для Великобританіи, предоставилъ управленіе страною на волю самихъ авганцевъ, о чемъ было объявлено особою прокламаціею лорда Эленборо въ февралѣ 1842 г. Затѣмъ войска англійскія выведены были на лѣвый берегъ Инда. Распоряженія эти были тѣмъ необходимѣе, что кончина Рюджитъ-Синга въ то время предвѣщала уже смуты въ Пенджабѣ, а въ Синдѣ обнаруживались явные признаки нерасположенія къ англичанамъ. Оба эти

обстоятельства открывали англичанамъ въ то время путь къ гораздо выгоднѣйшимъ и прочнѣйшимъ пріобрѣтеніямъ, чѣмъ Авганистанъ: между 1842 и 1844 гг. Синдъ окончательно былъ покоренъ Непиромъ, а между 1846 и 1849 гг. Пенджабъ и Мультанъ приведены въ полную зависимость англійскаго правительства, которое затѣмъ обратило все свое вниманіе на упроченіе своего владычества въ Индостанѣ.

Однакожь, англичане не отказались вовсе отъ пріобрѣтенія вліянія своего на средне-азіятскія страны, куда безпрерывно отправлялись ихъ агенты, какъ для изслѣдованія этихъ странъ, такъ и для того, чтобы зорко слѣдить за ходомъ событій и охранять торговые и политическіе интересы Англіи. Доказательствомъ тому могутъ служить позднѣйшія событія въ Гератѣ и война англичанъ съ Персіею, распространенію власти коей къ берегамъ Инда Англія допустить никакъ не желаетъ.

Этотъ бѣглый очеркъ событій въ средней Азіи и сопредѣльныхъ съ нею странахъ достаточно показываетъ, какимъ образомъ европейцы проникали въ тѣ страны и какъ всѣ описанныя происшествія способствовали развитію всякаго рода изслѣдованіямъ о центральной Азіи. Особенно же въ этомъ отношеніи, въ новѣйшія времена, благопріятны были слѣдующія обстоятельства:

1) Распространеніе англійской власти въ сѣверо-западной части Индостана, что подало поводъ и возможность къ проѣзду многихъ путешественниковъ не только въ среднюю Азію, но и изъ Индіи сухимъ путемъ въ Европу.

2) Политическое значеніе, полученное Персіею вслѣдствіе центральнаго положенія ея, повело къ частымъ дипломатическимъ съ нею сношеніямъ и даже къ учрежденію тамъ постоянныхъ миссій.

3) Желаніе не только персидскихъ шаховъ и Рюджитъ-Синга, но даже и Достъ-Магомеда образовать войска свои по примѣру европейскихъ открыло возможность европейцамъ изучать эти страны не только при бѣглыхъ проѣздахъ, но и въ теченіе продолжительнаго времени и даже при содѣйствіи мѣстнаго правительства.

4) Военныя предпріятія русскихъ въ сѣверной Персіи и степяхъ киргизскихъ и англичанъ въ Авганистанѣ повели также къ ближайшему знакомству съ тѣми странами.

5) Попытка англичанъ къ открытію торговыхъ сношеній изъ

Индіи съ Авганистаномъ и Маверанегромъ и весьма выгодная торговля ихъ съ Персіею чрезъ Трапезонтъ также много содѣйствовали къ знакомству съ среднею Азіею.

6) Естественное стремленіе русскихъ упрочить торговыя сношенія съ среднею Азіею, и преимущественно съ Хивою и Бухарою, а отсюда непрерывная почти караванная торговля съ означенными странами; миссіи и посольства для разбора возникающихъ недоразумѣній.

7) Съемки и рекогносцировки, произведенныя англичанами въ сѣверо-западной части Индостана и русскими въ Закавказьѣ и киргизскихъ степяхъ съ 1830 годовъ на пространствѣ между Ураломъ, Алтаемъ, Аральскимъ и Каспійскимъ морями.

Поэтому неудивительно, что число посольствъ, путешествій и мѣстныхъ изслѣдованій въ XVIII и XIX столѣтіяхъ въ среднюю Азію и сопредѣльныя съ нею страны весьма увеличилось (23).

Остаются только менѣе другихъ изслѣдованными недоступныя пустыни и окруженные ими Хива, Бухара и Коканъ; но

---

(23) Приведемъ здѣсь замѣчательнѣйшія:

а) *Посольства въ Персію*: Малькольма въ 1800 г., Жобера — 1805 г., Гардана, въ сопровожденіи Тріольера, Трецеля, Дюпре, Жуаненя, изслѣдовавшихъ Персію въ разныхъ направленіяхъ въ 1806 г.; второе посольство Малькольма, въ сопровожденіи Потинджера, Христи, Гранта и другихъ, въ 1808 г.; Эльфинстона въ 1809 г.; Гарфордъ-Джонсъ-Бриджа, въ сопровожденіи Морвера — 1809 г., Узлея съ братомъ и Морвера — 1812 г., Ермолова, въ сопровожденіи Негри, Бороздны, Муравьева и Коцебу, въ 1817 г., князя Меншикова въ 1825 г., агентство Макдональда и Риньера въ 1831 г. Постоянныя русскія и англійскія миссіи въ Тегеранѣ и консульства въ Тавризѣ и Рештѣ въ 30-хъ годахъ. Французское посольство Серня, въ сопровожденіи Бофора, въ 1840 г.; русскія миссіи въ Хивѣ: Никифорова въ 1841 г., Данилевскаго въ 1842 г. и Игнатьева въ 1858 г.

б) *Дипломатическіе агенты:* англійскіе въ Авганистанѣ—Конноль въ 1830 г., Борнсъ въ 1831 г., Борнсъ, Вудъ, Лордъ, Потинджеръ, Тодтъ въ 1831—1839 гг.; русскіе: Виткевичъ, Гутъ, Бларамбергъ, Леммъ въ 1836 — 1839 г. Англійскіе агенты въ Туранѣ: Вудъ, Лордъ, Абботъ, Шекспиръ, Стодартъ, Конноли—1838—1841 гг.

в) *Военныя дѣйствія*: война Россіи съ Персіею — 1826—1828 гг., Россіи же съ Хивою съ 1839—1840 г., англичанъ въ Авганистанѣ — 1839—1842 гг.

г) *Европейскіе офицеры при азіятскихъ дворахъ:* у Абасса-Мирзы — Сутерландъ, Керпортъ и другіе съ 1815—1830 гг., у Достъ-Магомеда — Гарландъ, Кемпбель и Авитабилей съ 1825—1839 гг., у Рюджитъ-Синга — Вентура, Алларъ и другіе съ 1822—1840 гг.

д) *Путешественники*: Форстеръ въ 1784 г., Оливье въ 1796, Джонъ Джонсонъ въ 1817 г., Фразеръ въ 182[illegible] г., Стирлингъ въ 182 г., Массонъ въ 1826 — 1828 г., Тодтъ въ 1836 г., Шпиль въ 1837 г., Фразеръ въ 1837 г. и многіе другіе

и о нихъ есть распросныя свѣдѣнія, безпрерывно пополняемыя.

Вотъ все, что мы сочли необходимымъ изложить въ этомъ краткомъ очеркѣ о событіяхъ въ средней Азіи и въ сопредѣльныхъ съ нею странахъ. Подобный общій очеркъ происшествій въ сосѣдственныхъ намъ областяхъ Азіи будетъ, кажется, полезнѣе подробнаго историческаго изслѣдованія о сосѣднихъ съ нами Хивѣ, Бухарѣ и Коканѣ, для чего нѣтъ вѣрныхъ и достаточныхъ матеріяловъ; да притомъ исторія этихъ полудикихъ странъ, губимыхъ грабежемъ, деспотизмомъ и невѣжествомъ, не можетъ возбуждать особеннаго любопытства: она по необходимости состояла бы только изъ перечня множества мусульманскихъ именъ, перепутанныхъ убійствами, вѣроломствомъ, корыстолюбіемъ и т. п. дѣйствіями насилія и личнаго произвола избалованныхъ безнаказанностію азіятскихъ деспотовъ. Между тѣмъ событія, послѣдовательно доведенныя до 1839 и 1840 годовъ, когда двѣ первостепенныя державы, Россія и Англія, одновременно (1839 г.) съ оружіемъ въ рукахъ стремятся въ центральную Азію (Россія въ Хиву, Англія въ Авганистанъ), достаточно объясняютъ положеніе дѣлъ въ средней Азіи въ эпоху военнаго предпріятія нашего противъ Хивы.

Ближайшіе же поводы къ войнѣ въ 1839 году русскихъ съ Хивою, равно какъ и подробное описаніе нашей туда экспедиціи, излагается въ слѣдующихъ за этимъ историческимъ введеніемъ главахъ.

ГЛАВА I.

ОБЗОРЪ ПОБУДИТЕЛЬНЫХЪ ПРИЧИНЪ И ПОВОДОВЪ КЪ ВОЙНѢ СЪ ХИВОЮ.

Со временъ Іоанна Грознаго родилась на Руси мысль о возможности открытія для нашей торговли путей въ Индію чрезъ среднюю Азію и воспользоваться, такимъ образомъ, хотя частію баснословныхъ индійскихъ сокровищъ; но только Петру Великому представился случай для рѣшительныхъ предпріятій въ этомъ направленіи (24). Несчастная экспедиція наша въ Хиву въ 1717 году ознакомила русскихъ съ трудностями пути въ среднюю Азію и вѣроломствомъ тамошнихъ владѣтелей, и хотя великій преобразователь Россіи на смертномъ одрѣ, какъ говоритъ народное преданіе, и завѣщалъ мщеніе хивинцамъ за жестокое истребленіе отряда князя Бековича-Черкасскаго, однакожь несомнѣнно, что онъ былъ убѣжденъ въ необходимости предварительно упрочить власть русскую надъ киргизъ-кайсацкою ордою, кочевавшею тогда и нынѣ кочующею между предѣлами Россіи и Хивою (25).

Преемники Петра Великаго, слѣдуя во всемъ его предначертаніямъ и намѣреніямъ, не отказались и отъ видовъ утвердиться въ средней Азіи и тѣмъ открыть русской торговлѣ новый путь на востокѣ. Въ этихъ видахъ въ 1730 году былъ принятъ въ подданство Россіи Абулъ-Хаиръ-Ханъ, султанъ меньшой орды, съ подчиненными ему кайсаками (26), и тѣмъ положено начало

---

(24) Что подробнѣе объяснено въ «Историческомъ введеніи», а также и въ ст. «Походъ въ Хиву въ 1717 г.» См. «Военн. Сборн.», № 10 за 1861 годъ.

(25) Въ этомъ удостовѣряетъ записка Тевкелева. (См. «Истор. введеніе» къ настоящему очерку.) Здѣсь же мы приведемъ еще другое свидѣтельство: «того ради Его Величество (Петръ I), какъ-то еще донынѣ, уповаю, многимъ знатнѣйшимъ особамъ извѣстно есть, неоднократно изволилъ имѣть разсужденіе, коимъ бы образомъ отъ сихъ непокорныхъ народовъ (киргизъ-кайсаковъ) единожды безопасность утвердить», замѣчаетъ Рычковъ въ своей «Исторіи Оренбургскаго края», написанной при Аннѣ Іоанновнѣ, т. е. когда многіе изъ сотрудниковъ Петра Великаго были еще въ живыхъ. См. гл. I означенной исторіи, напечатанной въ 1767 г. (Нынѣ это изданіе составляетъ рѣдкость.)

(26) Торжественное принятіе Татищевымъ въ 1738 г. Абулъ-Хаиръ-Хана въ

подчиненію киргизскихъ степей, а также открытію сношеній съ сосѣдственными ханствами Хивою и Бухарою.

Бухара, со времени посольства туда еще Петромъ Великимъ, въ 1729 г., Беневени, постоянно находится въ добромъ расположеніи поддерживать торговыя сношенія съ Россіею; Хива же, волнуемая съ давнихъ поръ внутренними раздорами, искони составляетъ какъ бы разбойничій притонъ, живущій грабежемъ торговыхъ каравановъ и ловлею людей въ неволю, для продажи. Чтобъ избавиться отъ этого вреднаго, для начинавшейся торговли нашей на востокѣ, вліянія хивинцевъ, въ 1731 году отправленъ былъ въ Хиву для переговоровъ полковникъ Гербергъ; но хивинцы, не допустивъ его въ Хиву, ограбили на возвратномъ пути. 1741 годъ, казалось, болѣе благопріятствовалъ дружелюбному намѣренію русскихъ войдти въ мирныя торговыя сношенія и съ Хивою: въ это время былъ призванъ хивинцами на ханство (вмѣсто убитаго Надиръ-Шахомъ, подъ г. Ханки, хана ихъ Юлбарса) Абулъ-Хаиръ-Ханъ Меньшой киргизской орды, добровольно вступившій 10 лѣтъ тому назадъ въ подданство Россіи. Вмѣстѣ съ Абулъ-Хаиромъ вступили въ 1741 году въ Хиву и находившіеся при немъ: поручикъ Гладышевъ [27], геодезистъ Муравинъ и инженеръ Назимовъ; они отправили одного изъ среды своей (именно Муравина) на встрѣчу Надиръ-Шаху съ просьбою: «чтобы онъ, Надиръ-Шахъ, городъ Хиву Абулъ-Хаиръ-Хану за имя Ея Императорскаго Величества уступилъ, потому-де, что теперь на ханствѣ въ Хивѣ императорскій россійскій вѣрноподданный». Надиръ-Шахъ, постоянно питавшій уваженіе къ Россіи и намѣреніе находиться съ нею въ дружественныхъ отношеніяхъ, одарилъ посла и просилъ хана и состоявшихъ при немъ русскихъ ожидать его въ Хивѣ; но Абулъ-Хаиръ, не довѣряя обѣщаніямъ Надиръ-Шаха, бѣжалъ въ свою орду, а Надиръ-Шахъ, занявъ Хиву, въ доказательство искренности своихъ намѣреній, щедро одарилъ и отпустилъ на родину

подданство подробно описано у Левшина, въ его описаніи киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей. См. стр. 132—138 изд. 1832 г. (Теперь это сочиненіе рѣдко). Какъ выше сказано, ханъ этотъ изъявилъ согласіе на подданство въ 1730 г.; въ 1734 г. повелѣно было первому губернатору оренбургскому Кирилову привести въ подданство Абулъ-Хаиръ-Хана, но Кириловъ былъ отвлеченъ отъ дѣлъ киргизскихъ устройствомъ башкировъ, волновавшихся тогда безпрерывно.

[27] Въ архивѣ генеральнаго штаба отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса сохранились собственноручныя записки Гладышева о киргизской степи и Хивѣ. Муравинъ также оставилъ рукописный журналъ и нѣсколько записокъ.

всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, какихъ могъ тамъ собрать (28). Удаляясь изъ Хивинскаго ханства, завоеватель персидскій, Шахъ-Надиръ, оставилъ на ханствѣ своего чиновника, котораго хивинцы вскорѣ затѣмъ убили, а ханомъ своимъ провозгласили сына Абулъ-Хаиръ-Хана, Нурали-Хана, и впослѣдствіи (уже въ семисотъ-семидесятыхъ годахъ, въ началѣ) призванъ былъ на ханство въ Хиву еще одинъ русскій императорскій подданный, киргизскій ханъ Гаибъ.

Такимъ образомъ, съ самаго начала XVIII вѣка было въ Хивѣ пять хановъ изъ русскихъ подданныхъ: въ 1700 г. добровольно подчинился ханъ Шаніязъ, въ 1703 г. ханъ Аранъ-Маметъ (29); съ 1741 года упомянутые выше Абулъ-Хаиръ-Ханъ и сынъ его Нурали (до 1750 года), а въ 1770-хъ годахъ ханъ Гаибъ. Отсюда и происходитъ положительное право Россіи на ханство Хивинское.

Несмотря на такое несомнѣнное право Россіи на Хиву, правительство наше домогалось отъ этого ханства только одного—не препятствовать торговлѣ нашей въ средней Азіи, и пользовалось каждымъ случаемъ, чтобы вступать въ дружественныя сношенія съ хивинцами.

Въ это время правительство наше имѣло уже возможность ознакомиться съ чрезвычайною затруднительностію доступовъ въ среднюю Азію и далѣе въ Индію, а потому обратило исключительное вниманіе на устройство юго-восточной границы имперіи, гдѣ долгое время (весь XVIII вѣкъ) происходили волненія, отъ столкновенія утвердившихся здѣсь народовъ. Такъ сначала смуты въ Киргизской степи (до новѣйшихъ временъ почти не прекращавшіяся), возмущенія башкировъ (30), бѣгство калмыковъ въ

---

(28) Въ томъ числѣ возвратились и нѣсколько человѣкъ, оставшихся отъ истребленнаго въ 1717 года отряда князя Бековича-Черкасскаго, послѣ 24-лѣтняго плѣна.

(29) О подданствѣ первыхъ двухъ изъ упоминаемыхъ здѣсь хивинскихъ хановъ см. въ ст. «Походъ въ Хиву въ 1717 г.», въ «Воен. Сборн.», № 10 за 1861 г.

(30) Башкиры до XVI вѣка платили дань частію Сибирскому, частію Казанскому царствамъ, съ завоеваніемъ же оныхъ сдѣлались вотчинниками царства Московскаго и управлялись воеводою казанскимъ. Въ 1574 г., за отдаленностію Казани, построена крѣпость Уфа, комендантамъ которой поручено ближайшее наблюденіе за башкирами, безпрерывно волновавшимися: такъ съ 1676 г. три года усмирялъ ихъ воевода Зелениннъ, въ 1707 г. они опустошили всѣ земли до Казани, а съ 1735 г. бунтъ башкировъ продолжался шесть лѣтъ за устройство крѣпостей по р. Яику (Уралу), препятствовавшихъ ихъ грабежамъ въ Киргизской степи. Въ это время погибло до 30,000 башкировъ. Часть башкировъ возмущалась еще въ 1755 г.,

китайскіе предѣлы (31) и, наконецъ, въ 1773 и 1774 гг. бунтъ пугачевскій должны были на долгое время озаботить правительство и отвлечь вниманіе отъ другихъ видовъ на востокѣ.

Подробное описаніе всѣхъ принятыхъ правительствомъ мѣръ къ охраненію и успокоенію юго-восточныхъ предѣловъ имперіи отвлекло бы насъ отъ настоящаго предмета (32), и потому мы здѣсь скажемъ только, что съ 1736 года и къ концу XVIII вѣка спокойствіе въ Оренбургскомъ краѣ болѣе или менѣе было возстановлено; русскія поселенія по рѣкамъ Ую, Тоболу и Уралу отдѣлили враждебные народы, башкировъ и калмыковъ отъ киргизъ-кайсаковъ. Впослѣдствіи учреждены вдоль степной границы военныя казачьи поселенія и самая линія укрѣплена; казачьи войска усилены башкиро-мещерякскимъ и калмыцкимъ войскомъ и линейною пѣхотою; въ пограничной же степи, для лучшаго надзора за Меньшою киргизскою ордою, она раздѣлена была на двѣ части: восточную и западную, власть хана упразднена, и установлены сначала два султана-правителя (изъ рода Абулъ-Хаиръ-Хана), а потомъ часть этихъ ордъ образовала еще и Среднюю орду подъ управленіемъ третьяго султана-правителя (33).

Съ постепеннымъ водвореніемъ спокойствія въ Оренбургскомъ краѣ явилась возможность и торговыхъ сношеній съ сосѣдственными Хивою и Бухарою; но волненія въ степи нерѣдко еще возобновлялись и, кромѣ многихъ постороннихъ причинъ, главнымъ образомъ возбуждались постоянно недоброжелательными къ Россіи хивинцами. Присвоивая себѣ власть надъ кочующими близъ

при чемъ до 10,000 ихъ ушло въ степь, но потомъ возвратились. (См. Военн. энцикл. лексиконъ, ст. «Башкиры».)

(31) Въ «Историческомъ введеніи» объяснено уже, что калмыки удалились въ Россію вслѣдствіе завоеваній китайскихъ; въ 1771 же году, по происканъ китайцевъ, они рѣшились возвратиться на родину, на берега р. Или, и, дѣйствительно, въ числѣ 30,000 кибитокъ двинулись чрезъ киргизскія степи; но враждебные имъ киргизы и отрядъ, подъ начальствомъ генерала Траубенберга, отправленный для ихъ преслѣдованія, почти совершенно истребили бѣжавшихъ. (См. у Рычкова, который состоялъ при генералѣ Траубенбергѣ.)

(32) О неустройствахъ Оренбургскаго края въ то время см. въ № 9 и № 10 «Вѣсти. Императ. Русскаго Географ. Общества» за 1860 годъ: 1) письмо гр. Головкина герцогу Бирону въ 1739 г., 3) записку 6-го оренбургскаго губернатора Рейнсдорфа 1770 г.

(33) Средняя и часть Большой киргизскихъ ордъ присоединены къ Западной Сибири, а остальная часть Большой орды кочуетъ въ предѣлахъ Китая и Коканскаго ханства.

хивинскихъ предѣловъ и подвластными намъ киргизами, каракалпаками и туркменами (34), хивинцы силою и грабежемъ вынуждали у нихъ подати (зякетъ), а эмисары Хивы, проникая въ Киргизскую степь съ торговыми караванами, и подъ видомъ муллъ возбуждали религіозный фанатизмъ и ненависть между родами, подучали ихъ не только на грабежъ каравановъ, но и къ нападеніямъ на линію и на нашихъ рыбопромышленниковъ, для захвата плѣнниковъ и продажи ихъ на хивинскомъ рынкѣ въ жестокое рабство.

Непріязненное расположеніе хивинцевъ къ Россіи началось со времени похода князя Бековича-Черкасскаго въ Хиву въ 1717 году и не прекращалось до 1839 года, когда (какъ видно будетъ изъ описанія новаго военнаго предпріятія нашего въ Хиву въ этомъ году) хивинскій ханъ смирился. Но до того времени на вѣроломство, на всегдашніе грабежи и разбои Хивинцевъ правительство русское отвѣчало однимъ только «*презрѣніемъ*», а при удобныхъ случаяхъ, забывая прошлое, старалось даже установить дружескія сношенія съ Хивою. Такъ въ 1793 году, вслѣдствіе особой просьбы хивинскаго хана, отправленъ былъ въ Хиву императрицею Екатериною II глазной врачъ надворный совѣтникъ Бланкенагель, который нашелъ глаза ханскаго дяди Фезаль-Бія неизлечимыми, и Фезаль-Бій дѣйствительно лишился зрѣнія. Но невѣжественные хивинцы требовали исцѣленія, грозя въ противномъ случаѣ поступить съ врачемъ нашимъ, какъ съ лазутчикомъ. Бланкенагель вскорѣ узналъ за достовѣрное отъ русскихъ плѣнниковъ, что на особомъ совѣтѣ положено держать его подъ надзоромъ, доколѣ онъ будетъ нуженъ какъ врачъ (ибо дядя хана все еще не терялъ надежды на поправленіе своихъ глазъ), потомъ же отправить въ Россію, но, не допуская туда, убить на пути, дабы онъ не могъ ничего пересказать. Это заставило Бланкенагеля искать средствъ къ бѣгству, и онъ успѣлъ преклонить на свою сторону нѣсколькихъ туркменцевъ, которые и доставили его благополучно на Мангишлакъ, откуда онъ моремъ прибылъ въ Астрахань (35). Въ 1819 году отправлена была миссія подъ начальствомъ генеральнаго

---

(34) Каракалпаки присягнули на подданство Россіи въ 1732 г., а туркмены 31 октября 1791 года.

(35) Подробныя извѣстія объ этомъ были сообщены самимъ Бланкенагелемъ въ напечатанныхъ имъ своихъ замѣткахъ, которыя перепечатаны г. Григорьевымъ съ объясненіями въ № 3 «Вѣстн. Импер. Русск. Геогр. Общества» за 1858 годъ.

штаба капитана Муравьева; но и это посольство встрѣчено было недовѣрчиво и ни къ чему не повело ([36]): изувѣрство и безграничное невѣжество хивинцевъ въ уступчивости и долготерпѣніи Россіи видѣли рѣшительный перевѣсъ собственной силы и непобѣдимую ничѣмъ защиту своего пророка; почему они не переставали быть въ сношеніяхъ своихъ надменными и дерзкими, и Хива, по прежнему, служила разбойничьимъ притономъ всей средней Азіи, преступала явно всѣ народныя права въ сношеніяхъ съ сосѣдственной державой русской.

Если вѣроломное убіеніе неприкосновенной особы посла, если предательское и почти поголовное истребленіе сопровождавшаго его войска, во время подписаннаго и присягою утвержденнаго мира (въ 1717 г., князя Бековича-Черкасскаго и его отряда) приписать случайному стеченію обстоятельствъ и недоразумѣніямъ, а не заранѣе обдуманному злодѣйству (хотя и нѣтъ сомнѣнія, что это было умышленное преступленіе), то грабежъ караванъ дружественной державы и постоянный, обратившійся въ промыселъ, разбой и увозъ плѣнниковъ въ мирное время суть дѣйствія, на которыя и самые разбойники могутъ отвѣчать только молчаніемъ. Кромѣ того, хивинцы самовольно, безъ обоюдныхъ сношеній и соглашенія, постановили правиломъ, чтобы торговые караваны наши, въ какія бы мѣста средней Азіи они ни отправлялись, непремѣнно слѣдовали окольнымъ и весьма неудобнымъ путемъ, чрезъ самую Хиву, съ цѣлью взимать здѣсь пошлины и подать, произвольно возвышаемую ими до крайнихъ предѣловъ. Всѣ же караваны, уклоняющіеся отъ пути чрезъ Хиву, подвергались грабежу, по приказанію хана, и даже его войсками, при чемъ ханъ получалъ значительную долю добычи.

Такое положеніе дѣлъ препятствовало успокоенію киргизскихъ ордъ и торговымъ сношеніямъ съ дружественною намъ Бухарою; почему правительство наше, не видя въ хивинцахъ расположенія къ мирнымъ сношеніямъ, начало изыскивать мѣры къ прекращенію волненій въ степи и къ охраненію торговли въ средней Азіи отъ грабительства хивинцевъ и подстрекаемыхъ ими къ буйству киргизъ-кайсаковъ.

([36]) Капитанъ Муравьевъ напечаталъ въ 1822 г. записки о своемъ «Путешествіи въ Туркменію и Хиву», съ приложеніемъ портретовъ, видовъ, таблицъ и картъ и записокъ къ нему русскихъ плѣнныхъ, находившихся въ Хивѣ. (Нынѣ это сочиненіе очень рѣдко.)

Первоначально думали достигнуть этого посылкою отрядовъ для отраженія нападеній силою и наказанія не повиновавшихся киргизовъ; но по неудачамъ, коими сопровождались двѣ подобныя экспедиціи въ 1809 году (37), убѣдились, что это средство недѣйствительно: грабители имѣли полную возможность избѣгать встрѣчи съ русскими отрядами въ обширныхъ степяхъ, мало извѣстныхъ тогда русскимъ. Потомъ все вниманіе правительства обратилось на западъ, откуда угрожали нашему отечеству завоеванія Наполеона, и только по заключеніи вѣнскаго мира, въ 1815 г., оно начало вновь изыскивать мѣры для умиротворенія юго-восточныхъ предѣловъ имперіи.

Однакожь, въ 1820-хъ годахъ, по представленіямъ бывшаго тогда оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ генерала Эссена, за недостаткомъ другихъ средствъ, вновь остановились на мысли усмирять буйства въ степи отправленіемъ туда отрядовъ (38), а для обезпеченія торговли посылать караваны подъ прикрытіемъ воинскихъ командъ.

Признавая выгоду торговли съ Бухарою во многихъ отношеніяхъ, и особенно ю сбыту произведеній Уральскаго хребта, и имѣя въ виду, что торговля эта съ давнихъ поръ терпитъ

---

(37) Подъ начальствомъ генералъ-маіора Герценберга, при которомъ состоялъ свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части полковникъ Струковъ, дневникъ котораго, веденный во время этого похода въ степь, помѣщенъ въ замѣчательномъ рукописномъ сборникѣ трудовъ генералъ-маіора Генса, бывшаго долгое время предсѣдателемъ оренбургской пограничной коммиссіи. (Часть этихъ трудовъ Генса хранится въ архивѣ генеральнаго штаба отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса.)

(38) Мнѣніе азіятскаго комитета, 8 марта 1823 г., по представленіямъ генерала-отъ-инфантеріи Эссена: отъ 15 ноября 1821 г., № 956—217, отъ 13 и 16 декабря 1822 г., №№ 1005—1195 и 7—1213, отъ 10 января 1823 г., № 80—1. (Азіятскій комитетъ съ 1821 г. составлялся изъ лицъ по особу Высочайшему назначенію для разсмотрѣнія важнѣйшихъ вопросовъ по восточнымъ дѣламъ, коими нынѣ вѣдаетъ азіятскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ.) На основаніи Высочайше утвержденныхъ журналовъ азіятскаго комитета, въ 8 и 29 дни марта 1823 г. состоявшихся, отправленъ былъ для изслѣдованія положенія дѣлъ на мѣстѣ генеральнаго штаба полковникъ Бергъ. Въ 29 засѣданіе, 1823 года, декабря 29, комитетъ разсматривалъ представленія генерала Эссена и полковника Берга о средствахъ къ утвержденію спокойствія въ степи и безопасности торговли, и тогда-то положено было: 1) раздѣлить подвластную намъ Меньшую киргизскую орду на двѣ части: восточную и западную, подчинивъ ихъ султанамъ-правителямъ (первую султану Темиру и вторую султану Каратаю, оба изъ рода Абулъ-Хаиръ-Хана); 2) для безопасности линіи, укрѣпленіе оной и усиленіе линейной стражи, и наконецъ 3) учрежденіе компаніи, которая бы отправляла торгъ караванами, подъ прикрытіемъ вооруженнаго конвоя.

большіе убытки и находится въ опасности отъ хищничества киргизовъ и хивинцевъ, а ходъ каравановъ годъ отъ году терпитъ все болѣе и болѣе затрудненій, правительство наше отправляло еще въ 1820 г. посольство въ Бухару (миссія Негри одновременно съ миссіею Муравьева въ Хиву) съ цѣлью, по взаимному соглашенію съ бухарскимъ эмиромъ, изыскать средства *«къ удостовѣренію и подкрѣпленію»* торговыхъ сношеній; но эмиръ или ханъ бухарскій, обнадеживая въ благосклонномъ пріемѣ каравановъ, не принималъ на себя обезпеченія ихъ при слѣдованіи въ киргизскихъ степяхъ, предоставляя защищать караваны нашею военною силою, о чемъ неоднократно бухарцы просили и впослѣдствіи. Почему положено было наивыгоднѣйшимъ учрежденіе торговой компаніи, съ исключительнымъ правомъ торговать съ среднею Азіею, при чемъ компанія должна имѣть основный капиталъ въ 6,000,000 рублей и собственныхъ верблюдовъ, для устраненія препятствій въ перевозкѣ товаровъ. Для конвоированія каравановъ компаніи предполагалось давать конвой, не менѣе 280 человѣкъ при 2 орудіяхъ, содержаніе коего обратить на счетъ компаніи, которой, сверхъ другихъ привилегій, дозволить устройство караванъ-сарая и укрѣпленія на р. Сыръ-Дарьѣ, равно какъ и въ другихъ мѣстахъ на караванномъ пути. Но какъ невозможно было создать вдругъ такую компанію и какъ неизвѣстно было, составится ли оная когда нибудь русскими купцами, то, для безостановочнаго теченія существовавшихъ торговыхъ сношеній, предположено было испытать другой способъ, состоящій въ томъ, чтобъ снабжать обыкновенные караваны военнымъ отрядомъ на казенный счетъ, съ отнесеніемъ издержекъ на таможенные сборы Оренбургскаго края. На этомъ основаніи, въ 1824 году, отправился караванъ въ Бухару подъ прикрытіемъ отряда изъ 500 человѣкъ; но караванъ этотъ былъ встрѣченъ хивинцами, частію разграбленъ, а частію возвратился, при чемъ понесено убытковъ частными лицами на сумму въ 547,600 руб. 22¾ коп. и казною, по снаряженію конвоя, на 224,000 руб., какъ это видно изъ донесеній бывшаго караваннаго начальника, ростовскаго купца Евграфа Кайдалова, отъ 29 іюня 1825 года. Такимъ образомъ, опытъ, къ несчастію, не удался, и само собою разумѣется, что при такомъ положеніи дѣлъ компанія не могла образоваться; предположенія о ней остались безъ послѣдствій, хотя несомнѣнно, что такое учрежденіе, если бы оно было осуществлено

въ то время, избавило бы правительство наше отъ множества издержекъ, вынужденныхъ впослѣдствіи обстоятельствами.

Въ 1825—26 г., когда разнесся слухъ (по поводу появившагося на Усть-Уртѣ отряда генеральнаго штаба полковника Берга, производившаго нивеллировку и съемки между Каспійскимъ и Аральскимъ морями), что императоръ русскій намѣренъ наказать хивинцевъ силою оружія, появился на границу нашу (въ Сарайчиковскую крѣпость, что на р. Уралѣ) хивинскій посланникъ Ваисъ-Ніазъ и привелъ съ собою слона въ подарокъ государю, но для пропуска въ С.-Петербургъ этому послу постановлены были два условія: 1) уплату хивинскимъ ханомъ всѣхъ убытковъ, понесенныхъ купечествомъ при нападеніи хивинцевъ на вооруженный караванъ въ 1824 г.; 2) возвращеніе всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, находящихся въ Хивѣ, и воспрещеніе покупать впредь у кочующихъ народовъ захватываемыхъ ими въ плѣнъ русскихъ (39). Предложенія эти не были приняты ханомъ, и посольство его возвратилось, при чемъ ханъ хивинскій разгласилъ, что по случаю несогласій, происшедшихъ, будто бы, относительно пути, коимъ хивинскому посольству слѣдовать въ Петербургъ, посольство разошлось съ русскимъ правительствомъ и воротилось. А, между тѣмъ, страхъ въ Хивѣ миновался, и дѣла пошли по прежнему, даже, можно сказать, хуже, ибо впослѣдствіи (въ 1833 г.) дерзость хивинцевъ возрасла до того, что былъ присланъ въ г. Оренбургъ начальникъ хивинскаго таможеннаго сбора для объявленія (частнымъ образомъ) купцамъ русскимъ и бухарскимъ, что караваны ихъ неминуемо будутъ разграблены, буде не пойдутъ чрезъ Хиву, что, конечно, было равнозначительно и служило только предлогомъ для оправданій на случай будущихъ грабежей. Въ то же самое время хивинскіе подданные невозбранно торговали въ Россіи, и караваны ихъ ежегодно отходили и приходили на Оренбургской линіи. Отсюда очевидно, что только одна сила оружія могла рѣшить окончательно это дѣло.

Независимо отъ уничтоженія нашей торговли на востокѣ постоянными грабежами каравановъ и побужденіями къ тому же киргизовъ, хивинское правительство издавна покровительствовало

---

(39) Письмо графа Нессельроде къ генералу Петру Кирилловичу Эссену отъ 16 декабря 1826 г., № 1339, и извѣщеніе генерала Эссена хивинскому послу Ваисъ-Ніазу отъ 3 января 1827 г., № 1.

еще и морскимъ разбойникамъ, которые захватывали ежегодно на Каспійскомъ морѣ множество мирныхъ рыбопромышленниковъ, продавали ихъ потомъ на всѣхъ рынкахъ востока, а всего болѣе въ Хивѣ. Эти несчастные плѣнники влачили дни свои въ изнурительныхъ работахъ, голодные и не одѣтые, и оканчивали ненавистную для нихъ жизнь подъ побоями своихъ хозяевъ, которыхъ самое вѣроисповѣданіе (магометанское) разрѣшаетъ отъ всякихъ обязанностей человѣчества въ отношеніи къ невѣрнымъ (кафирамъ), а законъ гражданскій—отъ всякой отвѣтственности за жизнь и смерть раба.

Еще въ XVIII вѣкѣ правительство наше начало изыскивать способы къ освобожденію русскихъ подданныхъ изъ неволи на дальнемъ востокѣ: такъ Высочайшимъ указомъ отъ 28 января 1767 г. (40) повелѣвалось захватывать залоажниковъ и принуждать азіятцевъ выкупать оныхъ русскими плѣнными. Это была дѣйствительно единственная мѣра, на которой нельзя было не остановиться, видя на Оренбургской и Сибирской линіяхъ и въ Астрахани свободно торгующихъ и проживающихъ хивинцевъ и бухарцевъ (41), въ то время, какъ наши купцы не смѣли показаться у нихъ, не подвергаясь, особенно въ Хивѣ, опасности попасть въ вѣчное рабство. Отдаленность и недоступность положенія упомянутыхъ странъ служили и служатъ важнымъ препятствіемъ къ принятію болѣе дѣйствительныхъ мѣръ къ освобожденію плѣнныхъ.

Однакожъ, упомянутымъ указомъ 1767 г. дозволялось задерживать заложниковъ въ томъ только случаѣ, «если они (азіятцы) будутъ изобличены въ увозѣ здѣшнихъ людей», т. е. русскихъ подданныхъ; такое ограниченіе, по затруднительности изобличенія, лишило всей силы самое постановленіе, какъ то и доказали послѣдствія. Поэтому захватываніе въ плѣнъ русскихъ продолжалось, а высокія цѣны за русскихъ невольниковъ (42)

---

(40) Указъ этотъ данъ на имя, седьмаго по числу, оренбургскаго губернатора генералъ-поручика князя Авраама Артемьевича Путятина.

(41) Бухарцы тоже участвовали въ торговлѣ русскими невольниками, покупая ихъ въ Хивѣ, и, несмотря на постоянно поддерживаемыя съ нами дружественныя сношенія, они всегда старались обходить вопросъ объ освобожденіи нашихъ плѣнныхъ; если же и освобождали ихъ, то въ незначительномъ числѣ, и преимущественно купцы бухарскіе, торгующіе въ Россіи.

(42) За русскаго невольника среднихъ лѣтъ и здороваго тѣлосложеніемъ платилось по 300 руб. сер., тогда какъ за невольниковъ другихъ націй половину этой цѣны; женщины цѣнились вполовину дешевле противу мужчинъ.

пріучили постепенно и киргизовъ къ постыдной торговлѣ людьми.

Всѣ хлопоты правительства русскаго достигнуть освобожденія невольниковъ нашихъ посредствомъ переговоровъ оказались напрасными и убѣдили только въ томъ, что съ хивинскимъ и бухарскимъ правительствами нельзя пускаться ни въ какіе переговоры, нельзя имѣть никакихъ сдѣлокъ и условій, ибо все это остается, безъ всякой пользы, только на бумагѣ. Лучшимъ тому доказательствомъ служатъ миссія наша въ Бухару еще въ 1820 г. Негри и другой опытъ въ 1833 г. (при посылкѣ туда же де-Мезона); дѣла въ отношеніи нашихъ плѣнныхъ и послѣ того нисколько не измѣнились: бухарцы съ той поры начали избѣгать прямыхъ объясненій о невольникахъ русскихъ, нисколько не думали о выдачѣ ихъ и даже, при каждомъ удобномъ случаѣ, пріобрѣтали новыхъ, вопреки письменному обязательству, данному нашему повѣренному въ дѣлахъ, г. Негри, и вопреки всѣмъ правамъ человѣчества. И если это дѣлалъ эмиръ бухарскій, старавшійся о поддержаніи съ нами дружескихъ сношеній, то само собою разумѣется, что издавна враждебный къ Россіи ханъ хивинскій даже и для виду не скрывалъ своихъ дѣйствій въ этомъ отношеніи. Владѣнія его были одинаково недоступны для всѣхъ христіанъ.

Правда, случалось, что эмиръ бухарскій или его купцы, желая особенно угодить нашему правительству и поддержать колеблющуюся дружбу, или же въ надеждѣ получить богатые подарки, возвращали иногда по нѣскольку человѣкъ плѣнныхъ нашихъ; но бывали и такіе случаи, что уличенные въ торговлѣ нашими плѣнными бухарскіе купцы, даже и обѣщавъ возвратить ихъ на родину, впослѣдствіи не сдерживали своихъ обязательствъ ([43]).

([43]) Такъ въ 1834 г. выведены были тайкомъ изъ Бухары вѣрными киргизами русскіе плѣнники Егоръ Рябовъ и Иванъ Бочаровъ, которые встрѣтили въ Оренбургѣ бухарскаго мирзу Нассыръ-Эдина, у коего, по ихъ указаніямъ, содержалось пять человѣкъ нашихъ плѣнныхъ (а именно: Ефимъ Полуектовъ, Иванъ Чернецовъ, Михайло Михѣевъ, Александръ Яковлевъ и Мартынъ Березовскій). Изъ нихъ Михѣевъ и Чернецовъ бѣжали изъ Хивы и заключены въ Бухарѣ снова въ неволю, прочіе же закуплены въ разныхъ мѣстахъ. Бухарецъ мирза Насыръ-Эдинъ былъ о томъ спрошенъ и показалъ, что у него дѣйствительно есть русскіе невольники, но что они отданы ему подъ надзоръ самимъ эмиромъ, и присовокупилъ, что если написать объ этомъ кушбеги (первому сановнику Бухары), то плѣнники, вѣрно, будутъ возвращены на родину. Между тѣмъ, бухарецъ этотъ вскорѣ скрылся, а письмо кушбеги, по этому поводу, осталось безъ всякаго отвѣта.

Наконецъ ассигновано было правительствомъ 3,000 рублей для выкупа нашихъ плѣнныхъ; но и это не повело ни къ чему, какъ потому, что рабовладѣльцы не брали никакого выкупа, находя выгоднѣйшимъ для себя имѣть хорошихъ работниковъ, такъ и по чрезвычайной затруднительности освобожденія другими путями чрезъ посредствующихъ лицъ, коимъ въ случаѣ поимки угрожала смерть или то же самое рабство, такъ что въ 1830-хъ годахъ дѣло о русскихъ плѣнныхъ находилось, по окончательнымъ розысканіямъ, въ слѣдующемъ положеніи:

«Поощряемые выгодными цѣнами, киргизы похищали русскихъ людей даже на линіи и сбывали ихъ въ сосѣдственныя имъ области средней Азіи, преимущественно же въ Хиву, гдѣ (по имѣвшимся тогда свѣдѣніямъ) находилось болѣе 2,000 русскихъ въ неволѣ. Въ давнія времена захватывали людей изъ внутреннихъ селеній, даже на р. Волгѣ и за Волгою, но потомъ на линіи, а въ 30-хъ годахъ почти исключительно захватывались киргизами и туркменцами рыболовы на Каспійскомъ морѣ, въ весьма значительномъ числѣ, именно до 200 человѣкъ ежегодно. Плѣнники русскіе продавались въ Хивѣ на базарахъ, и не только знатнѣйшіе хивинскіе сановники принимали участіе въ такомъ торгѣ, но и торговцы хивинскіе, посѣщавшіе ежегодно Россію, по большей части покупали тоже нашихъ плѣнныхъ, да сверхъ того, проживая между киргизами, по дѣламъ торговымъ, всячески поощряли ихъ къ захвату плѣнныхъ, закупая ихъ впередъ и оставляя задатки. Пограничная оренбургская коммиссія хотя и располагала извѣстною суммою (вышеупомянутыми 3,000 рублей) для выкупа русскихъ невольниковъ, но выкупать удавалось самое ограниченное число оныхъ, потому что въ Хивѣ смертная казнь ожидала каждаго согласившагося продать раба своего для возвращенія въ отечество.» (44) Между тѣмъ, находящіеся въ неволѣ, обремененные тягчайшими работами и претерпѣвавшіе крайнюю во всемъ нужду, русскіе плѣнники находились подъ бдительнымъ надзоромъ, и за первый побѣгъ виновному въ томъ отрѣзывались носъ и уши, а за второй сажали на колъ, такъ что рѣдко кому приходила охота бѣжать, зная жестокое наказаніе въ случаѣ неудачи. Для предупрежденія же побѣговъ, многихъ заставляли вступать въ бракъ съ ту-

(44) Изъ сохранившейся записки того времени. (Архивъ генеральн. штаба отд. Оренбургск. корпуса.)

земками, и всѣхъ вообще разными, даже неблаговидными, способами старались обращать въ магометанство (45). Для уменьшенія захвата плѣнниковъ старались задерживать киргизовъ, принадлежащихъ къ одному роду съ хищниками. Но и это не удавалось, да притомъ было и не совсѣмъ справедливо, ибо однородцы едва ли обязаны отвѣчать за нѣсколькихъ человѣкъ разбойниковъ изъ своего рода, неизвѣстно гдѣ и чѣмъ промышляющихъ. Между тѣмъ, плѣнные, при каждомъ удобномъ случаѣ, молили объ освобожденіи, а безпомощныя семейства ихъ осаждали мѣстное начальство не только просьбами, но даже и укоризнами въ нежеланіи, будто бы, освобожденія несчастныхъ.

При такомъ положеніи дѣлъ оставалось употребить мѣры рѣшительныя и послѣднія, каковыми представлялись: задержаніе всѣхъ хивинскихъ подданныхъ съ ихъ имуществами до освобожденія нашихъ плѣнныхъ изъ неволи, а если и это не подѣйствуетъ, то принудить къ тому хивинцевъ силою оружія, о чемъ отъ мѣстнаго начальства и поступали неоднократно представленія, а происшествія на востокѣ, по доходившимъ (отъ плѣнныхъ нашихъ купцовъ и посыльныхъ) слухамъ, особенно благопріятствовали тогда такимъ энергическимъ мѣрамъ противъ Хивы: бывшій въ Оренбургѣ, въ 1830 г., посланецъ бухарскій Балта-Кулы-Бекъ и ташкенецъ Дусъ-Назаръ Юлдымовъ показывали, что несогласія между правительствами бухарскимъ и хивинскимъ въ то время готовы были обнаружиться военными дѣйствіями. Послу бухарскому даже поручено было просить императора русскаго о положеніи предѣла дерзости хивинцевъ, обѣщая содѣйствіе тогдашняго эмира бухарскаго Насыръ-Уллы, а изъ проживавшихъ въ Оренбургѣ бухарцевъ нѣкоторые объявляли (въ частныхъ разговорахъ), что хотя хивинцы и единовѣрцы имъ, а потому и не слѣдовало бы помогать русскимъ противъ нихъ, но всегдашнее ихъ грабительство и обиды бухарцамъ довели ихъ до того, что они вполнѣ согласны содѣйствовать энергическимъ мѣрамъ нашего правительства. Всѣ вообще бухарцы положительно утверждали, что ханъ ихъ, Насръ-Уллы, если и не будетъ помогать своими силами предпріятію русскихъ, то навѣрное весьма доволенъ будетъ, если русскіе

(45) Представленіе министру иностранныхъ дѣлъ графа Сухтелена, 26 августа 1831 г., № 55. При этомъ была приложена выписка изъ 12 писемъ нашихъ плѣнныхъ, изъ которой видно, между прочимъ, что въ томъ году посажено было на колъ пять человѣкъ русскихъ невольниковъ, за вторичный побѣгъ.

накажутъ и усмирятъ общаго непріятеля (46). Вслѣдъ затѣмъ происшедшія несогласія между хивинцами и нѣкоторыми начальниками киргизскими, неурожай въ Хивѣ и война съ Персіею поставили Хиву въ самое затруднительное положеніе, обѣщавшее успѣхъ военному предпріятію нашему противъ Хивы; но, къ несчастію, событіями съ 1830—1832 гг., все вниманіе правительства и военныя средства наши отвлечены были на западъ.

Такимъ образомъ, принятіе дѣйствительныхъ мѣръ противъ враждебной Хивы было отложено, а хивинцы, оставаясь столь долгое время не наказанными и неоднократно видя расположеніе русскихъ, забывъ прошлое, прекратить вражду дружественными соглашеніями, относили это, по невѣжеству своему, къ слабости и даже боязливости нашего правительства, почему продолжали свой варварскій образъ дѣйствій, гордясь своею силою и непобѣдимостію.

Необходимо было, однакожь, сколько нибудь облегчить участь нашихъ плѣнныхъ, почему наше министерство иностранныхъ дѣлъ, не допуская задержанія хивинскихъ подданныхъ изъ опасенія повредить этимъ вообще торговлѣ нашей на востокѣ (такъ какъ находившіеся въ предѣлахъ имперіи хивинцы исключительно были купцы или ихъ агенты), предложило въ 1835 году образовать въ Оренбургѣ благотворительное общество (съ щедрымъ, но тайнымъ пособіемъ отъ казны), главнѣйшимъ предметомъ дѣйствій котораго было бы освобожденіе русскихъ плѣнныхъ изъ неволи (47). Но, какъ объяснено уже выше, для

---

(46) Рапортъ предсѣдателя оренбургской пограничной коммиссіи оренбургскому военному губернатору 14 октября 1860 г., № 422.

(47) Бывшій оренбургскій военный губернаторъ графъ Перовскій, въ представленіи министру иностранныхъ дѣлъ отъ 25 сентября 1835 г., № 1395, предлагалъ для освобожденія всѣхъ нашихъ плѣнныхъ, томившихся въ неволѣ на востокѣ, и съ меньшимъ вредомъ для торговли, слѣдующее:

1) Задерживать ежегодно на Оренбургской и Сибирской линіяхъ (а также въ Астрахани и вообще, куда бы ни прибылъ караванъ изъ Хивы и Бухары) по нѣскольку человѣкъ знатнѣйшихъ торговцевъ съ товарами ихъ, не касаясь, однакожь, караваннаго головы, дабы не дѣлать помѣшательства обыкновенному ходу караванъ.

2) Требовать отъ правительствъ бухарскаго и хивинскаго за освобожденіе каждаго изъ подданныхъ по пяти человѣкъ русскихъ плѣнныхъ.

3) Объявлять азіятцамъ при размѣнѣ плѣнныхъ, что въ случаѣ покупки ими, гдѣ бы то ни было, русскихъ подданныхъ въ рабство, будетъ задерживаемо за каждаго купленнаго русскаго по два человѣка изъ ихъ торговцевъ, которые для

выкупа плѣнныхъ, по рѣдкимъ случаямъ, представлявшимся къ тому, было весьма достаточно и прежде отпускавшихся казною ежегодно 3,000 рублей, да притомъ, еслибъ источникъ значительныхъ средствъ предполагавшагося комитета и цѣль его дѣйствій сдѣлались извѣстными мѣстнымъ жителямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и азіятцамъ (что предполагать было весьма основательно), то этимъ еще болѣе увеличились бы кичливость и дерзость средне-азіятцевъ, давъ имъ поводъ думать, что русское правительство ихъ дѣйствительно боится и потому прибѣгаетъ къ тайнымъ полумѣрамъ. По всему этому учрежденіе благотворительнаго комитета и не приводилось къ исполненію, а рѣшено было наконецъ дѣйствовать силою оружія, для чего предложено въ томъ же 1835 г. бывшему оренбургскому военному губернатору, генералъ-адъютанту Перовскому, представить въ военное министерство подробное соображеніе о походѣ въ Хиву (48), но подъ видомъ ученой, съ военнымъ прикрытіемъ, экспедиціи къ Аральскому морю.

Съ наказаніемъ Хивы, какъ главной виновницы волненій въ киргизскихъ степяхъ, грабежи каравановъ и торговля нашими плѣнными — всѣ подобныя дѣйствія должны были бы прекратиться, а примѣръ строгой отвѣтственности за русскихъ невольниковъ побудилъ бы и бухарцевъ къ возврату плѣнныхъ нашихъ на родину скорѣе всякихъ переговоровъ.

Обстоятельства, однакожь, и на этотъ разъ принудили от-

своего обожденія обязаны будутъ возвратить на родину по пяти же человѣкъ русскихъ плѣнныхъ.

4) При наложеніи запрещенія на товары задерживаемыхъ азіятцевъ не принимать никакихъ исковъ на товары эти—иначе всѣ они объявлены будутъ чужими—но не воспрещать задерживаемымъ купцамъ продавать и промѣнивать свои товары русскимъ купцамъ, которые должны представлять начальству, для храненія, деньги или товары, слѣдующіе въ обмѣнъ задержанныхъ.

Мѣры эти предполагалось поддерживать въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, при чемъ предвидѣлось, что торговля наша на востокѣ особенно пострадать не можетъ, какъ потому, что задерживать предположено не всѣхъ торговцевъ, а только нѣкоторыхъ изъ числа лицъ, наиболѣе вліятельныхъ въ своемъ отечествѣ, такъ и потому, что Хива и Бухара безъ нѣкоторыхъ товаровъ нашихъ (какъ, напримѣръ, юфти, сукна, желѣза и другихъ металловъ) рѣшительно обойтись не могутъ, а получать ихъ болѣе не откуда, равно какъ и сбывать свою хлопку они могутъ только въ Россіи. Но опасенія, что такое задержаніе, даже и однихъ хивинскихъ купцовъ, могло бы навести страхъ на всѣхъ купцовъ азіятскихъ и уничтожить тѣмъ всю торговлю на востокѣ, заставили отказаться отъ этой мѣры.

(48) Предложеніе военнаго министра 14 января 1835 года.

ложить войну съ хивинцами до 1839 года. Причинами тому были разныя происшествія въ сосѣднихъ губерніяхъ и на линіи, озаботившія мѣстное начальство: безпорядки между киргизами не только оренбургскаго, но и сибирскаго вѣдомства, новыя посольства изъ Хивы и Бухары, подавшія еще разъ напрасную надежду кончить дѣла на востокѣ мирными переговорами, и наконецъ путешествіе, въ 1837 г., по Оренбургскому краю Наслѣдника Цесаревича (нынѣ царствующаго Государя Императора) требовали присутствія оренбургскаго военнаго губернатора въ краѣ.

Обширность Оренбургскаго края, разноплеменность и разновѣріе его населенія, разсѣяннаго отъ южныхъ предѣловъ Пермской губерніи до Каспійскаго моря и отъ береговъ Волги до степныхъ рѣкъ Убагана (притокъ р. Тобола, справа), Иргиза, Тургая и Эмбы, отдаленность отъ центровъ промышлености и просвѣщенія въ имперіи, — все это долгое время затрудняло прочное административное устройство юго-восточныхъ предѣловъ имперіи.

Здѣсь, кромѣ русскихъ, обитали: отъ рѣки Камы до р. Сакмары (впадающей близъ г. Оренбурга въ Уралъ) башкиры, смѣшанно съ мещеряками, тептерями, бобылями и казанскими татарами; южнѣе ихъ—калмыки; отъ устьевъ рѣки Урала по берегамъ Каспійскаго моря и берегамъ Большаго и Малаго Узеней кочевали киргизы Внутренней (Букеевской) орды; вдоль праваго берега Урала расположилось Уральское войско; сѣвернѣе его, по границѣ имперіи со степью, оренбургскіе казаки; въ степяхъ—киргизы Меньшой орды. Разъединенность племенъ еще болѣе усиливало различіе въ вѣроисповѣданіяхъ: магометанство (башкиры, татары и киргизы), всевозможныя раскольничьи секты и даже идолопоклонство (калмыки и частію тептяри и мещеряки), конечно, препятствовали всякому сближенію и соединенію народонаселенія въ краѣ.

Слухи о привольныхъ мѣстахъ и изліишествѣ земель въ краѣ привлекали сюда многочисленныхъ переселенцевъ, которые иногда, самовольно оставляя прежнія мѣста жительства, приходили въ Оренбургскій край изъ сосѣднихъ губерній тысячами (но были возвращаемы), обширность края и невозможность повсемѣстнаго, бдительнаго надзора за населеніемъ развили здѣсь въ огромныхъ размѣрахъ бродяжничество и сопряженные съ тѣмъ

безпорядки (49), а отдаленность края и трудность здѣсь служ-бы не давали возможности мѣстному начальству найти доста-точное число безкорыстныхъ и просвѣщенныхъ сотрудниковъ (50); почему предполагавшіяся тогда преобразованія шли медленно, и переходъ къ новому порядку вещей возбуждалъ неудовольствіе въ невѣжественныхъ массахъ, что влекло за собою новые без-порядки и затрудненія (51). Киргизы, по прежнему, своевольни-чали, барантовали, грабили торговые караваны и захватывали жителей въ неволю; хивинцы, по прежнему, находились во враждебномъ расположеніи къ Россіи.

Несмотря на столько затрудненій, бывшій тогда военный оренбургскій губернаторъ, генералъ Перовскій, уже съ 1835 года задумалъ приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ для прекращенія волненій въ степи и огражденія нашей торговли отъ опасно-стей.

Между киргизами издавна находились во враждебныхъ от-ношеніяхъ роды: Джегалбай, Кипчакъ, Япасъ или Джапасъ и Дюртъ-Кара, почему между ними постоянно происходили сшиб-ки и взаимный угонъ скота (баранта). Къ тому же присоеди-нились еще волненія, возбуждаемыя въ степи хивинцами, а съ проведеніемъ въ 1835 г. новой Оренбургской линіи потребова-лись для казачьихъ поселеній земли, которыя и были отмеже-ваны имъ изъ числа киргизскихъ; въ 1836 же году сдѣланъ былъ первый опытъ сбора съ киргизовъ подати (первоначально по 1 руб. 50 коп. съ кибитки),—и вотъ новыя причины къ ихъ неудовольствіямъ. Этимъ, конечно, пользовались грабители, легко

---

(49) За пятилѣтіе съ 1833 по 1838 г., было поймано бродягъ въ Оренбургскомъ краѣ около 5,000 (4,914) человѣкъ, изъ нихъ 1,500 въ одинъ 1836 годъ (изъ всеподданнѣйшаго отчета графа Перовскаго за 1836 и 37 г.).

(50) Въ теченіе 1836 и 37 гг. было предано суду и отставлено 120 чиновниковъ, за различныя злоупотребленія по гражданскому вѣдомству (тамъ же).

(51) Такъ происходили волненія въ 1836 и 37 гг. на частныхъ уральскихъ за-водахъ, въ Уральскомъ казачьемъ войскѣ въ 1837 г. по поводу преобразованія въ войскѣ, при чемъ потребовалось присутствіе военнаго губернатора съ войсками въ городѣ Уральскѣ, и въ Оренбургскомъ казачьемъ войскѣ по поводу переселенія на новыя мѣста и по распространившемуся ложному слуху о вызовѣ поселенцевъ въ крѣп. Анапу, и т. п. Появились даже зажигатели, которые, изъ мести или для грабежа, поджигали города и села и тѣмъ поддерживали народное неудовольствіе. Въ степи злоумышленники пускали на обширныхъ пространствахъ палы, какъ, напримѣръ, пущенный по направленію къ городу Троицку палъ, отъ котораго сго-рѣло до 300 кибитокъ и погибло 20,000 головъ разнаго скота и 70 человѣкъ киргизовъ.

составляли шайки, и, по прежнему, разбивали торговые караваны и захватывали невольниковъ.

Чтобы упрочить наше вліяніе на прикаспійскихъ кочевниковъ и тѣмъ уменьшить морскіе разбои, еще въ 1834 году основано было при заливѣ Кутлукѣ укрѣпленіе Ново-Александровское, а для огражденія остальной границы имперіи отъ вторженія грабительскихъ киргизскихъ шаекъ рѣшились было на громадное сооруженіе, на сотни верстъ, непрерывнаго вала со рвомъ, вдоль всей границы, не имѣющей естественнаго прикрытія; часть этой стѣны въ 1836 г. и была уже готова (52). Но безпорядки продолжались и послѣ того. Такъ, въ 1836 г., киргизы оренбургскіе разграбили киргизовъ сибирскаго вѣдомства, разбили бухарскій караванъ, шедшій изъ Троицка на 150 верблюдахъ, ограбили двухъ нашихъ купцовъ, угоняли съ линіи скотъ и увозили плѣнныхъ, а близъ укрѣпленія Ново-Александровскаго, по наущенію Хивы, адаевцы (киргизы адаевскаго рода) угнали 26,000 барановъ, принадлежавшихъ русскимъ купцамъ, разграбили на 15,000 р. товаровъ, отправленныхъ изъ укрѣпленія Ново-Александровскаго въ Гурьевъ-городокъ сухимъ путемъ, и даже угрожали самому укрѣпленію. Между тѣмъ, морскіе хищники овладѣли на Каспійскомъ морѣ казеннымъ ботомъ, при чемъ плѣнили лейтенанта Гусева и 5 человѣкъ команды (53), а также захватили два казачьи судна, плывшія изъ Астрахани въ Гурьевъ. Рѣшено было наказать виновныхъ киргизовъ немедленно силою оружія и тѣмъ до времени поддержать хотя нѣкоторый порядокъ въ степи, и съ этою цѣлью совершено нѣсколько поисковъ въ степи, подробности о коихъ мы помѣщаемъ въ примѣчаніи (54).

---

(52) Оренбургская линія шла съ сѣвера по рѣкѣ Тоболу и впадающей въ него рѣки Уя до впаденія въ послѣднюю рѣки Тугузаки; отъ устій же рѣки Тугузаки до рѣки Ори граница была открыта, и на этомъ пространствѣ думали устроить непрерывный валъ, въ родѣ китайской стѣны; отъ крѣпости же Орской линія шла по рѣкѣ Уралу до Каспійскаго моря. Въ 1836 г. было уже готово этого вала 18 верстъ и 162 саж. Онъ начинался въ 45 верст. на сѣверъ отъ крѣпости Орской и имѣлъ 6 фут. высоты, а ровъ такой же глубины. Предполагалось работу эту (нарядомъ отъ Башкирскаго войска) окончить въ 6 лѣтъ, а на издержки отпущено 250,000 руб.

(53) Лейтенанта Гусева и 2 челов. изъ его команды успѣлъ выкупить комендантъ Ново-Александровскаго укрѣпленія за 3,985 рублей.

(54) *Поиски въ 1836 году на морѣ.* Для наказанія морскихъ разбойниковъ на Каспійскомъ морѣ снаряженъ былъ отрядъ уральскихъ казаковъ на 2 палубныхъ (кусовыхъ) и 2 гребныхъ судахъ; отрядъ крейсеровалъ $3^1/_2$ мѣсяца, но хищники укрылись.

Послѣдствіемъ повсемѣстныхъ рѣшительныхъ дѣйствій нашихъ въ степи было спокойствіе здѣсь въ теченіе всего 1837 года и временное усиленіе торговли въ томъ году съ сосѣдними средне-азіятскими владѣніями; притомъ нѣкоторыя пле-

---

Походъ на Бузачи 1836—1837 гг. Противъ киргизскаго рода адаевцевъ, у которыхъ преимущественно находили убѣжище морскіе разбойники и эмиссары хивинскіе, отправленъ былъ зимою конный отрядъ уральскихъ казаковъ, подъ начальствомъ полковника Мансурова. Отрядъ состоялъ: изъ 1 штабъ-офицера, 10 оберъ-офицеровъ, 9 урядниковъ и 530 казаковъ. Къ нему прикомандированы были подполковникъ Данилевскій и адъютантъ военнаго губернатора Челяевъ. Отрядъ выступилъ 20 декабря изъ Гурьева и направился моремъ по льду на саняхъ къ укрѣпл. Ново-Александровскому; 24 декабря благополучно достигъ Прорвинскаго поста (служившаго связью укрѣпл. Ново-Александровскаго съ Уральскою линіею), т. е. въ четверо сутокъ совершилъ слишкомъ 200 верстъ труднаго пути, часто встрѣчая шиханы (или грядами пролегающіе взломы льда), до того крутые, что лошади не могли на нихъ всходить безъ помощи людей). Мѣстами ледъ проваливался; воду для питья и варки пищи приходилось добывать изъ льда и снѣгу. На пути отъ Прорвинскихъ острововъ до Ново-Александровского укрѣпленія (гдѣ запасено было потребное для отряда продовольствіе и фуражъ) сильные вѣтры взломали ледъ по всѣмъ направленіямъ, и $1^1/_2$ сотни отряда мгновенно оторваны и унесены льдомъ въ открытое море. Не потерявъ присутствія духа; казаки устроили изъ обломковъ льда мостъ (связывая льдины арканами съ помощью втыкаемыхъ въ льдины пикъ) до береговаго стоячаго льда, и, такимъ образомъ, достигли берега, потерявъ всего двѣ лошади. Перегрузивъ часть взятаго съ собою продовольствія на поставленныхъ мирными киргизами верблюдовъ, отрядъ 2 января 1837 г. прибылъ въ укрѣпл. Ново-Александровское и на другой же день выступилъ вновь, раздѣлившись на двѣ части, внизъ по заливу Кайкаду, перешедши который, одна часть отряда двинулась налегкѣ впередъ, а другая часть, спѣшившись, навьючила своихъ лошадей продовольствіемъ и слѣдовала за первою, малыми переходами.

7 января легкій отрядъ настигъ аулы поколѣнія джименей, промышлявшихъ морскимъ разбоемъ, и неожиданное появленіе русскихъ увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: отрядъ разсѣялъ составлявшееся скопище киргизскихъ наѣздниковъ и отбилъ 350 верблюдовъ, на коихъ тотчасъ навьючены были запасы отряда, который вновь раздѣлился:

Подполковникъ Данилевскій пошелъ къ западу на полуостровъ Бузачи, а полковникъ Мансуровъ на югъ и юго-западъ Мангишлака, и сверхъ того небольшіе разъѣзды разосланы были по всѣмъ направленіямъ для отысканія хищниковъ, которые вездѣ были разсѣеваемы и захватываемы въ плѣнъ, при чемъ разбойники изобличены найденными у нихъ въ аулахъ, матросскими куртками, офицерскими вещами, морскими картами и т. п. предметами съ разграбленнаго казеннаго бота. Подполковникъ Данилевскій сжегъ найденныя имъ по берегу моря разбойничьи суда, а адъютантъ Челяевъ съ отдѣльною партіею далеко на югъ преслѣдовалъ хищниковъ.

24 января отрядъ возвратился благополучно въ укрѣпл. Ново-Александровское и привелъ съ собою 53 чел. плѣнныхъ; скота было отбито столько, что продажею онаго покрыты всѣ издержки экспедиціи. Такимъ образомъ, отрядъ этотъ въ теченіе 20 дней совершилъ до 1,200 верстъ, зимою, когда морозы были не менѣе 15^0 Реом., а нерѣдко доходили и до 25^0 Реом., при чемъ умерло 2 челов.

мена туркменовъ, устрашенныя силою нашего оружія, изъявили готовность вступить въ подданство Россіи.

Еще въ 1835 г. поколѣнія туркменовъ: Игдыръ и Бурунчукъ, кочующія отъ Мангишлака до Александръ-Бая, просили, черезъ коменданта укрѣпленія Ново-Александровскаго, о принятіи ихъ въ подданство Россіи. Теперь же поколѣнія туркменовъ, Кулдай и

и нѣсколько казаковъ легко ранено въ сшибкахъ; но убитыхъ вовсе не было. Упалыя лошади казачьи всѣ были замѣнены отбитыми у непріятеля.

Затѣмъ разослано адаевцамъ и союзникамъ ихъ въ дѣлѣ грабежей — туркменцамъ, объявленіе, что за каждый будущій разбой послѣдуетъ подобное же наказаніе.

Поискъ въ 1836 г. до песковъ Барсуки. Слухъ о появленіи эмиссаровъ хивинскихъ въ нашихъ степяхъ для возбужденія киргизовъ къ неповиновенію и грабежамъ побудилъ къ обнародованію въ степи объявленія, что всякое неблагонамѣренное покушеніе подвергнется строгому наказанію. Несмотря на то, подстрекаемые хивинцами, киргизы близъ рѣки Ирица разбили караванъ одного оренбургскаго купца и двухъ его прикащиковъ захватили въ неволю. Для наказанія виновныхъ отправленъ, подъ начальствомъ командира бывшей 2-й линейной бригады, генералъ-маіора Дренякина, отрядъ изъ 1,000 чел. охотниковъ, вызванныхъ изъ сосѣднихъ къ линіи башкирскихъ кантоновъ; при отрядѣ находилось: 31 чиновникъ и 40 урядниковъ башкирскихъ, и къ нимъ придано 2 орудія и 30 пѣхотинцевъ, посаженныхъ на лошадей. 4 іюля выступилъ отрядъ этотъ чрезъ Хабарную за Уралъ, а изъ крѣпости Орской обозъ съ 15-ти-дневнымъ продовольствіемъ. (Сверхъ того башкиры имѣли свое 20-ти-дневное довольствіе на 536 вьючныхъ лошадяхъ.) Съ появленіемъ отряда въ степи, русскіе прикащики были тотчасъ освобождены, и даже часть товаровъ возвращена. Отрядъ, усиленными переходами преслѣдуя хищниковъ, часть ихъ настигъ въ 500 верстахъ отъ линіи, за рѣкой Эмбою; здѣсь аулы хищниковъ были окружены, захвачены важнѣйшіе изъ виновниковъ и взятъ скотъ, для покрытія, продажею его, издержекъ экспедиціи. Другая часть хищниковъ укрылась въ пескахъ Барсуки, гдѣ преслѣдованіе становилось крайне затруднительнымъ, почему отрядъ, чрезъ 20 дней, возвратился на линію въ крѣп. Ильинскую, потерявъ одного только башкира.

Поискъ въ 1836 г. на рѣкѣ Хобдѣ. Одновременно съ предъидущею экспедиціею отправленъ былъ чрезъ крѣпость Илецкую-Защиту, подъ начальствомъ командира непремѣннаго Оренбургскаго полка, подполковника Падурова, 2-хъ-сотенный казачій отрядъ на р. Хобду, гдѣ появились хивинскіе сборщики податей, обиравшіе подвластныхъ намъ киргизовъ; но одинъ слухъ о появленіи этого отряда заставилъ хивинцевъ удалиться.

Поиски въ 1836 г. на пескахъ Тайсуйганъ. Получено было извѣстіе, что часть адаевцевъ, отправивъ имущество въ пески Тайсуйганъ (противъ крѣпости Кулганской, на Нижнеуральской линіи), задумали налегкѣ дѣйствовать противъ укрѣпл. Ново-Александровскаго; почему собрано было 3 сотни линейныхъ уральскихъ казаковъ и отправлены къ означенному урочищу подъ начальствомъ войсковаго старшины Осипова; но только часть хищниковъ была тамъ настигнута и отбито много скота. При этомъ убиты 1 казакъ и нѣсколько лошадей; киргизы потеряли до 15 человѣкъ убитыми.

Сверхъ того у Гурьева, изъ числа прикочевавшихъ для мѣны киргизовъ, захвачено 6 человѣкъ разбойниковъ, извѣстныхъ издавна и поименно. Всѣ захваченные грабители предавались немедленно военному суду.

*

Ждавдырь, просили вновь о томъ же, чрезъ астраханское начальство. Выше было, въ примѣчаніи, замѣчено, что туркменцы присягали на подданство въ 1791 г., но какъ на нихъ не было обращено впослѣдствіи особаго вниманія, то они присоединились къ Хивѣ. Теперь этотъ вопросъ возобновился, и предполагалось подчинить туркменовъ и адаевцевъ особому султану-правителю (четвертому, на р. Эмбѣ или Усть-Уртѣ), придавъ ему для поддержанія своего вліянія вооруженную казачью команду, каковыя были при ставкахъ существовавшихъ уже трехъ султановъ-правителей киргизскихъ (восточной, средней и западной частей Меньшой киргизъ-кайсацкой орды). Но азіятскій комитетъ нашелъ такое принятіе туркменовъ въ подданство Россіи несвоевременнымъ, почему предложилъ, не давая опредѣленнаго отвѣта, обнадеживать туркменовъ покровительствомъ Россіи, чтобы имѣть въ нихъ союзниковъ на случай войны съ Хивою.

О дѣйствіяхъ нашихъ отрядовъ въ 1838 г. упоминаемъ также въ примѣчаніи (55), чтобы не прерывать общей нити разсказа

Даже во Внутренней (Букеевской) ордѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ нашими поселеніями, не обходилось безъ волненій и безпорядковъ: здѣсь возмутитель Таймановъ, по разнымъ неудовольствіямъ на хана этой орды, собралъ до 3,000 грабителей; но высланный, подъ начальствомъ подполковника Геке, отрядъ изъ 600 человѣкъ казаковъ разсѣялъ возмутителей, при чемъ убито до 60 киргизовъ, а самъ Таймановъ успѣлъ бѣжать за р. Уралъ.

(55) Значительнѣйшіе подстрекатели и предводители шаекъ въ степи въ 1838 г. были: сибирскаго вѣдомства киргизовъ султаны *Касимъ* и *Кенисара*, отецъ съ сыномъ, а изъ киргизовъ Внутренней (Букеевской) орды *Исетай*, бѣжавшій за Уралъ въ 1837 г. и соединившійся съ давнишнимъ бѣглецомъ той же орды султаномъ *Каипъ Галіевымъ*; наконецъ, *Джуламанъ*, удалившійся еще со времени занятія нами плецкихъ линій въ 1820 г., и съ тѣхъ поръ не переставшій питать злобу къ русскимъ. Всѣ они скрывались въ Хивѣ и болѣе или менѣе, а Каипъ и Исетай въ особенности, находили постоянную опору въ хивинцахъ. Каипъ разбойничалъ еще въ 1832 г. у самой линіи, но потомъ скрылся, а появившись вновь въ 1835 г. въ нашей степи, кочевалъ мирно, желая какъ бы загладить свою вину. Но вскорѣ онъ былъ вызванъ въ Хиву, породнился тамъ съ ханомъ, выдавъ за него свою дочь, и принялъ названіе хана западныхъ (отъ Хивы) киргизовъ (подобно тому, какъ Менембай еще прежде принялъ званіе хана восточныхъ отъ Хивы киргизовъ), а въ 1838 году, согласившись съ прочими бѣглецами, появился уже съ шайками киргизовъ и туркменовъ для сбора съ нашихъ кайсаковъ податей. Скопища его увеличились вскорѣ до 3,000, и онъ направился къ рѣкамъ Илеку, Хобрѣ, Орѣ, къ верховьямъ Тобола, приближаясь къ нашей линіи. Положеніе мирныхъ родовъ киргизскихъ въ такихъ случаяхъ бываетъ крайне затруднительно; если они не успѣютъ найдти убѣжища близъ самой линіи, то должны слѣдовать внушеніямъ злобствующихъ шаекъ, въ противномъ случаѣ сами подвергаются неминуемому разоренію.

Для защиты мирныхъ киргизовъ и прикрытія кордонной линіи, по существу

о препятствіяхъ, претерпѣваемыхъ торговлею вслѣдствіе волненій въ степи и враждебныхъ дѣйствій хивинскихъ; здѣсь же замѣтимъ только, что какъ главная причина всѣхъ затрудненій по заграничной торговлѣ—безнаказанное хищничество Хивы—оставалась, то съ 1838 года дѣла пошли по прежнему. А, между

своему неспособной противостоять прорыву такого скопища за линію, въ іюнѣ 1838 г. высланы были въ степь три отряда: 1) изъ 500 башкировъ, 50 пѣхотныхъ стрѣлковъ, посаженныхъ верхомъ, при 2-хъ легкихъ орудіяхъ, подъ начальствомъ командира непремѣннаго Оренбургскаго полка (это былъ постоянно на службѣ состоявшій полкъ отъ Оренбургскаго казачьяго войска) подполковника Падурова; 2) изъ 450 оренбургскихъ и уральскихъ казаковъ, 50 стрѣлковъ, при 2 орудіяхъ, подъ начальствомъ состоявшаго по кавалеріи полковника Геке. 3) Изъ 700 казаковъ Оренбургскаго и Башкирскаго войскъ при 5 орудіяхъ, подъ командою состоявшаго по кавалеріи полковника Мансурова. Назначеніе перваго изъ этихъ отрядовъ состояло только въ томъ, чтобы прикрывать среднюю часть линіи и ближайшихъ къ оной киргизовъ; почему отрядъ этотъ и оставался все время позади двухъ остальныхъ, выдвинутыхъ еще далѣе въ глубь степи, правѣе и лѣвѣе перваго. 2-й отрядъ соединился противъ уральской линіи съ султаномъ-правителемъ западной части орды, противъ которой направлялся съ шайкою Исетай, и, неожиданно напавъ на хищниковъ, разбилъ ихъ наголову, при чемъ былъ убитъ самъ Исетай, а съ нашей стороны ранено 7 человѣкъ. 3-й отрядъ, соединившись съ султаномъ-правителемъ средней части орды, направился на востокъ къ верховьямъ р. Иргиза, гдѣ тоже удачно окружилъ аулы волновавшагося рода Дюртъ-Кара, захватилъ поименно извѣстныхъ намъ зачинщиковъ и отогналъ множество скота для удовлетворенія ограбленныхъ возмутителями киргизовъ и покрытія издержекъ поиска. При этомъ убито до 80 киргизовъ, а съ нашей стороны ранено 2 человѣка.

Затѣмъ уже въ августѣ, полковникъ Геке съ отрядомъ командированъ былъ для преслѣдованія отступавшаго на юго-востокъ Джуламана; но скопище его налегкѣ бѣжало въ безкормныя мѣста, оставляя позади себя палы, такъ что отрядъ нашъ не въ состояніи былъ слѣдовать далѣе р. Эмбы, почему возвратился на линію.

Главный руководитель возмутителей, султанъ Кашъ Галіевъ, бѣжалъ въ Хиву, а Касимъ съ Кенисарою, противъ которыхъ генералъ-губернаторъ Западной Сибири просилъ содѣйствія оренбургскихъ войскъ, отступили къ Ташкенту.

Зимою 1838 г. получено было извѣстіе, что сибирскаго вѣдомства султаны *Аблаевы*, родственники и единомышленники Кенисары, зимуютъ на р. Тургаѣ и что туда же собираются прибыть Касимъ и Кенисара, чтобы сообща произвести грабежи и набѣгъ на линію. Для предупрежденія такого покушенія, раннею весною (въ мартѣ 1839 г.) отряженъ былъ, подъ начальствомъ войскового старшины Лебедева, отрядъ изъ 1,900 чел. казаковъ и башкировъ, и сотни мирныхъ киргизовъ (кипчакскаго и кырейскаго родовъ) при 2-хъ легкихъ орудіяхъ. Отрядъ засталъ Аблаева со всѣми аулами его еще на зимовкѣ и захватилъ въ плѣнъ самого Аблаева и 13 другихъ киргизовъ, при чемъ убито до полусотни непріятелей и угнано множество скота. Однакожь, дальнѣйшее преслѣдованіе хищниковъ оказалось невозможнымъ, по случаю вдругъ наступившей весны и разлива водъ. На возвратномъ пути къ линіи, послѣ сильныхъ дождей, начались снова сильные морозы и вьюги, отъ чего отрядъ значительно потерпѣлъ, особенно лошади, изъ коихъ пало до 600. Между тѣмъ, Кенисари, выждавъ возвращенія отряда Лебедева на линію, снова появился на р. Тургаѣ со скопищемъ въ 3,000

тѣмъ, спокойный 1837 годъ показалъ достаточно, чего можно было ожидать отъ нашей торговли на востокѣ, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Въ это время (въ концѣ 1836 и въ 1837 гг.) прибыло въ Оренбургъ, Троицкъ и Орскъ товаровъ изъ Бухары, Хивы и г. Ташкента (изъ Кокана) на 12,000 верблюдахъ и на сумму болѣе 6,000,000 руб., а отпущено товаровъ на сумму около 5,000,000 руб. (56), при чемъ главнѣйшимъ предметомъ привоза была хлопчатая бумага, которую болѣе некуда было и вывозить, кромѣ Россіи. Но торговля наша съ среднею Азіею не возрастала, а, напротивъ, съ году на годъ приходила въ упадокъ, какъ отъ небезопасности путей въ сосѣднія намъ ханства, такъ и отъ опасности пребыванія тамъ русскихъ купцовъ и притѣсненій, претерпѣваемыхъ ими на рынкахъ востока. Неоднократно уже нами здѣсь объяснялось, что въ Хиву русскіе купцы не смѣли показаться вовсе и что даже въ Бухарѣ, постоянно поддерживавшей торговыя съ нами сношенія, они подвергались важнымъ затрудненіямъ: такъ бухарцы, взимая съ азіятскихъ торговцевъ таможенный сборъ въ 10 процентовъ, съ русскихъ торговцевъ брали 40 процентовъ, подвергая ихъ притомъ и другимъ притѣсненіямъ, какъ, напримѣръ, оцѣнивая по произволу товары русскіе всегда выше ихъ настоящей цѣнности, чтобъ взять болѣе пошлинъ, тогда какъ азіятское купечество всѣхъ сосѣднихъ странъ у насъ пользовалось даже преимуществомъ предъ русскимъ, не платя гильдейскихъ пошлинъ. По этому поводу наше купечество, объясняя, что вся здѣшняя торговля находится въ рукахъ азіятцевъ, просило (въ

человѣхъ, разграбилъ киргизовъ восточной части орды, на сумму до 200,000 руб. сер., а отдѣльныя его шайки нападали на линію, при чемъ увели въ плѣнъ 8 челов. русскихъ, кромѣ захвата рыбопромышленниковъ нашихъ на р. Тоболѣ.

Въ 1839 же году, зимою, у отряда, заготовлявшаго сѣно на р. Эмбѣ для предстоявшей экспедиціи въ Хиву, угнано было, подкравшимися ночью ворами, 300 башкирскихъ лошадей; позже отогнано подобнымъ же образомъ 180 воловъ и захваченъ маркитантскій прикащикъ, какъ о томъ, въ своемъ мѣстѣ, будетъ сказано далѣе.

(56) Въ 1836 году прибыло на линію 6 каравановъ, въ 13 отдѣленіяхъ, на 6,964 верблюдахъ, а выступило съ линіи 23 каравана на 4,657 верблюдахъ и 481 подводѣ; товаровъ привезено на [illegible],160,338 руб., а отпущено на 2,2[illegible]4,150 руб. Въ 1837 же году прибыло на линію 975 верблюдами менѣе, при чемъ товаровъ привезено менѣе на 100,000 руб. и отпущено менѣе на 525,000 руб. противъ 1836 года, тогда какъ, напримѣръ, въ ближайшее къ тому время, въ 1834 г., вывезено было изъ Россіи товаровъ всего на 90[illegible],000 руб. ассиг., а въ 1835 и 36 годахъ на 1½ милліона.

1837 г.) настоять: 1) чтобы купцы наши въ Бухарѣ пользовались одинакими правами съ азіятцами, 2) чтобы дозволено было содержать тамъ нашего консула, для охраненія правъ русскаго купечества, 3) основанія для удобства и большой безопасности торговли укрѣпленія на р. Сыръ-Дарьѣ и 4) взысканія у насъ съ азіятцевъ гильдейскихъ повинностей и десятинную пошлину по оцѣнкѣ товаровъ.

Но какъ изъ многолѣтняго опыта было уже намъ хорошо извѣстно, что переговоры съ средне-азіятскими владѣльцами ни къ чему не ведутъ, то и предполагалось освободить торговлю отъ всякихъ азіятскихъ стѣсненій ([57]) мѣрами строгости, которыя и начали приводиться въ исполненіе съ 1836 года, и безъ коихъ одними дружелюбными сношеніями нельзя было ничего достигнуть, какъ то подтвердилось еще разъ и во время пребыванія у насъ въ 1836 г. посланца бухарскаго ([58]) и въ 1837 г. посланца хивинскаго (о которомъ упомянется далѣе), бухарскій же посланецъ Курбанъ-Гашировъ въ іюлѣ прибылъ въ Орскъ, откуда отправленъ въ Петербургъ, а въ мартѣ 1837 года возвратился обратно съ грамотами и подарками. Дѣло все кончилось, по обыкновенію, ничѣмъ, ибо и вся цѣль такихъ посольствъ, по понятіямъ азіятцевъ, состояла въ надеждахъ получить хорошіе подарки и денежныя выгоды, почему и самое званіе посланца въ ханствахъ средней Азіи продажно.

Вѣрнѣе было показать примѣромъ строгости, что всякое нарушеніе международныхъ правъ повлечетъ за собою наказаніе,— и вотъ лѣтомъ 1836 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о задержаніи какъ на оренбургской и сибирской линіяхъ, такъ и

([57]) Совершенной безопасности торговли на востокѣ мы не достигли и по настоящее время, какъ то подробно объяснено въ статьѣ оренбургскаго купца Дѣева, въ «Экономич. Указат.» за 1860 годъ, № 23[illegible].

([58]) Въ 1835 г. явился въ Оренбургъ родственникъ бухарскаго хана, султанъ Абулъ-Керимъ, помѣшался здѣсь и нѣкоторое время требовалъ строгаго присмотра. Оправившись и получивъ пособіе, Керимъ въ 1837 г. задумалъ возвратиться въ отечество съ посланцемъ бухарскимъ и поѣхалъ съ нимъ до Орска, гдѣ скрылся неизвѣстно куда. Въ 1837 же году прибылъ въ Оренбургъ еще одинъ знатный бухарецъ — Сеидъ-Ахметъ-Ходжа Абдулъ-Азизовъ, женатый на родной сестрѣ хана, поссорившись съ нимъ, выѣхалъ въ Коканъ, а отсуда чрезъ сибирскую границу явился въ Оренбургъ, гдѣ просилъ позволенія представиться Государю Императору; но какъ это дозволить было неудобно, по случаю пребыванія тогда въ Петербургѣ посла бухарскаго, то онъ и оставался въ Оренбургѣ, женился на здѣшней татаркѣ и получалъ по 250 руб. въ мѣсяцъ содержанія до отправленія своего въ Мекку.

въ г. Астрахани всѣхъ хивинцевъ, подданныхъ наиболѣе враждебнаго намъ сосѣдняго ханства, съ тѣмъ, чтобы они были освобождены не прежде, какъ по удовлетвореніи всѣхъ справедливыхъ требованій Россіи, особенно по освобожденію нашихъ плѣнниковъ.

Въ Оренбургѣ повелѣніе это исполнено было 28 августа, когда всѣ торговцы хивинскіе были на мѣновомъ дворѣ, а верблюды ихъ навьючены и караванъ собирался къ выступленію. Задержанные хивинцы помѣщены были въ Оренбургѣ и по уѣзднымъ городамъ, въ гауптвахтахъ, острогахъ и свободныхъ казенныхъ зданіяхъ, смотря по удобству помѣщенія и присмотра, а на содержаніе первоначально назначено по 50 к. въ сутки на каждаго, но, по составленіи артелей, и половины этого оказалось достаточнымъ.

Задержано хивинцевъ и при нихъ денегъ и товаровъ:

Въ Оренбургѣ	390	хивинц. и товар. на	700,000 р.
— Астрахани	182	— — —	700,000 »
Всего	572	хивинца и товар. на	1,400,000 р.

На сибирской линіи въ это время не оказалось ни одного хивинца.

Задержанные хивинцы прибѣгали ко всевозможнымъ средствамъ, чтобъ освободить себя и спасти товары: отказывались отъ подданства Хивы, или увѣряли, что товары принадлежатъ не имъ, а бухарцамъ; нѣкоторые даже изъявили желаніе вступить въ русское подданство, но все это оставлено безъ вниманія, потому что въ случаѣ успѣха и каждый изъ нихъ послѣдовалъ бы такому же примѣру, только для виду, чтобъ выѣхать изъ Россіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ханы Хивы и Бухары извѣщены были письменно о происшедшемъ: хану бухарскому для свѣдѣнія и съ увѣреніемъ въ дружественномъ расположеніи, а хану хивинскому пояснены были также всѣ недружественные поступки, съ объявленіемъ, что задержанные въ залогъ хивинцы могутъ быть выручены только освобожденіемъ всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, находящихся въ ханствѣ (59).

Вслѣдствіе того, въ январѣ 1837 г., съ возвращавшимся на-

---

(59) Письмо отъ 18 сентября 1836 г., отъ оренбургскаго военнаго губернатора къ хивинскому владѣльцу.

шимъ посыльнымъ въ Хиву татариномъ, прибылъ въ Оренбургъ посланецъ хивинскій Кабылбай (правитель одной половины города Ургенча), коему было объявлено, что признать его посланникомъ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, нельзя, и что прежде всякихъ переговоровъ должно освободить всѣхъ русскихъ плѣнниковъ; привезенныя же имъ письма были разсмотрѣны: одно письмо безъ подписи, по словамъ Кабылбая, было отъ хана на Высочайшее имя Государя Императора, другое отъ мехтера (министра финансовъ) на имя военнаго губернатора; но ни въ одномъ изъ нихъ не говорилось ни слова объ освобожденіи плѣнныхъ. Ханъ, между прочимъ, приписывалъ всѣ несогласія частнымъ дѣйствіямъ придворныхъ и жаловался на основаніе укрѣпленія Ново-Александровскаго. Письмо къ военному губернатору отличалось еще большею неопредѣленностію и уклончивостію и можетъ служить образцомъ азіятской дипломатіи (60). Поэтому посолъ хивинскій снабженъ былъ новымъ письменнымъ удостовѣреніемъ (письмомъ вице-канцлера къ хану), которымъ, въ знакъ искренняго намѣренія Хивы прекратить враждебныя противъ насъ дѣйствія, положительно требовалась выдача всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, и для того назначенъ 4-мѣсячный срокъ. Вскорѣ затѣмъ (15 сентября) прибылъ гонецъ изъ Хивы, съ весьма

---

(60) *Копія съ письма, доставленнаго въ 1837 г. оренбургскому военному губернатору хивинцемъ Кабылбаемъ Авязметевымъ.*

Богъ вседержащій.

Харезмшахъ.

По засвидѣтельствованіи оренбургскому военному губернатору, имѣющему знаки уваженія дружественныхъ обрядовъ, извѣщается, въ уваженіе доброжелательства, что отправленное тобою съ нагайцемъ Гарифомъ письмо къ отцу завоевателей, вспоможенному Богомъ, отцу побѣдителей, средоточію хакановъ и великихъ султановъ (да предастся ему въ жертву духъ нашъ!) доставлено. Доселѣ, по возможности, были благополучны оба народа, и потому старались теперь съ благопріятностію отвѣчать на оное письмо. Да будетъ вѣдомо тебѣ, что этотъ рабъ, по силѣ возможности, будетъ всегда тщиться объ утвержденіи благополучія обоихъ народовъ. Равнымъ образомъ и ты обязанъ стараться о водвореніи спокойствія между обѣихъ державъ и о доставленіи пользы и исправленія бѣднымъ жителямъ ихъ. Уважая права рабства къ своему государю, ты представишь ему приличными словами свои доводы къ освобожденію захваченныхъ купцовъ и къ уничтоженію Александровской крѣпости, которая нѣкоторымъ весьма не нравится. Я, исполнитель ханской воли, буду стараться, сколь возможно, быть средствомъ къ исполненію всѣхъ дѣлъ вашихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что люди, употребившіе въ этомъ отношеніи благонамѣренныя попеченія, ознаменуются доброю славою. Пріязненное письмо это писано въ мѣсяцѣ ноябрѣ 1836 года. Приложена печать михтара Бахтибара сына Юсуфова.

важнымъ письмомъ на имя предсѣдателя пограничной коммиссіи, что ханъ приказалъ собрать и отправить на родину всѣхъ нашихъ плѣнныхъ; въ концѣ октября получено извѣстіе и отъ Кабылбая съ береговъ рѣки Эмбы, о томъ, что онъ съ русскими плѣнными слѣдуетъ въ Оренбургъ. Немедленно сдѣланы были распоряженія къ принятію нѣсколькихъ сотъ страдавшихъ въ неволѣ нашихъ соотечественниковъ; но когда, наконецъ, 18 ноября прибылъ бухарскій караванъ и съ нимъ посланецъ хивинскій Кабылбай, то оказалось возвращенныхъ всего 25 человѣкъ.

Однакожь, возвращеніе и такого числа плѣнныхъ было неслыханнымъ до того событіемъ; почему всѣ спѣшили торжествовать столь радостное для края начало новаго порядка вещей: весь городъ встрѣтилъ выкупленныхъ изъ неволи земляковъ невдалекѣ отъ мѣноваго двора; духовенство отслужило благодарственное молебствіе подъ открытымъ небомъ и окропило возвращенныхъ святою водою, а купечество угостило ихъ обѣдомъ (61).

Посолъ хивинскій и на этотъ разъ привезъ изъ Хивы письма, по обычаю здѣшнихъ азіятцевъ, безъ подписей. Одно изъ нихъ, съ ханскою печатью на особомъ лоскуткѣ, по его словамъ, было для Государя Императора; остальныя—на имя военнаго губернатора и предсѣдателя пограничной коммиссіи. Всѣ письма, по обыкновенію, отличались неопредѣленностію содержанія, о дѣлѣ въ нихъ упоминалось только слегка; а, между тѣмъ, изъ выпущенныхъ хивинцами на родину нашихъ плѣнныхъ всѣ почти были люди престарѣлые, прожившіе въ неволѣ по 30 и 40 лѣтъ, и одинъ даже 55 лѣтъ, т. е. люди, для хивинцевъ ни къ чему болѣе негодные.

По словамъ же возвращенныхъ изъ неволи, хивинскій ханъ (Аллакулъ) рѣшился было дѣйствительно освободить всѣхъ нашихъ плѣнныхъ, къ чему его особенно побуждалъ братъ, человѣкъ умный и уважаемый всѣми; но потомъ возникло въ совѣтѣ хан-

---

(61) Русское правительство одинаково принимало участіе и въ судьбѣ плѣнниковъ другихъ націй и когда удавалось кого либо изъ нихъ освободить, то давало средства къ возвращенію на родину: такъ съ 1836 по 1840 г. отправлено, по обыкновенію, чрезъ Астрахань, въ Персію семь человѣкъ азіятцевъ, выбѣжавшихъ изъ средней Азіи; а въ 1838 г. принимало (въ Бухарѣ) дѣятельное участіе въ освобожденіи изъ неволи англичанина Стодарта, который, впрочемъ, пожелалъ освобожденія только чрезъ англичанъ, почему и погибъ.

скомъ неумѣстное опасеніе, что скорое исполненіе перваго требованія русскихъ повлечетъ за собою новыя домогательства, а Хива, чувствуя себя виновною предъ нами во многихъ отношеніяхъ, боялась, что рано или поздно Россія потребуетъ еще вознагражденія за разграбленные хивинцами караваны, можетъ быть и удовлетворенія за убитаго нѣкогда въ Хивѣ посла русскаго, князя Бековича-Черкасскаго. Поэтому рѣшено было не вдругъ уступать требованіямъ Россіи, отдѣлываясь выдачею отъ времени до времени нѣсколькихъ десятковъ плѣнныхъ и подарками. Вотъ почему, несмотря на формальное объявленіе хана объ освобожденіи всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, было возвращено съ посломъ хивинскимъ Кабылбаемъ всего 25 человѣкъ и предложены богатые дары, состоявшіе въ цѣнныхъ аргамакахъ (62), въ роскошной конской сбруѣ и драгоцѣнныхъ шаляхъ.

Но Кабылбаю вновь, письменно и словесно, подтверждено было, что задержанные хивинцы не будутъ освобождены до возвращенія на родину всѣхъ нашихъ плѣнныхъ; подарки отвергнуты, а товары хивинскіе, привезенные 20-ю купцами въ свитѣ посланца, были возвращены за печатями, съ тѣмъ, чтобы они увезли ихъ обратно, такъ какъ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, принятіе даровъ и дозволеніе торговать было бы неумѣстно. За возвращенныхъ же изъ неволи 25 русскихъ немедленно освобождено было 5 хивинцевъ со всѣмъ ихъ имуществомъ.

Ханъ хивинскій, видя, что наступаетъ время расплаты за всѣ беззаконные поступки хивинцевъ, и не находя возможности, какъ прежде, отдѣлаться одними обѣщаніями, старался склонить Бухару къ союзу съ собою противъ Россіи; но, несмотря на многократныя настоянія и духовное посольство по этому предмету хивинскаго хана, эмиръ бухарскій не только отказалъ ему въ союзѣ, но даже отправилъ (въ августѣ 1838 года) въ Россію посла своего для скрѣпленія дружественныхъ сношеній съ нами. Этотъ посланецъ, Балта-Кулы-Бекъ, прибылъ въ Оренбургъ съ 20 человѣками свиты и слономъ въ подарокъ Государю, а также привезъ трехъ выбѣжавшихъ изъ хивинской неволи русскихъ. Посолъ бухарскій былъ въ С.-Петербургѣ, откуда возвратился

---

(62) Аргамаки — лучшая порода лошадей въ средней Азіи; они происхожденія арабскаго и преимущественно находятся у туркменцевъ, которые въ тщательности ухода за своими лошадьми не уступаютъ англичанамъ.

въ 1839 году въ Оренбургъ, и въ октябрѣ того же года отправился обратно, вмѣстѣ съ назначенными для разныхъ изслѣдованій въ Бухару, по просьбѣ эмира, горными инженерами (капитаномъ Ковалевскимъ и поручикомъ Генргросомъ), которые, впрочемъ, встрѣтясь на пути съ хивинскими сборщиками податей, принуждены были бѣжать и неожиданно явились въ укрѣпленіе наше на Акъ-Булакѣ, а потомъ отправлены обратно въ Петербургъ ([63]).

Въ августѣ же 1838 г. съ бухарскимъ караваномъ опять прибыли два хивинскіе посланца, съ 12 провожатыми и 5 чел. русскихъ плѣнныхъ. Въ привезенномъ ими письмѣ (по прежнему, безъ подписи и печати), просилось о присылкѣ въ Хиву русскаго чиновника для сбора и принятія нашихъ плѣнныхъ; пятеро же возвращенныхъ русскихъ присланы были, между тѣмъ, не отъ хана, а отъ одного купца, родственники коего задержаны были въ Оренбургѣ. И какъ неоднократно уже было объявлено хану, чтобъ онъ не присылалъ пословъ до освобожденія изъ неволи всѣхъ русскихъ, то съ отпущеннымъ обратно посланцемъ купе-

---

([63]) Эмиръ бухарскій, въ знакъ особенной дружбы, явилъ небывалый до того въ средней Азіи примѣръ довѣрія къ Россіи, испросивъ отправленіе въ свое ханство двухъ означенныхъ горныхъ чиновниковъ, которымъ предполагалъ дать полную свободу въ разъѣздахъ ихъ по всему ханству, для отысканія драгоцѣнныхъ металловъ и камней. Какъ важно было достиженіе нашими горными офицерами Бухары и какую пользу могли бы принести наукѣ долговременныя ихъ тамъ изслѣдованія, всего яснѣе усматривается изъ проекта инструкціи инженеръ-капитану Ковалевскому; правительствомъ нашимъ даны были притомъ значительныя средства этому офицеру, для успѣшнаго выполненія возложеннаго порученія (до 40,000 р. асс.); но, къ несчастію, хивинцы лишили насъ этого прекраснаго случая къ изслѣдованію средней Азіи. Уже письмомъ (по французски) отъ 19 ноября 1839 года г. Ковалевскій изъ песковъ Барсуки увѣдомлялъ, что хивинскіе эмиссары, вспомоществуемые кара-башами (каракалпаки), производили на русскую миссію нападенія, желая овладѣть оною; посолъ бухарскій, между тѣмъ, для личной безопасности, старался показать видъ, что не имѣетъ ничего общаго съ русскими, и даже, не желая защищать русскихъ, располагался не вмѣстѣ съ ними на ночлегахъ и привалахъ, и какъ хивинцы положительно объявили, что русскихъ въ Бухару не пропустятъ ни за что, и непремѣнно захватятъ ихъ въ одномъ изъ укрѣпленій хивинскихъ на р. Сыръ-Дарьѣ, то г. Ковалевскій тѣмъ же письмомъ увѣдомлялъ, что намѣренъ бѣжать, какъ только представится къ тому случай, и дѣйствительно, въ страшные бураны, наши инженеры, бросивъ все имущество, съ невѣроятною быстротою проскакали въ трое сутокъ всю степь и неожиданно явились въ нашемъ передовомъ (для хивинскаго похода) Чушка-Кульскомъ укрѣпленіи. Отсюда новымъ письмомъ (25 ноября, по русски) г. Ковалевскій увѣдомилъ оренбургскаго военнаго губернатора о своемъ бѣгствѣ, прося возвратить его въ Петербургъ, такъ какъ, лишившись всѣхъ средствъ, онъ не могъ болѣе разсчитывать достигнуть Бухары даже и другими путями.

чества хивинскаго вновь, и письменно же, подтверждено: «доколѣ не исполните требованій нашихъ, не признаемъ пословъ вашихъ, и потому не посылайте ихъ: они будутъ задержаны на ряду съ прочими». Всѣ остальные затѣмъ хивинцы (въ числѣ 13 человѣкъ) были задержаны.

Несмотря на то, въ августѣ 1839 года, снова прибыли два посланца хивинскіе, Имбай-Бабаевъ и Сеидъ-Маметъ-Ніазовъ, съ 80 русскими, посланными отъ имени хана; изъ нихъ 32 человѣка взяты были съ Каспійскаго моря, весною того же года, и, какъ простодушно выражался ханъ въ письмѣ, составляли *его долю*, полученную имъ въ видѣ подати отъ морскихъ разбойниковъ. Поспѣшное отправленіе этихъ посланцевъ изъ Хивы было слѣдствіемъ дошедшихъ туда извѣстій объ основаніи на рр. Эмбѣ и Акъ-Булакѣ нашихъ укрѣпленій или промежуточныхъ пунктовъ для предстоявшаго въ Хиву похода, такъ какъ еще въ мартѣ 1839 года былъ Высочайше утвержденъ журналъ особаго комитета (изъ вице-канцлера, военнаго министра и военнаго оренбургскаго губернатора) *о воинскомъ на Хиву поискѣ, дабы принудить хана Хивы силою оружія: выдать всѣхъ русскихъ и предоставить караванной торговлѣ нашей полную свободу.* А потому уже лѣтомъ 1839 года приступлено было къ возведенію передовыхъ укрѣпленій въ степи для склада запасовъ экспедиціи.

Сеидъ, одинъ изъ прибывшихъ тогда въ Оренбургъ посланцевъ хивинскихъ, по дошедшимъ слухамъ, въ самый день выѣзда въ Россію купилъ у туркменовъ 7 человѣкъ русскихъ и удержалъ у себя, за что и былъ задержанъ; другой же, Имбай, отправленъ обратно, съ письмомъ прежняго содержанія. Между тѣмъ, несмотря на столько положительныхъ обѣщаній хана освободить всѣхъ русскихъ, и отправляемыя имъ посольства, въ томъ же 1838 году подстрекаемыя хивинцами шайки кайсаковъ пускались къ нашимъ линіямъ для хищничества (о чемъ сказано выше, въ примѣчаніи); а въ 1839 г. ханъ приказалъ хищникамъ (въ числѣ 300 кибитокъ) отправиться на Мангишлакъ для разбоя, и въ томъ году взято съ моря до 150 человѣкъ въ неволю. Наконецъ разосланы были ханомъ эсаулы къ р. Эмбѣ, на р. Сыръ-Дарью, на Мангишлакъ и Бузачи съ письменными и словесными угрозами: вырѣзать всѣ роды, которые не отложатся отъ Россіи и не выставятъ въ помощь Хивѣ вооруженныхъ всадниковъ. Впослѣдствіи оказалось, что всѣ эти распоряженія

сдѣланы были не съ цѣлью объявить Россіи войну, а единственно только въ надеждѣ захватить въ плѣнъ какъ можно больше русскихъ, чтобы тѣмъ заставить русское правительство размѣнять ихъ на задержанныхъ нами Хивинцевъ.

Самъ ханъ хивинскій находился въ это время въ самой страшной нерѣшимости: судя по себѣ, онъ не вѣрилъ искренности скромныхъ требованій нашихъ; крайне ограниченнаго ума, безъ всякаго образованія и не привыкшій никому отдавать отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, ханъ Аллакулъ не могъ рѣшиться уступить очевидной необходимости. Совѣты собирались у хана по ночамъ, разъ десять рѣшались выдать всѣхъ русскихъ плѣнныхъ и чрезъ нѣсколько дней, опять передумавъ, пробовали еще разъ обмануть русскихъ новымъ письмомъ и лживыми обѣщаніями. Въ то же время привозные товары годъ отъ году дорожали въ Хивѣ, а свои лежали безъ сбыта; на хлопчатую бумагу, важнѣйшее произведеніе Хивы, не было ни цѣнъ, ни покупателей; притомъ всѣ значительные купцы были задержаны въ Россіи, а сроки, данные хану для исполненія нашихъ требованій, давно миновались, почему и на возвращеніе ихъ надежды быть не могло. Но ханъ все еще не рѣшился смириться.

Такимъ-то образомъ Россія была вынуждена силою самихъ обстоятельствъ къ вооруженному предпріятію противъ Хивы, а потому Высочайше утвержденнымъ 12 марта 1839 г. журналомъ особаго (упомянутаго выше) комитета опредѣлено было:

1) Приступить немедленно, со всевозможною дѣятельностію, ко всѣмъ приготовленіямъ для поиска въ Хиву и основать немедленно необходимые на пути туда склады и становища.

2) Содержать истинную цѣль предпріятія въ тайнѣ, дѣйствуя подъ предлогомъ посылки одной только ученой экспедиціи къ Аральскому морю.

3) Отложить самый походъ до окончанія дѣлъ Англіи въ Авганистанѣ, дабы вліяніе или впечатлѣніе дѣйствій нашихъ въ средней Азіи имѣло болѣе вѣса и дабы Англія собственными завоеваніями своими лишила себя права безпокоить правительство наше требованіемъ разныхъ объясненій, но ни въ какомъ случаѣ не откладывать похода далѣе весны 1840 года.

4) Въ случаѣ удачи предпріятія, смѣнить хана Хивы и замѣнить его надежнымъ султаномъ кайсацкимъ; упрочить по возможности порядокъ, освободить всѣхъ плѣнниковъ и дать полную свободу нашей торговлѣ.

5) Опредѣлить, на основаніи смѣты, на это предпріятіе до 1,700,000 руб. ассигнац. (1,698,000 руб. собственно) и 12,000 червонныхъ, снабдить отрядъ оружіемъ и необходимыми снарядами; разрѣшить оренбургскому военному губернатору пользоваться всѣми пособіями отъ мѣстнаго артиллерійскаго и инженернаго начальства, и наконецъ

6) Предоставить повѣрку и окончательное утвержденіе всѣхъ отчетовъ по сему дѣлу оренбургскому военному губернатору, который обязанъ впослѣдствіи представить о порядкѣ повѣрки этой особое соображеніе.

Вскорѣ затѣмъ (10 октября 1839 года) послѣдовало еще дополнительное *распоряженіе* о дѣствіяхъ нашихъ по занятію Хивы, а также составленъ былъ проектъ *обязательнаго акта*, коимъ, по утвержденіи новаго правительства въ Хивѣ, предполагалось прекратить, на будущее время, всѣ несогласія съ этимъ ханствомъ.

Итакъ, по крайнему сроку, отъ весны 1839 до весны 1840 г., оставалось годъ времени на всѣ приготовленія къ походу; но обстоятельства заставили поспѣшить и выступить въ походъ чрезъ 8 мѣсяцевъ со дня Высочайшаго на предпріятіе соизволенія. Причиною къ спѣшному открытію кампаніи послужили: а) соображеніе о томъ, что, выступивъ изъ Оренбурга въ началѣ весны 1840 г., отряду пришлось бы проходить къ Хивѣ безводными, соляными степями, въ самое знойное лѣтнее время, и, напротивъ, поздняя осень и зима 1839 г. считались лучшимъ временемъ для обезпеченія отряда отъ недостатка воды; б) стремленіе англичанъ въ это время проникнуть въ среднюю Азію для утвержденія тамъ своего вліянія и возбужденія хивинцевъ къ упорному сопротивленію Россіи, о чемъ и остается здѣсь нѣсколько распространиться.

Никто не станетъ положительно утверждать, что англичане не желаютъ блага другимъ народамъ, но каждый, надѣемся, согласится съ нами, если замѣтимъ, что, при всемъ томъ, они прежде и выше всего ставятъ выгоды британской націи. Всѣмъ также извѣстно, что съ давняго времени англичане, посредствомъ искусныхъ агентовъ и не щадя никакихъ издержекъ, зорко слѣдятъ за положеніемъ дѣлъ въ цѣломъ мірѣ (наблюдая, такимъ образомъ, интересы Великобританіи) и что они всегда бываютъ весьма недовольны и озабочены, если кому судьба, помимо ихъ, вручаетъ долю участія въ судьбахъ человѣчества:

это политика древнихъ финикіянъ и карѳагенцевъ, и новѣйшихъ — венеціянъ, генуэзцевъ, испанцевъ и голландцевъ,—однимъ словомъ, политика морскихъ, торговыхъ державъ.

Ничего поэтому нѣтъ удивительнаго, что англичане, не зная въ подробности настоящаго положенія дѣлъ въ средней Азіи, весьма, однакожь, были устрашены дѣйствіями русскихъ въ степяхъ киргизскихъ, приписывая мѣрамъ правительства нашего, по обезпеченію границъ и торговли имперіи, завоевательныя цѣли и даже бывшее когда-то стремленіе проникнуть въ Индію. о возможности чего въ новѣйшія времена напомнилъ имъ еще разъ Наполеонъ I своимъ извѣстнымъ проектомъ сухопутной экспедиціи въ Индію (64). Отсюда естественное желаніе англичанъ убѣдиться, въ какой степени важно въ политическомъ отношеніи обладаніе средне-азіятскими степями и есть ли какая либо возможность проникнуть съ этой стороны въ Индію.

И, дѣйствительно, съ 1824 года, рядъ англійскихъ агентовъ, несмотря ни на какія затрудненія, проникаетъ въ среднюю Азію, и даже нѣкоторые изъ нихъ возвращаются въ свое отечество чрезъ Россію.

Первоначально (въ тридцатыхъ годахъ) англичане, подъ видомъ евангелическихъ миссіонеровъ, утвердились было цѣлою колоніею въ городѣ Оренбургѣ; но когда замѣтили, что миссіонеры эти намѣрены были заняться совсѣмъ другими дѣлами, то ихъ удалили. Тогда, потерявъ надежду къ распространенію своего вліянія на среднюю Азію изъ самой Россіи, англичане начали проникать туда преимущественно изъ Индіи и черезъ Персію. Такъ съ 1824 года перебывали въ средней Азіи *Муркрофтъ*, *Конноли*, *Вольфъ*, *Борнсъ* и *Стрендженсъ*, а вслѣдъ за ними появились *Стоддартъ*, *Абботъ*, *Шекспиръ* и вторично *Борнсъ*, уже во время, близкое къ хивинской экспедиціи нашей или же въ самую эпоху ея (65).

---

(64) Будучи еще первымъ консуломъ, Наполеонъ I, въ 1800 году, предложилъ, какъ извѣстно, императору Павлу I проектъ похода французскихъ и русскихъ войскъ въ Индію, и такъ какъ тогда произошелъ разрывъ между Англіею и Россіею, то дѣйствительно предполагалось отправить туда первоначально донскихъ казаковъ, атаману коихъ, графу Орлову-Денисову, повелѣно двинуться въ Индію со всѣми донскими полками. Рескриптъ императора Павла I о томъ помѣщенъ въ приложеніяхъ къ изданной въ 1853 г. «Исторіи походовъ Суворова въ 1779 году», соч. генеральнаго штаба полковника Милютина (нынѣ генералъ-адъютантъ и военный министръ).

(65) Объ этихъ англійскихъ агентахъ извѣстны слѣдующія подробности:

Всѣ означенныя лица, кромѣ Вольфа, состояли на службѣ въ предпріимчивой Остъ-Индской компаніи, и, конечно, не одно любопытство и не собственныя дѣла влекли ихъ въ среднюю Азію. Между тѣмъ какъ агенты эти на мѣстѣ собирали все-

---

а) *Муркрофтъ* въ 1824 году проникъ черезъ Кабулъ и Бальхъ въ Бухару съ большими богатствами и двумя орудіями, которыя онъ возилъ для своей защиты. Однакожь, онъ былъ ограбленъ владѣльцемъ кундузскимъ, а на возвратномъ пути изъ Бухары умеръ отъ лихорадки. Нѣкоторыя подробности о предпріятіяхъ Муркрофта помѣщены въ запискѣ А. Борнса, который предполагаетъ, что Муркрофтъ былъ отравленъ въ Бухарѣ. (См. записки Борнса въ русскомъ переводѣ 1845 г., изд. Голубкова.)

б) *Артуръ Конноли* о пребываніи своемъ въ средней Азіи издалъ записки. Впослѣдствіи онъ вторично появился въ Бухарѣ, гдѣ, вмѣстѣ съ Стоддартомъ, былъ казненъ.

в) *Іосифъ Вольфъ* былъ обращенный изъ еврейской религіи въ христіанство миссіонеръ, отправившійся въ 1832 г. изъ Тавриза въ Хорасанъ, а оттуда намѣревался, чрезъ Туркменію и Бухару, достигнуть Кабула, Кандагара и Индіи. Цѣль путешествія этого, по словамъ Вольфа, состояла въ отысканіи и обращеніи въ христіанство десяти пропавшихъ племенъ еврейскихъ, которыя будто бы находятся въ одномъ изъ средне-азіятскихъ государствъ. Но какъ Вольфъ, чрезъ женитьбу на одной знатной англичанкѣ, вошелъ въ связи съ людьми, имѣвшими тогда вліяніе въ дѣлахъ великобританскаго правительства, и какъ онъ поспѣшилъ выѣхать изъ Требизонта, не дождавшись даже отвѣта на просимый для него англійскимъ консуломъ русскій паспортъ, то это и заставляетъ предполагать въ Вольфѣ политическаго агента Великобританіи. Вольфъ былъ въ Бухарѣ и чрезъ Кабулъ возвратился въ Индію.

г) *Александръ Борнсъ* съ 1828 по 1831 г. изслѣдовалъ р. Индъ, а съ 1832 г. отправился въ Бухару. По дорогѣ онъ встрѣтился съ Вольфомъ, близъ Кабула, откуда не безъ затрудненій достигъ Бухары, и затѣмъ чрезъ Харасанъ и Туркменію достигъ г. Бушира, гдѣ ожидалъ Борнса компанейскій корабль, доставившій его въ Бомбей. Въ 1834 г. появились записки лейтенанта Борнса объ этомъ путешествіи.

д) Затѣмъ въ 1835 г. получено было въ Оренбургѣ извѣстіе о чиновникѣ остъ-индской компаніи *Фейнджѣ*, намѣревавшемся проникнуть изъ Тегерана чреаъ Рештъ въ землю туркменцевъ и Хиву; въ 1836 г. пробрался въ Бухару изъ Индіи полковникъ е) *Стоддартъ*, котораго въ Бухарѣ ограбили и заключили въ тюрьму; но онъ вскорѣ принялъ магометанство и жилъ тамъ на свободѣ, отказываясь быть освобожденнымъ чрезъ посредство русскихъ, и настаивалъ на томъ, что его должны освободить непремѣнно соотечественники, а не иностранцы. Стоддартъ, какъ уже замѣчено выше, казненъ въ Бухарѣ, надоѣвъ всѣмъ своимъ безпокойнымъ характеромъ, и оставилъ свои замѣтки на библіи, о возвращеніи которой очень хлопотала мать Стоддарта. Чрезъ наше правительство библія эта была пріобрѣтена въ Бухарѣ гвардейскаго генеральнаго штаба капитаномъ Салацкимъ; во время пребыванія тамъ, въ 1858 г., нашей миссіи, подъ начальствомъ генеральнаго штаба полковника Игнатьева (нынѣ генералъ-адъютантъ и директоръ Азіятскаго Департамента).

ж) *Александръ Борнсъ* въ 1836, 1837 и 1838 годахъ вторично былъ въ Кабулѣ (до времени вторженія туда англійскихъ войскъ) и погибъ тамъ въ 1839 г., во время возстанія авганцевъ противъ англичанъ, оставивъ новыя записки, тоже переведенныя на русскій языкъ.

возможныя свѣдѣнія, русскіе не имѣли къ тому никакой возможности и не могли даже слѣдить за ихъ образомъ дѣйствій, случайно только узнавая о пребываніи англійскихъ агентовъ въ сосѣдственныхъ ханствахъ и знакомясь съ подробностями ихъ путешествій изъ печатаемыхъ ими книгъ, гдѣ, конечно, помѣщалось не все, что было имъ извѣстно. Мы могли получать неясныя и недостаточныя свѣдѣнія только чрезъ азіятцевъ, которые, по невѣжеству, неискусству и изъ боязни, не всегда могли доставлять дѣйствительно важныя и полезныя для насъ извѣстія: по недостатку у насъ людей, хорошо знакомыхъ съ восточными языками, необходимость заставляла довѣряться необразованнымъ азіятцамъ или же возлагать порученія на людей, незнакомыхъ съ азіятскими языками, придавая имъ переводчиковъ. Во всякомъ случаѣ главнымъ образомъ дѣйствовали тутъ магометане, которые, невольно подчиняясь вліянію средне-азіятскихъ владѣтелей, представляющихъ въ магометанскомъ мірѣ и высшую духовную власть, конечно, не всегда охотно и точно исполняли возлагаемыя на нихъ порученія, не всегда могли быть откровенны въ своихъ показаніяхъ, хотя, съ другой стороны, для нихъ мусульманскія страны доступнѣе, чѣмъ христіянамъ.

Еще въ 1828 году Алекс. Борнсъ началъ свои изслѣдованія по р. Инду, а въ 1830 г., убѣдившись въ судоходствѣ Инда на 1000-верстномъ пространствѣ отъ устья, заявилъ правительству англійскому всю важность этой рѣки въ политическомъ и торговомъ отношеніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые товары русскіе, случайно попавшіе на берега Инда, навели его на мысль, что здѣсь уже началось соперничество промышлености русской съ англійскою, и онъ успѣлъ убѣдить свое правительство не только въ этомъ ложномъ предположеніи своемъ, но даже и въ возможности появленія на р. Индѣ русскихъ политическихъ агентовъ, а можетъ быть и войскъ.

Вотъ это и было причиною безпрерывнаго стремленія англійскихъ агентовъ проникнуть изъ Индіи чрезъ всю среднюю Азію къ предѣламъ Россіи, дабы убѣдиться, до какой степени возможны подобныя опасенія, что, въ свою очередь, озаботило и русское вравительство.

Дѣйствительно, намъ было извѣстно, что агенты Остъ-Индской компаніи, одинъ за другимъ, появляются то въ Хивѣ, то въ Бухарѣ; не безъизвѣстно было также, что эта предпріимчи-

вая компанія, обладая громадными средствами, стремилась не только къ утвержденію своего торговаго вліянія на всю Азію, но даже и къ расширенію границъ своихъ азіятскихъ владѣній. Законы Англіи, промышленость и богатство народа, наклонность англичанъ дѣйствовать соединенными силами, обществами, наконецъ корыстолюбіе азіятскихъ правителей, — все это давало Англіи полную возможность утвердить свое вліяніе въ средней Азіи и, упрочивъ тамъ (главнѣйшемъ рынкѣ нашей мануфактурной производительности) свою торговлю, вредить Россіи невѣроятнымъ образомъ: стоило только допустить возможность снабженія англійскимъ оружіемъ и порохомъ хивинцевъ и туркменцевъ, ближайшихъ и враждебныхъ сосѣдей нашихъ, а также и киргизовъ, чтобы убѣдиться въ необходимости противодѣйствія замысламъ Англіи, агенты коей въ публикуемыхъ ими сочиненіяхъ (см. записки Борнса въ русскомъ переводѣ, издан. Голубкова) вовсе не скрывали надеждъ своихъ завладѣть торговлею не только на пространствѣ между р. Индомъ и хребтомъ Гинду-Кушемъ, но и рынкомъ Бухары, самымъ важнымъ въ средней Азіи.

Поэтому, въ 1835 году, рѣшено было, для наблюденія за англійскими агентами и противодѣйствія имъ, отправить въ среднюю Азію русскихъ агентовъ, а для возможности соперничества съ ихъ торговлей въ средней Азіи учредить русскую компанію. Небольшая компанія дѣйствительно составилась, но уже въ сороковыхъ годахъ, послѣ хивинскаго похода, уничтожившаго грабительства въ степяхъ; впослѣдствіи русская компанія эта разстроилась. Для наблюденія же за ходомъ дѣлъ въ средней Азіи отправленъ былъ агентомъ подпоручикъ Виткевичъ, который случайно, зимою 1835 г., попалъ съ нѣсколькими киргизами въ Бухару и, не скрывая, что онъ русскій офицеръ, прожилъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ и благополучно возвратился въ Оренбургъ, чѣмъ вполнѣ доказалъ способность къ подобному порученію. Этотъ офицеръ нѣсколько лѣтъ путешествовалъ въ Персіи и Кабулѣ, въ самое любопытное время англійской экспедиціи въ Авганистанѣ, съумѣлъ подружиться съ знаменитымъ въ то время Достъ-Магометомъ кабульскимъ, расположить его въ пользу русскихъ, и возвратился въ Петербургъ въ 1839 году. Къ несчастію, въ томъ же году онъ лишилъ себя жизни, уничтоживъ предъ смертью всѣ собранныя имъ свѣдѣнія (66).

(66) О встрѣчѣ съ *Виткевичемъ* упоминаетъ Александръ Борнсъ, въ своихъ запискахъ о Кабулѣ (см. въ русскомъ переводѣ «Путевыя записки о Кабулѣ» А.

*

Между тѣмъ, извѣстія, въ 1839 г. доходившія къ намъ изъ средней Азіи, были самыя неутѣшительныя: такъ, напримѣръ, одинъ караванный вожакъ (караванъ-башъ) Туля Бергановъ, возвратившись въ этомъ году изъ Бухары, показывалъ, «что въ Хиву прибыло изъ Кабула 25 человѣкъ англичанъ, предлагая

Борнса, гл. XI, стр. 369, 370 и 371); но Борнсъ неправильно называетъ его тамъ Вилькевичемъ и Виковичемъ. Между прочимъ, англійскій агентъ говоритъ о Виткевичѣ, что это былъ образованный офицеръ, хорошо знавшій французскій, турецкій и персидскій языки. Собравъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Виткевичѣ, думаемъ, что каждому любопытно будетъ узнать нѣкоторыя о немъ подробности.

Иванъ Виткевичъ, изъ дворянъ Виленской губерніи и ученикъ Крожскаго училища, 28 марта 1824 г., по суду и конфирмаціи цесаревича великаго князя Константина Павловича, за учрежденіе тайнаго общества *черныхъ братьевъ* и сочиненіе возмутительныхъ писемъ и стиховъ, лишенъ дворянскаго достоинства и въ апрѣлѣ того же года сосланъ въ Оренбургъ, для опредѣленія въ одинъ изъ батальоновъ Оренбургскаго корпуса, рядовымъ, безъ выслуги. Вслѣдствіе того Виткевичъ опредѣленъ былъ въ Орскій гарнизонный (что нынѣ линейный № 5) батальонъ.

Черезъ шесть лѣтъ послѣ того (именно въ октябрѣ 1830 г.), по представленію бывшаго тогда корпуснаго командира графа Сухтелена, и въ уваженіе прекраснаго поведенія, отличныхъ способностей и пріобрѣтеннаго знанія персидскаго и киргизскаго языковъ, по Высочайшему повелѣнію, Иванъ Виткевичъ произведенъ былъ въ унтеръ-офицеры и прикомандированъ къ оренбургской пограничной коммиссіи. Въ 1831 г. Виткевичъ отправленъ былъ въ станъ султана-правителя средней части Меньшой Киргизъ-Кайсацкой орды и, кочуя съ султаномъ, неоднократно оказалъ дѣйствительныя услуги и отличную храбрость (особенно при нападеніи на аулъ султана хищниковъ джагалбалинцевъ). Донесенія его притомъ «всегда преисполнены были любопытными свѣдѣніями и замѣчаніями, такъ что ни одинъ изъ чиновниковъ, до него находившихся въ степи, не умѣлъ столь хорошо судить о киргизахъ и вникнуть въ ихъ соотношенія». Почему графъ Сухтеленъ въ августѣ того же года просилъ о производствѣ столь полезнаго для Оренбургскаго края Виткевича въ первый офицерскій чинъ, при чемъ корпусный командиръ, кромѣ скрытности характера (конечно, какъ слѣдствіе постигшихъ его несчастій), не видѣлъ ничего дурнаго въ его поведеніи; способностями же своими Виткевичъ обратилъ общее на себя вниманіе, между прочимъ и знаменитаго Александра Гумбольдта, который и съ своей стороны ходатайствовалъ о Виткевичѣ въ Петербургѣ. Но производство Виткевича въ офицеры послѣдовало только въ 1834 г., въ Оренбургскій казачій полкъ (Уфимскій).

Въ 1835 г., посланный для разузнанія о двухъ русскихъ плѣнныхъ, по слухамъ находившихся у киргизовъ, кочевавшихъ на рр. Иргизѣ и Тургаѣ, и освобожденія ихъ, Виткевичъ буранами загнанъ былъ въ Бухару, откуда благополучно возвратился.

Произведенный вскорѣ затѣмъ въ подпоручики, Виткевичъ, по знанію восточныхъ языковъ и замѣчательнымъ его способностямъ, избранъ былъ въ тайные агенты наши и въ 1837 году отправленъ чрезъ Персію въ Кабулъ.

Послѣ всего изложеннаго въ этой главѣ, для каждаго ясна цѣль отправленія Виткевича въ чрезвычайно рискованное путешествіе. При этомъ агенту нашему даны были одни словесныя наставленія, такъ какъ онъ не долженъ былъ нигдѣ обнаруживать, что отправленъ правительствомъ. Весьма немного извѣстно подробностей о путешествіи его: сохранились только краткія донесенія его корпус-

хивинскому хану помощь противъ Россіи войсками и деньгами». Слухи о появленіи англійскихъ агентовъ и о настоятельномъ вмѣшательствѣ ихъ въ отношенія Хивы къ Россіи подтверждались затѣмъ болѣе и болѣе, и какъ въ это время англійскія войска проникли въ Кабулъ, изгнали оттуда преданнаго намъ Достъ-Магомета и были отдѣлены отъ бухарскихъ владѣній только хребтомъ Гинду-Куша, то этими обстоятельствами и объясняли

ному командиру о прибытіи въ разные города востока; изъ донесеній этихъ въ одномъ только упоминается (рапортъ изъ лагеря подъ Нишабуромъ, 30 сентября 1837 г., № 71), «что извѣстіе, полученное въ Тегеранѣ, о прибытіи въ Кабулъ Борнса, заставило гр. Симонича поспѣшно отправить туда Виткевича»; при этомъ самъ шахъ избралъ ему путь южнѣе Герата, чрезъ Туршизъ и Кипъ, по пустынямъ сіистанскимъ, до Кандагара. «Но интриги англичанъ и набѣги хищныхъ народовъ гезаре, туркменовъ и белуджей представляютъ много затрудненій, и надо особенное счастіе, чтобъ избѣгнуть непріятной встрѣчи», говоритъ въ своемъ рапортѣ Виткевичъ. Однакожь, онъ достигъ Кабула, гдѣ, какъ упомянуто выше, чрезвычайно поразилъ Борнса, явившись къ нему въ казачьемъ мундирѣ.

Весьма важнымъ для насъ послѣдствіемъ пребыванія Виткевича въ Кабулѣ было расположеніе владѣльца кабульскаго Достъ-Магомета, съ которымъ Виткевичъ успѣлъ подружиться, велъ постоянную переписку и даже получалъ письма по возвращеніи въ Россію. Къ этому времени относится и посылка Достъ-Магометомъ, чрезъ Бухару, слона нашему государю.

Съ нетерпѣніемъ ожидался отчетъ Виткевича о пребываніи въ малоизвѣстныхъ намъ странахъ; по возвращеніи его въ Петербургъ, въ концѣ апрѣля 1839 г., онъ былъ отлично принятъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, гдѣ былъ немедленно приготовленъ докладъ о переводѣ его въ гвардію, пожалованіи орденомъ и денежною наградою. Однакожь, пробывъ въ Петербургѣ всего восемь дней, Виткевичъ застрѣлился, оставивъ краткую записку, въ которой объяснилъ, что всѣ свои замѣтки и бумаги онъ сжегъ предъ смертью.

Причина этого самоубійства остается до настоящаго времени загадкою. Въ письмѣ Льва Сенявина генералу Перовскому говорится, «что князь Салтыковъ (извѣстный нашъ путешественникъ), познакомившійся и даже подружившійся съ нимъ въ Персіи, разсказывалъ, какъ Виткевичъ часто говорилъ ему, что когда нибудь застрѣлится, и даже показывалъ пистолетъ, которымъ хотѣлъ застрѣлиться и которымъ дѣйствительно застрѣлился». Неудовольствія на начальство онъ имѣть не могъ, ибо, какъ сказано выше, былъ благосклонно принятъ и, въ самый день смерти, представленъ былъ къ вышеупомянутымъ наградамъ; о намѣреніи же прилично вознаградить его за трудную экспедицію лично ему объявилъ тотъ же Л. Сенявинъ, и, казалось, Виткевичъ былъ всѣмъ очень доволенъ. Даже за день до смерти видѣли его въ театрѣ, гдѣ онъ цѣлый вечеръ весело проболталъ съ Салтыковымъ; наканунѣ самоубійства его среди дня видѣли также очень веселаго; вечеръ же того дня провелъ онъ у Симонича и, возвратившись оттуда, заперся по обыкновенію, и приказалъ разбудить себя въ 9 час. утра, а самъ, между тѣмъ, застрѣлился. Изъ оставленной Виткевичемъ предъ смертью записки, видно, что онъ какъ будто сердитъ на весь свѣтъ, ни слова не сказано ни объ матери его, ни о братѣ, о которомъ онъ, впрочемъ, по прибытіи въ Петербургъ, очень безпокоился, боясь, не замѣшанъ ли онъ въ бывшихъ тогда въ Вильнѣ безпорядкахъ, но успѣлъ еще, какъ говорятъ, узнать навѣрное, что братъ его не былъ замѣшанъ.

въ Оренбургѣ нерѣшительность хивинскаго хана, то соглашавшагося выдать всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, то вдругъ раздумывавшаго исполнить это. Почему весьма основательно было поторопиться экспедиціею для наказанія Хивы, дабы не дать возможности англичанамъ вполнѣ вооружить противъ насъ это ханство, а можетъ быть угрозами, деньгами и обѣщаніями вооруженной помощи привлечь къ союзу съ Хивой и другихъ среднеазіятскихъ владѣльцевъ, посредствомъ дѣйствовавшихъ въ Хивѣ англійскихъ агентовъ.

Этими агентами въ 1839 и 40 годахъ, какъ оказалось послѣ, были: сперва *Абботъ*, а потомъ *Шекспиръ*. Капитанъ остъиндскихъ войскъ Абботъ въ маѣ 1840 г. прибылъ изъ Хивы въ Ново-Александровское укрѣпленіе и оттуда въ Оренбургъ. Имѣлъ ли Абботъ намѣреніе возвратиться чрезъ Россію, или же, подобно Борнсу, стремился только осмотрѣть Каспійское море и наши тамъ укрѣпленія, неизвѣстно; но онъ письменно называлъ себя англійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при русскомъ дворѣ (67), былъ, по приказанію хана, на пути къ Каспійскому морю ограбленъ и израненъ шайкою туркменовъ (которымъ хивинцами приказано даже было его убить), почему приличнымъ образомъ отправленъ въ С.-Петербургъ, а прибывшіе съ нимъ авганцы отпущены на родину. Въ томъ же году, вмѣстѣ съ возвращенными Хивою русскими плѣнными, прибылъ въ Орен-

---

Бумаги, сожженныя Виткевичемъ, сколько извѣстно, состояли: 1) изъ его замѣтокъ, по которымъ онъ съ назначеннымъ отъ азіятскаго департамента чиновникомъ, его пріятелемъ, долженъ былъ составить донесеніе по дѣламъ Авганистана, и 2) копіи съ переписки его съ англійскими агентами и другими лицами, во время пребыванія въ Авганистанѣ. Съ Виткевичемъ погибли и весьма любопытныя свѣдѣнія, что были вправѣ предполагать, знавшіе его замѣчательныя способности и наблюдательность.

(67) Явившись, однакожь, въ Россію безъ всякихъ вѣрющихъ писемъ, капитанъ Абботъ не далъ и яснаго отвѣта о томъ, чѣмъ занимался въ Хивѣ. Изъ «Journal Asiatique» (августъ 1840 г.) видно, однакожь, что Абботъ, явившись къ хану хивинскому, предложилъ выкупъ русскихъ плѣнныхъ съ тѣмъ, чтобы на будущее время ни подъ какимъ предлогомъ русскіе не допускались въ хивинскія владѣнія, обѣщая за то оборонительный и наступательный союзъ съ Англіею. Ханъ спросилъ, сколько ему заплатятъ англичане, если онъ согласится на ихъ предложенія, и потребовалъ вѣрющихъ грамотъ на то, что дѣйствительно Абботу поручено вести это дѣло; но какъ онъ не могъ удовлетворительно отвѣчать на эти вопросы, то ханъ въ бѣшенствѣ вытолкалъ Аббота отъ себя ударами ноги и велѣлъ заключить въ темницу. Несмотря на то, Абботъ и изъ темницы нашелъ возможность сообщать на родину самые нелѣпые слухи, доходившіе къ нему о походѣ русскихъ на Хиву, о чемъ будетъ еще сказано въ послѣдней главѣ.

бургъ, тоже чрезъ Ново-Александровское укрѣпленіе, и другой англійскій офицеръ—Шекспиръ, также вскорѣ отправленный въ Петербургъ. Оба эти агента старались принять дѣятельное участіе въ нашихъ дѣлахъ съ Хивою, особенно Шекспиръ, старавшійся приписать себѣ освобожденіе русскихъ плѣнныхъ, которые еще до прибытія его въ Хиву были собраны и переписаны нашимъ корнетомъ Аитовымъ, какъ о томъ будетъ подробно сказано въ слѣдующихъ главахъ. Шекспиръ даже поссорился дорогою съ посломъ хивинскимъ Атаніазомъ, которому поручено было доставить русскихъ плѣнныхъ на родину, за присланные въ Россію и будто бы Шекспиру порученные ханомъ подарки, а во время пребыванія въ г. Оренбургѣ мѣшался въ здѣшнія политическія дѣла; но ему отвѣчали, что все по этому предмету рѣшается въ Петербургѣ, куда онъ и отправленъ.

Изъ всего здѣсь изложеннаго видно, что весьма побудительными къ войнѣ съ Хивою причинами были:

а) Желаніе навсегда обезопасить юго-восточные предѣлы имперіи усмиреніемъ киргизскихъ ордъ, чего нельзя было достигнуть безъ наказанія Хивы, какъ главной виновницы всякихъ волненій въ степяхъ киргизскихъ.

б) Намѣреніе обезопасить торговлю нашу съ среднею Азіею прекращеніемъ грабежа каравановъ, чего также нельзя было достигнуть безъ наказанія оружіемъ Хивы, на счетъ которой представлялась при этомъ возможность удовлетворить претерпѣвшихъ отъ хивинскихъ грабежей нашихъ купцовъ и тѣмъ поощрить ихъ къ будущей торговой дѣятельности въ средней Азіи (68).

в) Избавить отъ тяжкаго рабства нѣсколько тысячъ соотечественниковъ.

г) Утвердить не господство, но прочное вліяніе Россіи въ сосѣдственныхъ ханствахъ, для взаимныхъ торговыхъ выгодъ, и не допустить укорениться въ средней Азіи вреднаго для насъ вліянія Остъ-Индской компаніи. И наконецъ

---

(68) Хотя купечеству русскому и указывались торговые рынки въ средней Азіи, но вести торговлю съ сосѣдними ханствами предоставлялось на собственный рискъ, почему правительство не обязывалось вознаграждать купцовъ нашихъ за потери отъ грабежей. Однакожь, чтобъ частые убытки не разорили купцовъ либо не отвратили ихъ и вовсе отъ здѣшней торговли, при каждомъ удобномъ случаѣ старались вознаградить ихъ на счетъ виновныхъ.

д) При этомъ удобномъ случаѣ, имѣли также въ виду и ученыя о средней Азіи розысканія: предположено было, между прочимъ, сдѣлать опись берегамъ Аральскаго моря и устьямъ р. Аму и окончательно рѣшить давно всѣхъ занимавшій вопросъ о прежнемъ теченіи этой рѣки въ Каспійское море.

(*Продолженіе въ слѣдующемъ нумерѣ.*)

КАРТА
ОРЕНБУРГСКАГО КРАЯ
съ прилегающими къ нему землями
СРЕДНЕЙ АЗІИ

Масштабъ
въ Англійскомъ дюймѣ 280 вер.

ЗНАКИ
Меньшая Киргизская Орда или Область Оренбургскихъ Киргизъ
I. Восточная часть Области или Орды
II. Средняя часть Области или Орды
III. Западная часть Области или Орды
С.Д.Л. Киргизы Управленія Сыръ-Дарьинской линіи
Т. Туркмены
Путь слѣдованія Хивинскаго отряда.
КАЗАНЬ
САРАПУЛЪ
ЕЛАБУГА
МЕНЗЕЛИНСКЪ
ЧИСТОПОЛЬ
БИРСКЪ
ЧЕЛЯБА
ПЕТРОПАВЛОВСКЪ
ОМСКЪ
КАИНСКЪ
БАРНАУЛЪ
БІЙСКЪ
СИМБИРСКЪ
БУГУЛЬМА
УФА
САМАРА
БУГУРУСЛАНЪ
ВЕРХНЕУРАЛЬСКЪ
ТРОИЦКЪ
Звериноголовская
Желѣзинская
СТЕРЛИТАМАКЪ
БУЗУЛУКЪ
Николаевская
ВОЛЬСКЪ
НИКОЛАЕВСКЪ
САРАТОВЪ
УРАЛЬСКЪ
ОРЕНБУРГЪ
Императорская
Ильинская
Крѣпь Орская
Укр Джаргашъ агачъ
Баянъ Аульскій
Прик Акмолинскій
СЕМИПАЛАТИНСКЪ
УСТЬ-КАМЕНОГОРСКЪ
НОВОУЗЕНСКЪ
КАМЫШИНЪ
Бударинская
ЦАРИЦЫНЪ
ЦАРЕВСКЪ
Ханская Ставка
Сахарная
Калмыковская
Форт Карабутакскій
Укр Оренбургское
Оз Сары-копа
Оз Денгизъ
Прик Карабалинскій
Прик Кокпектинскій
Оз Моръ-айсанъ
Укр Алтузское
ВНУТРЕННЯЯ или БУКЕЕВСКАЯ ОРДА
Быв Укр Эмбенское
Сарайчиковская
Бакиръ-тау
Али-тау
Быв Укр Чушкакульское
Оз Челкаръ
Укр Уральское
Ст Уутавская
Укр Актауское
ЧУГУЧАКЪ
ЕНОТАЕВСКЪ
ГУРЬЕВЪ
АСТРАХАНЬ
Пестъ Прорванскій
Урочище Каратамакъ
Бан Укр Новоалександровскій
Фортъ Александровскій
Оз Караколь
Оз Балхашъ (Денгизъ)
Укр Сары Курганъ
АКЪ-КЕНШЪ
МАЛ КУЛЬДЖА
БОЛ КУЛЬДЖА
ДЖАЙНАКЪ
КАСПІЙСКОЕ МОРЕ
Полуостр Бузачи
Полуостр Мангишлака
Фортъ Перовскій
Оз Каракаль
Укр Джулекъ
Урочище Туркестанъ
Мерве-кура
Укр Вѣрное
Оз Иссыкъ-куль
Укр Пишпекъ
Укр Лувле-тау
КИЗЛЯРЪ
УСТЬ-УРТЪ
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
Фортъ №1й
Фортъ №2й
С.Д.Л.
ДЕРБЕНТЪ
БУНГРАДЪ
Оз Хидыга Мангышлакъ
ТАШКЕНДЪ
Урочище Дау-кара
КУНЯ-УРГЕНЧЬ
ХОДЖЕЙЛИ
КИНЧАКЪ
ХОДЖЕНДЪ
КОКАНЪ
УШЪ
АКСУ
ЩАМАХА
БАКУ
ХИВА
ПИТНЯКЪ
ХІШЪ
Зал Балканскій
Бухта Чонга-сюйри
Оз Нефтяной
Оз Изъ-ханъ
Заливъ Кизилъ-Агачскій
Мысъ Балканъ
Т.
БУХАРА
САМАРКАНДЪ
КЕШАРЪ
ЛЕНКОРАНЬ
Каракуль
Шахрисабзъ
Оз Кара-куль
ЯРКЕНДЪ
Черджуй
Карши
РЕШТЪ
ЗЕНДЖАНЪ
Шабазъ
ШИРВАНЪ
МЕРВЪ
АСТРАБАДЪ
КУЧАНЪ
Оз Сары-Куль
КАЗБИНЪ
ТЕГЕРАНЪ
ШАРУДЪ
ДАМГАНЪ
СЕМНАНЪ
СЕРЕКСЪ
МЕЙМАНЭ
БАЛХЪ
МЕШЕДЪ
МЕРУШАКЪ
СИРАПУЛЬ
ЧИТРАЛЬ
КУРУХЪ
РАМАДАНЪ
КУМЪ
КАШАНЪ
ГЕРАТЪ
БАМІАНЪ
КАБУЛЪ
ЛІ (ЛАДАКЪ
КАШЕМИРЪ
ТЕББЕЗЪ
Оз Чонга-сюйри
Оз Кара-кулъ
Оз Сары-Кулъ
Оз Шоръ-кулъ
Оз Чатыръ-кулъ
Оз Ханъ-кулъ
Оз Ханъ-кулъ
Оз Ханъ

ПОХОДЪ ВЪ ХИВУ

ВЪ **1839** ГОДУ

ОТРЯДА РУССКИХЪ ВОЙСКЪ, ПОДЪ НАЧАЛЬСТВОМЪ ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА ПЕРОВСКАГО.

ГЛАВА II.

Описаніе степей, лежащихъ между Россіею и Хивою. — Разборъ путей, ведущихъ отъ предѣловъ Россіи къ Хивѣ. — Краткое описаніе Хивинскаго ханства.—Сравненіе степныхъ походовъ съ походами по населеннымъ частямъ Европы. — Недостаточность свѣдѣній 1839 года о Киргизской степи. — Планъ похода въ Хиву (*).

Несмотря на огромную несоразмѣрность силъ Россіи и Хивы, наказаніе этого ханства вооруженною рукою представляло множество затрудненій. Чтобы убѣдится въ томъ и понять, въ чемъ долженъ былъ состоять планъ похода, надобно прежде бросить взглядъ на мѣстность, отдѣляющую Россію отъ Хивы, указать на имѣвшіяся тогда свѣдѣнія о Киргизской степи и о Хивинскомъ ханствѣ и разсмотрѣть пути, ведущіе отъ предѣловъ Россіи къ этому ханству, на сколько они тогда были намъ извѣстны. (См. карту.)

(*) Карта Оренбургскаго края приложена къ 1-й статьѣ. См. № 1 «Военнаго Сборника».

Хива отдѣляется отъ предѣловъ Россіи обширными и большею частію неудобопроходимыми, даже для незначительныхъ отрядовъ войскъ, степями, по которымъ изрѣдка слѣдуютъ только небольшіе торговые караваны, да перекочевываютъ аулы пастушескихъ племенъ со своими стадами, составляющими главное средство ихъ существованія. Какъ движеніе каравановъ, такъ и перекочевка въ этихъ степяхъ начинаются обыкновенно въ началѣ весны отъ юга къ сѣверу, а въ началѣ осени отъ сѣвера къ югу. Причиною такому порядку кочеванія служатъ климатическія свойства мѣстности.

Въ южной полосѣ степи весна начинается ранѣе, а осень позже, нежели въ сѣверной; лѣто бываетъ продолжительное, знойное и сухое, а зима короткая и почти всегда умѣренная.

Едва показавшіяся послѣ зимы растенія, отъ жара и засухъ, скоро желтѣютъ, дѣлаются жесткими и мало годными для корма скота; но эти же самыя растенія, и даже камыши рѣкъ, береговъ Аральскаго моря и нѣкоторыхъ степныхъ озеръ, когда ихъ зимою охватитъ морозомъ, могутъ служить пищей, хотя и скудной, для поддержанія стадъ въ теченіе короткой зимы. Прѣсной воды въ южной части степи, за исключеніемъ рѣкъ Сыра и Аму-Дарьи и песковъ Барсуки, очень мало, но за то почти вся эта полоса степи изобилуетъ соленою и горькою водою и солонцами (горько-соленыя пространства земли). Подвигаясь къ сѣверу, травы и прѣсныя воды становятся постепенно обильнѣе, а солонцеватыя пространства уменьшаются.

Грунтъ земли почти во всей степи частію каменистый, частію песчаный, состоящій обыкновенно изъ наносныхъ бугровъ, но преимущественно глинистый и глинисто-солонцеватый; послѣдній отъ жаровъ ссыхается, образуя широкія трещины, иногда въ вершокъ и болѣе. Въ южной полосѣ степи травы низкія, вершка въ два или три вышиною (за исключеніемъ, впрочемъ, незначительнаго числа долинъ), и до того рѣдки, что стебель отъ стебля растетъ на разстояніи полуаршина и болѣе, а между стеблями совершенно голая земля. Съ приближеніемъ къ сѣверной полосѣ степи растительность дѣлается гуще, разнообразнѣе, травы выше; но мѣстъ, образующихъ, какъ въ нашихъ новороссійскихъ степяхъ, слой чернозему и покрытыхъ дерномъ, и въ самой сѣверной полосѣ степи очень мало. Образованію чернозема и дерна препятствуютъ здѣсь какъ сухость климата, такъ и обыкновеніе кочевниковъ повременамъ выжи-

гать степь (при чемъ перегораютъ сѣмена растеній и молодые корни, неглубоко еще вошедшіе въ землю), чтобы послѣ высохшей, пожелтѣвшей травы выросла свѣжая зелень. Эти степные пожары переносятся съ быстротою вѣтра на десятки и даже сотни верстъ, сжигая все на своемъ пути и оставляя одну почернѣлую, обуглившуюся почву, на которой чрезъ нѣсколько недѣль появляется вновь зелень, хотя столь же скудная, какъ и прежняя, но, по крайней мѣрѣ, мягкая и сочная.

Иногда степи зажигаютъ съ умысломъ, чтобы вредить проходящимъ военнымъ отрядамъ или враждебнымъ племенамъ, какъ это часто случалось въ прежнія времена; бывали даже примѣры, что цѣлые аулы съ табунами охватывались горящею степью и дѣлались жертвою пламени.

Отъ изложенныхъ свойствъ степи и произошелъ упомянутый порядокъ движенія кочующихъ здѣсь киргизовъ то отъ сѣвера къ югу, то, наоборотъ, отъ юга къ сѣверу, чтобъ избѣжать на югѣ, лѣтомъ, продолжительныхъ жаровъ, безкормицы и безводія, а на сѣверѣ, зимою, продолжительной стужи, бурановъ (сильныхъ мятелей съ рѣзкимъ вѣтромъ) и глубокихъ снѣговъ, препятствующихъ скоту доставать изъ-подъ снѣгу подножный кормъ.

Наши русскіе и среднеазіятскіе купцы, пользуясь такимъ порядкомъ перекочевокъ, приноровили къ ней и свою торговлю, отправляя караваны на сѣверъ съ весны, а на югъ къ зимѣ, потому что киргизамъ, и безъ того передвигающимся въ томъ же направленіи, удобнѣе доставлять верблюдовъ для перевозки товаровъ (*). Но какъ верблюды зимою отъ скуднаго корма и непогодъ сильно худѣютъ, то весеннія передвиженія производятся медленнѣе; осенью же, когда въ теченіе весны и лѣта верблюды оправляются, передвиженія можно совершать гораздо быстрѣе.

И если эти свойства степей киргизъ-кайсацкихъ имѣютъ такое рѣшительное вліяніе на жизнь и кочеваніе туземцевъ, то тѣмъ болѣе должны соображаться съ свойствами ихъ движенія военныя, особенно значительныхъ силъ, потому что чѣмъ значительнѣе отрядъ, тѣмъ въ большей зависимости онъ будетъ

(*) Время открытія нижегородской ярмарки, въ августѣ мѣсяцѣ, соотвѣтствуетъ этому порядку движенія каравановъ, а потому и способствуетъ успѣху среднеазіятской торговли.

находиться отъ подножнаго корма и воды, чего въ степи всегда недостатокъ. Притомъ военные отряды въ степи не могутъ пользоваться и тѣми удобствами, какими пользуются караваны или перекочевывающіе по степи аулы. Отряды, имѣя съ собою артиллерійскій обозъ, часто принуждены бываютъ слѣдовать путемъ удобнѣйшимъ для движенія повозокъ, а такой путь не всегда бываетъ обиленъ кормомъ и водою; опасность же угона лошадей и верблюдовъ съ пастбищъ во время ночлеговъ не позляетъ двигаться съ такимъ сбереженіемъ силъ этихъ животныхъ, и такъ пользоваться для нихъ водою и кормомъ, какъ кайсаки на перекочевкахъ или торговые караваны, состоящіе часто не болѣе какъ изъ 500 или 700 навьюченныхъ верблюдовъ. Въ южной части степи, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ, лѣтомъ и осенью другой прѣсной воды нѣтъ, кромѣ находимой въ копаняхъ или колодцахъ, изъ которыхъ можно въ сутки напоить сотню или двѣ верблюдовъ, такъ что здѣсь даже небольшіе караваны для удобствъ водопоя раздѣляются на части (эшелонируются), а для доставленія лучшаго пастбища скоту заходятъ въ стороны и удаляются отъ прямаго направленія, чего военные отряды дѣлать не могутъ, какъ изъ опасенія быть истребленными по частямъ, такъ и потому чтобъ не терять времени, которое всегда цѣнится дорого; здѣсь же, гдѣ все необходимое войска должны всегда возить съ собою, время еще дороже, ибо каждыя лишнія сутки похода увеличиваютъ число запасовъ и тѣмъ умножаютъ обозъ. По недостатку воды и по означеннымъ затрудненіямъ въ дорогѣ предполагаютъ, что значительнымъ отрядамъ переходить южную часть степи иначе нельзя, какъ зимой, съ выпадомъ снѣгу, или раннею весной, пока растаявшая снѣговая вода не высохнетъ (1).

---

(1) Что знойныя и безводныя степи средней Азіи должно переходить зимою или же раннею весною, доказываютъ слѣдующими примѣрами извѣстнѣйшихъ завоевателей кочевыхъ народовъ, которые, конечно, опытомъ убѣдились въ необходимости такъ дѣйствовать:

Чингисъ-Ханъ, въ 1211 г., желая покорить Китай, двинулся отъ вершинъ рр. Селенги и Онона осенью, чтобъ по снѣгу перейдти степь Гоби; въ 1219 г., въ войнѣ съ Мухамедомъ, владѣтелемъ хоразмійскимъ, при движеніи отъ верховьевъ р. Иртыша къ р. Сыръ-Дарьѣ, онъ тоже отправился въ походъ осенью, чтобы голодную и безводную степь Бебтакъ также перейдти по снѣгу.

Тамерланъ, въ своихъ неоднократныхъ нашествіяхъ отъ береговъ Сыръ-Дарьи къ сѣверу въ нынѣшніе предѣлы южной Сибири и Оренбургскаго края, всегда собиралъ войска зимою и открывалъ походъ въ концѣ зимы либо въ началѣ весны.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію удобнѣйшихъ путей, ведущихъ изъ Россіи въ Хиву чрезъ негостепріимныя киргизскія степи. Эти пути лежатъ въ двухъ главныхъ направленіяхъ: 1) пути, идущіе отъ восточнаго берега Каспійскаго моря, и 2) идущіе отъ Оренбурга и уральской линіи.

1) *Отъ береговъ Каспійскаго моря* пролегаютъ слѣдующіе пути:

а) *Отъ Красноводска въ Хиву*, которымъ шелъ генеральнаго штаба капитанъ Муравьевъ, въ 1819 году. Путь этотъ кратчайшій, всего 600 верстъ, считая отъ Балханскаго залива, но не обиленъ кормами и водою; притомъ же кочующіе здѣсь туркмены зависятъ отъ Хивы, и, въ случаѣ движенія по этому пути нашихъ войскъ, мы не можемъ надѣяться не только на поставку лошадей, верблюдовъ, барановъ и вожаковъ отъ туземныхъ кочевниковъ, но скорѣе встрѣтимъ въ нихъ непріязнь или вѣроломное содѣйствіе.

б) *Отъ Тюкъ-Караганскаго мыса* (на Мангишлакскомъ полуостровѣ), длиною около 900 верстъ.

в) *Отъ бывшаго тогда Александровскаго укрѣпленія* (при заливѣ Кайдакѣ) (2), всего около 700 верстъ. Оба эти пути кромѣ неудобствъ предъидущаго еще скуднѣе кормами и водою; притомъ воду можно находить только въ такихъ глубокихъ колодцахъ (до 20 саж., а нерѣдко и глубже), что стоитъ только заложить ихъ сверху и присыпать землею, чтобъ нельзя было отыскать, или набросать въ нихъ падали, или же зарыть ихъ, и отрядъ, двинутый въ этомъ направленіи, совершенно лишится воды, не имѣя возможности вырыть въ короткое время новые колодцы такой значительной глубины, тѣмъ болѣе, что грунтъ земли здѣсь большею частію твердый и каменистый.

Къ изложеннымъ неудобствамъ этихъ трехъ путей слѣдуетъ

Напротивъ того, князь Бековичъ-Черкасскій, въ 1718 году, отправился съ отрядомъ изъ Гурьева Городка въ Хиву лѣтомъ, изнурилъ совершенно отрядъ свой и потерялъ въ степи болѣе 1/4 части онаго, что, конечно, способствовало истребленію, постигшему эту экспедицію.

(2) Основанное въ 1834 г., но по мелководью залива Кайдака и Мертваго Култука и по совершенному почти недостатку воды, кормовъ и топлива, Александровское укрѣпленіе впослѣдствіи перенесено было на Мангишлакъ, гдѣ и нынѣ существуетъ подъ названіемъ Ново-Александровскаго форта (а первая же называлось Ново-Петровскимъ, въ память бывшаго нѣкогда (устроеннаго кн. Бековичемъ) укрѣп. св. Петра и Павла; потомъ вновь перенесено на другое мѣсто на Мангишлакѣ же и названо Александровскимъ фортомъ).

прибавить, что, въ случаѣ избранія котораго либо изъ нихъ для похода въ Хиву, управленіе изъ Оренбурга заготовленіемъ запасовъ и снаряженіемъ экспедиціи, по отдаленности, сопряжено было бы съ большими затрудненіями и медленностію, и даже можно сказать, что успѣхъ снаряженій и похода, по означеннымъ тремъ путямъ, былъ въ то время болѣе нежели сомнителенъ, по слѣдующимъ причинамъ:

Флотилія каспійская, во время предположенной экспедиціи въ Хиву, была малочисленна; частныхъ судовъ, удобныхъ для перевозки войскъ, было недостаточно (3); притомъ противные вѣтры и бури легко могли бы задержать доставку войскъ и запасовъ и разстроить все предпріятіе (4).

Пароходовъ же въ то время на Каспійскомъ морѣ еще не было. Но если бы даже они и были и удалось бы наконецъ перевести въ одинъ изъ упомянутыхъ пунктовъ отрядъ со всѣми запасами, то откуда было взять лошадей для конницы и артилеріи и верблюдовъ для перевозки запасовъ? Перевозка Каспійскимъ моремъ значительнаго числа лошадей, верблюдовъ и барановъ для мясной порціи едва ли и при настоящихъ средствахъ нашихъ возможна.

---

(3) Изслѣдованіе объ этомъ Высочайше повелѣно было произвести контръ-адмиралу Римскому-Корсакову въ 1840 г. (имѣя въ виду новую экспедицію съ береговъ Каспійскаго моря), и онъ по изслѣдованіямъ на мѣстѣ (рапортъ графу Перовскому 19 мая 1840 г., № 78) нашелъ, что для перевозки войскъ можно было въ то время нанять, въ теченіе 6 недѣль, не болѣе 70 судовъ, а для перевозки 6,000-го отряда, въ полномъ составѣ, по его разсчетамъ потребно было никакъ не менѣе 162 судовъ каспійскихъ. При этомъ контръ-адмиралъ Римскій-Корсаковъ находилъ перевозку отряда на судахъ каспійскихъ дѣломъ весьма невѣрнымъ и даже рискованнымъ, между прочимъ и потому, что нельзя воспользоваться благопріятнымъ вѣтромъ и, быстро сѣвъ въ Астрахани на суда, перенестись къ Тюкъ-Караганскому мысу, ибо тогда Астрахань находилась отъ взморья въ 96 верстахъ и соединялась съ моремъ однимъ фарватеромъ, по которому не могутъ, не сѣвъ нѣсколько разъ на мель, пройдти суда, имѣющія углубленія всего 5 фут. Поэтому суда значительнаго груза нагружаются въ половину у *Бирючей косы*, въ 96 верстахъ отъ города, а окончательно догружаются на *Чистомъ банкѣ*, въ совершенно открытомъ морѣ и въ 140 верстахъ отъ Астрахани. Слѣдовательно, къ этимъ мѣстамъ надо все свозить на малыхъ судахъ, что потребуетъ значительнаго времени, потомъ выждать благопріятнаго вѣтра, находясь въ открытомъ морѣ, что, конечно, весьма опасно.

(4) И дѣйствительно, во время экспедиціи князя Бековича-Черкасскаго въ 1715—1717 гг. флотиліи наши неоднократно страдали отъ бурь Каспійскаго моря, что нами подробнѣе объяснено въ статьѣ «О походѣ въ Хиву 1717 г.» Подобнымъ же образомъ въ 1722 году, во время похода въ Персію, Петръ Великій, дойдя до Дербента, долженъ былъ вернуться, ибо суда, назначенныя для доставки войскамъ провіянта, были разнесены бурею.

Народы, кочующіе по восточному берегу Каспійскаго моря, были или преданы Хивѣ, какъ адаевскій родъ киргизъ-кайсаковъ, или же подвластны Хивѣ, какъ туркменцы; тотъ и другой народъ, магометанскаго исповѣданія, находятся съ Хивою въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ и притомъ издавна промышляли ловлею русскихъ подданныхъ и продажею ихъ въ Хиву; поэтому естественно, что мы не могли бы получить отъ нихъ ни за какія деньги и товары ни верблюдовъ, ни лошадей, ни скота для мясной порціи, ни надежныхъ вожаковъ.

Если же вздумали бы заблаговременно къ извѣстному пункту перегнать своихъ верблюдовъ, лошадей и барановъ съ линіи, по безплодной степи, то они сильно изнурились бы, и для поправки надобно было бы ихъ нѣсколько мѣсяцевъ откармливать; а при Александровскомъ укрѣпленіи воды едва достаточно для гарнизона, и кормы по всему восточному берегу Каспійскаго моря вообще скудны. Поэтому пришлось бы перевозить туда моремъ и сухой фуражъ на нѣсколько мѣсяцевъ лишнихъ (кромѣ предназначеннаго для похода), что все еще болѣе усложнило бы предпріятіе и заставило бы, прежде похода, основать на восточномъ берегу моря нѣсколько новыхъ укрѣпленій для прикрытія складовъ.

Эти соображенія и заставили отказаться отъ похода въ Хиву со стороны Каспійскаго моря. Однакожь, основанное незадолго до хивинскаго похода укрѣпленіе Александровское, какъ готовый уже складочный пунктъ, было избрано для перевозки туда части запасовъ, необходимыхъ въ походѣ, и путь отъ него, какъ будетъ подробнѣе объяснено ниже, предназначенъ былъ служить путемъ побочнымъ и второстепеннымъ, для движенія небольшаго отряда съ запаснымъ продовольствіемъ.

2) *Отъ сухопутныхъ предѣловъ Россіи въ Хиву* нѣсколько путей: идущіе отъ сибирской линіи или же отъ г. Троицка могутъ быть избраны только въ случаѣ похода въ Ташкентъ, но въ Хиву, по отдаленности, эти пути неудобны, почему и разсматривать ихъ не станемъ.

а) *Путь отъ крѣпости Орской*, по восточной сторонѣ Аральскаго моря, шелъ на р. Иргизъ, мимо озера Аксакалъ-Барби, потомъ песками Каракумъ на переправу чрезъ Сыръ-Дарью близъ урочища Раима, отсюда на хивинскую крѣпостцу Бишъ-Кала, потомъ по Куванъ-Дарьѣ (устье р. Сыра, доходящее до моря), отъ которой поворачиваетъ къ Яны-Дарьѣ (другое, почти

высохшее устье Сыра), и близъ озера Дау-Кара этотъ путь выходилъ на безплодные и безводные пески Кизылъ-Кумъ и къ переправѣ чрезъ р. Аму-Дарью, противъ хивинскаго мѣстечка Кипчакъ. Все протяженіе этого пути около 1,500 верстъ, и до р. Иргиза, т. е. верстъ на 500 отъ Орска, онъ не имѣетъ недостатка въ водѣ и кормахъ, но далѣе, верстъ на 300 до р. Сыра, идетъ мѣстами песчаными, почти безкормными и безводными, а въ топливѣ совершенный недостатокъ. Отъ р. Сыръ-Дарьи, на протяженіи около 300 верстъ до входа въ пески Кизылъ-Кумъ, кормы скудны, но въ водѣ недостатка нѣтъ; далѣе же до р. Аму, на разстояніи до 400 верстъ, въ кормахъ и водѣ большой недостатокъ. Такимъ образомъ, путь этотъ, пролегая почти на 1,000 верстъ по безкормнымъ или безводнымъ мѣстамъ, представляетъ мало способовъ для движенія сколько нибудь значительнаго отряда войскъ.

б) *Изъ г. Оренбурга въ Хиву* два пути: по восточную и по западную стороны Аральскаго моря.

Первый до озера Ходжа-Куль почти верстъ на 500 идетъ мѣстами, обильными подножнымъ кормомъ и водою, потомъ песками Барсуки и Кара-Кумъ, на разстояніи около 300 верстъ, до р. Сыръ-Дарьи такъ же скуденъ, маловоденъ и песчанъ, какъ и предъидущій путь отъ крѣпости Орской къ р. Сыру, на который онъ потомъ и выходитъ. Длина этого пути тоже около 1,500 верстъ, а безкормныхъ и безводныхъ мѣстъ тоже около 1,000 верстъ.

Второй путь изъ Оренбурга въ Хиву, по западную сторону Аральскаго моря, обиленъ водою, кормами, а частію и топливомъ почти на 500 верстъ, до впаденія въ р. Эмбу р. Аты-Джаксы; далѣе, до подъема на Усть-Уртъ, около 300 или 250 верстъ идетъ мѣстностію большею частью солонцеватою, кормовъ и воды недостаточно, топлива мало. Потомъ, поднявшись на плоскую возвышенность Усть-Урта, почти на разстояніи 500 верстъ по этому пути кормы скудны, а вода только въ долинахъ въ весеннее время, послѣ таянія снѣгу, и въ колодцахъ глубиною въ 8, 10, 20 и даже болѣе саженъ (5); но въ топли-

(5) Есть и меньшей глубины колодцы; но въ мелкихъ колодцахъ вода почти всегда горькая и солонцеватая. Чѣмъ глубже колодцы, тѣмъ вода лучше, вѣроятно потому, что почва здѣсь на нѣсколько саженъ пропитана солями морской воды, которыми и настаивается всегда въ неглубокихъ колодцахъ; въ глубокихъ же этого не бываетъ.

вѣ недостатка нѣтъ. По спускѣ же съ Усть-Урта кормы хотя и необильны, но недостатка въ прѣсной водѣ нѣтъ. А пройдя около 100 верстъ до г. Куня-Ургенча начинается обработанная полоса Хивинскаго ханства. Длина всего пути до Куня-Ургенча около 1,400 верстъ, мѣстами же безводными и безкормными до 800 верстъ.

Остается разсмотрѣть теперь пути отъ нижней части уральской линіи, между станицами Калмыкской и Сарайчикомъ.

Отъ нижней части уральской линіи до всхода на Усть-Уртъ, на разстояніи отъ 300 до 500 верстъ, мѣстность большею частью солонцеватая, кормы скудны, хорошей воды мало, и притомъ мѣстами приходится слѣдовать топкими солонцами, проходимыми для тяжестей только во время сильныхъ жаровъ или же трескучихъ морозовъ. Далѣе, болѣе 700 или 800 верстъ до г. Куня-Ургенча, пути пролегаютъ по мѣстности одинаковой съ описанною выше, при разсмотрѣніи пути отъ Оренбурга до Куня-Ургенча. Все протяженіе путей, идущихъ по этой мѣстности до Куня-Ургенча, отъ 1,300—1,150 верстъ, и всѣ болѣе или менѣе безкормны и безводны; но, несмотря на то, какъ кратчайшіе, они служили, съ древнѣйшихъ временъ, караванными путями въ Хиву (6).

Изъ всѣхъ описанныхъ путей, идущіе по восточную сторону Аральскаго моря, какъ длиннѣйшіе и пролегающіе почти на 1,000 верстъ песчаными, безкормными и безводными пустынями, признаны были самыми неудобными, тѣмъ болѣе, что здѣсь пришлось бы переправляться чрезъ двѣ глубокія и широкія рѣки (Сыръ-Дарью у Раима, шириною до 100 саженъ, и Аму до 250 саженъ, и рукавъ Сыръ-Дарьи, Куванъ-Дарью, шириною до 20 саж.), при совершенномъ недостаткѣ мѣстныхъ способовъ къ переправѣ.

Изъ путей, идущихъ по западному берегу Аральскаго моря

---

(6) Князь Бековичъ Черкасскій въ 1717 г. въ походъ на Хиву двинулся, какъ говорятъ сохранившіяся сказанія, отъ Гурьева-Городка и шелъ поблизости моря, чрезъ небольшія рѣчки, до уроч. Бога-Чаша, гдѣ вышелъ на старую хивинскую дорогу, направлявшуюся отъ нынѣшней Сарайчиковской станицы. По тѣмъ же сказаніямъ, путь на разстояніи около 300 верстъ до р. Эмбы былъ удобенъ, а затѣмъ такой же, каковы всѣ описанные отъ нижне-уральской линіи. Въ настоящее время, отъ безпрерывнаго обмелѣнія сѣверо-восточнаго берега Каспійскаго моря, устья всѣхъ рѣчекъ, нѣкогда здѣсь впадавшихъ въ море, занесло пескомъ; почему онѣ разлились и образовали на мѣстахъ бывшихъ устій обширныя болота, поросшія высокимъ камышемъ и доступныя только въ сильные морозы.

до Куня-Ургенча, пути отъ нижней части уральской линіи верстъ на 150 или 200 короче идущаго отъ Оренбурга, но пролегаютъ топкими солонцами и на всемъ протяженіи почти безкормны и безводны. Притомъ нижняя часть кордонной линіи не представляетъ удобныхъ мѣстъ для сбора войскъ, верблюдовъ и лошадей. Если, сверхъ того, принять въ соображеніе, что въ г. Оренбургѣ средоточіе управленія краемъ и находятся артиллерійскій арсеналъ, баталіонныя мастерскія, что для похода въ Хиву нужны были огромныя заготовленія, которыя, по новости своей и разнообразію, требовали бдительнаго надзора, что доставка запасовъ изъ Россіи удобнѣе всего въ Оренбургъ, откуда въ прямомъ направленіи къ Хивѣ можно было отправлять ихъ внутрь степи, по мѣстамъ, обильнымъ кормами и водою верстъ на 500 впередъ отъ Оренбурга, и наконецъ, что сборъ верблюдовъ, по обилію кормовъ около Оренбурга и центральному положенію мѣста, легче и скорѣе было произвести въ прилегающихъ къ этому городу степяхъ, гдѣ верблюдовъ, въ случаѣ надобности, удобнѣе и дешевле было откармливать, то должно согласиться, что путь отъ г. Оренбурга по западную сторону Аральскаго моря, въ эпоху предпріятія похода, слѣдовало предпочесть всѣмъ прочимъ путямъ и считать главнымъ для экспедиціи въ Хиву, а пути отъ нижнеуральской кордонной линіи и отъ Александровскаго укрѣпленія—второстепенными, годными только для небольшихъ вспомогательныхъ отрядовъ. Все это и было принято въ соображеніе при составленіи плана похода.

Изслѣдовавъ пути въ Хиву, не излишнимъ будетъ и описаніе Хивинскаго ханства, цѣли нашихъ дѣйствій въ 1839 году.

Это ханство лежитъ къ югу отъ Аральскаго моря и занимаетъ плодородную и обработанную полосу земли на низовьяхъ рѣки Аму-Дарьи, длиною не болѣе 300 и шириною до 80 верстъ. Оно окружено безплодными степями, въ болѣе доступныхъ частяхъ которыхъ кочуютъ подвластные Хивѣ кочующія племена: киргизы и каракалпаки около Аральскаго моря и туркмены около Каспійскаго моря. По сухости климата и отсутствію дождей, земледѣліе возможно здѣсь только при искусственномъ орошеніи полей, для чего изъ рѣки Аму проведено нѣсколько прорѣзывающихъ ханство, во всю длину, каналовъ, ширина которыхъ, близъ выхода изъ рѣки, отъ 10 до 25 саженъ, а по мѣрѣ удаленія они съуживаются до 2 и 3 саженъ. По

многимъ изъ этихъ каналовъ производится судоходство. Отъ главныхъ каналовъ отходятъ въ поля и въ дробные участки пашень каналы меньшаго размѣра. Такимъ образомъ, все ханство перерѣзано во всѣхъ направленіяхъ болѣе или менѣе широкими и глубокими каналами. Устроенныхъ путей, удобныхъ для движенія значительныхъ обозовъ, здѣсь нѣтъ; мосты черезъ каналы рѣдко попадаются и притомъ непрочны, дурнаго устройства. Поэтому сообщеніе на повозкахъ здѣсь затруднительно, и хотя хивинцы ѣздятъ въ арбахъ, запряженныхъ лошадьми или верблюдами, но не во всякое время года, съ небольшими грузами, на недальнее разстояніе и не во всѣхъ направленіяхъ: внутреннія сообщенія производятся большею частью или на вьючныхъ верблюдахъ, или верхомъ на лошадяхъ и ослахъ, или же по каналамъ рѣки Аму на судахъ. Населеніе ханства сосредоточено на лѣвомъ берегу рѣки Аму, и самая населенная и обработанная полоса Хивинскаго ханства есть южная, до мѣстечекъ Кипчака и Ильаллы. Къ сѣверу отъ этихъ мѣстечекъ населеніе гораздо рѣже, обработанныхъ земель мало и начинается раздѣленіе рѣки Аму на протоки, которыми во время разливовъ рѣки наводняется большая часть сѣвернаго ханства, образуя множество озеръ, поросшихъ высокими камышами, между которыми только мѣстами, на небольшихъ участкахъ, производится земледѣліе. При большихъ разливахъ рѣки Аму можно наводнять и южную полосу ханства (7), и какъ главные разливы бываютъ тамъ два раза: первый въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ, а второй въ іюлѣ и августѣ, то это время должно считать самымъ неудобнымъ для вступленія въ ханство военнаго отряда.

Урожаи здѣсь, отъ искусственнаго орошенія полей, довольно хороши и почти постоянны, а излишній отъ собственнаго потребленія хлѣбъ хивинцы сбываютъ окрестнымъ кочевымъ народамъ, такъ что значительныхъ хлѣбныхъ запасовъ, на случай неурожая, тамъ не бываетъ.

---

(7) Во время разливовъ р. Аму, воды ея обыкновенно выше поверхности полей и удерживаются въ берегахъ земляннымъ валомъ, насыпаннымъ какъ по берегамъ рѣки, такъ и по берегамъ каналовъ. Для орошенія же полей или разрываютъ часть вала, или же открываютъ пробки въ трубахъ, проходящихъ чрезъ валъ. Только въ высокихъ мѣстахъ, коихъ нельзя затопить такимъ образомъ, орошеніе производится посредствомъ чигирей, водочерпательныхъ колесъ, саженъ двѣ въ діаметрѣ, къ которымъ привѣшиваются глиняные и кожаные сосуды для поднятія воды.

Городовъ въ ханствѣ немного; главнѣйшіе изъ нихъ: *Хива*, мѣстопребываніе хана, обведенъ земляным валомъ; *Хозараспъ* и *Кетъ*, обнесены также валами; *Новый Ургенчъ*, самый торговый городъ ханства. Прочіе города менѣе упомянутыхъ и тоже всѣ были обведены глиняными стѣнами, но стѣны эти развалились или разваливаются. Почти всѣ города окружены предмѣстьями съ обширными садами, а въ настоящее время почти и всѣ каналы обсажены фруктовыми деревьями.

Прочіе жители ханства разселены по деревнямъ, состоящимъ изъ 3, 4 и рѣдко 10 домовъ или семействъ. Дома у хивинцевъ глиняныя мазанки съ плоскими крышами; дворы и имѣющіеся при каждомъ домѣ сады обводятся прочными глиняными стѣнами, толщиною внизу до 2 аршинъ, въ верху до полу-аршина, а вышиною до 4 аршинъ. Народъ хивинскій вообще бѣденъ; никакихъ фабричныхъ заведеній и цѣнныхъ построекъ здѣсь встрѣтить нельзя; все же богатство хивинцевъ, кромѣ полей, состоитъ въ скотѣ и невольникахъ, обреченныхъ на тяжкія работы: вырытіе и расчистку канавъ и каналовъ, обработку земли и уходъ за домомъ (8).

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что большая часть хивинцевъ, въ случаѣ нашествія непріятеля зимою, легко могли бы, забравъ хлѣбъ, скотъ, рабовъ и все имущество, укрыться временно или въ окрестныя степи, или же въ другое хивинское владѣніе, лежащее верстахъ въ 400 къ югу отъ Хивы, за безплодными песками, и составляющее другой оазисъ, съ городомъ *Мерва*. Поэтому отряду, предназначенному къ походу въ Хиву, нельзя было разсчитывать найдти на мѣстѣ большихъ продовольственныхъ запасовъ, въ случаѣ прибытія туда зимою, а надо было стараться застать хлѣбъ еще на корню.

Лѣсовъ естественныхъ, удобныхъ для постройки судовъ и домовъ, здѣсь нѣтъ; но для этой цѣли хивинцы разводятъ деревья въ садахъ своихъ и вдоль каналовъ, чѣмъ отчасти и замѣняется у нихъ недостатокъ самороднаго лѣса.

Осѣдлыхъ жителей въ ханствѣ приблизительно полагаютъ

---

(8) Изъ невольниковъ, русскіе, по своей силѣ, дѣятельности и смышлености, предпочитаются невольникамъ прочихъ народовъ и цѣнятся гораздо дороже. За русскаго среднихъ лѣтъ и здороваго платили въ 30-хъ годахъ по 300 руб. сер. на наши деньги, а за персіянина, при тѣхъ же условіяхъ, только половину. Эта значительная цѣна русскихъ невольниковъ и поощряла киргизовъ и туркменовъ къ захвату въ плѣнъ русскихъ подданныхъ.

до 500,000 душъ обоего пола, состоящихъ изъ *узбековъ*, завоевателей, *сартовъ*, первобытныхъ жителей края, *каракалпаковъ*, *персіянъ* и *русскихъ*; въ послѣднее время начали селиться здѣсь и туркмены. Сверхъ того хивинскому хану повинуются многія племена туркменовъ и киргизовъ, кочующихъ между рѣкою Аму и восточнымъ берегомъ Каспійскаго моря и въ окрестностяхъ Аральскаго моря, на низовьяхъ рѣки Аму; въ эпоху же хивинскаго похода хивинцамъ подчинялись киргизы и каракалпаки и по устьямъ рѣки Сыръ-Дарьи.

Народъ хивинскій, при всей хищности своей, не воинственъ. Хотя ханъ, на случай войны, и можетъ выставить до 20,000 коннаго войска, но это войско безъ всякаго правильнаго устройства и худо вооружено, почему не можетъ оказать серьезнаго сопротивленія. Артиллерія хивинцевъ состояла въ то время изъ десятка съ небольшимъ орудій, тяжелыхъ, неповоротливыхъ и мало удобныхъ для движенія (не въ лучшемъ положеніи артиллерія хивинская и нынѣ). Порохъ у хивинцевъ худаго качества, ядра неправильнаго вида и не соотвѣтствующаго орудіямъ калибра, почему загоняются въ орудія, обвернутыя войлокомъ; прислуга при орудіяхъ состоитъ преимущественно изъ русскихъ плѣнныхъ, не отличающихся знаніемъ своего дѣла. Укрѣпленія, какъ уже сказано, находятся во многихъ городахъ и состоятъ изъ высокихъ и толстыхъ глиняныхъ стѣнъ.

Изъ этого краткаго очерка Хивинскаго ханства (9) легко усмотрѣть, что оно могло доставить лишь весьма незначительные мѣстные способы продовольствія; поэтому запасы на весь походъ и на время пребыванія въ Хивѣ должно было везти съ собою, и что нельзя было вполнѣ разсчитывать на ремонти-

---

(9) Передъ хивинскимъ походомъ генерала Перовскаго на Оренбургскую линію выбѣжало изъ Хивы нѣсколько казаковъ и выкуплено правительствомъ нашимъ до 100 чел. казаковъ и крестьянъ. Изъ тщательныхъ распросовъ у нихъ и сличеніемъ ихъ показаній генеральнаго штаба подполковникъ Иванинъ тогда же собралъ довольно подробныя свѣдѣнія о Хивинскомъ ханствѣ и составилъ описаніе его, которое послужило основаніемъ для всѣхъ послѣдующихъ описаній этого ханства, пополняясь только извѣстіями, собранными отъ купцовъ, позже бывшихъ въ Хивѣ, и свѣдѣніями, доставленными нашими миссіями, бывшими тамъ въ 1840, 1841 и 1858 годахъ. Отсутствіе всякаго прогресса въ средне-азіятскихъ странахъ было причиною, что Хивинское ханство остается все въ одномъ и томъ же положеніи варварства: какими засталъ хивинцевъ князь Бековичъ-Черкасскій въ началѣ XVIII вѣка, таковы они и понынѣ; недостаточность русскаго вліянія, по отдаленности и неприступности положенія ханства, не позволяетъ тамъ укорениться лучшимъ началамъ гражданственности.

ровку въ немъ ослабѣвшихъ, изнуренныхъ или павшихъ верблюдовъ и лошадей. А потому приходилось устроить сильные перевозочные способы и принять мѣры къ доставленію, въ случаѣ надобности, съ линіи не только продовольствія, но и верблюдовъ съ лошадьми.

Предположивъ нѣсколько недѣль усиленныхъ дѣйствій въ ханствѣ, путь въ оба конца возросъ бы до 3,000 верстъ, изъ которыхъ не менѣе 1,600 верстъ приходилось пройдти по мѣстамъ безкормнымъ и безводнымъ. Очевидно, что войска, верблюды и лошади только при самомъ тщательномъ сбереженіи, при счастливомъ состояніи погоды, при особенно благопріятной зимѣ и неглубокомъ снѣгѣ могли выдержать такой продолжительный путь и усиленныя дѣйствія въ теченіе 4 или 5 мѣсяцевъ.

Вотъ главнѣйшія затрудненія, для преодолѣнія которыхъ необходимо было изыскивать средства при составленіи плана похода и приготовленіяхъ къ нему, равно какъ и должно было принять въ соображеніе и то различіе, какое вообще существуетъ между степными нашими походами и походами по населеннымъ частямъ Европы. Объ этомъ кстати будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ, для лучшаго поясненія дѣла.

Кто участвовалъ только въ европейскихъ войнахъ или кто читалъ описанія ихъ, тому трудно представить, что такое походъ по степямъ средней Азіи. Въ европейскихъ походахъ (исключая, впрочемъ, походовъ въ Турцію) недостатка въ водѣ почти не бываетъ, изрѣдка встрѣчается надобность запасаться ею на одинъ переходъ; движеніе войскъ производится по устроеннымъ путямъ, въ обработанныхъ и населенныхъ земляхъ, въ которыхъ можно найдти не только значительную часть продовольствія для арміи, но нерѣдко и способы къ снабженію войскъ лошадьми, одеждою и боевыми запасами.

Въ средней Азіи, напротивъ, недостатокъ воды составляетъ одно изъ главныхъ затрудненій походовъ и величайшую заботу начальствующаго. Путей устроенныхъ не существуетъ: надобно идти по компасу или по указанію вожака; кочевые туземцы съ приближеніемъ вашимъ удаляются, и вы, иногда пройдя сотни верстъ, не встрѣтите ни души и ничего не узнаете о непріятелѣ. Мѣстныхъ способовъ для продовольствія войскъ нѣтъ; стало быть продовольствіе и всѣ запасы для войскъ надобно брать съ собою. Неизмѣримость и открытость степей,

дозволяя движенія во всѣ стороны, дѣлаетъ обходы удобными; поэтому нападенія должно ожидать со всѣхъ сторонъ, и самый обыкновенный строй войскъ должно быть каре или сходное съ нимъ построеніе.

Изъ этого слѣдуетъ, что военный отрядъ въ средней Азіи есть въ строгомъ смыслѣ караванъ или обозъ, слѣдующій безъ дорогъ, постоянно нуждающійся въ водѣ, въ топливѣ и на каждомъ ночлегѣ опасающійся лишиться лошадей и верблюдовъ отъ угона, слѣдовательно и средствъ двинуться съ мѣста. Самый обозъ въ степяхъ, гдѣ все должно везти съ собою, по необходимости долженъ быть многочисленнѣе: въ европейскихъ войнахъ на 1,000 человѣкъ войска обозъ можно ограничить 20 или 30 повозками, то есть на 50 или 40 человѣкъ имѣть одну только повозку, но въ походѣ хивинскомъ 1839 года пришлось на каждаго воина имѣть по два верблюда, почти на каждыхъ двухъ воиновъ по одному киргизу, для надзора за верблюдами. И хотя киргизы были необходимы для отряда по ихъ знанію свойствъ верблюда, по навыку вьючить и ухаживать за ними, а также по знанію степи и движеній по ней, однакожь вѣрность ихъ и преданность намъ были сомнительны, и въ случаѣ нападенія непріятеля надобно было принимать и противъ нихъ мѣры предосторожности и опасаться не только побѣговъ, но и сношеній ихъ съ враждебными киргизами и хивинцами, для способствованія имъ угона у насъ лошадей и верблюдовъ. Такимъ образомъ, военный отрядъ въ степи есть только конвой или прикрытіе собственнаго своего, многочисленнаго, обоза.

Къ этой трудности отдаленныхъ степныхъ походовъ необходимо присоединить еще недостаточное въ то время знаніе края. Для похода въ Хиву необходимо было предварительное изученіе степи и путей по ней, къ достиженію чего была совершенная невозможность, по причинѣ вѣроломства, подозрительности и недовѣрчивости хивинскаго правительства и хищности окружавшихъ это ханство кочевыхъ народовъ. Посольства наши и наши торговые караваны хивинцы къ себѣ тогда принимали рѣдко, а принявши посланниковъ, держали ихъ взаперти; путешественниковъ не допускаютъ почти вовсе; да и кому придетъ охота ѣздить туда, гдѣ по малѣйшему подозрѣнію легко можно было попасть на колъ или живымъ быть закопану въ землю?

Изъ прежнихъ двухъ нашихъ походовъ въ Хиву: яицкихъ казаковъ въ 1610 году и князя Бековича-Черкасскаго въ 1717 году (10), имѣлись тогда неполныя и отрывочныя свѣдѣнія, составленныя изъ распросовъ и догадокъ. Бывшій въ Хивѣ въ 1819 году генеральнаго штаба капитанъ Муравьевъ описалъ путь туда только изъ Красноводска, то есть отъ Каспійскаго моря, а находясь въ Хивѣ взаперти и опасаясь за жизнь свою, не могъ собрать о путяхъ въ Хиву съ оренбурго-уральской кордонной линіи и даже о самой Хивѣ достовѣрныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній. Извѣстія, оставленныя бывшими въ Хивѣ путешественниками и выходцами оттуда, еще менѣе удовлетворительны. Собранныя тщательными распросами и свѣркою показаній отъ освобожденныхъ изъ хивинской неволи русскихъ подданныхъ, въ 1837 — 1839 годахъ, нѣсколько подробныя свѣдѣнія касались только самой Хивы; но о путяхъ къ ней и объ окружающихъ это ханство степяхъ выходцы не могли, конечно, сообщить никакихъ вѣрныхъ данныхъ. На показанія же бывшихъ тамъ азіятцевъ, по склонности ихъ къ обману и преувеличеніямъ, совершенно нельзя полагаться.

Поэтому въ 1839 году имѣлись обстоятельныя свѣдѣнія только о сѣверной, болѣе доступной, и изслѣдованной, части степи; объ южной и о путяхъ по ней въ Хиву на протяженіи до 700 верстъ намъ извѣстно было кое-что только по разсказамъ, болѣе или менѣе неяснымъ, неточнымъ и сбивчивымъ, потому что свѣдѣнія объ этой части степи по необходимости пришлось заимствовать только отъ освобожденныхъ изъ Хивы русскихъ плѣнниковъ, неграмотныхъ и неразвитыхъ бѣдняковъ, или же отъ азіятцевъ, не заслуживающихъ полнаго довѣрія.

Къ этой неизвѣстности почти половины степи должно присоединить и непостоянство въ южной части ея климатическихъ измѣненій, чтобы вполнѣ оцѣнить всю затруднительность предпринимавшагося въ 1839 году похода въ Хиву. И дѣйствительно: еслибъ, напримѣръ, извѣстно было, что каждую зиму, съ

---

(10) Объ этихъ походахъ подробно нами сказано въ особой статьѣ «Походъ въ Хиву въ 1717 г.» Въ эпоху хивинскаго похода извѣстны были о тѣхъ предпріятіяхъ нашихъ одни преданія; матеріялы же объ экспедиціи князя Бековича Черкасскаго, по Высочайшему повелѣнію, начали собираться только съ 1840 г., т. е. уже по окончаніи описываемаго здѣсь похода. (См. № 10 «Военнаго Сборника» за 1861 годъ.)

декабря, вся степь до Хивы покрывается снѣгомъ, то можно было бы значительную часть обоза сформировать на саняхъ, а часть отряда на лыжахъ и нартахъ (легкихъ саняхъ) (11). То же самое, зная навѣрное время выпада и глубину снѣга, или вообще какова будетъ зима, можно было бы разсчитать время сбора верблюдовъ и отряда, снарядить ихъ сообразно зимѣ и выбрать для похода умѣренную зиму, съ неглубокимъ снѣгомъ.

Но въ южной части степи, сколько было извѣстно, почти совсѣмъ не бываетъ снѣгу. Иногда выпадаетъ снѣгъ небольшой, не мѣшающій движенію и притомъ доставляющій необходимую для питья и варки пищи воду; иногда же, хотя и рѣдко, выпадаетъ снѣгъ весьма глубокій. Зима устанавливается иногда въ ноябрѣ, иногда въ декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ, и бываетъ то легкая, то умѣренная, то очень суровая, сопровождающаяся сильными, продолжительными буранами (рѣзкій вѣтеръ съ мятелью). Къ этому непостоянству зимъ присоединяется нерѣдко гололедица, покрывающая ледяною корою травы, и какъ лошади, верблюды и порціонный скотъ должны довольствоваться во время похода подножнымъ кормомъ, то обледенѣніе травъ или же закрытіе ихъ глубокимъ снѣгомъ лишаютъ вьючный и порціонный скотъ пропитанія, что ведетъ къ страшному ихъ изнуренію, а иногда и къ гибели отъ голодной смерти.

Принявъ въ соображеніе трудность и отдаленность степнаго похода въ Хиву, неизвѣстность большей половины пути туда и непостоянство погоды, очевидно, что при снаряженіи экспедиціи приходилось, по необходимости, разсчитывать на непредвидѣнные случаи и везти съ собою несравненно болѣе запасовъ, нежели сколько бы потребовалось, еслибъ имѣлись положительныя обо всемъ свѣдѣнія и можно было знать навѣрное, чего ожидать впереди. Словомъ, за неимѣніемъ надлежащихъ данныхъ, нужно было принимать самыя многосложныя мѣры.

Изъ всего сказаннаго очевидно, что продовольствіе отряда и пріисканіе перевозочныхъ способовъ составляли главнѣйшія затрудненія въ тогдашнихъ приготовленіяхъ къ походу. Для перевозки запасовъ представлялось слѣдующее соображеніе: дальность пути около полуторы тысячи верстъ, при чемъ до 800

(11) Такъ это было сдѣлано при Іоаннѣ Грозномъ, въ походѣ къ рр. Иртышу и Оби.

верстъ безкормною степью, дѣлали невозможнымъ во весь путь одними и тѣми же верблюдами везти запасы, при быстромъ военномъ движеніи въ Хиву: необходимо было предварительно перевезти большую часть ихъ другими способами, по возможности ближе къ Хивѣ, внутрь степи, гдѣ сложить ихъ, и потомъ уже оттуда, забравъ все необходимое къ походу, на верблюдахъ двинуться въ Хиву. То есть, прежде всего, надобно было на избранномъ пути слѣдованія отряда по западную сторону Аральскаго моря, ближе къ Хивѣ, выбрать складочное мѣсто, удобное для возведенія укрѣпленія, здоровое, имѣющее воду и пастбища, куда заранѣе свезти необходимые для похода запасы и пригнать подъемныхъ животныхъ.

Отряду, по мѣрѣ приготовленія къ походу, выступать по возможности налегкѣ, изъ разныхъ мѣстъ линіи, осенью и сосредоточиться у складочнаго пункта, а подойдя къ нему, послѣ нѣкотораго отдыха или выждавъ выпаду снѣга, чрезъ Усть-Уртъ, идти усиленными переходами, чтобы скорѣе пройдти эту безводную возвышенность зимою, когда въ Хивинскомъ ханствѣ наводненія р. Аму прекращаются и каналы дѣлаются сухими или же замерзаютъ. Вступивъ въ ханство, занять тамъ какой либо городъ, удобный для устройства склада запасовъ и учрежденія госпиталя, а потомъ налегкѣ броситься на главныя силы непріятеля или, по ближайшему усмотрѣнію, куда надобность потребуетъ.

Для надежнѣйшаго обезпеченія хивинскаго отряда въ припасахъ и перевозочныхъ способахъ, слѣдовало еще подвезти часть запасовъ Каспійскимъ моремъ въ Александровское укрѣпленіе и потомъ, у киргизовъ, кочующихъ между означенною крѣпостью и нижнеуральскою линіею, собравъ достаточное число верблюдовъ, навьючить на нихъ подвезенные моремъ запасы и отправить на встрѣчу главному отряду, когда онъ станетъ подходить къ Аральскому морю. Верблюдами, прибывшими къ отряду изъ Александровскаго укрѣпленія, въ случаѣ надобности можно было бы пополнить убылыхъ и замѣнить слабыхъ и изнуренныхъ верблюдовъ главнаго отряда.

Сотвѣтственно вышеизложеннымъ обстоятельствамъ, планъ похода былъ составленъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Главный отрядъ для похода въ Хиву составить изъ 5,000 человѣкъ, изъ которыхъ для наказанія Хивы считалось достаточнымъ около 3,000 чел., а остальныхъ предполагалось упо-

требить для прикрытія подвозовъ и запасовъ на промежуточномъ пунктѣ. Отрядъ этотъ долженъ былъ состоять изъ войскъ оренбургскаго корпуса.

2) Всѣ заготовленія, какъ по удобству и дешевизнѣ, такъ и для лучшаго надзора, произвести въ г. Оренбургѣ, откуда выступить и главнымъ силамъ отряда.

3) Предварительно послать отрядъ для избранія по пути въ Хиву удобнѣйшаго складочнаго мѣста, укрѣпленія его и снабженія гарнизономъ.

4) По мѣрѣ заготовленія запасовъ къ походу, перевозить ихъ наряженными отъ башкирскаго войска подводами изъ Оренбурга внутрь степи, въ мѣсто, которое будетъ избрано для устройства складочнаго промежуточнаго пункта.

5) Для прикрытія транспортовъ съ запасами, направленныхъ съ линіи на промежуточный пунктъ, отъ хищныхъ киргизовъ и хивинцевъ, составить особый отрядъ, не входящій въ составъ главнаго отряда войскъ.

6) Перевозку всѣхъ потребностей для главнаго отряда и дальнѣйшее ихъ движеніе отъ послѣдняго къ Хивѣ промежуточнаго склада произвести на верблюдахъ, и для того собрать потребное число ихъ въ теченіе лѣта отъ подвластныхъ намъ киргизскихъ родовъ.

7) Занявъ и укрѣпивъ Хиву или какой либо другой хивинскій городъ, дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ.

На всѣ издержки по экспедиціи ассигновано было изъ суммъ военнаго министерства 1,700,000 р. ассигн. и 12,000 червонныхъ (то есть 521,714 р. $28^2/_7$ к. нынѣшняго курса); исполненіе самой экспедиціи предоставлено было тогдашнему оренбургскому военному губернатору, генералъ-адъютанту Перовскому.

ГЛАВА III.

Составъ и качество войскъ оренбургскаго корпуса. — Составъ отряда, назначеннаго для похода въ Хиву. — Приготовленія къ походу; снабженіе одеждою, продовольствіемъ, боевыми снарядами, боевыми припасами, шанцевымъ инструментомъ, госпитальными и укупорочными вещами. — Перевозка запасовъ въ г. Оренбургъ.

Войска въ оренбургскомъ корпусѣ, изъ которыхъ надобно было сдѣлать выборъ людей для экспедиціоннаго отряда, въ то время имѣли налицо:

	Штабъ и оберъ-офицеровъ и заурядъ-чиновниковъ.	Нижнихъ чиновъ. Строевыхъ.	Нижнихъ чиновъ. Нестроевыхъ.
А) Конницы. . . .	2,002	103,566	624
Б) Пѣхоты	181	8,999	373
В) Артиллеріи . . .	19	804	151
А всего	2,202	113,369	1,148 (12)

(12) А именно:

А) Кавалеріи.

а) *Въ казачьихъ полкахъ:*

	Штабъ и оберъ-офицеровъ и заурядъ-чиновникъ.	Нижнихъ чиновъ. Строев.	Нестроев.	Лошадей. Строев.	Подъемн.
Въ 1 Оренбургскомъ полку. .	38	1,135	129	985	42
— Оренбургск. непремѣнномъ.	11	763	42	769	810
— Ставропольскомъ калмыцк.	22	683	2	667	334

б) *Въ казачьихъ войскахъ:*

Въ Уральскомъ	87	3,552	68		
— Оренбургскомъ.	190	11,863	142		
— Башкирскомъ.	1,362	73,089	205		
— Мещерякскомъ.	293	12,501	36		
Итого конницы. . .	2,002	103,566	624	2,421	1,186

Казачьи лошади здѣсь не показаны потому, что у однихъ казаковъ иногда вовсе нѣтъ лошадей, а у другихъ имѣется по нѣскольку лошадей и даже свои цѣлые табуны.

Изъ конницы этихъ войскъ, уральскіе казаки отличались знаніемъ степи и привычкою къ трудамъ (въ то время они нерѣдко принуждены были отражать и хищническіе набѣги кочевниковъ на свои земли, отчего по необходимости болѣе привыкли къ войнѣ, а потому могутъ считаться хорошими воинами для степныхъ походовъ) и были необходимымъ войскомъ для экспедиціи въ Хиву. По той же причинѣ слѣдуетъ признать годными для степныхъ экспедицій и оренбургскихъ казаковъ, жившихъ близъ линіи; но нѣкоторая часть этихъ казаковъ, жившая далеко отъ линіи, потеряла совершенно воинственность, а другая часть ихъ, обращенная изъ крестьянъ въ оренбургское войско, и вовсе никакой воинственности никогда не имѣла. Потому оренбургскіе казаки не могли быть употреблены для предстоявшей экспедиціи, тѣмъ болѣе, что основана была новая линія, увеличившая потребность кордонныхъ войскъ и охраненіе которой возложено было на оренбургскихъ казаковъ ([13]).

Б) Пѣхоты.

22 пѣхотная дивизія, состоявшая:

	Штабъ и оберъ-офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ. Строев.	Нестроев.	Лошадей. Строев.	Подъемн.
Изъ 7 оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ	94	5,766	307	—	148
12 инвалидныхъ и 2 этапныхъ командъ	26	1,684	10	—	—
Изъ 3 оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ, на горныхъ уральскихъ заводахъ находящихся	61	1,647	56	—	12
Итого пѣхоты. . .	181	8,999	373	—	160

В) Артиллеріи:

Въ 2 конныхъ казачьихъ оренбургскаго войска батареяхъ №№ 14 и 15	8	375	82	540	50
14 гарнизонной артиллерійской бригады въ $3^1/_2$ ротахъ. . .	11	426	23	—	—
Въ окружномъ оренбургскомъ арсеналѣ и крѣпостномъ штатѣ	—	3	46	—	—
Итого артиллеріи. . .	19	804	151	540	50
А всего въ корпусѣ. . .	2,202	113,369	1,148	2,961	1,396

(Изъ строеваго рапорта за октябрь мѣсяцъ 1839 года.)

([13]) Оренбургская линія шла прежде отъ устья Бердянки вверхъ по Уралу и къ верховьямъ Уя, потомъ по р. Ую и р. Тоболу; а съ 1835 и 1836 года отъ устья Ори почти по прямой линіи до устья р. Тугузака, и въ этомъ направленіи

Что же касается до войскъ башкирскаго, мещерякскаго и калмыцкаго, то хотя изъ нихъ и можно было бы сформировать множество полковъ, но, при недостаткѣ офицеровъ, отсутствіи военнаго образованія и неисправности вооруженія, они для похода вовсе не были бы годны.

Пѣхота оренбургскаго корпуса имѣла также важные недостатки: она не только никогда не участвовала въ дѣлахъ противъ непріятеля, но даже не дѣлала никакихъ походовъ и, будучи расположена на постоянныхъ квартирахъ въ станицахъ вдоль линіи, не собиралась никогда въ лагери, почему отъ прочихъ войскъ въ фронтовомъ образованіи отстала и къ военному дѣлу совсѣмъ не привыкла. Притомъ, постоянно находясь въ однѣхъ и тѣхъ же полинейныхъ станицахъ, многіе изъ нижнихъ чиновъ построили дома, занялись земледѣліемъ и торговлею, отъ чего линейные баталіоны изъ регулярныхъ войскъ незамѣтно обратились какъ бы въ поселенное войско. Для пресѣченія этого и чтобъ подвинуть военное образованіе пѣхоты оренбургскаго корпуса, генералъ Перовскій передвинулъ всѣ баталіоны на новыя мѣста и началъ собирать части войскъ въ лагери. Хотя это и не могло сдѣлать пѣхоту воинственнѣе, но, по крайней мѣрѣ, улучшило дисциплину и фронтовое образованіе. Самый даже личный составъ оренбургской пѣхоты былъ весьма неблагопріятенъ успѣхамъ военнаго образованія: такъ, въ апрѣлѣ 1839 года, въ семи оренбургскихъ линейныхъ баталіонахъ считалось:

Рекрутовъ:	
Русскихъ	582
Польскихъ	549
Поляковъ прежняго поступленія. .	1,578
Сосланныхъ и наказанныхъ. . .	1,694
Итого. . .	4,403

То есть изъ 8,999 человѣкъ всей пѣхоты 4,403 человѣка, или почти половина людей были или рекруты, или сосланные.

Артиллерія оренбургскаго корпуса, т. е. конно-артиллерійская казачья и 14-я гарнизонная бригады, имѣли общій недо-

первоначально предполагалось устроить непрерывный валъ со рвомъ, и даже часть его была въ то время уже устроена; но дальнѣйшее производство этихъ работъ впослѣдствіи прекращено. (Остальная затѣмъ часть линіи до Каспійскаго моря идетъ по р. Уралу и охраняется уральскимъ казачьимъ войскомъ.)

статокъ оренбургскихъ войскъ: недостатокъ опытности и хорошихъ офицеровъ.

Такимъ образомъ, всего выгоднѣе было сформировать экспедиціонный отрядъ изъ уральскихъ казаковъ; но какъ притомъ необходима была и пѣхота, для дѣйствія на пересѣченной мѣстности, противъ укрѣпленій непріятельскихъ, и для обороны запасовъ на стоянкахъ и въ промежуточныхъ укрѣпленіяхъ, и какъ уральцы обязаны были охранять еще корденную линію вдоль своихъ земель, на протяженіи почти 700 верстъ, то пришлось ограничиться самымъ необходимымъ числомъ ихъ конницы, тѣмъ болѣе, что надо было имѣть въ виду неизбѣжность продовольствовать лошадей въ походѣ сухимъ фуражемъ, что, при значительномъ ихъ числѣ, и особенно въ степи, конечно, весьма было бы затруднительно. По той же причинѣ и по затруднительности движенія повозокъ песчаною степью, не имѣющею устроенныхъ дорогъ, и по овражистой кое-гдѣ мѣстности, можно было взять въ походъ лишь самое малое число орудій, и притомъ меньшаго калибра.

По этимъ соображеніямъ отрядъ, назначенный для похода въ Хиву, составленъ былъ изъ слѣдующихъ частей войскъ:

Пѣхоты:

$3^1/_2$ баталіона (оренбургскіе линейные №№ 2, 4, 5 и двѣ роты № 1, а недостающее до комплекта въ нихъ число людей пополнено было изъ прочихъ баталіоновъ).

Кавалеріи:

2 полка уральскихъ казаковъ (4-й и 5-й полки), 3 сотни оренбургскихъ казаковъ и башкирцевъ, дивизіонъ 1-го оренбургскаго казачьяго полка. Сверхъ того къ отряду долженъ былъ присоединиться султанъ-правитель западной части Кайсацкой орды, съ 250 киргизовъ.

Артиллеріи:

12-фунтовыхъ пушекъ 2, $^1/_4$-пудов. единороговъ 2, 6-фунт. пушекъ 2, горныхъ 10-фунт. единороговъ 8, кугорновыхъ 6-фунт. мортиръ 6, фальконетовъ чугунныхъ (для предположеннаго на Аральское море судна) 1-фунтовыхъ 2, и для конгревовыхъ ракетъ 4 станка. Итого 22 орудія и 4 ракетныхъ станка (14).

---

(14) $^1/_4$-пуд. единороги и 6-фунт. пушки, взятыя изъ казачьихъ № 14 и № 15 батарей; батарейныя орудія и горные единороги доставлены изъ Брянскаго арсе-

Всего въ отрядѣ войскъ состояло:

Пѣхоты:

	Шт.-офицер.	Оберъ-офиц.	Унт.-офиц.	Музыкант.	Рядовыхъ.	Нестроевыхъ и деньщик.	Всего.
Въ 3 1/2 баталіонахъ. .	3	52	224	63	2,520	179	3,041

Конницы:

			Труб.			
Въ дивизіонѣ 1-го Оренбургскаго полка . .	1	9	25	1	193	15	
			Урядн.				
Въ двухъ полк. уральцевъ	4	34	40	„	1,100	2	
Оренбургскихъ казаковъ	„	5	7	„	169	„	
Башкировъ	„	4	6	„	165	„	
Итого	5	52	78	1	1,627	17	1,778

(И сверхъ того въ степи должны были присоединиться до 250 киргизовъ.)

Артиллеріи:

			Фейерверк.			
Отъ конно-артиллерійскойказачьей бригады	1	6	21	4	155	18	
Отъ оренбургскаго артиллерійскаго гарнизона	„	2	1	„	17	3	
При ракетахъ:							
Отъ ракетной № 1 бат.	„	1	1	„	4	1	
— оренбургскаго артиллерійскаго гарнизина	„	1	8	„	„	„	
Отъ линейныхъ баталіоновъ	„	„	„	„	24	„	
Итого	1	10	31	4	200	22	268
Прикомандированныхъ къ отряду разныхъ вѣдомствъ	1	3	4	„	Ряд. и казак. 118	4	130 (15)
А всего въ отрядѣ	10	117	337	68	4,465	222	5,217

нала; остальныя затѣмъ орудія взяты изъ Оренбургскаго арсенала. Прислуга къ орудіямъ назначена была изъ конно-артиллерійской оренбургской казачьей бригады и оренбургскаго артиллерійскаго гарнизона, а для ракетъ изъ ракетной № 1 батареи, оренбургскаго артиллерійскаго гарнизона и пѣхоты, назначенной въ походъ.

(15) Отрядъ былъ снабженъ минным инструментомъ съ гальваническимъ при-

Штабъ:

Генераловъ 3, штабъ-офицеровъ 4, оберъ-офицеровъ 15, унтеръ-офицеровъ 14, писарей, фельдшеровъ и мастеровыхъ 20, деньщиковъ 41. Сверхъ того, было при штабѣ классныхъ чиновниковъ 10 и 1 священникъ. Итого 108.

(Въ томъ числѣ: генеральнаго штаба и корпуса топографовъ 1 штабъ-офицеръ, 6 оберъ-офицеровъ и 12 унтеръ-офицеровъ.)

А всего чиновъ въ отрядѣ 5,325 человѣкъ, при 22 орудіяхъ и 4-хъ ракетныхъ станкахъ.

Отрядъ снабженъ былъ миннымъ инструментомъ, 6-ю холщевыми понтонами, двумя разборными лодками и 4-мя бударами.

Изъ всѣхъ назначенныхъ въ походъ войскъ, только линейный № 2 баталіонъ находился въ Оренбургѣ, остальные же расположены были: пѣхота на квартирахъ, казаки на жительствѣ, въ полинейныхъ станицахъ и городахъ, въ довольно значительномъ отъ Оренбурга разстояніи; почему заблаговременно стянули ихъ къ этому городу, исключая двухъ уральскихъ полковъ ([16]) и 64 гурьевскихъ казаковъ, которые собраны были (къ 11 ноября), около крѣпости Калмыковской, для направленія ихъ оттуда прямо въ степь, къ мѣсту склада запасовъ. За исключеніемъ уральцевъ, всѣ показанныя въ составѣ отряда войска въ октябрѣ 1839 года были собраны въ Оренбургѣ. А, между тѣмъ, немедленно приступлено было къ закупкѣ и заготовленію необходимыхъ для войскъ потребностей и запасовъ, для чего съ весны 1839 г. разосланы были чиновники и офицеры для закупки провіянта, овса, рогожъ, войлока, посуды, овчинъ и проч.; вытребованы изъ линейныхъ баталіоновъ мастеровые и наняты рабочіе для шитья одежды, обуви, для изготовленія

боромъ, для дѣйствія которымъ прикомандированы были лейбъ-гвардіи оберъ-офицеръ 1 и 5 рядовыхъ. Для завѣдыванія шестью холщевыми понтонами и такими же лодками прикомандированы 1-го конно-піонернаго эскадрона оберъ-офицеръ 1 и л.-гв. сапернаго баталіона 1 рядовой; къ нимъ придано въ помощь, на случай переправъ, изъ линейныхъ баталіоновъ 4 унтеръ-офицера и 48 рядовыхъ. Для завѣдыванія двумя разборными лодками и четырьмя бударами прикомандированы были 45-го флотскаго экипажа 1 штабъ-офицеръ, гвардейскаго экипажа 1 оберъ-офицеръ и назначены отъ уральскаго войска 64 гурьевскихъ казака.

([16]) Одна только сотня отъ этихъ двухъ уральскихъ полковъ была направлена въ Оренбургъ и выступила вмѣстѣ съ отрядомъ.

джуламеекъ (т. е. кибитокъ, или войлочныхъ шатровъ) и другихъ для похода потребностей.

Нижнимъ чинамъ регулярныхъ войскъ сшиты были ([17]) полушубки изъ джебаги (сваляной шерсти киргизскихъ барановъ, которую наподобіе ваты настегивали на холстъ); куртки изъ саксачьихъ шкуръ (овчины молодыхъ киргизскихъ барановъ); суконные шаровары со стеганными джебагою наколѣнниками; теплыя фуражки съ козырьками и съ надзатыльниками изъ крестьянскаго сукна; холщевые широкіе шаровары, для надѣванія сверхъ суконныхъ, такъ какъ къ холсту снѣгъ менѣе пристаетъ и его легче высушивать; шинели были разставлены (т. е. уширены), чтобъ подъ нихъ можно было надѣвать теплую одежду. Кромѣ того, заготовлены были широкіе съ длинными голенищами сапоги и войлочныя кеньги; суконныя онучи, въ 4 аршина длиною каждая; теплыя рукавицы, крытыя верблюжьимъ сукномъ, необходимое бѣлье, лѣтніе сапоги и проч.

Казакамъ предписано было имѣть: шинели, полушубки, теплыя шаровары, большіе сапоги съ теплыми чулками и съ суконными для обвертыванія ногъ и колѣнъ онучами, теплыя шапки, рукавицы и достаточное количество бѣлья ([18]). Притомъ казаки должны были имѣть пики, ружья или винтовки, пистолеты и сабли, а въ числѣ сѣдѣльнаго прибора треноги для лошадей, торбы, саквы, коновязи съ приколами, войлочныя попоны, которыя покрывали бы всю лошадь, мѣшки для трехдневнаго запаса сухарей, по двѣ пары переднихъ и по одной парѣ заднихъ подковъ съ запасными гвоздями ([19]). Сверхъ того еще артельные котлы, безмѣны, гарнцы, косы, топоры, лопаты и желѣзныя ведра.

Офицерамъ предоставлено было приготовить къ походу, по ихъ усмотрѣнію, все необходимое, а также купить и лошадей,

---

([17]) Постройка одежды производилась въ Оренбургѣ выкомандированными изъ семи линейныхъ баталіоновъ: 175 портными и 98 сапожниками, равно какъ и мастеровыми №№ 2 и 3 баталіоновъ, и сверхъ того вольнонаемными, о числѣ которыхъ свѣдѣній не сохранилось.

([18]) Оренбургскіе казаки во время бурановъ надѣвали на головы башлыки, т. е. мѣховыя киргизскія шапки съ длиннымъ висячимъ затыльникомъ и наушниками, а для уменьшенія дѣйствія холода на ноги, вмѣсто желѣзныхъ стремянъ, надѣвали деревянныя, киргизскія.

([19]) Хотя здѣшнихъ лошадей, степной породы, никогда не подковываютъ, но, на случай гололедицы и движенія по каменистымъ мѣстамъ, признано было полезнымъ взять и подковы.

для чего разрѣшено было выдать имъ, не въ зачетъ, годовой окладъ жалованья и во все время похода производить двойное жалованье.

Кромѣ этихъ заготовленій къ предохраненію войскъ отъ стужи, куплено было достаточное число войлоковъ для подстилки, вмѣсто постелей, заготовлены джуламы (кибитки) для укрытія отъ непогодъ во время стоянки и лопаты для расчистки снѣгу при постановкѣ кибитокъ; а такъ какъ отъ постояннаго сильнаго блеска снѣгу, въ продолженіе похода, могли развиться глазныя болѣзни, то для предохраненія зрѣнія для цѣлаго отряда заготовлены были особенныя очки изъ черной волосяной сѣтки.

Обезпеченіе отряда продовольствіемъ требовало неменьшей заботливости. Разсчитывая на каждаго человѣка полную дачу сухарей, мясную и винную порціи, для предполагавшагося похода требовалось ([20]):

	Сухарей. четв.	Крупъ. четв.	Мяса. пуд.	Соли. пуд.	Водки. ведеръ.	
На 6 мѣсяцевъ для отряда по числу 2,325 человѣкъ	8,121	765	7,566	1,997	5,406	
Для 250 чел. киргизскаго отряда и 800 верблюдовожатымъ .	—	1,208	2,415	394	—	
Особо для 1,400 верблюдовожатыхъ на $3^1/_2$ мѣсяца	—	936	1,873	315	—	Подробнѣе объ этомъ будетъ сказано далѣе.
Для гарнизона въ промежуточномъ пунктѣ, на годъ . . .	2,800	240	2,100	700	1,380	
На раструску и непредвидимые случаи .	732	74	—	—	1,500	
Всего .	11,653	3,223	13,954	3,406	8,286	

Для удовлетворенія этой потребности предписано было оренбургской провіянтской коммиссіи отпустить муку изъ магазиновъ: оренбургскаго, сеитовскаго, илецкаго, красногорскаго и верхнеозернаго, и выдать оную для заготовленія сухарей въ ба-

([20]) Разсчитывая дачу сухарей въ день: $1^3/_4$ ф. и $^{20}/_{30}$ гарнца крупъ, а мяса штабъ-офицерамъ по 2 ф., оберъ-офицерамъ по 1 ф. въ день, нижнимъ чинамъ по 2 ф. мяса и по 3 чарки водки въ недѣлю, киргизамъ по 2 ф. крупъ и по $^1/_2$ ф. мяса въ день.

таліоны № 2 и № 3, въ артиллерійскій гарнизонъ, въ артиллерійскую казачью бригаду, въ непремѣнный полкъ оренбургскаго казачьяго войска, въ Сакмарскій городокъ и жителямъ илецкаго и красногорскаго района, какъ казакамъ (бывшихъ тогда того же названія дистанцій), такъ и проживавшимъ въ томъ же районѣ государственнымъ крестьянамъ (не причисленнымъ еще въ то время къ оренбургскому казачьему войску).

Такимъ образомъ, къ концу октября было заготовлено потребное количество сухарей, а крупа поступила изъ тѣхъ же магазиновъ. Соль была закуплена въ Илецкомъ промыслѣ, спиртъ для винныхъ порцій въ г. Оренбургѣ. Мясо для отряда обязался поставлять 1-й гильдіи купецъ Зайчиковъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ взялся быть и маркитантомъ отряда.

Сверхъ шестимѣсячнаго запаса продовольствія, экспедиціонному отряду, для надежнѣйшаго обезпеченія его, предписано было провіянтской коммиссіи закупить въ Астрахани и доставить съ послѣднимъ рейсомъ въ укрѣпленіе Александровское 2,500 четвертей муки и 250 четв. крупъ. Для улучшенія пищи вообще и для больныхъ и слабыхъ въ особенности заготовлены были: капуста, бульонъ, сало, перецъ, уксусъ и проч. ([21])

Опытъ прежнихъ поисковъ въ степь показалъ, что лошади при одномъ подножномъ кормѣ скоро изнуряются, почему необходимо было для дальнаго похода въ Хиву, при отсутствіи почти или при неудовлетворительности подножнаго корма на 800 верстахъ пути, запастись и фуражемъ. Предполагая выдавать лошадямъ повременамъ сѣно и постоянно овесъ, а верблюдамъ, въ случаѣ недостатка подножнаго корма, по 2 1/2 фунта муки и 16 золотн. соли, заготовлялось на 6 мѣсяцевъ: овса 15,828 пуд., муки 3,793 пуда и соли 1,925 пудовъ ([22]).

Для заготовленія овса посланы были еще съ весны офицеры въ уѣзды: Оренбургскій, Стерлитамакскій, Бугурусланскій, Бу-

---

([21]) А именно: сушеной капусты и огурцовъ 187 ящиковъ; круту, или киргизскаго кислаго и твердаго сыру 345 пуд., телячьяго бульону 200 пуд., бараньяго сала 1,000 пуд., свинаго сала 198 пуд., луку 40,000 головъ, чесноку 3,300 головъ, сушенаго хрѣну 12 1/2 пуд., перцу 20 пуд., уксусу 370 ведеръ, меду для сбитня 200 пуд.

([22]) Овса предполагалось для верховыхъ и строевыхъ лошадей по 4 гарнца, упряжнымъ по 3 гарнца и казачьимъ по 1 четверти въ мѣсяцъ. Мука для верблюдовъ разсчитывалась на 50 переходовъ. Лошадей въ отрядѣ предполагалось имѣть 2,200, а верблюдовъ 10,000.

зулукскій, Бугульминскій, Белебеевскій и Челябинскій; они закупили почти все потребное количество овса, остальное же дополнено было въ Оренбургѣ, Самарѣ, Уральскѣ и Сарайчикѣ. Мука отпущена провіянтскою коммиссіею; сѣна 10,000 пудовъ взято изъ заготовленій кордонной стражи на линіи ([23]), а для удобства перевозки на вьюкахъ оно сжато въ тюки отъ 6 до 7 пуд. (посредствомъ гидравлическаго пресса, нарочно для того выписаннаго передъ походомъ), и предположено было везти при отрядѣ.

На пути же слѣдованія отряда въ Хиву сѣна было заготовлено до 20,000 пуд. на урочищѣ Бишъ-Тамакъ, до 25,000 пуд. на р. Эмбѣ и Аты-Якши и до 25,000 пуд. близъ Акъ-Булака, какъ о томъ подробнѣе будетъ сказано далѣе.

Боевыхъ снарядовъ для экспедиціи заготовлено было два комплекта: къ двумъ 12-фунт. пушкамъ, къ двумъ 6-фунт. пушкамъ и къ двумъ $^1/_4$-пуд. единорогамъ, изъ которыхъ одинъ комплектъ долженъ былъ находиться въ зарядныхъ ящикахъ, а другой во вьючныхъ ящикахъ, въ паркѣ. Для восьми горныхъ 10-фунт. единороговъ взято, кромѣ двухъ комплектовъ обыкновенныхъ, 200 гранатъ съ картечью, а для шести кугорновыхъ мортиръ часть изъ 1,200 гранатъ везена была изготовленными, остальныя же въ телѣгахъ.

Конгревовыхъ ракетъ взято было: зажигательныхъ 20-фунт. и 12-фунт. по 25, боевыхъ 12-фунт. 75, 6-фунт. 250; къ нимъ станковъ 4 и полутруба 1. Для возки ракетъ потребовалось 28 вьючныхъ ящиковъ.

Патроновъ было заготовлено: ружейныхъ 1,120,000, карабинныхъ и пистолетныхъ по 102,000, съ картечью (дробью) 50,000. Для подаванія сигналовъ взято было: фальшфейеровъ 710, сигнальныхъ ракетъ 570 и сигнальныхъ патроновъ 1,000; къ нимъ 26 вьючныхъ ящиковъ.

Кромѣ того взято особо: пороху 150 пуд., свинцу 10 пуд., коломази, фитиля, армяку, угольевъ, кремней и 2 походныхъ

([23]) Вдоль всей пограничной линіи устроены были особые наблюдательные и охранительные посты, или кордоны, въ разстояніи 15—20 верстъ одинъ отъ другаго; на эти посты ежегодно наряжаются казачьи команды или стража, къ обязанности которой принадлежитъ, между прочимъ, заготовленіе сѣна на ближайшихъ къ кордонамъ мѣстахъ для своихъ лошадей и въ запасъ. Излишнее сѣно продается киргизамъ, въ пользу войсковыхъ суммъ.

кузницы. Все это предполагалось везти въ 472 вьючныхъ ящикахъ.

Экспедиціонный отрядъ снабженъ былъ также *шанцевымъ инструментомъ, понтонами и двумя разбиравшимися лодками.*

По отсутствію въ южной степи проложенныхъ дорогъ и особенно по предстоявшему снѣжному пути, а также на случай устройства окоповъ, необходимо было запастись значительнымъ количествомъ шанцеваго инструмента. Часть его заимствована была изъ запасовъ, имѣвшихся на новой линіи (по случаю возведенія тамъ непрерывнаго вала со рвомъ); часть же была заказана въ Златоустѣ и г. Оренбургѣ.

На случай переправъ чрезъ каналы и протоки въ Хивѣ, изготовлено было при л.-гв. конно-піонерномъ эскадронѣ 6 холщевыхъ понтоновъ и холщевыя лодки, а также запасено 300 бурдюковъ, которые могли служить какъ для моста, такъ и для паромовъ. Кромѣ того, по чертежамъ и описаніямъ, доставленнымъ отъ морскаго вѣдомства, устроены были въ г. Оренбургѣ двѣ разборныя плоскодонныя лодки, длиною въ 35 фут., съ полнымъ вооруженіемъ ([24]), и доставлены изъ г. Уральска 4 челна, или будары.

Разборныя лодки предназначались для плаванія по р. Аму и описи береговъ Аральскаго моря; онѣ были вооружены каждая фальконетомъ и снабжены необходимыми для мореплаванія инструментами.

Для перевозки больныхъ при отрядѣ изготовлены были 80 арбъ; да сверхъ того двѣ изъ вышеупомянутыхъ бударъ были къ тому же приспособлены, устройствомъ надъ ними войлочныхъ верховъ съ постановкою на дроги. Лазаретныя же вещи каждый баталіонъ имѣлъ (на половинное число больныхъ) опредѣленныя по положенію; въ добавокъ къ тому выписано изъ московской коммиссаріятской коммиссіи госпитальной одежды на 100 человѣкъ.

Необходимое количество аптечныхъ принадлежностей закуплено въ Оренбургѣ и Казани, по указаніямъ корпуснаго штабъ-доктора.

Дальность похода и особый способъ перевозки во вьюкахъ самую укупорку тяжестей дѣлали весьма трудною и многослож-

---

([24]) Всѣ части разборныхъ лодокъ были перенумерованы, такъ что лодки легко и скоро можно было собирать и разбирать.

ною. Для лучшаго сбереженія запасовъ отъ раструски укупорочныя вещи были слѣдующихъ видовъ: 1) мѣшки и кули для крупъ, овса и муки, 2) короба для сухарей, мяса, бульону, круту (киргизскаго сыру), соли, луку, чесноку, хрѣну и проч., 3) ящики для артиллерійскихъ снарядовъ, аптечныхъ принадлежностей и проч., 4) боченки для спирту, уксусу, свинаго сала, 5) въ запасные короба уложены были кадки, уголь, нарубленныя дрова, витое сѣно и проч. Для навьючиванія верблюдовъ заготовлены кошмы (войлокъ подъ сѣдла), веревки и коклюши, или деревянные крючья, и застежки. Каждый вьюкъ имѣлъ около 7 пуд. вѣсу, и два такихъ вьюка прикрѣплялись съ боковъ къ продольнымъ палкамъ верблюжьихъ сѣделъ; а чтобъ тяжести менѣе жали ребра верблюдовъ, то вьюки стягивались кверху веревками, застегнутыми коклюшками, удобно замѣняющими веревочные узлы, которые вязать изъ мокрыхъ и особенно замерзшихъ веревокъ было бы весьма неудобно и медленно. Нѣкоторые тюки, для лучшаго сбереженія, покрывались сверху кошмами.

Вьючка артиллерійскихъ запасовъ, въ которыхъ могла встрѣтиться скорая надобность, была придумана съ особенною тщательностію: ящики съ зарядами обвязывались веревками только съ боковъ и снизу; верхъ же оставался свободнымъ, такъ что крышу такого вьюка можно было открывать, не развязывая и не развьючивая тюковъ ([25]). Ракеты и фальшфейеры, уложенные въ длинные ящики, навьючивались тоже особеннымъ образомъ на верблюдовъ ([26]).

Въ числѣ прочихъ запасовъ экспедиціи заготовлены были также: кибитки, джуламы (малыя кибитки безъ верхняго отверстія) ([27]), листовой табакъ, угли, дроги, понтонный обозъ, збруя,

---

([25]) Съ боку по длинѣ ящика, въ срединѣ и по концамъ придѣланы были веревочныя петли, и когда надо было вьючить, то среднія петли перекидывались чрезъ верблюдовъ (которые при вьючкѣ и развьючиваніи ложатся на землю) на сѣдло, между горбами, и, вдѣвши одну петлю въ другую, укрѣпляютъ коклюши; а чтобъ во время движенія ящики не набивали спины верблюдамъ, то ихъ утверждали боковыми петлями, пристегивавшимися къ палкамъ сѣделъ.

([26]) Вьючка длинныхъ ящиковъ производилась такъ: веревки съ желѣзными крючьями привязывались къ сѣдельнымъ палкамъ и пригонялись по объему ящиковъ, обхватывали ихъ и сверху закидывались за веревки, привязанныя къ палкамъ, и, такимъ образомъ, стягивали ящики, образуя родъ петель.

([27]) Киргизская кибитка и юламейка (или джулама) состоятъ изъ рѣшетчатаго деревяннаго остова, покрывающагося кошмами или войлоками; въ кибиткахъ, сверхъ того, въ крышѣ имѣется круглое, закрывающееся тоже войлокомъ, отверстіе, въ

сѣдла, кожаныя и желѣзныя ведра, вѣсы, безмѣны, сабы и турсуки (кожаные мѣшки для запасной воды), ушаты желѣзные, корыта, ливеры, точила, гвозди и прочее желѣзо, мѣры разной величины, гарнцы, веревки, арканы волосяные, канаты, березовыя дрова, бревна и доски для бань въ промежуточныхъ укрѣпленіяхъ, мѣшки, приколы, желѣзныя печи, котлы, сороковыя бочки, фонари, рѣшета, деревянныя чашки и ложки, свѣчи, сигнальные фонари и щипцы, факелы, рыболовныя снасти и проч.

Кромѣ означенныхъ запасовъ для отряда закуплено было на Нижегородской ярмаркѣ множество вещей въ азіятскомъ вкусѣ и разные товары для раздачи подарковъ киргизамъ и туркменцамъ ([28]).

Въ числѣ главныхъ затрудненій для экспедиціи въ Хиву, какъ уже объяснено выше, былъ переходъ безводныхъ пустынь, окружающихъ это ханство. Извѣстно было, что по Усть-Урту есть колодцы, но глубокіе, сажень въ 15, 20 и даже до 30 глубины; колодцы эти, по разсказамъ киргизовъ, выложены камнемъ, а чтобъ ихъ не заносило пескомъ, также не падали ночью скотъ и люди, то сверху ихъ положены огромные камни, съ небольшимъ отверстіемъ для спусканія ведеръ, около $^1/_2$ или $^3/_4$ аршина въ діаметрѣ, и подлѣ колодцевъ почти вездѣ существуютъ каменныя корыта для водопоя скота ([29]). Поэтому

которое выходитъ дымъ, когда въ ней раскладывается огонь. Джулама втрое менѣе кибитки и не имѣетъ верхняго отверстія, отчего похожа на большую и высокую палатку.

([28]) Въ заготовленіи всѣхъ запасовъ преимущественно участвовали: генералъ-лейтенантъ Толмачевъ, генералъ-маіоры Генсъ, Ціолковскій и Рокасовскій; полковники: Кожевниковъ, Кузьминскій, коллежскій совѣтникъ Даль, подполковникъ Иваninъ, капитанъ Дебу, штабсъ-ротмистръ Габбе, есаулъ Сычуговъ и поручикъ Ивановъ. Обширная переписка по всѣмъ многосложнымъ заготовленіямъ ведена была генеральнаго штаба *капитаномъ Никифоровымъ* (впослѣдствіи, въ 1840 г.), бывшимъ начальникомъ миссіи нашей въ Хиву.

([29]) На Усть-Уртѣ встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ, кромѣ такихъ колодцевъ, еще и другія каменныя постройки, напримѣръ развалины замка Давлетъ-Гирей, на берегу Аральскаго моря, изъ большой величины тесаныхъ камней. Такого рода работы, конечно, нельзя приписать ни киргизамъ, ни хивинцамъ, нынѣшнимъ полудикимъ обитателямъ этихъ мѣстъ. Колодцы эти и развалившіяся зданія, вѣроятно, были устроены въ эпоху цвѣтущаго состоянія аравійской торговли и процвѣтанія Хорезма, или же во время владычества Золотой орды, ханы которой всегда оказывали свое покровительство торговлѣ, такъ что, по свидѣтельству Карамзина, въ XIII и XIV вѣкахъ купцы ѣздили съ товарами изъ Хивы въ Крымъ и, зная, что имъ надобно пробыть въ дорогѣ болѣе трехъ мѣсяцевъ, не брали съ собою никакихъ запасовъ, потому что все могли найдти на торговыхъ путяхъ, въ караванъ-сараяхъ, или гостинницахъ востока.

малые караваны легко могли совершать свой путь этими степями; но большіе караваны, въ прежнія времена, не могли ходить по Усть-Урту, не раздѣляясь на части, или эшелоны, потому что, кромѣ недостатка воды, многочисленный караванъ затруднила бы и значительная глубина колодцевъ, изъ которыхъ въ часъ едва можно вычерпать 10 или 15 ведеръ воды, слѣдовательно въ сутки возможно напоить не болѣе 200 или 300 верблюдовъ и лошадей. Экспедиціонный же отрядъ не могъ быть эшелонированъ, безъ крайней опасности, мелкими частями, почему при водопояхъ, вытаскивая воду изъ колодцевъ обыкновенными ведрами, пришлось бы части отряда дожидаться воды по нѣскольку сутокъ. Для устраненія такого затрудненія была придумана особенная водочерпательная машина, которую удобно можно было перевозить съ собою на верблюдахъ (30). Вода съ помощію этой машины могла черпаться съ такою скоростію, какъ бы изъ колодца въ сажень глубиною.

Добываемую изъ колодцевъ воду предполагалось выливать, если бы не оказалось на мѣстѣ каменныхъ бассейновъ, въ жолобы изъ кожъ или же изъ пропитанной гутаперчею парусины, откуда она стекала въ лодки или же въ кожаные и парусинные (пропитанные гутаперчею) и утвержденные на деревянныхъ рамахъ бассейны, изъ коихъ уже можно было бы черпать воду для употребленія людямъ и поить скотъ.

Всѣ означенные здѣсь запасы положено было везти на вьючныхъ верблюдахъ, за исключеніемъ понтоновъ, бударъ, судовъ, арбъ и саней подъ больныхъ и тѣхъ артиллерійскихъ орудій, которыя, по ихъ тяжести, не могли быть подняты верблюдами; но горные единороги везлись тоже на вьюкахъ, такъ прилажен-

---

(30) Машина состояла изъ веревочнаго привода, на которомъ укрѣплялись желѣзныя ведра за дужки, въ разстояніи 2 или 3 арш. одно отъ другаго; чтобъ они не путались, то снизу ведеръ прибивались скобы съ дырочками, за которыя ведра привязывались тоже къ веревочному приводу или канату дюймоваго діаметра. Такихъ ведеръ можно было привязывать на приводъ отъ 15 до 30, смотря по глубинѣ колодца. Весь такой приводъ съ ведрами опускался въ колодезь на поверхность воды и потомъ за другой конецъ каната тянулся кверху, по мѣрѣ того, какъ вода черпалась ведрами. Для удобнѣйшаго же вытаскиванія ведеръ устроены были походные блоки, которые утверждались или на особыхъ лежняхъ, или врывались въ землю, и для большей устойчивости привязывались веревками къ вбитымъ въ землю кольямъ. Когда, при подъемѣ привода, ведро съ водою дойдетъ до блока, то укрѣпленная внизу ведра петля отвязывалась, вода выливалась въ бассейнъ, а пустое ведро перепускалось за блокъ, гдѣ опять нижнею петлею привязывалось къ канату.

ныхъ, что, въ случаѣ надобности, орудія въ 1/4 часа могли быть готовы къ бою. Для сбереженія же артиллерійскихъ лошадей, орудія, которыхъ нельзя было везти на вьюкахъ, а также зарядные ящики, положено было везти верблюдами же, запрягая ихъ посредствомъ яремъ, сходныхъ по устройству съ употребляемыми для запряжки воловъ.

Наконецъ, для сбереженія въ походѣ силъ пѣхоты, и для пріученія ея къ ѣздѣ на верблюдахъ (чтобы, въ случаѣ надобности, можно было посылать часть пѣхоты, какъ драгунъ, съ летучими отрядами), положено было часть пѣхоты везти на запасныхъ верблюдахъ, сажая на каждаго верблюда по два человѣка и смѣняя людей во время похода поочередно.

Такимъ образомъ, явилась новая трудность — въ огромномъ количествѣ (по предварительному исчисленію до 10,000) верблюдовъ. Мѣры, принятыя къ сбору ихъ, будутъ изложены въ слѣдующей главѣ.

По мѣрѣ закупки и заготовленія запасовъ и потребностей къ походу, ихъ надобно было свозить въ Оренбургъ и потомъ внутрь степи, къ промежуточному мѣсту складовъ. Какъ эта перевозка должна была произвестись заблаговременно, т. е. лѣтомъ, то представлялась возможность употребить для того лошадей и телѣги; но какъ наемка подводъ для перевозки такихъ значительныхъ затовленій стоила бы чрезвычайныхъ издержекъ, а лѣтомъ, въ рабочую пору, была даже почти невозможна, то и положено было произвести перевозку нарядомъ башкирскаго и мещерякскаго войскъ (31).

Съ этою цѣлью командировано изъ разныхъ кантоновъ 7,750 троечныхъ телѣгъ, съ такимъ же числомъ возчиковъ отъ тѣхъ войскъ, съ необходимымъ числомъ своихъ офицеровъ и урядниковъ (32). Упряжь къ телѣгамъ была прилажена такъ, что воз-

---

(31) Башкирское и часть мещерякскаго войскъ нынѣ соединены въ одно башкирское войско, которое управляется командующимъ войскомъ и раздѣляется на попечительства, а послѣднія на кантоны. Нѣкоторая часть башкировъ и мещеряковъ платятъ ежегодно по 3 р. сер. въ войсковую казну и освобождаются отъ службы; не платящіе же обязаны по очередному наряду являться на службу въ полной исправности, согласно издаваемой предъ каждымъ нарядомъ инструкціи.

(32) Каждый изъ наряженныхъ долженъ былъ имѣть: по двѣ хорошихъ рубахи, пару прочныхъ сапоговъ, шейный платокъ, шапку, фуражку, шинель или кафтанъ, суконные шаровары, двѣ перемѣны онучь, пику, саблю, ружье или лукъ, сѣдло и продовольствіе (въ мукѣ или сухаряхъ и крупѣ) на 4 1/2 мѣсяца, съ потребнымъ количествомъ соли и котловъ для варки пищи. Подможныхъ денегъ выдано каж-

чикъ на одной изъ пристяжныхъ, запряженной длиннѣе остальныхъ на 3 вершка, могъ ѣхать верхомъ, для удобнѣйшаго управленія подводою и защиты въ случаѣ нападенія.

Нарядъ башкирскихъ и мещерякскихъ подводъ разсчитанъ былъ такъ, чтобъ онѣ, отправляясь изъ своихъ кантоновъ, забирали по пути въ гг. Стерлитамакѣ, Белебеѣ, Бирскѣ, Челябѣ, деревнѣ Наурузовой и въ другихъ мѣстахъ закупленный тамъ овесъ, въ Казанской и Вятской губерніяхъ — кули, а изъ Златоуста—шанцевый инструментъ. Остальные запасы доставлены были въ Оренбургъ казаками, наряженными въ тотъ годъ на кордонную службу, и вольнонаемными возчиками.

ГЛАВА IV.

Выборъ складочныхъ пунктовъ въ степи; устройство при нихъ укрѣпленій и перевозка туда запасовъ. — Мѣры по снабженію экспедиціи верблюдами (описаніе верблюда). — Дѣйствія киргизъ-кайсаковъ. — Выступленіе передоваго отряда и каравана на верблюдахъ.

Для дальнѣйшаго направленія въ степь обозовъ съ запасами, со всѣхъ сторонъ подвозившимися въ Оренбургъ, надобно было избрать предварительно и устроить для нихъ складочное мѣсто. Съ этою цѣлью посланъ былъ въ маѣ состоявшій по кавалеріи полковникъ Геке, съ отрядомъ: 2 ротъ пѣхоты, линейныхъ №№ 2 и 3 баталіоновъ, всего 400 чел. строевыхъ, 2 сотенъ башкировъ (изъ резерва кордонной стражи), при 4 трехъ-фунт. единорогахъ.

Подъ прикрытіемъ этого отряда былъ отправленъ и первый башкирскій транспортъ въ 1,200 подводъ.

Полковникъ Геке выступилъ за илецкую линію 30 мая и 18 іюня прибылъ на р. Эмбу, слишкомъ за 400 верстъ отъ линіи. Чтобы избѣжать лишнихъ передвиженій съ транспор-

---

дому изъ кантоновъ по 10 р. ассигн. Телѣги предписано было взять на службу просторныя и прочныя, съ окованными колесами и плотнымъ лубянымъ верхомъ, и при каждой телѣгѣ имѣть въ запасъ: три лубка, переднюю ось, одну оглоблю и 18 аршинъ мочальныхъ веревокъ, при двухъ телѣгахъ — по одной задней оси, по одному колесу и дугѣ, и наконецъ при 10 телѣгахъ — по топору, бураву и долоту (инструкція по наряду 1839 г.).

томъ, полк. Геке, оставя обозъ на р. Эмбѣ, сформировалъ легкій отрядъ, изъ одного взвода пѣхоты, посаженной на 40 телѣгахъ, и 400 конныхъ башкировъ при 2 единорогахъ, отправился съ нимъ 21 іюня къ урочищу Донгузъ-Тау, гдѣ, по свѣдѣніямъ изъ журнала полковника Берга (производившаго въ 1826 г. нивеллировку между Каспійскимъ и Аральскимъ морями), можно было надѣяться найдти удобное для склада запасовъ мѣсто. 25 іюня Геке прибылъ на уроч. Чушка-Куль (не доѣзжая 53 верстъ до Донгузъ-Тау), расположилъ здѣсь пѣхоту и 200 башкировъ, а съ остальными 200 башкировъ, осмотрѣвъ окрестности и убѣдившись, что ни Донгузъ-Тау, ни прилегающія къ нему мѣста, по безводью и недостатку травы, неудобны для устройства этапнаго пункта значительному отряду, нашелъ, что всего удобнѣе къ тому уроч. Чушка-Куль при рѣчкѣ Акъ-Булакъ ([33]), гдѣ вода хотя и солоноватая, но въ изобиліи, достаточно травы, а въ 20 верстахъ много камыша и тальника для топлива.

Рѣшась на выборъ этого мѣста для склада запасовъ, полковникъ Геке, 30 іюня, отрядилъ 300 башкировъ за оставленнымъ на р. Эмбѣ обозомъ, а самъ, сдѣлавъ два перехода назадъ до горы Бакгиръ (въ 57 верстахъ отъ Чушка-Куля), остановился въ ожиданіи обоза.

Овражистая и изрѣзанная мѣстность, множество песковъ и солонцевъ (мѣсто прежде бывшаго скопленія соленой воды), еще топкихъ отъ недавнихъ весеннихъ водъ, бѣдность подножнаго корма и начавшіеся сильные жары, изнуряя лошадей и производя частую ломку въ обозныхъ телѣгахъ, не дозволяли обозу ранѣе 5 іюля соединиться съ полковникомъ Геке у горы Бакгиръ ([34]).

([33]) Разстояніе отъ р. Эмбы до уроч. Донгузъ-Тау—200 верстъ, до уроч. Чушка-Куль — 147 верстъ, а до горы Бакгиръ — 90 верстъ.

([34]) Подробности о всѣхъ дѣйствіяхъ полковника Геке мы отчасти заимствуемъ изъ собственноручныхъ его писемъ къ генералъ-адъютанту Перовскому (въ числѣ 17, по французски). Эти письма отличаются вообще напраснымъ многословіемъ, а иногда и несправедливыми о русскомъ солдатѣ замѣчаніями. Такъ въ письмѣ (отъ 8 іюля, съ горы Али) полковникъ Геке описываетъ между прочимъ слѣдующее обстоятельство: спрятавшись за горою Бакгиръ, полковникъ Геке ожидалъ прибытія съ береговъ Эмбы ввѣреннаго ему транспорта, который, между тѣмъ, подвигался къ той горѣ въ двухъ отдѣленіяхъ, и когда первый эшелонъ показался въ виду Бакгира, полковникъ Геке, съ находившимися при немъ башкирами, вдругъ появился на горѣ, «чтобъ напугать свой обозъ и посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ». Въ обозѣ дѣйствительно подумали, что показались хивинцы, и

17 іюля обозъ подвинулся далѣе на 17 верстъ, до горы Али, при чемъ оставлено дорогою 50 телѣгъ, по изнуренію лошадей и ломкѣ разсохшихся колесъ; поэтому необходимо было остановиться, чтобы собрать отставшія телѣги, дать отдыхъ лошадямъ и приготовиться къ трудному 40-верстному переходу, остававшемуся до избраннаго мѣста склада на р. Акъ-Булакъ. Все это было исполнено 8 іюля, на дневкѣ у горы Али, съ которой, чтобъ имѣть возможность выступить на другой день пораньше, съ вечера спущены были всѣ телѣги. Однако, необходимость напоить изъ колодцевъ до 4,000 лошадей не позволила отряду тронуться прежде 5 часовъ утра. Какъ предстояло до урочища Чушка-Куль совершить еще 40-верстный переходъ безъ воды и травы, то башкиры запаслись травою и водою въ турсукахъ (кожаныхъ мѣшкахъ), а солдаты наполнили водою свои манерки и двѣ имѣвшіяся бочки. До 11 часовъ утра пройдено 17½ верстъ и сдѣланъ привалъ, а въ 3 часа по полудни двинулись далѣе. День былъ знойный, а при безвѣтріи удушливая пыль вилась густыми столбами надъ колонною; солнце палило какъ въ африканскихъ степяхъ (термометръ показывалъ въ тѣни отъ 32° до 38° Реом., на солнцѣ отъ 42 до 45° тепла). Пройдя 6 верстъ, люди начали томиться жаждою. Вся оставшаяся вода роздана была съ уксусомъ. Офицеры спѣшили дѣлиться своимъ запасомъ воды; но всего этого было недостаточно: люди и лошади падали въ изнеможеніи, и только скорое кровопусканіе спасало ихъ отъ смерти. Немедленно на 5 лучшихъ лоша-

---

тотчасъ отправили нарочнаго во второе отдѣленіе транспорта съ извѣстіемъ, что на горѣ Бакгирѣ замѣчено хивинское войско въ числѣ 8,000 чел.; а, между тѣмъ, капитанъ Симбугинъ устроилъ изъ повозокъ каре, помѣстивъ въ интервалахъ орудія и пѣхоту, и выжидалъ нападенія. Но совсѣмъ другое происходило въ заднемъ отдѣленіи: тамъ едва не разбѣжались, о чемъ полковникъ Геке узналъ послѣ. *подъ рукою*, и за что объявилъ отряду свое негодованіе. Описывая это приключеніе графу Перовскому, Геке замѣчаетъ, что все это «дурное предзнаменованіе для хивинской экспедиціи». Такимъ образомъ, не научивъ ввѣреннаго ему отряда надлежащимъ въ походѣ предосторожностямъ и тому, какъ должно поступать въ случаѣ нападенія непріятеля, полковникъ Геке позволилъ себѣ выразить сомнѣніе въ мужествѣ русскаго солдата, хотя и видѣлъ въ первомъ эшелонѣ полную готовность встрѣтить врага, а о дѣйствіяхъ 2-го эшелона имѣлъ свѣдѣнія лишь *изъ-подъ руки*. Справедливѣе было бы полковнику Геке сказать, что онъ, вступая въ непріятельскія земли, не взялъ на себя труда повѣрить знаніе службы во ввѣренномъ ему отрядѣ и не научилъ быть во всегдашней готовности къ встрѣчѣ непріятеля. Войска же, несмотря на боевую неопытность, доказали впослѣдствіи всю несправедливость подобныхъ замѣчаній, претерпѣвъ при томъ все, что было въ силахъ человѣческихъ вынести, и доказавъ еще разъ доблесть русскую.

дяхъ послано было за водою въ Чушка-Куль, а отрядъ, медленно подвигаясь впередъ, открылъ въ сторонѣ отъ дороги копань (неглубокій колодецъ) съ солоноватою водою и нѣсколько грязныхъ лужъ. Все это мигомъ было осушено. Наконецъ часть обоза, около полуночи, достигла чушка-кульскихъ колодцевъ, откуда и послана вода отставшимъ и ночевавшимъ на дорогѣ. Едва только къ 15 іюля вся команда собралась на р. Акъ-Булакѣ, гдѣ тотчасъ же приступлено было къ устройству передоваго Чушка-Кульскаго укрѣпленія.

Мѣсто, выбранное для укрѣпленія, находилось возлѣ самаго ручья, и песчаный грунтъ, совершенное отсутствіе дерна и лѣсу, а также чрезмѣрный зной значительно затрудняли работы; однакожь, 300 человѣкъ, работая почти безъ отдыху, къ 3 августа успѣли возвести укрѣпленіе съ бастіонными фронтами. Вслѣдъ затѣмъ приступлено было къ устройству, на близлежащей командующей возвышенности, еще редута на 30 чел., а внутри возведеннаго укрѣпленія землянокъ горнизону, лазарета, бань, конюшень, виннаго и пороховаго погребовъ и къ складкѣ провіянта. Для провіянта устроены были временные навѣсы, подъ которые и сложены привезенные запасы въ бунты, основаніемъ отъ 12 до 20 и высотою въ 14 четвертей (кулями). Вмѣстѣ съ тѣмъ накошено и сложено при укрѣпленіи до 25,000 пуд. сѣна и заготовленъ изъ окрестностей камышъ и тальникъ для топлива, въ добавокъ къ сломавшимся телѣгамъ, лубамъ и бревешкамъ, привезеннымъ съ транспортомъ, изъ коихъ, впрочемъ, лучшая часть употреблена на постройки ([35]).

Несмотря, однакожь, на успѣшный ходъ работы, трудность, а для телѣгъ почти непроходимость пути отъ р. Эмбы до уроч. Акъ-Булакъ, побудили измѣнить первоначальное предположеніе и, обративъ чушка-кульскій этапъ на р. Акъ-Булакѣ во временной и второстепенный, устроить главный складъ на р. Эмбѣ, къ чему въ особенности побуждало еще и богатство пастбищъ близъ Эмбы ([36]), доставлявшихъ возможность заготовить

([35]) Во время этихъ работъ, чтобъ избавиться отъ страшной пыли, полковникъ Геке расположился у ручья, «на романической мѣстности, близъ боскета и небольшаго каскада», и, укрываясь тамъ во время зноя въ кибиткѣ, по вечерамъ выходилъ къ берегу ручья, чтобъ пѣть: «унеси ты мое горе, быстра рѣченька, съ собою». (Письмо отъ 17 іюля генералъ-адъютанту Перовскому.)

([36]) А можно сказать еще и недовѣріе къ распорядительности полковника Геке

здѣсь значительное количество сѣна для зимняго похода главнаго отряда въ Хиву.

Для избранія мѣста и возведенія главнаго складочнаго пункта на р. Эмбѣ былъ назначенъ оберъ-квартирмейстеръ оренбургскаго корпуса полковникъ Жемчужниковъ, который въ это время находился уже въ степи, съ отрядомъ изъ двухъ сотенъ оренбургскихъ казаковъ и 400 башкировъ при двухъ трехъ-фунтовыхъ единорогахъ, съ цѣлью: а) охранять мирныхъ кайсаковъ по сю сторону Мугоджарскихъ горъ отъ грабежей шаекъ Кенисары и Джуламана, волновавшихъ тогда степь, в) прикрывать отправляемые изъ Оренбурга къ складамъ въ степи транспорты и с) заготовить по возможности сѣна для экспедиціоннаго отряда на уроч. Бишъ-Тамакъ, въ 280 верстахъ отъ Оренбурга, гдѣ отрядъ полковника Жемчужникова долженъ былъ имѣть главное мѣсто пребыванія и куда для содѣйствія ему прибылъ султанъ-правитель средней части орды съ 200 киргизами и постоянно состоявшимъ при немъ конвоемъ изъ сотни казаковъ. Съ означеннымъ отрядомъ полковникъ Жемчужниковъ еще 23 мая выступилъ въ степь изъ Благовѣщенской станицы и до полученія новаго назначенія успѣлъ заготовить до 12,000 пуд. сѣна на уроч. Бишъ-Тамакѣ.

Полковнику Жемчужникову предписано было: для наблюденія за киргизами, волнуемыми Кенисарою, и для охраненія заготовленнаго на Бишъ-Тамакѣ сѣна, оставить на этомъ урочищѣ султана-правителя, придавъ ему 315 башкировъ; съ прочими же войсками, усиленными постояннымъ казачьимъ конвоемъ султана (изъ 65 оренбургскихъ и 50 уральскихъ казаковъ), выждавъ на Бишъ-Тамакѣ прибытія съ запасами экспедиціи башкирскаго

Дѣйствительно, такую недовѣрчивость легко можно было внушить, кромѣ сказаннаго уже, еще и тѣмъ: а) что избранная имъ форма укрѣпленія (бастіонная) была самая неудобная для склада запасовъ (по стѣснительности внутренняго пространства), б) что солонцеватая вода ручья и колодцевъ начала оказывать вредное вліяніе на здоровье людей, обремененныхъ, какъ можно было судить по письмамъ г. Геке, иногда и безполезными работами (напримѣръ, выглаживаніемъ и вылащиваніемъ валовъ и т. п., не идущими къ дѣлу мелочами), и наконецъ в), что полковникъ Геке, какъ самъ письмами удостовѣрялъ, только *надѣялся* своими расположеніями угодить генералу Перовскому (въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ быть увѣреннымъ въ томъ, что дѣлаешь). Все это, конечно, и послужило причиною возложенія на генеральнаго штаба полковника Жемчужникова выбора и устройства лучшаго складочнаго пункта, къ немалой горести полковника Геке, настояніемъ котораго сохранено было возведенное имъ укрѣпленіе, послужившее впослѣдствіи къ сильному развитію болѣзней.

№ 2 транспорта, слѣдовавшаго изъ Оренбурга подъ прикрытіемъ одной роты пѣхоты съ двумя шести-фунтовыми орудіями, выступить потомъ на р. Эмбу, для устройства тамъ главнаго складочнаго пункта. Обозъ этотъ прибылъ на Бишъ-Тамакъ только 1 августа; изнуреніе лошадей и значительная порча телѣгъ побудили полковника Жемчужникова дать здѣсь отдыхъ транспорту до 5 августа, и потомъ, двинувъ обозы далѣе въ степь, самъ полковникъ Жемчужниковъ, съ 300 оренбургскихъ казаковъ и 50 башкирами, отправился впередъ для выбора мѣста подъ укрѣпленіе. 10 августа прибылъ онъ на устье рѣчки Аты-Якши и на правомъ берегу ея, въ 300 саж. выше ея впаденія въ р. Эмбу, устроилъ складъ. На другой же день по прибытіи транспорта (19 августа) приступлено было къ работамъ по укрѣпленію склада, а къ первымъ числамъ сентября окончънъ былъ валъ укрѣпленія (въ видѣ четыреугольника, съ флешами для прикрытія выходовъ, въ срединѣ каждаго изъ четырехъ фасовъ укрѣпленія и фланкированія фасовъ онаго), въ которое и складывались тяжести, привезенныя остальными транспортами, отправленными изъ Оренбурга въ теченіе лѣта. Между тѣмъ, накошено было по берегамъ р. Эмбы и впадающихъ въ нее притоковъ до 25,000 пуд. сѣна.

Полковникъ же Геке, согласно даннаго ему предписанія, 10 сентября прибылъ въ Эмбенское укрѣпленіе (или Аты-Якши), съ частью акъ-булакскаго (или чушкакульскаго) гарнизона и четырьмя трехъ-фунтовыми орудіями, въ замѣнъ коихъ посланы были на Акъ-Булакъ двѣ шести-фунтовыя пушки, изъ числа назначенныхъ въ составъ экспедиціоннаго отряда, которыя, вмѣстѣ съ гарнизономъ и имѣвшимися въ Акъ-Булакѣ запасами, предположено было, при движеніи отряда къ Хивѣ, забрать съ собою, а Акбулакское укрѣпленіе упразднить.

Сдавъ новое укрѣпленіе и запасы полковника Геке, г. Жемчужниковъ 20 сентября возвратился на линію, потерявъ въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ отъ болѣзней всего только 4 башкировъ, и отъ изнуренія 48 лошадей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшено было султану-правителю средней части орды возвратиться также въ мѣста зимовыхъ кочевьевъ, оставивъ на Бишъ-Тамакѣ 75 оренбургскихъ казаковъ для охраненія заготовленнаго тамъ сѣна; изъ Акъ-Булакскаго и Эмбенскаго укрѣпленій отпущено 200 башкировъ, въ замѣнъ коихъ

въ гарнизоны новопостроенныхъ укрѣпленій командировано 350 оренбургскихъ казаковъ.

Послѣ всѣхъ этихъ перемѣщеній, въ гарнизонахъ укрѣпленій состояло всего:

Въ Эмбенскомъ. . . . . 634 челов.
— Акъ-Булакскомъ . . . . 399 —

Изыскавъ способы перевозки запасовъ къ складочнымъ пунктамъ въ степи, оставалось еще найдти средство для перевозки ихъ за отрядомъ, при дальнѣйшемъ движеніи къ Хивѣ. И какъ, по непостоянству здѣшнихъ зимъ, къ тому ни сани, ни телѣги, ни лошади, что извѣстно было изъ прежнихъ опытовъ, не годились, то и необходимо было обратиться къ туземному способу перевозки тяжестей на верблюдахъ.

Способъ этотъ въ европейскихъ войнахъ вовсе не употребителенъ, и свойства самаго верблюда не совсѣмъ хорошо извѣстны; почему не излишнимъ считаемъ помѣстить въ примѣчаніи описаніе этого животнаго ([37]). Здѣсь же замѣтимъ только,

---

([37]) *Верблюдъ*, по самому физическому устройству своему, созданъ для песчаныхъ степей и сухаго, жаркаго климата; въ киргизскія же степи онъ заведенъ волею человѣка и можетъ существовать здѣсь только въ качествѣ домашняго животнаго, при бдительномъ надзорѣ и уходѣ за нимъ, особенно въ раннемъ возрастѣ. Поэтому только въ знойной Аравіи, на родинѣ, верблюдъ находится въ полномъ развитіи своихъ силъ и способностей. Арабы называютъ верблюда кораблемъ степей и считаютъ это животное даромъ неба для себя, безъ котораго они не могли бы ни торговать, ни странствовать, ни даже существовать въ своихъ пустыняхъ. Мясо верблюжье, особенно молодое, и молоко верблюдицъ служатъ арабамъ пищею, а копченые языки лакомствомъ, и составляютъ предметъ внѣшней торговли; тонкая и длинная верблюжья шерсть, которая весною рѣшительно вся слѣзаетъ, служитъ имъ для одежды. Арабы тщательно занимаются воспитаніемъ этого полезнаго животнаго: нѣсколько дней спустя послѣ рожденія, они начинаютъ уже пріучать верблюда лежать на брюхѣ, поджавши подъ себя ноги, потомъ заставляютъ лежать въ томъ же положеніи, наложивъ на нихъ тяжести, послѣ чего пріучаютъ вставать и ходить съ грузомъ, уменьшая постепенно время пастбища и увеличивая при перекочевкахъ проходимыя разстоянія. Когда верблюды придутъ въ силу, ихъ пріучаютъ къ бѣгу вмѣстѣ съ лошадьми и, такимъ образомъ, достигаютъ того, что верблюды дѣлаются на бѣгу быстрѣе лошади. Когда верблюды совершенно укрѣпятся, то предпринимаются уже съ ними дальніе путешествія и набѣги; въ военное время арабы сами ѣздятъ на болѣе легкихъ верблюдахъ, а на прочихъ везутъ запасы и добычу. На дромадерахъ (или одногорбыхъ верблюдахъ) они легко совершаютъ пути по 1,200 и болѣе верстъ дней въ 8: такъ, напримѣръ, изъ Мекки въ Капръ на дромадерахъ поспѣваютъ на 5 сутки, а караваны тотъ же путь проходятъ только въ 30 дней. Во все время пути даютъ верблюдамъ не болѣе часу отдыха и кусокъ тѣста или нѣсколько горстей ячменя и бобовъ въ пищу. Были примѣры, что верблюды въ теченіе 9 и 10 дней пути оставались вовсе безъ питья. Съ грузомъ верблюдъ можетъ идти

что лучшіе верблюды, въ путь на разстояніе отъ 700 до 800 верстъ, нагружаются по 20 и 22 пуда, по пути не очень трудному и при непоспѣшной доставкѣ товаровъ; въ болѣе дальнія путешествія навьючивается на верблюда отъ 12 до 16 пуд. А какъ верблюды мало способны переносить холодъ, сырость и мокроту, то держатъ ихъ преимущественно въ южной части

---

14 и 15 часовъ сряду, но послѣ степнаго 40 или 50-дневнаго похода верблюды сильно худѣютъ, если не поддерживать ихъ ячменемъ. Постоянную пищу верблюда составляютъ грубыя травы; но, какъ замѣчено уже, его можно кормить мукою, овсомъ, сѣномъ и проч. Вообще верблюдъ легко пріучается ко всякой пищѣ, и для содержанія постоянно въ тѣлѣ требуетъ не болѣе 30 Ф. въ день сѣна; дромадеръ же еще меньше — около 20 фунтовъ.

При вьючкѣ верблюды пріучаются, по приказанію, ложиться и вставать. При этомъ, когда грузъ для верблюда великъ, онъ издаетъ жалобные крики и не встаетъ. Рослые, сильные и откормленные верблюды могутъ нести до 35 пуд., на небольшихъ переходахъ; при умѣренномъ же грузѣ верблюды могутъ дѣлать отъ 60 до 70 верстъ въ сутки, при чемъ ему достаточно попастись часъ на хорошемъ пастбищѣ, чтобъ быть сыту на цѣлыя сутки. Любимая пища верблюда: полынь, волчецъ, крапива, дрокъ и вообще негодныя, колючія, грубыя и соленыя травы. Верблюды, кромѣ четырехъ желудковъ, по примѣру всѣхъ травоядныхъ, отрыгающихъ жвачку животныхъ, имѣютъ пятый желудокъ, назначенный собственно для храненія воды, которую они по произволу впускаютъ въ прочіе желудки для разжиженія пищи; вода въ пятомъ желудкѣ можетъ пробыть не испортившись довольно долгое время: такъ Бюффонъ у одного издохшаго дромадера нашелъ чрезъ 10 дней въ 5-мъ желудкѣ болѣе штофа почти совершенно свѣжей воды. Подобнымъ образомъ верблюдъ можетъ запасаться водою на нѣсколько дней. Очевидцы утверждаютъ, что нѣкоторые верблюды выпиваютъ по 12 ведеръ воды сразу. Изъ этого можно судить, какой запасъ ея хранится у нихъ въ желудкѣ.

Шишки, кочки или горбы верблюдовъ состоятъ изъ жиру, и по мѣрѣ того, какъ верблюдъ худѣетъ, они спадаютъ и отвисаютъ; поэтому надо полагать что горбы назначены природою, подобно тому, какъ жиръ сурковъ и медвѣдей, для поддержанія въ тѣлѣ верблюдовъ, на случай недостатка въ пищѣ. Все это показываетъ, что это животное самою природою предназначено для степной, исполненной трудовъ и лишеній, жизни. Широкія ступни верблюдовъ, съ мягкою подошвою, дѣлаютъ ихъ способными для ходьбы по сыпучимъ пескамъ; но отъ твердаго, каменистаго грунта и мокрыхъ мѣстъ ступни верблюжьи страдаютъ, подбиваются и отмокаютъ и подвергаются болѣзненнымъ опухолямъ. Верблюды любятъ музыку и пѣніе, и киргизы наши, во время хода каравановъ, поютъ иногда имъ пѣсни полагая даже, что отъ пѣнія заболѣвающіе верблюды выздоравливаютъ; арабы же, думая ускорить ходъ верблюдовъ и сдѣлать переходъ побольше, походомъ тоже поютъ или играютъ на разныхъ инстументахъ, и чѣмъ громче, тѣмъ, какъ думаютъ, пріятнѣе это верблюдамъ.

Верблюдовъ случаютъ весною, въ февралѣ. Въ это время верблюдъ мало ѣстъ и можетъ пробыть безъ пищи, какъ увѣряютъ, до 40 дней, бываетъ золъ и даже бросается иногда на своего хозяина и вообще на все, что попадется, бьетъ и топчетъ въ изступленіи, почему извозныхъ верблюдовъ обыкновенно холостятъ. Самка носитъ годъ и даетъ много вкуснаго и густаго молока, такъ что люди для употребленія смѣшиваютъ его съ водой и квасятъ. Такой напитокъ у на-

степи. Это обстоятельство естественно должно было затруднить и замедлить сборъ верблюдовъ и приводъ ихъ въ Оренбургъ, тѣмъ болѣе, что южные роды киргизскіе находились въ меньшей зависимости, подчиняясь вліянію сосѣдственной Хивы.

Для значительнаго сбереженія издержекъ положено было пріобрѣсть верблюдовъ, вмѣсто покупки, наймомъ. И какъ замѣчено уже, что верблюды преимущественно разводятся въ южной части степи, то для найма ихъ бывшій тогда предсѣдатель пограничной коммиссіи, генералъ-маіоръ Генсъ, отправился еще 13 мая за р. Уралъ, въ ставку султана-правителя западной части орды оренбургскихъ киргизовъ, который былъ уже предувѣдомленъ объ этой поѣздкѣ и долженъ былъ собрать сколь можно болѣе почетныхъ людей изъ сосѣдственныхъ родовъ кайсацкихъ для разсужденія по этому предмету. Позднее открытіе весны, бездождіе и безкормица изнурили скотъ киргизскій въ 1839 году, почему приглашеніемъ султана воспользовались только ближайшіе къ его ставкѣ ордынцы. Изъяснивъ собравшимся цѣль своего прибытія, генералъ-маіоръ Генсъ поручилъ

шихъ татаровъ, туркменовъ и киргизовъ приготовляются довольно вкусно и называется *айранъ*. Верблюжонки сосутъ годъ и долѣе, если хотятъ, чтобъ они были крѣпче; въ работу же начинаютъ употреблять ихъ не ранѣе 4 лѣтъ, и послѣ того верблюдъ проживаетъ еще до 40 и 50 лѣтъ самой трудовой жизни.

Дромадеръ имѣетъ одинъ горбъ и способенъ преимущественно для скорой ѣзды, двухгорбый же для возки тяжестей. Самые крѣпкіе вьючные верблюды происходятъ отъ случки дромадеровъ съ обыкновенными верблюдами и называются *нарами;* но происходящіе отъ случки мѣшанныхъ породъ слабы и называются въ Персіи *локъ*. На 8 или 10 самокъ достаточно имѣть одного самца.

Киргизы не имѣютъ ни дромадеревъ (употребляя для набѣговъ лошадей), ни отличной породы сильныхъ верблюдовъ двугорбыхъ и самымъ воспитаніемъ молодыхъ верблюдовъ занимаются съ меньшимъ усердіемъ, нежели арабы. Верблюды киргизскіе предназначаются для перевозки тяжестей и потому пріучаются только ложиться для навьючиванія и вставать по окончаніи вьючки; чтобы сдѣлать ихъ послушнѣе и способнѣе къ управленію, годовалымъ или двухлѣтнимъ верблюжонкамъ протыкаютъ мякоть ноздрей, продѣваютъ туда палочку съ головкой и посредствомъ привязанной къ этой палочкѣ веревки правятъ верблюдомъ въ пути и заставляютъ ложиться и вставать. Размноженію верблюдовъ, особенно дромадеровъ, въ киргизской степи препятствуетъ холодъ, къ которому они очень чувствительны; верблюжонки же только что родившіеся вовсе не могли бы выдерживать суровости киргизскихъ зимъ безъ материнской, можно сказать, заботливости о нихъ киргизокъ, которыя въ это время няньчатся съ ними, какъ съ своими дѣтьми, обкладываютъ ихъ шерстью, закутываютъ въ войлоки, держатъ въ своихъ кибиткахъ и сами приносятъ къ верблюдицамъ, когда наступаетъ время кормить ихъ молокомъ. Это продолжается нѣсколько недѣль, пока не наступитъ весна, ибо, какъ выше сказано, верблюды случаются въ февралѣ и родятъ черезъ годъ въ то же время. Поэтому верблюдовъ преимущественно разводятъ въ южной части киргизскихъ степей, по климату своему менѣе суровыхъ.

имъ распространить въ ордѣ извѣстіе о требованіяхъ правительства, а султану-правителю предписалъ разослать гонцовъ для приглашенія старшинъ и біевъ отдаленнѣйшихъ родовъ на новый съѣздъ, къ 11 іюня.

Хотя присутствовавшіе на первомъ съѣздѣ выслушали сдѣланное имъ предложеніе о поставкѣ верблюдовъ покорно и обѣщали совершенное повиновеніе волѣ правительства, но, не менѣе того, требованіе это, по небывалости своей, возродило потомъ множество толковъ, почему, по пріѣздѣ на вторичное совѣщаніе, гдѣ уже были представители всѣхъ отдѣленій главнаго баюлинскаго рода, равно какъ китинскаго и чуриновскаго, генералъ-маіоръ Генсъ объявилъ присутствующимъ, что правительство ожидаетъ отъ кайсаковъ не толковъ, а повиновенія волѣ Государя Императора, и что, впрочемъ, въ необходимомъ случаѣ, воля эта можетъ исполниться безъ ихъ согласія и безплатно, содѣйствіемъ посланныхъ уже и снаряжаемыхъ еще въ степь воинскихъ отрядовъ, почему отъ самихъ киргизовъ зависитъ воспользоваться добровольно предлагаемыми имъ выгодами по найму верблюдовъ. Тогда всѣ безъ исключенія киргизы отвѣчали, что и не думали противиться волѣ правительства и что не только готовы исполнить ее, но даже берутся представить султану-правителю тѣхъ неблагонамѣренныхъ людей, которые, по наущенію Хивы, вознамѣрятся на будущее время волновать степь ложными слухами. Вслѣдъ затѣмъ немедленно составлена была вѣдомость о требуемомъ съ каждаго рода числѣ верблюдовъ, и предписанія о доставкѣ ихъ розданы присутствующимъ.

Къ уджрявцамъ же, назаровцамъ, каракисякамъ, тляукабавцамъ, джанклынцамъ и джакоимовцамъ, для лучшаго успѣха, отправленъ былъ состоявшій при генералъ-маіорѣ Генсѣ корнетъ Аитовъ, съ слѣдующимъ письменнымъ объявленіемъ:

„Старшинамъ, біямъ и всѣмъ почетнымъ ордынцамъ.

„По Высочайшей волѣ великаго Государя Императора долженъ отправиться осенью сего года въ киргизскую степь отрядъ съ учеными людьми (38).

„Для подъема тяжестей сего отряда потребно значительное число верблюдовъ.

---

(38) До самаго обнародованія декларації о походѣ въ Хиву (т. е. до 12 ноября 1839 г.) снаряженія къ походу выдаваемы были за пріуготовленія къ ученой экспедиціи къ Аральскому морю.

„Верблюды эти потребуются на 6 мѣсяцевъ, начиная съ 1 ноября сего года. На 5 верблюдовъ нуженъ одинъ вожакъ. Грузъ каждаго верблюда вмѣстѣ съ увязкою составитъ не болѣе 16 пудовъ.

„Вожаки должны имѣть собственную пищу на одинъ мѣсяцъ, то есть до 1 числа декабря.

„За каждаго верблюда казна платитъ деньгами 10 р. сер., или 36 р. ассигнаціями, въ три срока: по утвержденіи условія, при выступленіи въ походъ и по возвращеніи.

„Начиная съ 1 декабря и до окончанія похода, каждому вожаку ежедневно будетъ выдаваться по два фунта крупъ и полфунта мяса. Въ случаѣ надобности, для поддержанія силъ верблюдовъ, будетъ отпускаться на каждаго въ сутки по 3 фунта муки.

„Изъ тѣхъ родовъ, которые покажутъ усердіе въ поставкѣ верблюдовъ, не будутъ требоваться къ суду виновные въ преступленіяхъ, содѣланныхъ по нынѣшнее число.

„Султаны, старшины и всѣ тѣ, которые будутъ употребляться по этому дѣлу, получатъ по мѣрѣ оказаннаго усердія и успѣха особые награды и подарки, сверхъ платы за верблюдовъ.

„Правительство исполненіе сего предложенія сочтетъ киргизскому народу за заслугу, дающую ему право на особенную милость, вниманіе и покровительство.

„Верблюдовъ можно найдти сколько угодно у калмыковъ и у хана Джангера; но я просилъ, дабы позволено было поставить ихъ киргизамъ степовымъ, для того, чтобы дать имъ случай заслужить милость великаго Государя Императора.

„Пишу вамъ съ тѣмъ, чтобы вы всѣ знали, въ чемъ состоитъ дѣло. Сверхъ того прошу васъ послать поскорѣе отъ себя нѣсколько человѣкъ благоразумныхъ и надежныхъ людей къ правителю западной части орды, полковнику и кавалеру султану Бай-Мухаммедъ-Айчувакову, которому поручено собрать верблюдовъ.

„Наконецъ объявляю вамъ, что отряды, которые выходятъ въ степь, не будутъ обижать киргизовъ, и нѣтъ имъ до васъ никакого дѣла.

„Посему вы можете приходить смѣло и кочевать мирно, гдѣ желаете.“

Объявленія такого же содержанія были разосланы къ то-

минцамъ, чумекеевцамъ и джегалбайминцамъ, въ кочевья которыхъ предсѣдатель пограничной коммиссіи отправился вскорѣ самъ.

Мѣры эти имѣли превзошедшій ожиданія успѣхъ. Только баюлинцы уклонились отъ исполненія обѣщаній своихъ, и чтобы примѣръ этотъ не произвелъ вреднаго впечатлѣнія, предписано находившемуся (какъ сказано выше) въ степи съ отрядомъ полковнику Жемчужникову перехватить, если возможно, мятежные роды, при перекочевкѣ ихъ чрезъ долину рѣки Тыкъ-Темира, отобрать всѣхъ годныхъ верблюдовъ и, выпроводивъ баюлинцевъ за Мугоджарскія горы, воспретить навсегда приближеніе къ линіи. Для дальнѣйшаго же преслѣдованія ихъ командированъ въ степь оренбургскаго казачьяго войска подполковникъ Падуровъ, съ 300 казаковъ ([39]).

Всѣ же остальные кайсацкіе роды добровольно обязались поставить 11,444 верблюда ([40]).

Сверхъ того пріобрѣтено въ собственность экспедиціи:

Пожертвованныхъ ханомъ внутренней орды Джангеромъ 1,000 верблюдовъ, отъ киргизовъ назаровскаго рода за выручку задержаннаго ихъ старшины 130 верблюдовъ, куплено верблюдовъ у киргизовъ 110, вымѣнено у нихъ же 100. Итакъ, если бы все число верблюдовъ было доставлено къ сроку, то ихъ было бы всего 12,784 верблюда.

Но нѣкоторые роды киргизовъ ко времени сбора (то есть къ 1 ноября) верблюдовъ, не доставили ихъ, отчего въ отрядѣ, при выступленіи, было всего 9,500 верблюдовъ, и еще около 900 присоединились на первыхъ переходахъ, то есть

([39]) Выступивъ 8 августа изъ Григорьевскаго форпоста, подп. Падуровъ на рѣчкѣ Исянбай присоединилъ къ отряду своему 150 чел. башкировъ, изъ команды правителя средней части орды, и, узнавъ о значительномъ скопищѣ баюлинцевъ, испросилъ у полк. Жемчужникова еще 200 казаковъ, при одномъ 3-хъ-фунтовомъ единорогѣ, съ которыми и направился за Мугоджары. Скорость бѣгства баюлинцевъ, напередъ узнавшихъ объ опасности, не давала надежды настичь ихъ, и какъ главная цѣль—устрашеніе орды—была достигнута, то подполк. Падуровъ въ половинѣ сентября возвратился съ отрядомъ на линію.

([40]) Результатъ по сбору верблюдовъ былъ весьма благопріятенъ во многихъ отношеніяхъ: 1) пріобрѣтены транспортныя средства за весьма дешевую цѣну, 2) экспедиціонный отрядъ обезпеченъ значительнымъ числомъ возчиковъ, 3) кайсаки какъ бы соединились съ русскими въ войнѣ противъ хивинцевъ, 4) киргизы подвергнуты съ успѣхомъ въ первый разъ натуральной повинности, ибо на показанный сборъ верблюдовъ, по незначительности платы и самому способу сбора, нельзя вполнѣ смотрѣть, какъ на наемъ.

всего собрано 10,400 верблюдовъ. Съ верблюдами киргизы выставили и возчиковъ, по одному на каждыхъ 4 или 5 верблюдовъ.

Несмотря на небывалое до того устройство нашихъ укрѣпленій въ глубинѣ степей и движеніе нашихъ транспортовъ, въ продолженіе всего этого времени кайсаки оставались спокойными, привыкая, такимъ образомъ, къ хозяйничанью русскихъ среди ихъ кочевокъ, что незадолго еще предъ тѣмъ казалось имъ невозможнымъ и несогласнымъ съ правами ордынцевъ: всего (въ продолженіе 6 мѣсяцевъ) изъ-подъ передовыхъ укрѣпленій произведено только три угона, но и тѣ должно отнести скорѣе къ обыкновеннымъ у киргизовъ воровствамъ, чѣмъ къ набѣгамъ. Въ первый угонъ, произведенный чумикли-табынцами и аллагинцами изъ-подъ Эмбенскаго укрѣпленія (въ ночи на 22 августа), отогнано 398 башкирскихъ лошадей втораго транспорта; 60 изъ нихъ были отбиты; остальныхъ же, за темнотою, не могли настигнуть.

Второй угонъ совершенъ изъ-подъ Акъ-Булакскаго укрѣпленія (въ ночи на 29 сентября): угнано 32 лошади; въ третій угонъ, вновь изъ-подъ Эмбенскаго укрѣпленія (17 октября), украдено 180 быковъ маркитанта Зайчикова. Преслѣдованія воровъ, въ послѣднихъ двухъ случаяхъ, по изнуренію казачьихъ лошадей, были неудачны, и какъ это могло подать поводъ къ болѣе важнымъ предпріятіямъ киргизовъ, особенно осенью, въ обычное у нихъ время воровства и баранты, то полковникъ Геке, узнавъ о близкомъ нахожденіи извѣстнаго разбойника Магомета Утямисова, съ сообщниками, выступилъ 30 октября изъ Эмбенскаго укрѣпленія, со взводомъ пѣхоты, 30 казаками, при одномъ орудіи, и 1 ноября настигъ аулы, гдѣ скрывалась упомянутая шайка. Утямисовъ, узнавъ заранѣе о близкой опасности, бѣжалъ еще наканунѣ; но десять извѣстныхъ барантовщиковъ были захвачены, или, лучше сказать, выданы самими киргизами, когда они убѣдились, что войска наши не намѣрены обижать покорныхъ.

Это спокойствіе въ степи въ особенности благопріятствовало передвиженію къ нашимъ складочнымъ въ степи пунктамъ башкирскихъ обозовъ съ запасами экспедиціоннаго отряда, которые всѣ благополучно достигли своего назначенія, такъ что, въ теченіе лѣта, пятью башкирскими транспортами, безпрепятственно перевезено было въ передовыя укрѣпленія запасовъ въ ко-

личествѣ 30,000 четвертей продовольствія и до 8,000 пудовъ разныхъ тяжестей (41). Гораздо менѣе благопріятствовали транспортировкѣ климатъ, болѣзни и недостатокъ подножнаго корма, причинявшіе значительную убыль въ людяхъ и лошадяхъ упомянутыхъ обозовъ.

Въ пяти транспортахъ умерло 199 башкировъ и угнано киргизами; за совершенною изнурительностію брошено и пало 8,869 башкирскихъ лошадей, изъ числа всѣхъ 23,290 участвовавшихъ въ перевозкѣ по наряду, т. е. погибло болѣе трети всѣхъ лошадей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сырость землянокъ, быстрый переходъ отъ дневнаго зноя къ холоднымъ ночамъ (42) и дурнаго свойства вода въ Акъ-Булакѣ имѣли гибельное вліяніе и на здоровье гарнизоновъ передовыхъ укрѣпленій, въ которыхъ къ концу октября было:

	Больныхъ.	Слабыхъ.
Въ Эмбенскомъ укрѣпленіи	34	20
На Акъ-Булакѣ	56	„ (43)

Съ наступленіемъ холодовъ болѣзни значительно усилились: къ половинѣ декабря больныхъ тамъ уже было: въ Эмбенскомъ укрѣпленіи 168 чел., въ Акъ-Булакскомъ 164 чел.; къ тому же времени въ обоихъ этихъ укрѣпленіяхъ умерло 93 чел., отъ горячекъ, кровавыхъ поносовъ, водяной и преимущественно отъ цынги.

Когда первые пять башкирскихъ обозовъ доставили въ передовыя укрѣпленія главную часть запасовъ экспедиціи и успѣхъ всѣхъ приготовленій далъ возможность къ открытію похода въ Хиву осенью, то, въ видѣ опыта степнаго похода, отправленъ былъ съ частію запасовъ 6-й обозъ, или *караванъ на верблюдахъ*, подъ начальствомъ состоявшаго по кавалеріи подполковника Данилевскаго, которому и предписано было сдѣлать свои замѣчанія по предметамъ движенія, вьючки и порядка походнаго и ла-

---

(41) Первый транспортъ выступилъ 25 мая, 2-й 14 іюля, 3-й 22 іюля, 4-й 30 іюля, 5-й 18 августа.

(42) Уже въ концѣ іюля на Акъ-Булакѣ жаръ днемъ доходилъ до 36^0 Реом., а въ полночь бывало только по $6^1/_2{}^0$ Реом. (письмо полковн. Геке къ генер.-адъют. Перовскому отъ 27 іюля 1839 г.).

(43) По вѣдомости отъ 23 октября 1839 г., главныя болѣзни были: на Эмбѣ—цынга (14 чел. больн.), нервная горячка (6 чел.), кровавый поносъ (6 чел.); остальные страдали лихорадками и другими простудами. На Акъ-Булакѣ—исключительно цынга (52 человѣка).

гернаго. Караванъ этотъ, изъ 1.128 верблюдовъ, выступилъ изъ г. Оренбурга 21 октября, подъ прикрытіемъ: одной роты пѣхоты (234 чел.), сотни казаковъ (116 чел.) и 25 артилле-ристовъ, при 4 десяти-фунтовыхъ (горныхъ) единорогахъ, съ 16 вьючными зарядными ящиками, и направился къ Эмбенскому укрѣпленію, гдѣ долженъ былъ ожидать главнаго отряда. Въ то время снѣгу еще не было, только изрѣдка наступавшіе послѣ дождей морозы, производя гололедицу, затрудняли движеніе; но, несмотря на то, отрядъ шелъ довольно успѣшно и 12 ноября прибылъ благополучно на р. Эмбу, пройдя до 500 верстъ, т. е. $^1/_3$ всего разстоянія отъ Оренбурга до Хивы, въ 23 дня.

Изъ этого опыта можно было заключать, что движеніе къ Хивѣ легко было бы произвесть въ 60 или много въ 65 дней, еслибъ не предстояло впереди до 800 верстъ безплодной степи, заставлявшей взять съ собою, для поддержанія силъ лошадей и верблюдовъ, огромные запасы, составившіе почти половину обоза (44).

Пока перевозились запасы внутрь степи, въ г. Оренбургѣ производились опыты надъ дѣйствіемъ миннаго галваническаго снаряда и зажигательныхъ ракетъ; особо назначенные нижніе чины, подъ надзоромъ 1-го конно-піонернаго эскадрона подпоручика Шильдера, пріучались на р. Уралѣ къ наведенію понтоновъ; прилаживалась сбруя верблюдовъ и производились опыты удобнѣйшей ихъ вьючки; строились, подъ наблюденіемъ капитанъ-лейтенанта Бодиско, разборныя лодки; оканчивались необходимыя для похода заготовленія; сосредоточивались въ

---

(44) На продовольствіе верблюдовъ и лошадей надобно было заготовить 4,605 четвертей муки, 16,098 четвертей овса и 10,000 пуд. сѣна, что составляетъ слишкомъ 130,000 пуд. груза. Еслибъ эта степь имѣла обильные подножные кормы, то муки верблюдамъ не понадобилось бы брать вовсе, а сѣна и овса пришлось бы взять въ несравненно меньшемъ количествѣ.

А это показываетъ ясно, что не столько огромность разстоянія предстоявшаго степнаго пути, сколько безкормица степей и безводіе на 800 верстъ составляютъ главное затрудненіе для похода въ Хиву. Затрудненія этого нельзя было миновать, съ какой бы точки нашей границы ни выступать, и все, что можно было сдѣлать, состояло въ заблаговременномъ подвозѣ запасовъ какъ можно далѣе въ глубь степи, особыми способами (какъ то и было сдѣлано нарядомъ башкировъ), съ тѣмъ, чтобы верблюдамъ для сбереженія ихъ силъ пришлось везти запасы отряда первую половину пути налегкѣ. Къ сожалѣнію, этого вполнѣ достигнуть было невозможно, по недоставленію киргизами потребнаго числа верблюдовъ, какъ о томъ замѣчено уже выше и объяснится далѣе.

степи киргизы съ собранными для похода верблюдами; музыканты разучивали на городской площади въ Оренбургѣ новые марши, а пѣсенники—нарочно сочиненную воинственную пѣсню ([45]), и наконецъ часъ выступленія насталъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ.)

([45]) Неизвѣстно кѣмъ сочинена была пѣсня, но она начиналась такъ:

Славно, братцы, пришло время:
Мы идемъ всѣ на Хиву,
Истребимъ хивинско племя,
Наживемъ себѣ хвалу!... и проч.

П-136

ВОЕННЫЙ

СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

П-3940

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

ГОДЪ ШЕСТОЙ

Государственное Издательство
ГЕОГРАФГИЗ
Союз ССР

ТОМЪ XXX

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТДѢЛЬНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ
1863

ПОХОДЪ ВЪ ХИВУ

ВЪ **1839** ГОДУ

ОТРЯДА РУССКИХЪ ВОЙСКЪ, ПОДЪ НАЧАЛЬСТВОМЪ ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА ПЕРОВСКАГО (*).

ГЛАВА V.

Объявленіе о походѣ на Хиву. — Раздѣленіе главнаго отряда на колонны. — Выступленіе колоннъ изъ Оренбурга и движеніе ихъ до Караваннаго озера. — Организація отряда и отправленіе службы во время похода. — Движеніе отряда до урочища Бишъ-Тамакъ.—Порядокъ движенія и расположенія колоннъ.—Движеніе главнаго отряда къ Эмбенскому укрѣпленію. — Трудности, перенесенныя на этомъ пути отрядомъ. — Прибытіе полковника Бизянова съ отрядомъ уральскихъ казаковъ на р. Эмбу.

Всѣ сборы къ походу дѣлались подъ видомъ приготовленія къ ученой экспедиціи на Аральское море; но громадность заготовленій, необыкновенная дѣятельность, шитье зимней одежды, сборъ сильнаго, небывалаго прежде отряда войскъ и верблюдовъ, все это заставляло предполагать иную цѣль: догадкамъ и толкамъ не было конца. По мѣрѣ приведенія заготовленій къ концу любопытство усиливалось, и наконецъ загадка разрѣшилась: за нѣсколько дней до выступленія въ походъ собраны были на городской площади предназначенныя къ походу вой-

---

(*) См. **№№** 1 и 2 «Военнаго Сборника» за 1863 годъ.

ска, и прочтенъ былъ имъ приказъ командира оренбургскаго корпуса, слѣдующаго содержанія:

„По Высочайшему Государя Императора повелѣнію, я иду съ частью ввѣренныхъ мнѣ войскъ на Хиву. Давно уже Хива искушала долготерпѣніе сильной и великодушной державы и заслужила наконецъ вѣроломными, непріязненными поступками своими грозу, которую сама на себя накликала. Честь и слава всѣмъ, кому Богъ привелъ идти, по повелѣнію Государя, на выручку братьевъ, томящихся въ неволѣ!

„Товарищи! насъ ожидаютъ стужа и бураны и всѣ неизбѣжныя трудности дальняго, степнаго и зимняго похода; но забота обо всемъ необходимомъ, по возможности, предупредила крайности и недостатки, а рвеніе ваше, усердіе и мужество довершатъ успѣхъ и побѣду. Войска оренбургскаго корпуса въ первый разъ выступаютъ въ значительномъ составѣ противъ непріятеля; Россія въ первый разъ караетъ Хиву, эту дерзкую и вѣроломную сосѣдку. Чрезъ два мѣсяца, дастъ Богъ, будемъ въ Хивѣ, и въ первый разъ еще въ столицѣ ханства, предъ крестомъ и евангеліемъ, русскіе будутъ приносить теплыя и громкія молитвы за Царя и отечество!

„Обращаюсь къ той части войскъ, которая остается для охраненія Оренбургскаго пограничнаго края и родины своей. Вамъ не судило счастіе дѣлить съ нами труды и опасности; но вы не менѣе того заслуживаете добрую славу и милостивое вниманіе Государя Императора: всякій чинъ, малый и великій, простившись съ ушедшими въ походъ товарищами, будетъ свято помнить долгъ и присягу, будетъ нести службу за себя и походныхъ и въ свое время радостнымъ, братскимъ привѣтствіемъ встрѣтитъ возвратившихся изъ дальняго и труднаго странствованія сослуживцевъ своихъ.“ (1)

По прочтеніи этого приказа, послѣ многократныхъ ура и молебствія, войска прошли церемоніяльнымъ маршемъ, а потомъ распредѣлены были по колоннамъ.

Всѣ тяжести, которыя не могли быть забраны башкирскими транспортами и караваномъ на верблюдахъ, перевезены были за р. Уралъ, гдѣ также распредѣлены по колоннамъ. Главный отрядъ, для удобства управленія, движенія, продоволь-

---

(1) Приказъ этотъ отданъ 14 ноября 1839 г., за № 181, и того же 14 ноября обнародовано было особое о походѣ на Хиву объявленіе.

ствія и пастбища, раздѣленъ былъ на 4 колонны, слѣдующимъ образомъ:

1-я колонна составлена была изъ 2 ротъ линейнаго № 2 баталіона, одной сотни уральскихъ казаковъ, двухъ горныхъ единороговъ и 360 киргизовъ-верблюдовожатыхъ при 1,800 верблюдахъ съ тяжестями. Начальникомъ этой колонны назначенъ бывшій начальникъ 22 пѣхотной дивизіи (нынѣ здѣсь 23 пѣхотная дивизія) генералъ-лейтенантъ Толмачевъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и начальникомъ всей пѣхоты.

2-я колонна: изъ двухъ ротъ линейнаго № 5 баталіона, съ баталіоннымъ штабомъ, 50 башкирскихъ и 50 оренбургскихъ казаковъ, двухъ горныхъ единороговъ и 400 киргизовъ при 2,000 верблюдахъ съ тяжестями, подъ начальствомъ командовавшаго тогда конно-артиллерійскою казачьею бригадою подполковника Кузминскаго, который въ то же время былъ начальникомъ всей артиллеріи и парка въ отрядѣ.

3-я колонна заключала въ себѣ: линейный № 4 баталіонъ, дивизіонъ Оренбургскаго казачьяго полка, сотню уральскихъ казаковъ, два 12-фунт. орудія, два 6-фунт. орудія и шесть кугорновыхъ мортирокъ, и команды ракетную, мортирную, парковую, лодочную и понтонную, съ ихъ обозами, подвижной госпиталь, штабъ отряда и 600 киргизовъ при 3,600 верблюдахъ съ тяжестями. Эта колонна ввѣрена была состоявшему по кавалеріи полковнику Мансурову, и при ней находилась еще и походная церковь. Наконецъ

4-я колонна: изъ двухъ ротъ линейнаго № 5 баталіона, одной сотни башкировъ, двухъ горныхъ единороговъ и 360 киргизовъ при 1,800 верблюдахъ съ тяжестями, была подъ начальствомъ командовавшаго тогда башкирскимъ и мещерякскимъ войсками генералъ-маіора Ціолковскаго (2).

Кромѣ этихъ четырехъ колоннъ, съ Нижне-Уральской линіи 19 ноября выступили еще два полка уральскихъ казаковъ съ 1,800 верблюдовъ (въ томъ числѣ 1,000 верблюдовъ, пожертвованныхъ ханомъ Джангеромъ), подъ начальствомъ уральскаго войска полковника Бизянова. Этотъ отрядъ входилъ тоже въ составъ главныхъ силъ экспедиціи, но для избѣжанія излиш-

---

(2) Число верблюдовъ и киргизовъ показано здѣсь, при колоннахъ, круглыми цифрами; притомъ за каждою колонною гнали еще и порціонный скотъ, пока былъ порядочный подножный кормъ, въ началѣ похода.

нихъ передвиженій направленъ отъ Калмыковской крѣпости прямо къ укрѣпленію на р. Эмбѣ.

Первая и вторая же колонны выступили изъ Оренбурга 14 и 15 ноября по Бердяно-Куралинской линіи, а третья и четвертая, 16 и 17 ноября, на Илецкую защиту; всѣ эти колонны должны были соединиться близъ Караваннаго озера, на правомъ берегу р. Илека (слѣва впадающей въ р. Уралъ), верстахъ въ 17 отъ Григорьевскаго форпоста на линіи. Здѣсь, предъ выступленіемъ за границу, отданъ былъ по отряду приказъ (отъ 22 ноября), коимъ объявлялось, что Государь Императоръ удостоилъ облечь генералъ-адъютанта Перовскаго всѣми правами и властью командира отдѣльнаго корпуса въ военное время.

При выступленіи въ походъ дана была отряду особая, приноровленная для степнаго и зимняго похода организація; предписана общая инструкція для отправленія службы во время похода, а для подаванія сигналовъ изъ колонны въ колонну составлены были особыя правила (3).

Колонны, какъ самостоятельныя части отряда, составлены были изъ пѣхоты, конницы и артиллеріи, съ соразмѣрнымъ числомъ вьючныхъ верблюдовъ.

Начальники колоннъ завѣдывали всѣми частями въ оныхъ, какъ въ строевомъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніяхъ, а въ помощь имъ назначено было нѣсколько офицеровъ, которымъ ввѣрено управленіе частей колонны. Начальникъ колонны долженъ былъ наблюдать за безопасностію колонны, заботиться о здоровьѣ людей, о хорошей имъ пищѣ и наблюдать также, чтобы лошади и верблюды получали положенныя дачи и чтобъ имѣлся за ними надлежащій уходъ.

Принимая колонну, каждый начальникъ долженъ былъ осмотрѣть вьюки и распредѣлить ихъ, соображаясь съ силами верблюдовъ, имѣть строевые списки всѣмъ чинамъ колонны, строевымъ и подъемнымъ лошадямъ, киргизамъ, опись всѣхъ тяжестей и вѣдомость о расходѣ и приходѣ всѣхъ запасовъ. Подчиненные имъ, по завѣдыванію частями колоннъ, офицеры

---

(3) Для руководства же при движеніи и расположеніи колоннъ, составлены были генер. штаба подполк. Ивашинымъ и розданы въ отрядѣ подробные чертежи. Впослѣдствіи, однакожь, порядокъ построенія въ колоннахъ и лагеряхъ нѣсколько измѣнился, согласно указаній опыта; почему мы далѣе, въ текстѣ, приводимъ описаніе окончательно принятыхъ, по этому предмету, правилъ.

должны были находиться походомъ каждый при своей части колонны, наблюдая, чтобы верблюды шли въ порядкѣ и конвойные казаки и киргизы слѣдовали при нихъ; а въ лагерѣ обязаны были наблюдать, чтобы верблюдовъ насли какъ слѣдуетъ и потомъ располагали на ночлегѣ въ удобныхъ мѣстахъ, надзирать за киргизами, дѣлать имъ перекличку и смотрѣть за выдачею имъ по положенію продовольствія; требовать, чтобы одни и тѣ же верблюды были постоянно назначаемы подъ тѣ же вьюки. Эти же помощники начальника колонны должны были имѣть списки верблюдамъ и верблюдовожатымъ, также припасамъ и вѣдомость о приходѣ и расходѣ продовольствія по своей части колонны.

Въ каждой колоннѣ назначался дежурный для наблюденія за порядкомъ на походѣ и въ лагерѣ и за лагернымъ карауломъ. Походомъ онъ преимущественно находился въ аріергардѣ, принимая надъ нимъ начальство, и вообще исполнялъ всѣ обязанности дежурнаго по баталіону.

Для управленія киргизами, въ каждой колоннѣ назначены были караванъ-баши (старшины) надъ каждой сотнею киргизовъ.

За два часа передъ восходомъ солнца били генералъ-маршъ (4), по которому люди вставали, завтракали, разбирали кибитки и увязывали принадлежности; потомъ, часовъ около пяти или шести, били сборъ, по которому навьючивали верблюдовъ, для чего конвойные казаки выѣзжали къ своимъ частямъ, приказывали киргизамъ вести верблюдовъ къ вьюкамъ, а остальные люди въ колоннѣ разсчитывались отдѣленіями по шести человѣкъ для вьючки опредѣленнаго имъ числа верблюдовъ; навьючивъ одного изъ нихъ, отдѣленіе переходило къ другому, третьему и т. д. Офицеры при этомъ наблюдали за порядкомъ вьючки и за надлежащей увязкой вьюковъ. Послѣ вьючки пѣхота отправлялась къ ружьямъ, надѣвала аммуницію, часть ея садилась на верблюдовъ, а казаки на лошадей; затѣмъ авангардъ выѣзжалъ на рысяхъ впередъ, за нимъ трогался весь лагерь, вытягиваясь походомъ въ нѣсколько караванныхъ рядовъ или нитокъ, при чемъ требовалось, чтобы верблюды од-

---

(4) Это соблюдалось только въ началѣ похода, пока по пути заготовлено было сѣно и находились обильные кормы; но потомъ вставали гораздо ранѣе, чтобы имѣть возможность пораньше придти на ночлегъ и вовремя напасти вьючныхъ животныхъ.

ного рода запасовъ слѣдовали въ одномъ и томъ же ряду или ниткѣ.

При каждыхъ десяти верблюдахъ находилось по два киргиза; одинъ изъ нихъ ѣхалъ впереди, другой шелъ сбоку, погоняя заднихъ верблюдовъ и поправляя вьюки, и если приходилось остановить для того верблюда, то онъ отводился въ сторону, чтобъ не останавливать заднихъ верблюдовъ, а потомъ пристраивался къ хвосту своего ряда, если успѣвалъ; въ противномъ случаѣ слѣдовалъ въ аріергардѣ колонны до ночлега.

Къ каждому ряду приставлялись 6 конвойныхъ казаковъ для наблюденія за порядкомъ слѣдованія и для помощи верблюдовожатымъ. Впереди каждой нитки ѣхалъ передовой казакъ, для указанія своему ряду удобнѣйшаго пути; передовые казаки, по возможности, равнялись между собою.

Прочія войска размѣщались: въ авангардѣ, аріергардѣ и по бокамъ колонны. Аріергардъ имѣлъ обязанность принимать всѣхъ отсталыхъ; при немъ былъ: отрядъ казаковъ, часть лагернаго караула и часть верблюдовъ, назначенныхъ для подвоза пѣхоты, и порожнихъ для замѣна усталыхъ верблюдовъ. На становищѣ наблюдалось, чтобъ были кормъ, топливо и вода поближе.

Чтобы дать время попасти верблюдовъ, колонна останавливалась за $2^1/_2$ или 2 часа до захода солнца.

На пастьбу отводили верблюдовъ подъ надзоромъ $^1/_4$ части киргизовъ и казаковъ въ колоннѣ. Послѣдніе вмѣстѣ съ тѣмъ содержали бекеты вокругъ табуна, а также и вокругъ лагеря; остальные чины въ колоннѣ выравнивали въ лагерѣ ряды вьюковъ, разбивали кибитки, приготовляли топливо, подносили воду и проч., при чемъ дѣлалась также смѣна дежурнымъ карауламъ и прочимъ должностнымъ лицамъ.

Противъ каждаго фаса сложенныхъ вьюковъ становились по 2 и по 3 часовыхъ, которые должны были наблюдать также, чтобы не было воровства изъ вьюковъ, къ чему киргизы оказывали наклонность.

Казачьи бекеты (по 3 человѣка) располагались вокругъ лагеря на версту отъ него, наблюдая, чтобы никто не могъ прокрасться, не будучи ими замѣченъ, ни выйдти изъ лагеря.

Къ сумеркамъ приводили верблюдовъ съ пастбища и располагали ихъ для ночлега въ лагерѣ; офицеры дѣлали пере-

кличку людей, повѣрку лошадямъ и верблюдамъ, каждый своей части, и доносили о своихъ частяхъ начальнику колонны (5).

Первые дни была прекрасная осенняя погода, почти безъ вѣтра, при 4° Р. мороза; но 19-го задулъ сѣверо-восточный вѣтеръ, и термометръ спустился на 10°; 21 ноября выпалъ небольшой снѣгъ, а на другой день, съ приходомъ къ Илецкой Защитѣ, морозъ по утру былъ въ 18°, а къ вечеру 29°. Потомъ морозы и бураны были постоянными спутниками отряда.

Для многихъ, живщихъ постоянно въ теплыхъ домахъ, выѣзжавшихъ только на охоту или въ недальнюю дорогу, и потомъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ ѣзды, отогрѣвавшихся въ теплыхъ избахъ и гостинницахъ, за кипящимъ самоваромъ, эти холода первое время были невыносимы: походомъ, для ѣзды верхомъ, нельзя было одѣваться такъ тепло, какъ въ дорогѣ, слѣдовательно приходилось зябнуть; ночью обыкновенно морозъ усиливался; спать на мерзлой землѣ, покрытой войлокомъ, подъ войлочной кибиткой, хотя и закутавшись тулупомъ, было не менѣе холодно, какъ и днемъ. Обыкновенно закрывались съ ногъ до головы, чтобы не отморозить носа; но во время ночи, отъ испарины и дыханія, къ волосамъ головы и усамъ примерзали тулупы, такъ что первая забота, вставая, была оттаять образовавшійся на головѣ и усахъ ледъ и освободить примерзшіе къ тулупу волоса. Первыя ночи, съ непривычки, отъ стужи нельзя было заснуть; но потомъ привычка и природа взяли свое: морозы въ 15° и 20° Р. уже казались почти оттепелью, и, несмотря на нихъ, послѣ добрыхъ переходовъ и усталости, всѣ спали сномъ богатырскимъ. Впрочемъ, нѣкоторые изъ болѣе догадливыхъ и имѣвшихъ средства, во время дневки при Илецкой Защитѣ, подѣлали желѣзныя печки, и кибитки съ такими печами были благодѣяніемъ для отряда, потому что въ нихъ можно было не только отогрѣться, но написать необходимыя бумаги (6), или, повременамъ, побриться и перемѣнить

---

(5) Приводя здѣсь въ общихъ чертахъ первоначальныя правила о порядкѣ движенія и расположенія, необходимо замѣтить, что впослѣдствіи порядокъ движенія и расположенія измѣнялся согласно указаній опыта: онъ описанъ далѣе въ подробности.

(6) Впрочемъ, писать недолго пришлось обыкновенными чернилами, потому что они обратились въ ледъ: тогда писали или карандашемъ, или чернильнымъ порошкомъ, разведеннымъ на спиртѣ, но чернила эти были жидки и слишкомъ свѣтлы.

бѣлье (7). Такимъ образомъ, съ самаго начала похода, отряду пришлось немало терпѣть отъ холода.

24 ноября, всѣ четыре колонны соединились близъ Караваннаго озера; отсюда, послѣ двухдневнаго отдыха, 27 ноября, онѣ выступили вверхъ по правому берегу р. Илека, уступами или эшелонами, въ слѣдующемъ порядкѣ: колонна, ввѣренная генералъ-маіору Ціолковскому (бывшая первоначально четвертою), выступила ранѣе всѣхъ и приняла № 1; за нею шла колонна полковника Кузьминскаго (по прежнему № 2), потомъ генералъ-лейтенанта Толмачева, получившая № 3 (въ началѣ бывшая 1), и, наконецъ, главная колонна, ввѣренная полковнику Мансурову, смѣненному потомъ генералъ-маіоромъ Молоствовымъ, № 4 (бывшая 3 колонна).

Колонна за колонной должны были слѣдовать на четверть или на полперехода, придерживаясь этого разстоянія и на ночлегахъ, на которыхъ предписывалось колоннамъ пускать на пастьбу верблюдовъ и лошадей впереди своихъ становищъ, чтобы онѣ не смѣшивались съ пасущимся скотомъ другихъ колоннъ.

Согласно предположенію, всѣ колонны, при уроч. Тангры-Бергень, должны были перейдти на лѣвый берегъ р. Илека и сосредоточиться на вершинахъ этой рѣки, на уроч. Бишъ-Тамакъ (8).

Несмотря на то, что выпалъ снѣгъ и были постоянные морозы (отъ 11° до 20°), движеніе это совершено успѣшно: переходы дѣлались отъ 15 до 30 верстъ. Кормы по долинѣ Илека находились обильные и хотя частію закрывались снѣгомъ, но какъ онъ еще былъ неглубокъ, то не затруднялъ ни движенія обоза, ни пастбища; притомъ, лошадей и верблюдовъ подкарм-

---

(7) Въ бураны теплота въ кибиткахъ вовсе, впрочемъ, не держалась, и при 6^0 или 7^0 Р. буранъ казался несноснѣе мороза въ 30^0 при тихой погодѣ. Даже въ умѣренную погоду, т. е. при 9^0 или 10^0 Р. и тихой погодѣ (что, впрочемъ, бывало рѣдко), въ натопленной джуламѣ было, такъ сказать, два климата: теплый или умѣренный и холодный: въ верхней части джуламы, во время топки печки, термометръ показывалъ нѣсколько градусовъ тепла, а внизу было такъ же холодно, какъ и на октрытомъ воздухѣ. По прекращеніи топки, черезъ часъ или два, внутренняя теплота исчезала, и защищаться отъ стужи можно было ночью только теплой одеждой, а днемъ движеніемъ, также чаемъ и теплой кашицей.

(8) Урочище Бишъ-Тамакъ (въ переводѣ: пять рѣкъ Тамакъ) замѣчательно обиліемъ луговыхъ мѣстъ, такъ какъ здѣсь всѣ пять вершинъ Илека соединяются въ одно русло.

ливали сѣномъ, то закупаемымъ у киргизовъ, то заготовленнымъ заблаговременно. 4 и 5 декабря, пройдя 274½ версты отъ Оренбурга, колонны сосредоточились на Бишъ-Тамакѣ, урочищѣ, обильномъ кормами и частію топливомъ (9).

При движеніи долиною рѣки Илека, пересѣкаемой множествомъ выходящихъ къ этой рѣкѣ овраговъ и ручьевъ, все затрудненіе состояло въ переходѣ оныхъ: иногда случалось дѣлать кругу по нѣскольку верстъ, чтобъ найдти отложе спускъ или подъемъ, которые, по крутизнѣ, въ особенности были затруднительны для повозокъ, запряженныхъ верблюдами, еще мало привыкшими къ упряжной ѣздѣ. Впрочемъ, большихъ остановокъ въ походѣ не было, и только изрѣдка приходилось вытягиваться изъ широкаго фронта въ узкій, потому что не вездѣ можно было найдти удобныхъ, значительной ширины, спусковъ и подъемовъ чрезъ овраги. Особенно былъ затруднителенъ переходъ чрезъ р. Илекъ, при уроч. Тангры-Бергень, по причинѣ крутизны береговъ Илека и густоты растущаго на нихъ тальниковаго кустарника, между которымъ пришлось прокладывать дороги, что для верблюдовъ, съ громоздкими вьюками и повозокъ съ лодками, нерѣдко цѣплявшимися за сучья тальника, было необходимо.

Прежде описанія дальнѣйшаго движенія, необходимо ознакомиться съ устройствомъ походныхъ колоннъ, порядкомъ движенія и расположеніемъ ихъ на ночлегахъ.

Если бы возможно было двигаться по степи, не опасаясь никакихъ нападеній, ни угоновъ скота, то, безъ сомнѣнія, удобнѣе и успѣшнѣе всего было бы двигаться такъ, какъ ходятъ торговые караваны въ два или три ряда (10), и раздѣливъ отрядъ на нѣсколько малыхъ колоннъ, отъ 800 до 1,000 вер-

---

(9) На послѣднихъ переходахъ къ Бишъ-Тамаку рядовой № 5 баталіона бѣжалъ ночью (изъ лагерной цѣпи), бросивъ ружье, а впослѣдствіи, когда холодъ заставилъ его возвратиться, онъ укралъ ружье изъ другой колонны отряда и былъ представленъ встрѣтившимся съ нимъ разсыльнымъ-киргизомъ. Важность преступленія и необходимость строгаго примѣра для сохраненія дисциплины при предстоявшихъ трудностяхъ похода побудили генерала Перовскаго предать виновнаго всей строгости военныхъ законовъ, и, по приговору военнаго суда, означенный рядовой былъ, 1 декабря, разстрѣлянъ. Впослѣдствіи необходимость заставила (какъ объяснится далѣе) разстрѣлять еще двухъ киргизовъ, и затѣмъ подобныхъ случаевъ уже не бывало въ теченіе всего похода. *Прим. г. Голосова.*

(10) Впрочемъ, и торговые караваны, въ случаѣ опасности нападенія отъ хищниковъ, тоже стягиваются, идутъ широкимъ фронтомъ, т. е. въ гораздо большемъ числѣ нитокъ, рядомъ.

блюдовъ каждую, не заботясь о соблюденіи порядка, утромъ выступать кто какъ успѣетъ навьючить, прійдя же на ночлегъ стягиваться и становиться гдѣ кому покажется удобнѣе. Но въ такомъ случаѣ надобно было бы отказаться отъ управленія отрядомъ и отъ соблюденія всѣхъ военныхъ правилъ и предосторожностей.

Очевидно, такого рода движеніе невозможно отряду, идущему съ военною цѣлію, который долженъ быть готовъ во всякое время къ отраженію непріятеля, съ какой бы стороны и когда бы онъ ни показался, который долженъ идти такъ, чтобы можно было стать въ лагерь, удобный къ оборонѣ, безъ малѣйшей потери времени.

Надобно было придумать порядокъ движенія, сколь возможно соотвѣтствовавшій военной цѣли и въ то же время несложный. Онъ и былъ придуманъ офицерами генеральнаго штаба отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, при чемъ принято въ соображеніе, что отрядъ былъ сформированъ изъ войскъ, не бывавшихъ въ войнѣ, и сопровождаемъ огромнымъ обозомъ, въ которомъ находилось верблюдовожатыми болѣе 2,000 человѣкъ киргизовъ, сомнительной преданности, требовавшихъ надзора, не привыкшихъ къ нашему порядку и дисциплинѣ, не знавшихъ нашего языка, и что необходимо было заблаговременно пріучать отрядъ къ тому порядку движенія и расположенія лагеремъ, какой былъ бы необходимъ, приближаясь къ хивинскимъ владѣніямъ. Поэтому походъ вблизи отъ линіи долженъ былъ служить опытомъ и ученьемъ движенія и расположенія въ степи.

Для удобства управленія и надзора выгоднѣе было бы идти всему отряду вмѣстѣ; но движеніе и расположеніе въ степи отряда, при которомъ состояло болѣе 2,000 лошадей и 9,000 верблюдовъ, представляло слѣдующія неудобства:

1) Не вездѣ можно было найдти обширныя и хорошія пастбища, на становищахъ, для такого огромнаго количества скота, и топлива для людей.

2) На пастбищахъ пришлось бы слишкомъ далеко распускать скотъ, слѣдовательно и собирать его было бы долѣе и труднѣе, а какъ въ короткіе зимніе дни для подножнаго корма оставалось не болѣе двухъ или трехъ часовъ, то и нельзя было распускать скотъ слишкомъ далеко. Въ регулярныхъ войскахъ лошади въ полкахъ распредѣляются по мастямъ, что

даетъ большее удобство надзирать за ними во время пастьбы и собирать ихъ; но здѣсь, въ казачьихъ войскахъ, это никогда не соблюдается, а верблюдовъ еще труднѣе распознавать, по причинѣ почти одинаковаго цвѣта ихъ шерсти. Для обознанія ихъ придуманы были особыя деревянныя таблички, или лоскутки сукна, привѣшиваемые на грудь, на которыхъ посредствомъ надписей и цвѣта обозначалось, къ какому отдѣленію верблюдъ принадлежитъ и какого рода тяжести везетъ. Но эта предосторожность, къ сожалѣнію, впослѣдствіи не повела ни къ чему: киргизы срывали таблички и лоскутки, съ умысломъ, чтобы удобнѣе было перемѣняться верблюдами (на случай побѣга, и т. п. ([11]). Очевидно, что, при огромномъ множествѣ скота, пригонка его, переборка послѣ пастбища и отысканіе отнимали много времени.

3) Въ степи нѣтъ вовсе дорогъ. При переходѣ рытвинъ, овраговъ, рѣчекъ и рѣкъ, не всегда можно было идти широкимъ фронтомъ, и приходилось вытягиваться изъ нѣсколькихъ колоннъ въ одну, что останавливало каждую изъ нихъ иногда на нѣсколько часовъ и при раздѣленномъ на 4 колонны отрядѣ, а идя всѣмъ отрядомъ пришлось бы терять времени еще болѣе; но отъ такихъ остановокъ вьючный скотъ устаетъ, держа на себѣ вьюкъ, тогда какъ упряжный во время ихъ отдыхаетъ. Эти причины заставили раздѣлить отрядъ на части, и какъ извѣстно было, что непріятель нашъ не отличался своею воинственностію, мужествомъ и умѣньемъ вести войну, то такое раздѣленіе не влекло за собой большой опасности для колоннъ, изъ которыхъ четвертую, или главную (носившую потомъ опять № 3), имѣвшую при себѣ артиллерійскій паркъ, понтоны, суда и штабъ отряда, предположено было сдѣлать значительно сильнѣе прочихъ колоннъ.

По составу своему отрядъ сходствовалъ съ огромнымъ караваномъ или обозомъ, везшимъ съ собою боевыхъ запасовъ на весь походъ, продовольствія на 2 мѣсяца и множество другихъ принадлежностей, почему походное устройство его и расположеніе должно было приноровить къ порядку движенія и расположенія обозовъ, слѣдующихъ за арміями ([12]).

([11]) Для прекращенія частыхъ перемѣнъ верблюдовъ, принуждены были таврить ихъ во время похода.

([12]) Имѣя при себѣ обоза столько, что на каждаго воина приходилось по два верблюда, намъ нельзя было двигаться такъ, какъ, напримѣръ, Бонапарте двигался

При 10,000 почти верблюдахъ, изъ которыхъ до 500 были навьючены одними боевыми запасами, занимавшими въ походѣ до 50 саж. длины и 20 саж. ширины, у насъ было всего до 4,600 войска, отъ чего отрядъ нашъ имѣлъ видъ огромнаго каравана, подъ военнымъ прикрытіемъ, и былъ сверхъ того озабоченъ еще наблюденіемъ за 2,000 слишкомъ киргизскихъ верблюдовожатыхъ, на которыхъ, въ случаѣ нападенія хивинцевъ, вовсе нельзя было полагаться.

Опасеніе побѣга киргизовъ и желаніе доставить отряду болѣе оборонительной силы заставили принять для движенія и расположенія на становищахъ слѣдующій порядокъ:

Каждая колонна, разсчитавъ свои вьюки по родамъ продовольствія, раздѣляла ихъ на двѣ половины, *правую* и *львую*, и становила вьючныхъ верблюдовъ отъ 12 до 20 рядовъ, изъ которыхъ отъ 6 до 10 составляли правую половину колонны, а другіе 6 или 10 рядовъ лѣвую половину колонны. Два внѣшніе ряда каждой половины колонны должны были состоять изъ тюковъ громоздкихъ, могшихъ служить прикрытіемъ отъ ружейныхъ выстрѣловъ (напримѣръ, изъ сухарныхъ коробовъ, прессованнаго сѣна, кулей съ мукою и проч.); внутри между этими двумя половинами колонны шелъ артиллерійскій обозъ, имѣя отъ 4 до 10 рядовъ; за нимъ войсковой, церковный, канцелярія и штабный обозъ. Рядъ отъ ряда долженъ былъ идти шагахъ въ 6 или 8 и 10.

Каждая колонна высылала отъ себя авангардъ, аріергардъ (въ одну или въ половину сотни казаковъ) и боковые отряды (изъ четверти сотни казаковъ). Тѣ и другіе шли отъ колоннъ отъ 1 до 2 верстъ, высылая патрули въ стороны (отъ $^1/_4$ до 1 версты). Оставшіяся затѣмъ войска распредѣлялись при колоннахъ въ головѣ, въ хвостѣ и съ боковъ, имѣя при этомъ обязанностію поправлять вьюки и подымать упавшихъ верблюдовъ.

въ Египтѣ, окруживъ свой небольшой обозъ кареями (имѣя возможность подвозить продовольствіе и прочіе запасы по р. Нилу), или принять порядокъ, сходный съ тѣмъ, которому держатся въ Алжирѣ французы, гдѣ рѣдко случается отходить отъ своихъ складовъ далѣе 200 или 300 верстъ, слѣдовательно не приходится и брать съ собою большаго количества запасовъ. Такъ Бюжо, при движеніи предъ знаменитымъ сраженіемъ при Исли, отошелъ отъ укрѣпленнаго стана Лалла-Манія (гдѣ былъ у него складъ запасовъ, подвезенныхъ моремъ къ ближайшему оттуда порту), менѣе нежели на два перехода; поэтому у французовъ необходимый обозъ при 10,000 войска, занимая всего 150 саж. длины и 25 саж. ширины, могъ быть прикрытъ войсками, устроенными въ баталіонныя каре, отстоявшими одно отъ другаго на хорошій ружейный выстрѣлъ.

При такомъ порядкѣ движенія, самая большая колонна, № 4, состоявшая почти изъ 4,000 верблюдовъ, занимала на походѣ ширины отъ 120 до 250 шаговъ, а длины отъ 1,200 до 600 шаговъ, слѣдовательно, въ случаѣ нападенія, могла скоро приготовиться къ бою и дать отпоръ.

На ночлегахъ положено было колонны устраивать въ продолговатый четвероугольникъ, для построенія въ который изъ авангарда высылались топографы и разставляли въ надлежащихъ мѣстахъ назначенныхъ для этого казаковъ, для указанія каждому ряду, гдѣ ему становиться; казаками обозначились внѣшняя линія и главныя части лагеря, въ которомъ колонна располагалась такъ:

Съ приближеніемъ къ мѣсту становища, наружные два ряда верблюдовъ, каждой половины колонны (несшіе, какъ выше сказано, громоздкіе вьюки съ сухарями, мукою, прессованнымъ сѣномъ и т. е.), отдѣлялись отъ колонны, вправо и влѣво, и, для образованія внѣшней линіи лагеря, вытянувшись изъ двухъ въ одну линію, обходили около вызванныхъ впередъ на линію казаковъ такъ, что два ряда правой половины колонны составляли правую наружную сторону лагеря, съ прилежащими къ ней половинами передняго и задняго фасовъ, а два ряда лѣвой половины лѣвую сторону лагеря, съ прилежащими ей передней и задней половинами фасовъ, оставляя въ срединѣ между этими фасами проходъ шаговъ 30 шириною.

Тюки наружныхъ рядовъ клались чаще одинъ отъ другаго, нежели тюки прочихъ рядовъ; остальные затѣмъ вьюки правой и лѣвой стороны колонны клались внутри, параллельно правому и лѣвому фасамъ лагеря, шагахъ въ 30 отъ него. При такомъ порядкѣ расположенія, длина внѣшней линіи лагеря самой большой, или главной, колонны занимала около 600 шаговъ, ширина же около 400 шаговъ. Войска, артиллерійскій паркъ, штабный обозъ, верблюды, киргизы и проч. распредѣлены были въ ней слѣдующимъ порядкомъ ([13]):

Позади наружнаго ряда вьюковъ передняго фаса, шагахъ въ 30 отъ него, и противъ оставленнаго интервала между вьюками правой и лѣвой половинъ лагеря, стояли кибитки сотни уральскихъ казаковъ, по правой и лѣвой сторонѣ ихъ

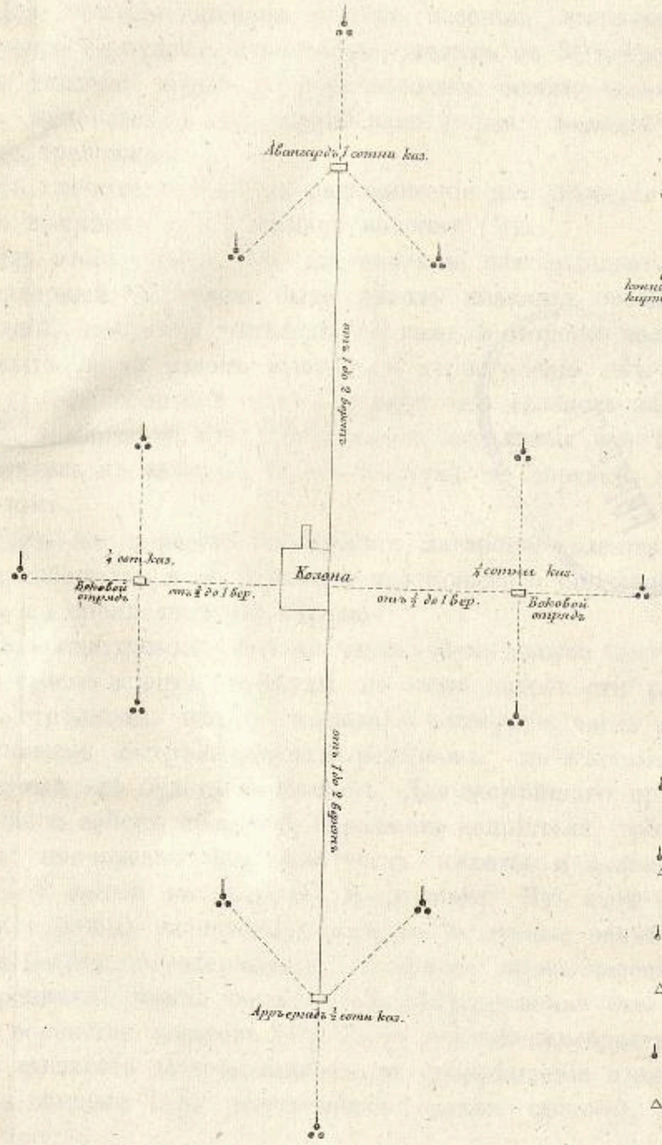
([13]) Мы здѣсь приводимъ для объясненія подробнаго расположенія колоннъ въ лагеряхъ только описаніе расположенія главной колонны, на томъ основаніи, что отдѣльныя же сбразомъ располагались и прочія.

по ротѣ пѣхоты; войсковыя тяжести тѣхъ и другихъ сложены были передъ кибитками въ линію, образуя родъ прикрытія, позади котораго ставились въ козлы пики и ружья; коновязи казаковъ были за кибитками. На заднемъ фасѣ противъ интервала же и шагахъ въ 30 позади наружныхъ вьюковъ становились лодки и понтоны, правѣе и лѣвѣе ихъ по ротѣ пѣхоты, имѣя вьюки и ружья также расположенными, какъ и въ переднемъ фасѣ; за лодками кибитки лодочной прислуги, за ними гурьевскіе казаки и артиллерійская прислуга четверть-пудовыхъ горныхъ единороговъ; за кибитками ихъ коновязи ихъ лошадей и потомъ артиллерійскихъ лошадей для горныхъ 10-фунтовыхъ единороговъ (которые для сбереженія лошадей везены были верблюдами на вьюкахъ). За правымъ фасомъ, въ такомъ же порядкѣ, располагались два эскадрона Оренбургскаго казачьяго полка, а за лѣвымъ фасомъ двѣ другія сотни казаковъ.

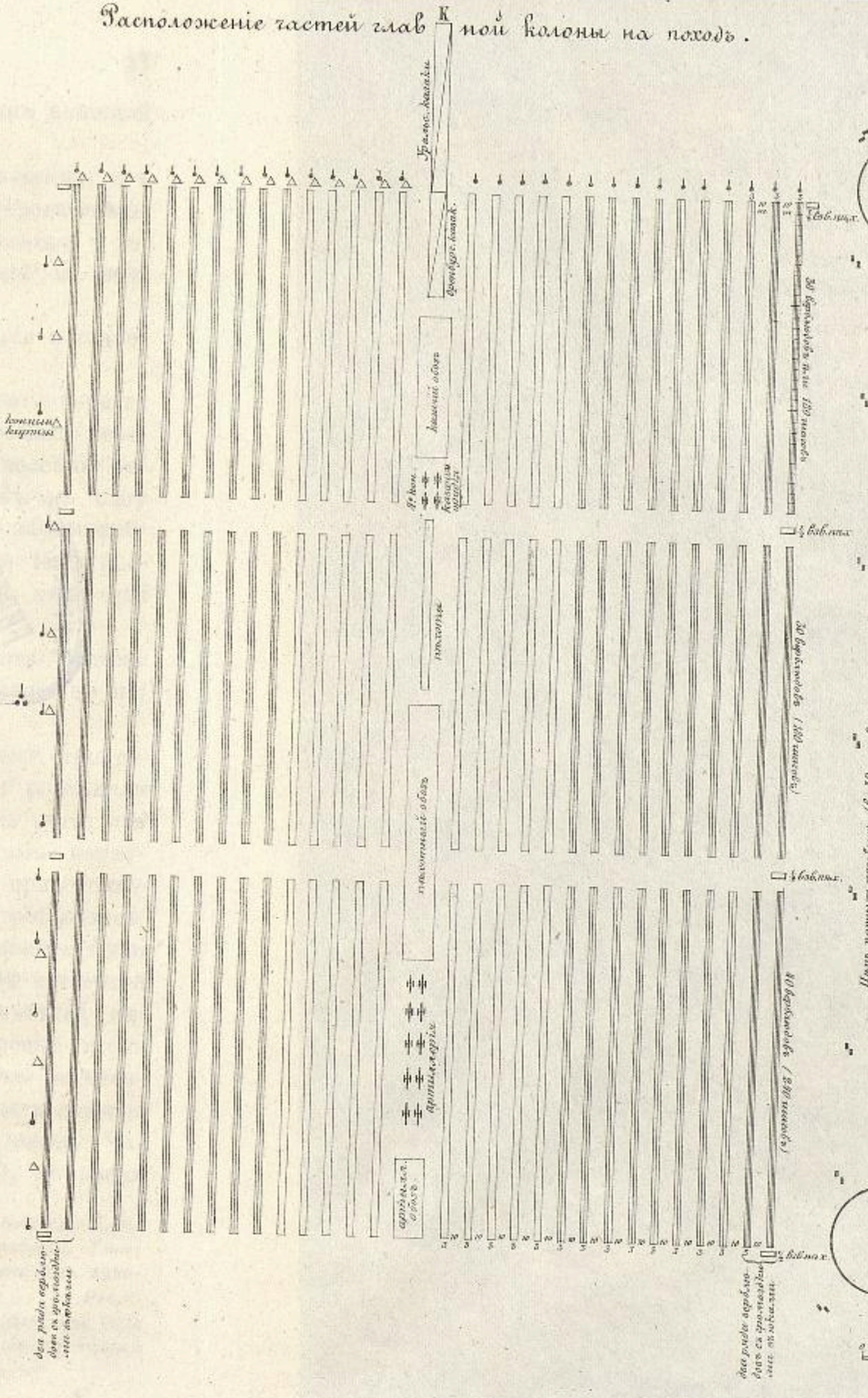
Затѣмъ въ срединѣ лагеря становились позади передняго фаса, шагахъ въ 15 отъ казачьей коновязи, кибитки для прислуги артиллерійскаго парка; за ними, шагахъ въ 35, артиллерійскій паркъ, занимая въ глубину 45 шаговъ, а въ ширину 120; за паркомъ, шагахъ въ 40, кибитка корпуснаго командира; за нею кибитка штабныхъ чиновниковъ; позади ихъ кибитки прислуги; за ними коновязь лошадей и обозъ корпуснаго командира, госпитальныя кибитки и церковный обозъ; далѣе маркитанты и наконецъ принадлежащіе къ колоннѣ верблюды и верблюдовожатые киргизы, занимая четвероугольникъ около 180 шаговъ въ сторонѣ. Такимъ образомъ, киргизы, въ случаѣ нападенія непріятеля или намѣренія убѣжать ночью изъ лагеря или возмутиться, не имѣли возможности выполнить этого намѣренія, находясь внутри лагеря и будучи окружены войсками.

На всѣхъ углахъ лагеря, позади внѣшнихъ вьюковъ, были караулы; на двухъ углахъ, въ діагональномъ направленіи, были поставлены орудія, и, для удобства обстрѣливанія обоихъ прилежащихъ фасовъ, вьюки впереди ихъ были выложены полукружіемъ; за орудіями становились кибитки артиллерійской прислуги. Улица между внѣшней линіей и прочими частями лагеря (какъ сказано, шаговъ въ 30 шириною) назначена была за тѣмъ, чтобы въ случаѣ нападенія можно было по ней перевозить орудія, куда надобность требуетъ, и разставить резервы

Общій видъ движенія каждой изъ колонъ.

Расположеніе частей главной колоны на походъ.

К
Кавал. капитан.
Фланговые взводы
Конный взводъ картечь
Конный взводъ картечь
Конный взводъ картечь

позади стрѣлковой цѣпи, расположенной за тюками внѣшней черты.

Для ночнаго времени парные часовые, высылаемые отъ угловыхъ карауловъ, становились шагахъ въ 30 впереди внѣшнихъ тюковъ; кромѣ того становились особые часовые у козелъ, коновязей и артиллерійскаго парка; лошадей на ночь всегда треножили.

Въ прочихъ колоннахъ расположеніе для движенія и становища примѣнялось къ главной колоннѣ (14).

Изъ этого видно, что для перехода изъ походнаго порядка въ лагерный не нужно было дѣлать никакихъ особыхъ перестроеній, исключая отдѣленія съ каждой стороны колонны наружныхъ двухъ рядовъ вьюковъ и перестроеніе ихъ въ одну нитку, для обводной черты лагеря, что дѣлалось заблаговременно, подходя къ мѣсту становища; остальныя всѣ части располагались въ лагеряхъ почти въ томъ же порядкѣ, какъ шли походомъ.

Тотъ же порядокъ построенія лагеремъ колонны должны были соблюдать и въ случаѣ непріятельскаго нападенія въ походѣ, во время движенія отряда.

Во время тревоги, каждая часть войскъ должна была строиться у своего фронта, караулы по мѣрѣ надобности разсыпали цѣпь стрѣлковъ, пѣхота посылала четвертую часть ротъ, для образованія застрѣльщичьихъ резервовъ, къ мѣстамъ карауловъ, или гдѣ будетъ надобность. Для скорѣйшаго приготовленія части войскъ на случай отраженія непріятеля, требовалось, чтобы поочередно четвертая часть пѣхоты и конницы были днемъ и ночью въ полномъ вооруженіи. Изъ этой четвертой части конницы назначались дневные и ночные разъѣзды, казачьи бекеты и содержались въ ночное время часовые вдоль внутреннихъ рядовъ тюковъ, для предохраненія отъ замѣченнаго воровства запасовъ (15), а въ случаѣ надобности должны были высылать застрѣльщиковъ на подкрѣпленіе пѣхоты. Часовые конные (при внутреннихъ рядахъ тюковъ), во время

---

(14) Чертежи для походнаго движенія и лагернаго расположенія составлены были, какъ сказано уже, генеральнаго штаба подполковникомъ Ивашинымъ. Генералъ-маіоръ Иванинъ, въ приложенныхъ къ статьѣ чертежахъ, находитъ нѣкоторыя измѣненія и отступленія отъ составленныхъ имъ чертежей. *Ред.*

(15) Отъ стужи и усиленныхъ работъ аппетитъ усиливался; казенная дача была для многихъ недостаточна, и попытки къ воровству продовольствія изъ тюковъ не только кирпизовъ, но и солдатъ, со дня на день увеличивались.

Ист.-Рев. Ин-т СССР БИБЛИОТЕКА

П. 3940

тревоги и нападенія, должны были оцѣплять мѣсто, гдѣ расположены киргизы и ихъ верблюды.

Если дурная дорога или снѣга, во время движенія колоннъ, заставляли съуживать колонну и идти меньшимъ числомъ рядовъ, то требовалось, чтобы ряды не перепутывались между собою, вытягивались съ праваго или лѣваго фланга поочередно, дабы, въ случаѣ надобности, въ скоромъ времени могли устроиться въ изложенный порядокъ, для удобства движенія и расположенія лагеремъ.

Но для предупрежденія нечаяннаго нападенія, при проходѣ дефилей, предписано было осматривать окрестныя мѣста и занимать войсками позиціи, могущія прикрыть прохожденіе транспорта чрезъ дефиле и, пройдя его, опять выстраиваться въ походный порядокъ.

Необходимыя измѣненія въ расположеніи и движеніи колоннъ, смотря по обстоятельствамъ, предоставлялись колоннымъ начальникамъ.

Разъѣзды отъ авангарда, аріергарда и боковыхъ патрулей, при расположеніи колонны на становищѣ, осматривали окрестную мѣстность и, возвратясь въ лагерь, доносили о томъ, что замѣчали. Съ тѣмъ вмѣстѣ, для охраненія скота во время пастьбища отъ угона, высылались конныя команды и учреждались казачьи бекеты, наблюдавшіе всѣ военныя предосторожности, необходимыя въ степи, по причинѣ наклонности киргизовъ къ воровству скота, особенно лошадей и верблюдовъ. Да притомъ еще получено было свѣдѣніе отъ 28 ноября, что хивинцы съ значительнымъ отрядомъ идутъ чрезъ Усть-Уртъ, съ тѣмъ, чтобы, соединясь у Каратамака (сѣверо-западнаго залива Аральскаго моря) съ преданными имъ киргизами, напасть на передовое укрѣпленіе при Акъ-Булакѣ, почему бдительность должно было усилить, такъ какъ могли быть отъ нихъ посланы партіи для угона лошадей и верблюдовъ отряда.

6 декабря былъ морозъ болѣе нежели въ 32° Р. (ртуть въ термометрахъ замерзла). Но эта стужа не помѣшала отряду, собранному при Бишъ-Тамакѣ и дневавшему здѣсь, помолиться подъ открытымъ небомъ за высокаго имянинника, Императора Николая I, и отпраздновать этотъ день пушечной пальбой, пѣснями и даже шампанскимъ. На другой день отрядъ двинулся далѣе; въ глубину киргизской степи.

Пока шли долиною р. Илека, множество стоговъ сѣна, вид-

нѣвшихся по берегамъ его, изрѣдка попадавшіяся плетневыя ограды, съ такими же крышами, служившія киргизамъ, зимовавшимъ по Илеку, для укрытія ихъ скота во время бурановъ, нѣкоторымъ образомъ напоминали войскамъ оставленную родину; но, удаляясь отъ долины Илека, и эти жалкіе признаки осѣдлости исчезли. Пока слѣдовали по Илеку до Бишъ-Тамака, несмотря на морозы, почти не чувствовались тягости похода: пастьба лошадей и верблюдовъ не затрудняла казаковъ, потому что на всякомъ переходѣ было сѣно, или купленное отъ киргизовъ, или везенное съ отрядомъ, или накошенное высланными въ теченіе лѣта командами. Вода вездѣ была въ изобиліи и хорошая, топливо въ достаточномъ количествѣ; мѣстами даже имѣли дрова, заготовленныя заботливостію корпуснаго командира, а это въ зимнемъ походѣ было благодѣяніемъ: не только можно было отогрѣться за огонькомъ и кашицей, но и напиться солдатамъ сбитню, а офицерамъ чаю, который сдѣлался въ походѣ истинною потребностію.

7 декабря, колонны, запасшись дровами и сѣномъ, заблаговременно здѣсь приготовленными, должны были направиться къ укрѣпленію на р. Эмбѣ, въ томъ же порядкѣ, какъ шли отъ Караваннаго озера, въ разстояніи одна отъ другой отъ 3 до 5 верстъ. Сначала онѣ должны были идти около 50 верстъ по ручью Исамбаю, составляющему одну изъ пяти вершинъ р. Илека, потомъ въ одинъ переходъ (около 20 верстъ) перешли къ вершинѣ р. Тыкъ-Темира. Долиною этой рѣки колонны шли около 60 верстъ; далѣе, оставивъ эту рѣчку при впаденіи ея въ р. Кульденекъ-Темиръ, черезъ два перехода (около 40 верстъ) вышли къ р. Эмбѣ при впаденіи въ нее р. Сага-Темиръ, а пройдя вдоль Эмбы около 30 верстъ, колонны достигли укрѣпленія, устроеннаго на Аты-Якши, притокѣ Эмбы.

Какъ колонны слѣдовали по одному и тому же пути, въ близкомъ одна отъ другой разстояніи, и подвергались однѣмъ и тѣмъ же непогодамъ, мѣстнымъ препятствіямъ и непріятностямъ степнаго зимняго похода, то описываемое здѣсь движеніе до Эмбы одной главной колонны (въ которой былъ веденъ походный журналъ) можно отнести и къ остальнымъ тремъ колоннамъ отряда.

Главная колонна (7 декабря) двинулась съ Бишъ-Тамака при 30° мороза, около 10 часовъ утра. Снѣгъ, затвердѣвшій отъ стужи, хрустѣлъ подъ ногами; взору не представлялись болѣе ку-

сты тальника: вдали виднѣлись только вершины холмовъ, покрытыхъ снѣгомъ, ярко освѣщенныя солнцемъ. Блескъ этотъ и тотъ же снѣжный цвѣтъ начинали утомлять зрѣніе. Едва колонна отошла 7 или 8 верстъ, какъ небо, около полудня, начало заволакиваться облаками, задулъ сѣверо-восточный вѣтеръ, внезапно поднялъ тучи снѣговой пыли и быстро перешелъ въ бурянъ. Тутъ отрядъ въ первый разъ узналъ, что такое степной буранъ.

За тучами снѣгу, которыя неслись по степи и покрыли все небо, нельзя было различать предметовъ и за 20 шаговъ. Къ счастію, вѣтеръ дулъ не совершенно прямо въ лицо: иначе при такой стужѣ перезнобился бы весь отрядъ. Сила бури была такъ велика, что нельзя было дышать стоя противъ вѣтра, потому что захватывало дыханіе; холодъ проникалъ до костей. Лошади и верблюды невольно отворачивались отъ вѣтра, сбились въ кучи и жались одни къ другимъ, стараясь укрыться отъ бури. Порядка при движеніи не возможно было соблюсти. Чтобы не растеряться въ этомъ снѣжномъ туманѣ, колонна немедленно стянулась и стала лагеремъ. Несмотря на то, что отъ холоду коченѣли руки, люди усердно принялись за работу.

Войска мигомъ разгребли снѣгъ, для постановки кибитокъ, поставили ихъ входомъ отъ вѣтра, пригребли къ кибиткамъ снѣгу, чтобы не поддувало подъ низъ (предосторожность, пригодившаяся только навремя, потому что черезъ нѣсколько часовъ нижнюю часть кибитокъ и безъ того занесло до половины снѣгомъ).

Обыкновенно, для сбереженія по возможности тепла, закутывали кибитки какъ можно плотнѣе; но это имѣло свои невыгоды: внутри кибитки было такъ темно, особенно если приходилось входить въ нее въ ясный день, что первыя двѣ, три минуты вошедшій въ нее ничего не видалъ, кромѣ горящей свѣчи; но и та казалась тусклою какъ въ туманѣ. При выходѣ изъ темной кибитки въ солнечный день, въ глазахъ чувствовалась боль, вслѣдствіе быстраго перехода отъ темноты къ яркому свѣту. Это, вѣроятно, и бываетъ причиною глазныхъ болѣзней, которыми къ веснѣ обыкновенно страдаютъ киргизы.

Между тѣмъ, были отряжены команды для ломки камыша и высокой полыни, по счастію случившихся при становищѣ, на кашицу, чай и отогрѣваніе окоченѣлыхъ членовъ, а кирги-

зы разгребали снѣгъ для своихъ верблюдовъ, чтобъ уложить ихъ на землѣ, а не на снѣгу. Верблюдъ легко переноситъ зной, жажду, голодъ и трудъ; но онъ не созданъ для перенесенія холода и сырости. Несмотря на то, что верблюды экспедиціи покрыты были войлоками, ихъ надобно было укладывать одного возлѣ другаго, на ночь, не на снѣгу, а на голой землѣ: иначе отъ растаявшаго подъ ними снѣга они получили бы на первыхъ же переходахъ простудныя болѣзни и не выдержали бы и третьей доли пути. Киргизы, зная уходъ за верблюдами, расчищали для нихъ мѣста съ подвѣтренной стороны кибитокъ, гдѣ укладывали ихъ тѣснѣе, одного возлѣ другаго. Въ такомъ положеніи верблюдъ, поджавши подъ себя ноги, скорчивши шею, наслаждался во время отдыха восточнымъ кейфомъ, пережевывая жвачку, если передъ тѣмъ удавалось часъ или два пощипать травы или получить нѣсколько клочковъ сѣна (16).

Буранъ бушевалъ всю ночь и притихъ на другой день въ три часа по полудни, что заставило сдѣлать невольную дневку и мерзнуть въ томительномъ бездѣйствіи. По словамъ киргизовъ, еслибъ передъ тѣмъ не затвердѣлъ отъ морозовъ снѣгъ, то буранъ могъ бы занести имъ кибитки доверху. Послѣ этого бурана снѣгу въ степи замѣтно прибавилось, и тутъ-то пришлось отряду почувствовать всю тягость степнаго зимняго похода, особенно при переходѣ овраговъ и лощинъ, занесенныхъ снѣгомъ. На пути до Эмбы тальнику почти не было, камыша мало, и для топлива нерѣдко приходилось изъ-подъ снѣгу вырывать корни травъ. Такъ какъ дни были короткіе, а по дорогѣ не было уже заготовленнаго сѣна, то необходимо было въ теченіе дня давать скоту часа два пощипать травы; но чтобы успѣть сдѣлать переходъ верстъ въ 20, надобно было выступать съ мѣста задолго до свѣта: подъемъ начинался часа въ два ночи, когда кашевары и деньщики должны были приготовить кашицу и чай, если только съ вечера заготовлено было топливо; но были и такіе дни, что, несмотря на стужу, приходилось выступать въ походъ, закусивши мерзлыхъ сухарей.

---

(16) Предполагалось поддерживать ихъ силы тѣстомъ, составленнымъ изъ муки, смѣшанной съ водой, бараньимъ саломъ и солью; но въ трескучіе морозы этого тѣста нельзя было ни дѣлать, ни давать верблюдамъ, потому что оно немедленно замерзало, и, притомъ, киргизы, заботясь болѣе о своихъ желудкахъ, нежели верблюжьихъ, предпочитали готовить для себя изъ этой муки салму (родъ малороссійскихъ галушекъ), а верблюды часто были только зрителями этого ужина. Естественно, что силы ихъ быстро должны были ослабѣвать.

потому что нечѣмъ было сварить каши. Какъ для варки пищи съ водою изъ снѣгу требовалось несравненно больше топлива и времени, чѣмъ для варки ея изъ воды, то старались останавливаться повозможности возлѣ воды. Часовъ около двухъ или трехъ утра били генералъ-маршъ, люди вставали, завтракали, потомъ, по пробитіи сбора около 5 или 6 часовъ, разсчитывались на разныя службы: одни убирали кибитки, увязывали ихъ и навьючивали на войсковыхъ верблюдовъ, другіе назначались на вьючку верблюдовъ, везшихъ походные запасы, третьи для ухода и укладки на сани больныхъ и проч. Все это дѣлалось впотьмахъ; иногда даже выступали до разсвѣта, чтобы придти на ночлегъ раньше и успѣть до захода солнца попасти верблюдовъ. Сначала солдатамъ нашимъ вьючка была незнакома и потому продолжалась три и четыре часа, особенно при 30° морозу и обледѣнѣлыхъ веревкахъ; но потомъ, когда они понаучились ей и когда побудили поощреніями и наградами киргизовъ отряда нашего помогать солдатамъ вьючить, то продолжалась не болѣе часу.

Жалобные крики множества верблюдовъ, при подъемѣ ихъ, ржаніе коней, звуки разныхъ языковъ и нарѣчій: киргизскаго, башкирскаго, уральскаго, чисто-русскаго, все это перемѣшивалось, сливалось вмѣстѣ и составляло дикій, нестройный шумъ, далеко раздававшійся въ степи. По мѣрѣ того, какъ верблюды навьючивались, ихъ подымали и вытягивали въ нитки, въ томъ порядкѣ, какъ они должны были слѣдовать походомъ. Въ то же время высылался авангардъ, аріергардъ и боковые отряды; авангардъ, согласно обязанности своей служить глазами колонны, имѣлъ назначеніемъ осматривать мѣста, гдѣ лучше идти отряду; а если случалось переходить оврагъ или лощину, занесенные снѣгомъ, то онъ еще долженъ былъ проѣхать взадъ и впередъ по одному и тому же мѣсту нѣсколько разъ, чтобы протоптать дорожки и тѣмъ облегчить движеніе вьючнымъ верблюдамъ. Пѣхота же, шедшая съ боку, должна была походомъ помогать поправлять вьюки, въ случаѣ если они ослабѣютъ или спустятся; но если вьюкъ совсѣмъ упадетъ или такъ ослабѣетъ, что для поправки его надобно положить верблюда, то его отводили въ сторону, и этотъ верблюдъ, послѣ навьючки казаками, обыкновенно, если не успѣвалъ стать въ хвостѣ своего ряда, поступалъ въ аріергардъ, имѣвшій обязанностію вести съ собою всѣхъ отставшихъ верблюдовъ; но бѣда тому верблюду, который падалъ дорогою

и отказывался идти далѣе: онъ оставлялся и, конечно, погибалъ (17).

Выше было сказано, что верблюды слѣдовали ниткой одинъ за другимъ. Во время движенія карановъ, чтобы верблюды не отставали, киргизы имѣютъ обыкновеніе бичевку, служащую къ управленію ихъ (которая привязывается къ деревянной палочкѣ, имѣющей головку и продѣтой сквозь носовой хрящъ животнаго), навертывать за сѣдло предъидущаго верблюда, но съ такой сноровкой, что бичевка можетъ только слегка натягиваться, а при усиленномъ напряженіи сама собою отъ сѣдла отвязывается: отъ этого если верблюдъ начиналъ отставать, то, чувствуя въ носу легкую боль, ускорялъ шагъ; если же случалось ему споткнуться и упасть, то веревка сама отцѣплялись отъ сѣдла, и верблюда только дергало за носъ, не причиняя другаго вреда. Но наши солдаты не знали этой сноровки, и чтобъ верблюдъ не отцѣплялся, они привязывали бичевку къ сѣдлу предъидущаго верблюда такъ крѣпко, что веревка не могла отцѣпляться, и потому если, по несчастію, верблюду случалось упасть, то или веревка рвалась пополамъ, или прорывала носъ верблюда (послѣднее случалось довольно часто): тогда жалко было видѣть этихъ несчастныхъ, трудолюбивыхъ животныхъ, слѣдовавшихъ за отрядомъ, съ рваными и окровавленными ноздрями.

Походомъ нерѣдко казаки затягивали пѣсни, пѣхота же то садилась на верблюдовъ, то шла пѣшкомъ; офицеры и чиновники, кому былъ досугъ, охотились за лисицами, волками и корсуками (зайцевъ почти не попадалось); слѣдовавшій при отрядѣ естествоиспытатель Леманъ собралъ на пути немало новыхъ экземпляровъ изъ числа степныхъ животныхъ, растеній и минераловъ; частные начальники, между тѣмъ, хлопотали о порядкѣ движенія колонны. Офицеры генеральнаго штаба, съ вожаками изъ киргизовъ, ѣхали впереди колоннъ и выбирали мѣста, гдѣ бы лучше провести колонны по бездорожью и удобнѣе остановиться для ночлега. Вожаки, зная мѣстность, несмотря на мятели и ночную иногда темноту, брали направленіе какъ по компасу и ни разу не сбивались съ надлежащаго пути. Пройдя верстъ 15 или 25, за часъ или за

(17) Чаще всего толпа жадныхъ и голодныхъ киргизовъ, какъ стая воронов, немедленно окружала несчастнаго страдальца и у живаго и еще трепещущаго начинали вырѣзывать себѣ куски мяса, для ужина, кому какой полюбится.

два до захода солнца, отрядъ останавливался; для лагеря выбиралось мѣсто, если было возможно, тамъ, гдѣ были камышъ, вода и подножный кормъ; но это случалось не всегда. Бывали такіе ночлеги, гдѣ вода замѣнялась снѣгомъ, камышъ корнями травъ, а подножный кормъ былъ покрытъ снѣгомъ, и тогда предстояла египетская работа: для каждаго верблюда разрывать по нѣскольку квадратныхъ саженъ снѣгу, чтобы подъ нимъ ему можно было найдти что нибудь для ужина. Для лошадей не нужна была эта работа, потому что степныя киргизскія лошади, привыкшія съ малолѣтства добывать себѣ кормъ зимою, разгребаютъ снѣгъ копытомъ лучше лопаты; но верблюдъ, по усталости отъ перехода подъ вьюкомъ и по несоотвѣтствующему для этой работы устройству его ступни, или же отъ непривычки, отказывался отъ такой трудной работы, и забота накормить его лежала на человѣкѣ, который завелъ его на суровый сѣверъ изъ теплаго, роднаго климата.

Какъ только колонна подходила къ мѣсту становища, ей уже были отведены на снѣгу квартиры; въ нѣсколько минутъ всѣми занимались свои мѣста и приступали къ работѣ: кто развьючивалъ верблюдовъ, кто разгребалъ снѣгъ для постановки верблюдовъ, кто высаживалъ съ повозокъ, укладывалъ въ кибитки и окутывалъ больныхъ и слабыхъ; кто отправлялся за водой и топливомъ; кто наряжался для караула вокругъ лагеря и для охраненія лошадей и верблюдовъ на пастбищѣ. Черезъ часъ или два вездѣ были костры, и кое-гдѣ грѣлись горячимъ чаемъ; между тѣмъ, наставали сумерки, лошади и верблюды сгонялись къ лагерю, послѣдніе укладывались спать, а первыя треножились на ночь и привязывались къ коновязямъ, гдѣ имъ давалась дача овса, а иногда фунтовъ по 5 или 10 сѣна.

До выхода въ степь, придумывали, изъ чего сдѣлать лошадямъ торбы, боясь, что холщевыя будутъ намерзать; суконныя поэтому казались удобнѣе, но послѣ опытъ показалъ, что съ выпадомъ снѣга можно вовсе обойдтись безъ торбъ: сыпали овесъ на голый снѣгъ подъ ноги лошадей, и онѣ выѣдали овесъ до зернышка.

Къ сумеркамъ обыкновенно пріѣзжали съ донесеніями изъ прочихъ колоннъ, такъ что каждый день въ главной колоннѣ узнавали о слѣдованіи, происшествіяхъ и состояніи колоннъ всего отряда.

Часу въ седьмомъ или восьмомъ вечера поспѣвалъ ужинъ:

каша съ бараниной или говядиной, а для больныхъ и слабыхъ иногда готовили щи изъ сушеной капусты и огурцовъ или супъ изъ бульона. Послѣ ужина говоръ умолкалъ, всѣ засыпали крѣпкимъ сномъ, даже иногда и часовые: холодъ и усталость дѣйствовали сильнѣе страха наказанія; необходимо было чаще повѣрять ихъ и побуждать къ бдительности, а потому, кромѣ рундовъ, цѣпь часовыхъ часто обходили ночью особо наряженные офицеры. Къ утру та же тревога, хлопоты, труды, заботы, то же однообразіе степи и жизни. Главныя новости, о которыхъ каждый спѣшилъ поскорѣе узнать, были: сколько градусовъ морозу, есть ли топливо, какова вода, каковъ переходъ; изрѣдка только оживлялся разговоръ, когда почтовый киргизъ о дву-конь ([18]) прискакивалъ съ бумагами изъ Оренбурга или изъ передовыхъ укрѣпленій.

Такъ проходилъ день за днемъ. Степь становилась все бѣднѣе водой, топливомъ, растительностію; тальникъ замѣнялся камышемъ, потомъ камышъ корешками, а морозы не уменьшались. При движеніи отъ Илецкой Защиты до укрѣпленія Эмбенскаго, съ 22 ноября по 21 декабря, только одинъ день былъ морозъ 9°, что всѣмъ показалось оттепелью; 8 дней стояли морозы отъ 10° до 15°, 6 дней отъ 15° до 20°, 6 дней отъ 20° до 25°, 5 дней отъ 25° до 30° и 3 дня выше 30° Р., и при такихъ морозахъ нерѣдко дулъ рѣзкій вѣтеръ, превращавшійся иногда въ буранъ. Глубина снѣга увеличивалась сугробами, наносимыми буранами, которые встрѣчались чаще и чаще; оттого движеніе отряда становилось день ото дня тяжелѣе.

Въ особенности затрудняла отрядъ перевозка больныхъ и 6-ти и 12-фунт. орудій, ибо колеса лазаретныхъ повозокъ и орудій глубоко врѣзывались въ снѣгъ; почему, для облегченія ихъ движенія, изъ имѣвшагося при отрядѣ запаснаго лѣса, устроили для орудій полозья, со станкомъ такой вышины, что, въ случаѣ надобности, на орудія (положенныя съ лафетомъ безъ колесъ на полозья) можно было надѣть опять колеса, потомъ, отвязавъ веревки, которыми лафетъ привязывался къ полозьямъ, и поднявъ хоботъ кверху, отодвинуть ору-

([18]) Киргизъ, съ почтою, обыкновенно беретъ въ путь двухъ лошадей; на одной изъ нихъ онъ самъ скачетъ, что есть духу, другую держитъ въ поводу. Желая дать отдыхъ своей лошади, онъ перескакиваетъ на другую и т. д. мѣняетъ лошадей, отчего онѣ, дѣйствительно, менѣе устаютъ. *Прим. г. Голосова.*

діе отъ станка полозьевъ, и черезъ четверть часа оно было готово къ бою (19).

По переходѣ колоннъ черезъ Оренбургскую линію, на всемъ пути до р. Эмбы, войска не видѣли ни одного киргизскаго аула, и только за переходъ до Эмбенскаго укрѣпленія показались въ сторонѣ нѣсколько кибитокъ киргизовъ назаровскаго рода, при которыхъ паслись огромные табуны лошадей и стада барановъ.

Пользуясь этимъ случаемъ, для отряда (чрезъ маркитанта Зайчикова) закуплено было отъ назаровцевъ для мясныхъ порцій 1,000 барановъ, а для смѣны ослабѣвшихъ верблюдовъ нѣсколько свѣжихъ верблюдовъ.

Наконецъ, послѣ труднаго перехода долиною р. Эмбы, по которой, по причинѣ глубокаго снѣга, надобно было идти только въ 6 или 8 рядовъ, отрядъ 19 декабря прибылъ благополучно къ Эмбенскому укрѣпленію, гдѣ уже засталъ отрядъ полковника Бизянова, прибывшій съ Нижне-уральской линіи (20) еще 9 декабря.

До Эмбенскаго укрѣпленія, всего отъ Оренбурга 472 версты, отрядъ шелъ 32 дня, и на всемъ этомъ пути замерзшихъ не было, но поверхностныхъ ознобовъ лица, рукъ и ногъ было уже немало.

---

(19) Такого устройства полозья придуманы и сработаны были на походѣ казачьей конной № 6 батареи подпоручикомъ Левашевымъ.

(20) Выше уже было замѣчено, что два уральскихъ полка, для избѣжанія излишняго передвиженія къ Оренбургу, предполагалось отправить съ Нижне-уральской линіи прямо на р. Эмбу. И, дѣйствительно, полковникъ Бизяновъ, съ 4 и 5 полками уральскихъ казаковъ, между 16 и 18 ноября, въ кр. Калмыковской переправился черезъ р. Уралъ, а 19 ноября выступилъ въ походъ и направился къ р. Уилу. Дорога до р. Уила шла большею частію солонцами, и хотя въ кормахъ недостатка не было, но воды въ колодцахъ по этому пути вездѣ мало, и то солоноватая. 22 ноября, колонна, перейдя р. Уилъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣчка эта поворачиваетъ на югъ, въ озеро Каракуль (имѣющее до 20 саж. длины и глубины мѣстами до 7 фут., дно его глинисто и топко), колонна слѣдовала по лѣвому берегу рѣки Уила, по мѣстности частію песчано-бугристой, частію же волнообразной, не лишенной подножнаго корма, но скудной прѣсною водой. 26 ноября отрядъ полковника Бизянова перешелъ широкую рѣку Янгильды, 30 ноября миновалъ устье р. Аще-Уилъ (впадающей въ р. Уилъ); отсюда отрядъ слѣдовалъ степью, держась на востокъ, пересѣкъ нѣсколько вершинъ ручьевъ, впадающихъ въ рѣку Сагизъ; 3 декабря дневалъ, а 4 декабря вновь выступилъ въ походъ, и въ этотъ же день выпалъ первый здѣсь снѣгъ. Слѣдуя все на востокъ, отрядъ полковника Бизянова 9 декабря прибылъ на р. Эмбу.

ГЛАВА VI.

Пребываніе главнаго отряда въ Эмбенскомъ укрѣпленіи. — Перевозка больныхъ изъ передняго Акъ-Булакскаго укрѣпленія въ Эмбенское. — Нападеніе хивинцевъ на Акъ-Булакское укрѣпленіе и на транспортъ штабсъ-капитана Ерофѣева. — Возмущеніе верблюдовожатыхъ въ отрядѣ. — Сожженіе хивинскими лазутчиками нашихъ судовъ съ продовольствіемъ у Прорвинскихъ острововъ. — Прибытіе къ отряду султана-правителя западной части орды. — Занятія и состояніе главнаго отряда предъ дальнѣйшимъ выступленіемъ къ Хивѣ.

Всѣ четыре колонны расположились отдѣльными лагерями вокругъ укрѣпленія, на разстояніи отъ него отъ $^1/_2$ до 1 версты. Какъ кормъ подножный вблизи укрѣпленія былъ вытравленъ, то верблюдовъ принуждены были отогнать на лучшія пастбища, верстъ за 25; да притомъ и самому отряду необходимо было остановиться при укрѣпленіи на нѣсколько дней для отдыха и чтобы приготовиться къ пути еще болѣе трудному, отобрать слабыхъ и негодныхъ для дальняго похода верблюдовъ, а для большаго сбереженія силъ этихъ животныхъ уменьшить вьюки, сдѣлавъ ихъ не болѣе 4 или 5 пудовъ въ каждомъ; ибо прежніе вьюки въ 6 и 7 пудовъ, составляя грузъ въ 12 и 14 пудовъ, по причинѣ упадка силъ у верблюдовъ и увеличившейся трудности пути, отъ глубокаго снѣгу и безкормицы, оказались для нихъ ношей довольно тяжелой. Необходимо было также выждать прибытія верблюдовъ, шедшихъ на рѣку Эмбу на перемѣну изнуренныхъ, осмотрѣть артиллерійскіе снаряды, исправить оружіе, пересыпать во вьюки хранившійся въ укрѣпленіи провіянтъ и приготовить средства для перевозки больныхъ, во время слѣдованія къ Хивѣ, что составляло одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ. До Эмбы везли ихъ, хотя и съ трудомъ, частію на повозкахъ, частію на саняхъ; но далѣе глубина снѣгу, рытвины, крутой подъемъ на Усть-Уртъ, совершенное бездорожье, неизвѣстность, на колесахъ или на саняхъ придется ихъ везти, потому что въ этихъ мѣстахъ послѣ сильной стужи вдругъ настаетъ оттепель, которая уничтожаетъ весь снѣгъ въ нѣсколько дней, все это заставило предпочесть перевозку больныхъ на вьюкахъ, а не на повозкахъ. Но какъ устроить вьюки для больныхъ?

Въ Египтѣ и въ Алжирѣ, гдѣ надобно принимать мѣры только противъ зноя, устройство вьюковъ было легко. Въ еги-

петскомъ походѣ Бонапарте, для возки больныхъ, на вьюкахъ устроены были ящики, и какъ по величинѣ верблюда нельзя дѣлать ящиковъ длиннѣе $1^3/_4$ или 2 аршина, то, чтобы больные не мучились, во время 8 или 10-часоваго перехода, лежа скорчивши ноги въ ящикахъ, стѣнка ящика, которая была у ногъ, устроивалась на петляхъ и могла отворачиваться, если больному хотѣлось вытянуть ноги.

Въ позднѣйшихъ степныхъ походахъ своихъ въ Алжирѣ французы возятъ больныхъ на мулахъ, устраивая на сѣдлахъ родъ стульевъ со спинками и привязывая къ нимъ больныхъ. Намъ нельзя было употребить ни того, ни другаго способа, потому что больные, при сильныхъ морозахъ и буранахъ, перемерзились бы всѣ на одномъ переходѣ. Оставалось одно средство: сдѣлать для больныхъ родъ коекъ, длиною до 2 аршинъ, наполнить ихъ травой, сѣномъ и шерстью и, обтянувъ войлокомъ, класть въ нихъ больныхъ, закутавши какъ можно лучше, для предохраненія отъ холода. Хотя въ такихъ койкахъ, которыхъ заготовили до ста ([21]), лежать было не совсѣмъ покойно, но за то ни одинъ больной не отморозилъ рукъ и ногъ. Верблюдовъ для больныхъ выбирали самыхъ надежныхъ и навьючивали на верблюда по двѣ койки. Для ближайшаго присмотра за больными во время движенія, укладки ихъ въ койки и обратно изъ коекъ въ кибитки, и ухода за ними, при постоянныхъ трудахъ, заботѣ и непріятностяхъ похода, нуженъ былъ человѣкъ, который бы соединялъ въ себѣ самоотверженіе и неутомимость съ искреннимъ человѣколюбіемъ. Къ счастію больныхъ, такой человѣкъ нашелся въ отрядѣ и много облегчилъ ихъ страданіе: это былъ извѣстный нашъ путешественникъ, отставной ротмистръ Чихачевъ, который получилъ дозволеніе состоять при отрядѣ съ тѣмъ, чтобы, по прибытіи въ Хиву, отправиться оттуда для обзора вершинъ рѣкъ Сыръ и Аму-Дарьи, горъ Памира и потомъ чрезъ Тибетъ и Индію возвратиться въ Россію. Чтобы не быть праздными при отрядѣ, онъ выпросилъ себѣ порученіе надзирать за больными и выполнялъ это, по свидѣтельству участниковъ похода, съ самоотверженіемъ, несмотря на стужу, усталость и трудность похода.

([21]) Койки эти дѣлались подъ надзоромъ коллежскаго совѣтника В. Даля (извѣстнаго писателя). Вся переписка съ министерствами велась также этимъ чиновникомъ, рукою котораго написаны и всѣ черновыя бумаги съ похода.

Прим. г. Голосова.

Согласно предположенію, при дальнѣйшемъ слѣдованіи къ Хивѣ должно было упразднить укрѣпленіе, устроенное на Акъ-Булакѣ, а находившіеся въ немъ запасы забрать съ отрядомъ, при его движеніи чрезъ укрѣпленіе; больныхъ же, слабыхъ и часть тяжестей, которыхъ нельзя было взять съ собою при движеиіи впередъ, перевезти въ Эмбенское укрѣпленіе. Для выполненія этого предположенія, за нѣсколько дней еще до выступленія главной колонны въ укрѣпленіе Эмбенское, посланы были къ Акъ-Булаку, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Ерофѣева, 40 повозокъ и 230 верблюдовъ, съ небольшимъ, для прикрытія, отрядомъ (изъ неполной роты въ 140 чел. и 70 конныхъ казаковъ).

Во все время движенія отряда отъ линіи до Эмбенскаго укрѣпленія не только не было никакихъ непріятельскихъ нападеній ни отъ кайсаковъ, ни отъ хивинцевъ, но даже и вблизи не видѣли непріятеля. Хотя и были слухи о сборѣ значительныхъ силъ хивинцевъ то на Сыръ-Дарьѣ ([22]), то на уроч. Каратамакѣ (заливъ на сѣверо-западномъ берегу Аральскаго моря), но какъ эти слухи распространялись почти въ теченіе полугода, то имъ наконецъ перестали вѣрить. Вдругъ неожиданно (во время расположенія уже отряда при Эмбенскомъ укрѣпленіи) получено было отъ начальника Акъ-Булакскаго укрѣпленія донесеніе о нападеніи хивинцевъ.

Они появились близъ Акъ-Булакскаго укрѣпленія 18 декабря, въ 7 часовъ утра, въ числѣ отъ 2,000 до 3,000, съ юго-западной стороны, и, подъѣхавши крупной рысью, версты за полторы или двѣ остановились, а лучшіе наѣздники, преимущественно изъ туркменъ, отдѣлились отъ толпы и бросились на пикетъ, стоявшій въ верстѣ отъ укрѣпленія; но пикетъ успѣлъ сняться вовремя и отступилъ въ крѣпость. Между тѣмъ, конные хивинцы раздѣлились на нѣсколько частей и напали въ одно время на укрѣпленіе съ восточной и сѣверной стороны. Къ счастію, въ укрѣпленіи еще наканунѣ изъ предо-

---

([22]) Такъ, между прочимъ, горный инженеръ-капитанъ Ковалевскій (шедшій тогда въ Бухару) изъ песковъ Барсуки увѣдомлялъ, что, по извѣстіямъ, привезеннымъ однимъ киргизомъ изъ Хивы, Джангазы, пожалованный титуломъ хана западныхъ (отъ Хивы) киргизовъ (подобно тому, какъ Менембай еще до того назначенъ ханомъ восточныхъ (отъ Хивы же) киргизовъ, идетъ съ своею ордою и 300 хивинцевъ съ береговъ Сыръ-Дарьи, по сѣверному берегу Аральскаго моря, къ Чушка-Кульскому укрѣпленію на р. Акъ-Булакѣ, гдѣ долженъ около 25 ноября соединиться съ самимъ ханомъ хивинскимъ, для совокупнаго нападенія на русскихъ.

Прим. г. Гологова.

сторожности сдѣлана была тревога, люди разсчитаны по мѣстамъ, офицерамъ назначены части укрѣпленія, которыя они должны были защищать; поэтому, при неожиданномъ нападеніи хивинцевъ, не было ни малѣйшаго замѣшательства. Въ укрѣпленіи здоровыхъ всего было 130 человѣкъ нижнихъ чиновъ; но въ минуту опасности больные (которыхъ было 164 человѣка), кто только могъ подняться съ постели, взялись за оружіе и усилили гарнизонъ. Ружейный огонь и дѣйствіе артиллеріи, управляемой двумя горными офицерами, случайно попавшими предъ тѣмъ въ укрѣпленіе (капитаномъ Ковалевскимъ и поручикомъ Гернъ-Гросомъ (23), отразили хивинцевъ съ значительнымъ для нихъ урономъ. Несмотря на то, они до самой ночи продолжали неудачныя нападенія, собираясь въ новыя толпы, внѣ пушечнаго огня, послѣ каждаго отраженія, и кидались вновь на укрѣпленіе, производя ружейный огонь, но безъ всякаго вреда гарнизону. Замѣтивъ потомъ, что съ западной стороны укрѣпленія, противъ входа въ него, стояли скирды сѣна, хивинцы нѣсколько разъ пытались подбѣгать къ нимъ, вѣроятно въ намѣреніи ворваться изъ-за нихъ въ укрѣпленіе, но всякій разъ были отбиваемы охотниками изъ пѣхоты и казаковъ; наконецъ хотѣли ночью зажечь сѣно, подкрадываясь къ нему, но и въ этомъ не имѣли успѣха.

На другой день непріятель, замѣтя, что со стороны бывшаго близъ укрѣпленія Солонца нѣтъ орудія, напали на укрѣпленіе и съ этой стороны; но въ теченіе ночи успѣли устроить тамъ барбетъ, а во время нападенія перевезли на него орудіе и картечью отразили хивинцевъ. Послѣ этой неудачи они отступили версты за три и построились въ одну толпу по значкамъ (коихъ изъ укрѣпленія замѣтили всего 5), и тогда, узнавъ, вѣроятно, посредствомъ разъѣзда (24), что верстахъ въ 20 отъ

---

(23) Офицеры эти, какъ уже сказано въ 1 главѣ, посланы были, за нѣсколько недѣль до выступленія хивинскаго отряда изъ Оренбурга, въ Бухару, съ бухарскимъ караваномъ, для геологическихъ изслѣдованій и особенно отысканія золотой руды въ горномъ участкѣ Бухаріи, о чемъ просилъ бухарскій ханъ. Приближаясь къ р. Сыръ-Дарьѣ, бухарскій караванъ встрѣченъ былъ хивинскимъ отрядомъ. Капитанъ Ковалевскій, видя, что начальникъ хивинскаго отряда наблюдаетъ за нимъ, давъ замѣтить, что считаетъ его своимъ плѣнникомъ, и желая избавиться отъ угрожавшей ему неволи, рѣшился вмѣстѣ съ поручикомъ Гернъ-Гросомъ и вѣрнымъ вожакомъ изъ киргизовъ, бѣжать, 21 ноября. Онъ благополучно достигъ Акъ-Булакскаго укрѣпленія за нѣсколько недѣль до нападенія на него хивинцевъ, проскакавъ въ три дня болѣе 300 верстъ. *Прим. г. Голосова.*

(24) А скорѣе всего чрезъ киргиза, посланнаго изъ отряда въ передовое укрѣп-

укрѣпленія двигается небольшой нашъ отрядъ, хивинцы рѣшились истребить оный. Это былъ тотъ самый транспортъ, который посланъ для перевозки больныхъ и излишнихъ тяжестей изъ Акъ-Булакскаго укрѣпленія на рѣку Эмбу и въ тотъ день находившійся за переходъ до укрѣпленія. Не зная вовсе о близости непріятеля и потому не ожидая нападенія, отрядъ этотъ, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Ерофѣева, передъ вечеромъ расположился въ 17 верстахъ отъ Акъ-Булака на становище, распустилъ на пастбище бывшихъ съ нимъ лошадей и верблюдовъ и занялся копаніемъ корешковъ для варки каши и постановкою кибитокъ. Вдругъ изъ-за возвышеній показываются хивинскіе всадники, которые, впрочемъ, вмѣсто того, чтобы напасть на отрядъ врасплохъ и истребить его, бросились въ табунъ и начали отгонять лошадей и верблюдовъ нашего отряда. Это дало время приготовиться къ оборонѣ. Немедленно изъ повозокъ, кибитокъ, тюковъ составленъ былъ родъ завала, за которымъ засѣлъ небольшой отрядъ нашъ и рѣшился встрѣтить непріятеля ружейнымъ огнемъ. Вскорѣ послѣдовали нападенія то конной, то пѣшей толпы хивинцевъ; но всякій разъ они были отражаемы. Между тѣмъ, настала ночь, во время которой хивинцы пытались подползать къ нашему становищу; но ихъ прогоняли штыками и ружейнымъ огнемъ. Во время ночи, однакожь, стрѣлки хивинскіе успѣли съ четырехъ сторонъ, и саженяхъ въ 50 отъ лагеря, выкопать ямы, устроить родъ прикрытій, изъ земли и снѣгу, и, засѣвъ въ нихъ, съ утромъ начали оттуда стрѣлять по отряду штабсъ-капитана Ерофѣева. Къ счастію, при отрядѣ осталась большая часть верблюдовъ, которыхъ не успѣлъ отогнать непріятель; ихъ подняли на ноги, закрылись ими съ трехъ сторонъ, а съ четвертой, откуда причинялось болѣе вреда, сдѣлали вылазку и прогнали непріятеля штыками, потомъ такимъ же образомъ прогнали его изъ прочихъ закрытій. Видя безуспѣшность открытыхъ нападеній и потерю отъ мѣткаго ружейнаго огня, хивинцы, собравъ захваченныхъ лошадей и верблюдовъ, погнали ихъ передъ собою на наше становище, въ намѣреніи, прикрывшись верблюдами и лошадьми, безъ потери приблизиться къ отряду. Но штабсъ-капитанъ Ерофѣевъ, замѣтя это, отрядилъ 25 человѣкъ стрѣлковъ въ сторону отъ укрѣпленія, приказавъ расположиться такъ,

---

леніе, котораго хивинцы успѣли захватить и умертвили, послѣ жестокихъ истязаній.

Прим. г. Голосова.

чтобы верблюды и лошади не закрывали непріятеля. Это было исполнено: мѣткій огонь стрѣлковъ привелъ непріятеля въ замѣшательство; между тѣмъ, изъ-за вала сдѣлана была вылазка, и непріятель прогнанъ съ урономъ, не только не успѣвъ по обычаю увезти своихъ убитыхъ, но и потерявъ часть отбитыхъ у насъ верблюдовъ и лошадей. Видя большую потерю въ людяхъ, безуспѣшность своихъ нападеній на укрѣпленіе и слабость отряда Ерофѣева, хивинцы рѣшились попробовать послѣднее средство: удалившись на нѣкоторое разстояніе, они устроились въ толпу, а двое изъ нихъ, подскакавъ на ружейный выстрѣлъ къ нашему становищу, начали уговаривать бывшихъ въ отрядѣ киргизовъ и татаръ перейдти къ нимъ, какъ одновѣрцамъ, обѣщая награжденіе и милость, въ противномъ же случаѣ угрожая мщеніемъ. Но ружейные выстрѣлы заставили ускакать этихъ храбрецовъ. За ними послѣдовала вся толпа хивинцевъ, и послѣ о нихъ не было долгое время никакого слуху. Впослѣдствіи только узнали, что аргамаки ихъ отъ холоду большею частію погибли, а вмѣстѣ съ ними гибли и ихъ всадники, такъ что изъ всей 2 или 3-тысячной толпы этой, бывшей подъ начальствомъ самаго кушъ-беги (хивинскаго военнаго министра), обѣщавшаго хану предъ выступленіемъ изъ Хивы весь русскій отрядъ привести плѣннымъ, едва половина достигла родины, въ самомъ жалкомъ видѣ.

Во время нападеній хивинцевъ на Акъ-Булакъ, въ укрѣпленіи не было ни одного убитаго и раненаго; въ отрядѣ же штабсъ-капитана Ерофѣева убито: 5 чел. ([25]), ранено 13 чел., угнано непріятелемъ 31 лошадь и 41 верблюдъ; убито 4 лошади и 17 верблюдовъ. Вся потеря хивинцевъ въ бою неизвѣстна; но въ окрестностяхъ отъ Акъ-Булакскаго укрѣпленія и мѣста, гдѣ было нападеніе на нашъ транспортъ, найдено до 80 тѣлъ.

Хотя внушенія и угрозы хивинцевъ не произвели ни малѣйшаго вліянія на бывшихъ при отрядѣ Ерофѣева киргизовъ, видѣвшихъ трусость и пораженіе хивинскаго войска, но ложные слухи, посѣянные хивинцами между степными киргизами о многочисленности ихъ силъ, о присоединеніи будто бы къ нимъ коканскаго войска, угрозы хивинскаго хана, религіозный фа-

---

([25]) Въ числѣ убитыхъ показанъ и попавшійся въ плѣнъ рядовой, тирански измученный хивинцами. Найденный трупъ его былъ обожженъ, колѣни проколоты и сквозь нихъ протянута была бичевка.

натизмъ, внушаемый лазутчиками, какъ между степными, такъ и бывшими при главномъ отрядѣ киргизами, которымъ самое пораженіе хивинцевъ было выставляемо лазутчиками въ видѣ побѣды надъ русскими, все это взволновало ихъ до того, что киргизы, бывшіе при верблюдахъ отряда, во время сборовъ къ выступленію, толпою человѣкъ въ 200 собрались въ одно утро и объявили положительно, что они далѣе не хотятъ идти. Несмотря на сдѣланныя имъ увѣщанія, толпа не только не расходилась, но безпрестанно увеличивались, съ криками и угрозами.

Чтобы не остаться среди снѣжной пустыни, въ 500 верстахъ отъ линіи, безъ всякихъ средствъ двинуться куда бы то ни было, пришлось принять рѣшительныя мѣры: генералъ-адъютантъ Перовскій велѣлъ немедленно окружить буйную толпу войскомъ и объяснилъ киргизамъ, что онъ выступилъ въ походъ по волѣ Государя Императора, что посему всякій находящійся въ отрядѣ долженъ слѣпо повиноваться приказаніямъ, въ противномъ случаѣ, какъ ослушникъ воли царской, будетъ примѣрно наказанъ; потомъ приказалъ, чтобы всѣ благомыслящіе отдѣлились отъ безразсудныхъ киргизовъ и стали на указанное имъ мѣсто. Мало по малу толпа начала рѣдѣть, киргизы одинъ за другимъ переходили къ указанному мѣсту; но 7 человѣкъ упорно оставались и объявили рѣшительно, что не пойдутъ далѣе. Тогда генералъ Перовскій, для примѣра другимъ, велѣлъ тутъ же на мѣстѣ разстрѣлять двухъ главныхъ зачинщиковъ, при видѣ чего остальные пять бросились на колѣни, просили пощады, слагая вину на казненныхъ и обѣщая впредь во всемъ повиноваться безпрекословно.

Не вездѣ, однакожъ, вліяніе хивинцевъ на киргизовъ было такъ легко и скоро уничтожено, какъ то объяснится ниже.

Во время пребыванія главнаго отряда на р. Эмбѣ, получено было донесеніе, что провіянтъ, отправленный въ Ново-Александровское укрѣпленіе въ октябрѣ мѣсяцѣ (2,500 четвертей муки и 250 четв. крупъ), для продовольствія гарнизона, и на 2 мѣсяца въ запасъ для отряда, шедшаго въ Хиву, за противными вѣтрами задержанный до глубокой осени въ морѣ, не прибылъ по назначенію, потому что суда (5 купеческихъ и 5 казенныхъ) были затерты льдомъ, нѣкоторыя въ виду укрѣпленія, а другія верстахъ во ста отъ Гурьева, близъ Прорвинскихъ острововъ; два же изъ нихъ возвратились въ Астрахань, претерпѣвъ

значительныя поврежденія и потерявъ часть груза, брошеннаго по необходимости въ море.

По полученіи этого донесенія, тотчасъ было предложено астраханскому военному губернатору заготовить 1,500 четвертей сухарей, съ соразмѣрнымъ числомъ крупъ, и отправить въ Ново-Александровское укрѣпленіе, часть сухимъ путемъ, а остальное продовольствіе при первой навигаціи. Коменданту же Ново-Александровскаго укрѣпленія приказано принять мѣры къ выгрузкѣ провіянта и сохраненію тѣхъ судовъ, которыя замерзли близъ укрѣпленія.

Суда, ставшія близъ укрѣпленія Ново-Александровскаго, были спасены и провіянтъ выгруженъ; но суда, затертыя льдомъ близъ Прорвинскаго поста, были созжены подосланными хивинцами, киргизами и туркменами, которые потомъ обратили свои враждебныя дѣйствія и противъ киргизовъ, мирно кочевавшихъ близъ Ново-Александровскаго укрѣпленія, разграбили ихъ имущество, угнали скотъ и угрожали тою же участію всѣмъ мирнымъ и преданнымъ Россіи киргизамъ. Эти угрозы имѣли свое дѣйствіе и, какъ увидимъ ниже, остановили доставку свѣжихъ верблюдовъ въ то время, когда отрядъ въ нихъ болѣе всего нуждался.

Во время пребыванія отряда на р. Эмбѣ, присоединился къ нему султанъ-правитель западной части орды, подполковникъ Айчуваковъ а чрезъ нѣсколько дней прибыли къ Айчувакову около двухсотъ кайсаковъ, которые могли быть съ пользою употреблены для развѣдокъ, разъѣздовъ и посылокъ.

Какъ Эмбенское укрѣпленіе, съ упраздненіемъ при дальнѣйшемъ движеніи Акъ-Булакскаго, должно было составить нашъ ближайшій къ Хивѣ складъ запасовъ (опорный пунктъ), то, прежде описанія дальнѣйшихъ дѣйствій отряда, необходимо нѣсколько распространиться о состояніи въ это время Эмбенскаго укрѣпленія и войскъ хивинской экспедиціи, дабы яснѣе видѣть средства, остававшіяся для нанесенія Хивѣ окончательнаго удара. Въ передовыхъ укрѣпленіяхъ нашихъ, несмотря на здоровую пищу (какъ уже замѣчено въ IV главѣ), было 168 человѣкъ, страдавшихъ горячками, поносами, водяною и въ особенности цынгою. Послѣднюю болѣзнь надобно приписать преимущественно продолжительному пребыванію гарнизона въ землянкахъ, строеніяхъ, неизбѣжныхъ въ степи, по совершенному недостатку лѣса.

Для облегченія больныхъ, генералъ-адъютантъ Перовскій, по прибытіи на р. Эмбу, приказалъ часть больныхъ вывести изъ землянокъ въ кибитки, несмотря на стужу. Больные были большею частію пѣхотные линейные солдаты, не привыкшіе къ трудностямъ походной жизни; казаковъ заболѣвающихъ было очень мало. Въ обоихъ укрѣпленіямъ, со времени основанія ихъ, умерло 93 человѣка; къ этому надобно прибавить, что между киргизами распространилась оспа, и заболѣвавшихъ оспою также помѣстили въ укрѣпленіе, а для сбереженія здоровья войскъ сообщеніе съ гарнизономъ и больными оспою киргизами по возможности было прекращено.

Несмотря на хорошую пищу (по фунту въ день на человѣка мяса и на приварокъ баранье и свиное сало), отъ непривычки къ походамъ солдатъ, со времени выступленія главнаго отряда изъ Оренбурга, больныхъ въ четырехъ колоннахъ было 652, изъ нихъ выздоровѣло 392, возвращено въ Оренбургъ 24, умерло 34 человѣка; затѣмъ больныхъ къ 1-му января 1840 года при отрядѣ состояло 202 человѣка. Простуда была главная и почти неизбѣжная въ этомъ походѣ болѣзнь: послѣ труднаго перехода по глубокому снѣгу, работы при вьючкѣ и развьючкѣ верблюдовъ, рытья снѣгу для добыванія топлива, и проч., или же отъ усталости на походѣ, вспотѣвшіе солдаты садились походомъ на верблюдовъ или, придя на ночлегъ, ложились спать, а другіе становились на часы; при этомъ испарина останавливалась, и если по неосторожности люди худо закутывались или же когда наставалъ буранъ, то естественно, что многіе изъ нихъ получали простудныя болѣзни.

Леченіе больныхъ, одержимыхъ большею частію простудными болѣзнями, при морозахъ и на открытомъ воздухѣ, было невозможно, потому что потогонныя и другія подобныя средства вовсе не могли быть употребляемы: заболѣвшіе большею частію умирали скоропостижно.

Строевыхъ лошадей пало всего 8, что надобно приписать благоразумнымъ мѣрамъ, принятымъ для сбереженія ихъ. Всѣ лошади покрыты были теплыми попонами, получали ежедневную дачу овса отъ 2 до 4 гарнцевъ; артиллерійскія лошади еще лучше были сбережены, потому что на походѣ замѣнялись упряжными верблюдами. Но изъ верблюдовъ почти пятая часть оказалась неблагонадежными для дальнѣйшаго пути; притомъ, такъ какъ производился передъ походомъ огромный сборъ

верблюдовъ отъ киргизовъ, небывалый и поспѣшный, то при наборѣ не соблюдена была достаточная разборчивость, а отъ этого часть верблюдовъ доставлена слабосильныхъ ([26]).

Недостаточность корма и трудность зимняго похода способствовали еще большему ихъ изнуренію и смертности.

Для вознагражденія потерь въ верблюдахъ, приняты были мѣры къ отобранію менѣе нужнымъ вещей и оставленію ихъ на Эмбѣ. Офицерамъ было также приказано брать съ собою въ Хиву самое необходимое.

По мѣрѣ приготовленія вьюковъ съ облегченнымъ грузомъ, пересмотра артиллерійскихъ зарядовъ, устройства коекъ для больныхъ и вообще изготовленія и сформированія колоннъ къ походу, ихъ отправляли изъ укрѣпленія. Первая колонна, подъ начальствомъ уральскаго войска полковника Бизянова, выступила 31 декабря; за нею впослѣдствіи выступали и прочія колонны, подъ начальствомъ: 2-я полковника Кузьминскаго, 3-я (теперь опять главная) генералъ-маіора Ціолковскаго и 4-я полковника Геке.

Колонны слѣдовали эшелонами, одна за другой. (Послѣдняя выступила 16 января.)

Пользуясь тѣмъ, рѣшено было передавать изъ колонны въ колонну больныхъ Акъ-Булакскаго укрѣпленія, которыхъ, равно какъ и всѣхъ больныхъ отряда, положено оставить въ Эмбенскомъ укрѣпленіи, а Акъ-Булакское упразднить.

Въ числѣ занятій (до времени окончанія приготовленій къ дальнѣйшему движенію) въ укрѣпленіи Эмбенскомъ были: а)

([26]) Это было причиною большихъ задержекъ въ походѣ отъ усталости ихъ, паденія и перевьючки грузовъ на другихъ верблюдовъ. Задержки въ пути были еще отъ слѣдующей причины: для облегченія пѣхоты, отдѣлялась для нея часть свободныхъ верблюдовъ; нѣкоторымъ уставшимъ солдатамъ дозволялось ѣхать. Но не привыкшіе къ обращенію съ верблюдами солдаты не могли взлѣзать на нихъ, какъ киргизы это дѣлаютъ, въ стоячемъ положеніи верблюда, и должны были отводить его въ сторону, укладывать на снѣгъ и потомъ подымать, на что терялось много времени, а верблюды, отъ частаго укладыванія на снѣгъ и подыманія ихъ во время переходовъ и неизбѣжныхъ при такихъ случаяхъ побояхъ, утомлялись и заболѣвали. Притомъ опытъ показалъ, что хотя ноша двухъ солдатъ на верблюда и не составляла большаго груза, но при этомъ заднему солдату приходилось сидѣть надъ задней кочкой (горбомъ) верблюда, при чемъ, отъ сильной качки, сумой солдата набивался горбъ животнаго, которое чрезъ то дѣлалось негоднымъ для носки вьюка. *Зам. генералъ-маіора Иванина.*

При новомъ опытѣ перевозки пѣхоты на верблюдахъ въ 1860 году, сразу приступлено было къ испытанію особыхъ креселъ, привѣшенныхъ по бокамъ верблюжьяго сѣдла. *Прим. г. Голосова.*

ученіе подаванія ночныхъ сигналовъ, посредствомъ вспышекъ пороху и т. п., и потому впослѣдствіи, несмотря на довольно сильную вьюгу, всѣ приказанія въ колонны и отвѣты отъ нихъ получались съ совершенной точностію; б) дѣлались ученія съ боевыми зарядами изъ орудій, и в) произведенъ опытъ взрыва минъ подъ водою, гальваническимъ приборомъ, при морозѣ градусовъ въ 15. Послѣдній опытъ былъ такъ удаченъ, что положенный надъ миной, на льду р. Аты-Якши, издохшій верблюдъ, разлетѣлся на мелкіе куски, ледъ взломало саженъ на 15 въ стороны, при чемъ изъ-подъ льда выбросило десятка два огромный величины рыбъ (сазановъ). Послѣднее обстоятельство навело уральскихъ казаковъ на мысль заняться въ рѣкахъ Эмбѣ и Аты-Якши рыбною ловлею, оказавшеюся довольно удачною.

Во время стоянки при Аты-Якши, постановлена была походная церковь, близъ укрѣпленія и, несмотря на морозы и работы, во время служенія, посѣщалась набожными воинами ([27]).

ГЛАВА VII.

Движеніе главнаго отряда къ Акъ-Булакскому укрѣпленію. — Поискъ полковника Бизянова съ генеральнаго штаба штабсъ-капитаномъ Рехенбергомъ и небольшимъ отрядомъ на Усть-Уртѣ. — Захватъ въ плѣнъ корнета Антова. Трудности движенія къ Акъ-Булакскому укрѣпленію (и сравненіе онаго съ переходомъ русскихъ войскъ чрезъ Ботническій заливъ). — Причины, побудившія къ обратному движенію главнаго отряда отъ Акъ-Булака къ Эмбенскому укрѣпленію

Когда всѣ необходимыя приготовленія къ дальнѣйшему походу были кончены, выступила и послѣдняя колонна, 16 января. Свѣдѣнія, отъ передовыхъ колоннъ и отъ киргизовъ полученныя, были неутѣшительны. Глубокіе снѣга завалили дорогу—явленіе здѣсь почти необыкновенное: ежегодно кирги-

---

([27]) 6 января, при 10^0 Р. мороза и тихой погодѣ, на р. Аты-Якши производилось водоосвященіе, на особо устроенномъ для того мѣстѣ. Священникъ, въ бѣлой атласной ризѣ, которая, при блескѣ снѣга и отраженіи солнечныхъ лучей, казалась сіяющею, въ сопровожденіи множества присутствовавшихъ у обѣдни, изъ церкви направился на іордань, для совершенія обряда, и воды Аты-Якши въ первый разъ освятились погруженіемъ св. креста.

зы, въ осень, съ вершинъ р. Илека перекочевываютъ за Эмбу, потому что здѣсь всегда бывали и зима умѣренная, и снѣга не-глубокіе; въ этотъ же годъ вышло противное. Обстоятельство это было причиною чрезвычайныхъ трудностей, встрѣченныхъ отрядомъ при движеніи впередъ. Разстояніе отъ Эмбенскаго укрѣпленія до Акъ-Булака (зимнимъ, кратчайшимъ путемъ), всего 160 верстъ, пройдено было колоннами болѣе, нежели въ 15 дней; несмотря на то, потеря въ верблюдахъ была чрезвычайна и съ каждымъ днемъ возрастала.

Выступивъ за линію, отрядъ имѣлъ около 10,400 верблюдовъ. Изъ Эмбенскаго укрѣпленія отрядъ, съ 2-мѣсячнымъ продовольствіемъ для людей и съ дачею по 1 гарнцу въ день овса на лошадь на то же время, съ трудомъ поднялся на 8,900 верблюдахъ, а на Акъ-Булакѣ (т. е. еще не пройдя и половины пути до Хивы) годныхъ для подъема тяжестей верблюдовъ оказалось всего 5,188; изъ остальныхъ, совсѣмъ изнуренныхъ на переходѣ отъ Эмбы къ Акъ-Булаку, пало 1,200 верблюдовъ, а прочіе изъ приставшихъ такъ ослабѣли, что за негодностію были брошены на походѣ.

Для облегченія пути верблюдамъ старались проложить имъ утоптанныя дорожки, для чего колонны шли всего въ 4 и рѣдко въ 8 рядовъ; сверхъ того, впереди вьючныхъ верблюдовъ шла конница и прологала тропинки, а въ глубокихъ мѣстахъ конницѣ приходилось проѣзжать нѣсколько разъ взадъ и впередъ по одной и той же тропѣ, чтобъ протоптать дорожки, способныя для хода верблюдовъ; мѣстами даже разчищали путь лопатками, и, несмотря на то, верблюды падали безпрестанно, останавливая ходъ колоннъ. При этомъ для перевьючки останавливались, и люди, утопая въ снѣгу по колѣно, а мѣстами и по поясъ, приходили въ изнеможеніе; верблюды же, упавши, рѣдко вставали. Для обхода ихъ приходилось протаптывать или прочищать новыя дорожки. Артиллерію повезли уже на лошадяхъ, а повременамъ изъ снѣгу вытаскивали ее и на людяхъ.

Неизвѣстно, отъ солонцеватости ли здѣшней мѣстности, или отъ предшествовавшихъ оттепелей, свойство снѣгу было здѣсь необыкновенно: въ однихъ мѣстахъ поверхность снѣгу была мягкая, какъ и вездѣ у насъ, и легко подавалась отъ давленія копыть или колесъ, въ другихъ, напротивъ, была почти такъ тверда, какъ ледъ; лошади, верблюды, даже 12-фунт. орудія

держались на поверхности снѣга, но нерѣдко вдругъ проваливались, отъ чего вытаскиваніе верблюдовъ, саней, повозокъ и артиллеріи, равно движеніе верблюдовъ по такимъ мѣстамъ сопряжено было съ чрезвычайными трудностями. Верблюды и лошади подрѣзывали себѣ ноги и оттого въ иные дни проходили не болѣе 4 верстъ, оставляя на мѣстѣ упавшихъ верблюдовъ и свалившіеся тюки. Въ бураны же теперь не было никакой возможности двигаться: такъ, въ первые четыре дня, выступившая впередъ колонна за буранами прошла всего 20 верстъ, бросивъ по пути, за невозможностію везти, множество саней и колесныхъ повозокъ, которыя послѣдующими тремя колоннами употреблялись на топливо и для варки пищи.

Послѣ такихъ трудныхъ переходовъ и стужи, необходимо было животнымъ подкрѣпленіе пищею; но скудная степь была занесена снѣгомъ, а на солонцахъ еще менѣе было корму. Лошадямъ еще можно было ежедневно давать по гарнцу овса и фунтовъ по пяти сѣна; но накормить сѣномъ до 8,000 верблюдовъ не было никакой возможности; имъ давали, однако, въ день фунтовъ по пяти сѣна ([28]).

Ко всему этому прибавить надобно, что морозы были въ это время въ 15 и 20° Р. и, несмотря на привычку къ нимъ и теплую одежду, приводили въ оцѣпенѣніе члены и отымали способность работать, а работы, производя испарину, утомленіе и глубокій сонъ, были причиною простудъ.

Первыя 80 верстъ колонны шли вдоль лѣваго берега р. Аты-Якши и по ручью Талысай, потомъ вступили на солонцы, которые зимою отъ морозовъ закрѣпли и выдерживали тяжесть лошадей, верблюдовъ и орудій; лѣтомъ же, въ засухи, лошади погружались въ нихъ по щетку, колеса повозокъ съ кладью врѣзывались почти на четверть; во время дождя или весною переходъ черезъ нихъ былъ бы невозможенъ. Солонцы эти идутъ до Чушка-Куля на 80 верстъ. Ихъ пересѣкаютъ два хребта

([28]) По невозможности развѣшивать при этомъ сѣно для каждаго верблюда, разбрасывали назначенное въ дачу количество сѣна по снѣгу, и пока это разбрасываніе производилось, голодныхъ верблюдовъ едва можно было удержать. Когда ихъ допускали къ сѣну, то они съ жадностію бросались на раскиданное сѣно, опережая одинъ другаго, и черезъ нѣсколько минутъ не оставалось ни малѣйшихъ признаковъ, гдѣ лежалъ кормъ: все до былинки было подобрано.

горъ: Бакгиръ ([29]) и Али, по которымъ есть подъемы и спуски, удобные для повозокъ; но на всемъ протяженіи этихъ солонцовъ хорошая вода въ нѣсколькихъ обильныхъ родникахъ находится только на скатахъ горы Али; подножный кормъ на всемъ пространствѣ солонцовъ скуденъ. По причинѣ морозовъ, снѣгу и по недостатку топлива, колонны перешли это пространство солонцовъ въ 6 или 7 дней, испытавъ вышеизложенныя затрудненія.

Генералъ-адъютантъ Перовскій, остававшійся съ легкимъ отрядомъ въ Эмбенскомъ укрѣпленіи, для ускоренія выступленія послѣдней колонны и обезпеченія положенія оставляемыхъ въ укрѣпленіи больныхъ, выѣхалъ оттуда 17 января, осмотрѣлъ проѣздомъ слѣдовавшія колонны и отправился впередъ, чтобы сдѣлать необходимыя распоряженія въ Акъ-Булакѣ къ дальнѣйшему слѣдованію. Прибывъ туда, немедленно отрядилъ онъ уральскаго войска полковника Бизянова и генеральнаго штаба штабсъ-капитана Рехенберга, съ 150 уральскими казаками, при одномъ 3-фунтовомъ орудіи, для развѣдыванія впереди путей и отысканія удобнаго всхода на Усть-Уртъ. Отрядъ этотъ, пройдя около 120 верстъ по предлежавшему пути къ Хивѣ, на восьмой день возвратился, при чемъ оказалось, что снѣгъ впереди верстъ на сто до подъема на Усть-Уртъ еще глубже, что кормы и топливо (кустарникъ) занесены снѣгомъ и что мѣстами съ трудомъ можно пройти даже на лошадяхъ. На Усть-Уртѣ, по которому отрядъ полковника Бизянова прошелъ верстъ 20, снѣгу оказалось менѣе, чѣмъ внизу, но также необыкновенно много, и снѣгъ былъ мягче и рыхлѣе; слѣдовъ непріятеля нигдѣ не открыто, изъ чего съ вѣроятностію можно было заключить, что хивинцы, по причинѣ необыкновенной суровости зимы, возвратились домой.

Въ то же время произошло слѣдующее неблагопріятное для отряда событіе: служившій въ оренбургской пограничной коммиссіи корнетъ Аитовъ еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ посланъ былъ для сбора верблюдовъ у киргизовъ, между низовьемъ Урала и Ново-Александровскимъ укрѣпленіемъ. Этими верблюдами, какъ выше сказано, предположено было поднять продовольствіе, долженствовавшее прибыть водою къ Ново-Александровскому укрѣпленію, и направить ихъ немедленно къ главному от-

---

([29]) Бакгиръ, по киргизски, мѣдь. Бакгиръ-тау — мѣдныя горы. Изъ этого названія полагаютъ, что здѣсь есть мѣдная руда.

ряду, чтобы замѣнить ими верблюдовъ павшихъ и слабыхъ. Аитовъ, съ собранными имъ 538 верблюдами ([30]), шелъ уже къ Эмбенскому укрѣпленію; но возчики верблюдовъ, изъ адаевцевъ, исыкцевъ и бершевцевъ, по внушенію хивинцевъ, 8 января связали Аитова и повезли его въ Хиву, а верблюдовъ возвратили въ аулы. Одинъ изъ возчиковъ, преданный нашему правительству, успѣлъ бѣжать и донесъ о случившемся. Итакъ, надежда на полученіе свѣжихъ верблюдовъ и на доставленіе изъ Ново-Александровска двухмѣсячныхъ запасовъ продовольствія разрушилась отъ непредвидѣнныхъ причинъ. Не довольствуясь задержаніемъ Аитова, враждебные туркмены и киргизы адаевскаго рода, въ числѣ 200 человѣкъ, сожгли стоявшіе близъ Прорвинскаго поста двѣнадцать рыболовныхъ судовъ, сдѣлали нападеніе на самый постъ, но были отбиты и разсыпались по камышамъ, успѣвъ, однакожь, отогнать пасшихся тамъ 1,300 барановъ, принадлежавшихъ нашимъ торговцамъ.

Отрядъ, между тѣмъ, подвигался далѣе къ Акъ-Булаку, и третья, или главная колонна, при которой слѣдовалъ артиллерійскій паркъ, прибыла на Акъ-Булакъ 25 января 1840 года, на шестнадцатый день послѣ выступленія изъ Эмбенскаго укрѣпленія. Несмотря на то, что этой колоннѣ предшествовали двѣ переднія колонны и что она выступила всего шестью днями послѣ второй колонны, ей пришлось мѣстами пролагать себѣ совершенно новый путь, потому что тропинки переднихъ колоннъ занесены были снѣгомъ. Только повременамъ можно было видѣть путь переднихъ колоннъ по снѣговымъ столбамъ, въ ростъ человѣка, которые уральскіе казаки первой колонны насыпали въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, и по лагернымъ мѣстамъ первой и второй колоннъ, которыя обозначались кучами снѣгу, взрытаго для укладки верблюдовъ и постановки кибитокъ, да по оставленнымъ обезсилѣвшимъ верблюдамъ, или же по замерзшимъ ихъ трупамъ, частію занесеннымъ снѣгомъ, частію объѣденнымъ хищными звѣрями.

Третья колонна, имѣвшая при себѣ болѣе всего тяжестей, верблюдовъ и артиллеріи, испытала въ пути и болѣе трудностей, и притомъ такихъ, которыя въ состояніи перенести только русское войско.

([30]) Сбору большаго числа верблюдовъ воспрепятствовали лазутчики Хивинскаго ханства, о которыхъ упомянуто было выше.

Если переходъ черезъ гору Симплонъ 12-тысячнаго отряда Макдональда въ 1800 году, по всей справедливости, считается образцовымъ, по необыкновеннымъ усиліямъ и трудамъ, перенесеннымъ французами во время трехдневной бури, засыпавшей снѣгомъ почти на протяженіи 30 верстъ дорогу, которую пришлось имъ протаптывать быками и разчищать рабочими, а орудія мѣстами переносить на рукахъ, то съ чѣмъ сравнить терпѣніе, постоянство, усердіе и дисциплину нашихъ войскъ, перенесшихъ несравненно большія трудности на переходѣ по глубокому снѣгу отъ Эмбы къ Акъ-Булаку, при трескучихъ морозахъ и сильныхъ буранахъ, на пространствѣ 160 верстъ и въ теченіе полумѣсяца времени?

Войска отряда, несмотря на трудность похода, считали несчастіемъ своимъ, не встрѣчая долго непріятеля, томились бездѣйствіемъ, кипѣли рвеніемъ встрѣтиться съ врагомъ, завидовали акъ-булакскому гарнизону и отряду штабсъ-капитана Ерофѣева, отразившихъ нападенія хивинцевъ, и вовсе не почли бы въ тягость сражаться на походѣ.

И потому, сравнивая хивинскій походъ 1839 года съ переходомъ въ Швецію нашихъ войскъ по льду Балтійскаго моря (31)

---

(31) Въ 1808 году, когда императоръ Александръ I приказалъ двинуться войскамъ въ Швецію, отважное это движеніе было совершено тоже зимою, въ трескучіе морозы, по льду Балтійскаго моря, который одной бурей могъ быть взломанъ, и неустрашимая армія была бы въ одно мгновеніе поглощена моремъ. Движеніе это въ Швецію было совершено тремя путями: 1) изъ Або на Аландскіе острова и оттуда на шведскій берегъ, къ Гриссельгаму, 2) изъ Вазы, черезъ проливъ Кваркенъ, въ Умео, и 3) изъ Улеаборга, чрезъ Торнео, въ Улео, частію Ботническимъ заливомъ, частію вокругъ него. 1) Въ первомъ изъ этихъ предпріятій, 17,000-й нашъ корпусъ, подъ начальствомъ князя Багратіона, снабженный всѣмъ необходимымъ въ Або, со множествомъ саней, съ припасами и дровами, совершилъ движеніе чрезъ проливы къ Большому Аланду всего въ три дня и занялъ Аландскіе острова съ бою. Далѣе же къ берегу Швеціи отсюда ходилъ только легкій авангардъ нашъ подъ начальствомъ Кульнева, преслѣдуя шведовъ и исполнивъ это движеніе (около 50 верстъ) въ $1^1/_2$ сутокъ. Такая быстрота показываетъ, что самый путь по льду не представлялъ большихъ затрудненій. 2) Барклай-де-Толли, съ 4,000-мъ отрядомъ, снабженнымъ 10-дневнымъ провіянтомъ, прошелъ чрезъ Кваркенъ, проливъ шириною въ 100 верстъ, съ небольшимъ въ двое сутокъ, при морозѣ въ 15^0 Р. Быстрота необыкновенная, и она показываетъ, что для движенія пѣхоты и конницы препятствій большихъ не было, хотя, по донесенію Барклая-де Толли, переходъ этотъ былъ одинъ изъ самыхъ трудныхъ и намъ пришлось оставить на дорогѣ артиллерію подъ прикрытіемъ резерва, потому что взгроможденные льды представляли для движенія ея опасныя затрудненія. Слѣдовательно, и этотъ переходъ былъ труденъ болѣе по быстротѣ и большому разстоянію, пройденному въ двое сутокъ, нежели по препятствіямъ, встрѣченнымъ на

и отдавая полную справедливость мужеству, терпѣнію и усердію войскъ, совершившихъ этотъ отважный переходъ по льду моря, надобно, однакожь, согласиться, что труды, перенесенные войсками хивинскаго похода, въ теченіе зимнихъ четырехъ мѣсяцевъ, были, конечно, выше.

Пройдя въ трескучіе морозы около 500 верстъ въ глубину безпріютной пустыни, покрытой глубокимъ снѣгомъ, послѣ кратковременнаго пребыванія при Эмбенскомъ укрѣпленіи, которое, по усиленнымъ работамъ при немъ, вовсе не было отдыхомъ для людей, войска отряда должны были двинуться въ степи еще болѣе скудныя и безпріютныя. По снѣговымъ сугробамъ надобно было прокладывать путь для 8,000 вьючныхъ верблюдовъ, иногда по поясъ въ снѣгу, при 20° и болѣе морозу, поправлять вьюки, перевьючивать, подымать вьюки, если они упадутъ, и навьючивать стоящихъ верблюдовъ, потому что отъ ослабленія силъ они не могли уже изъ глубокаго снѣга подниматься съ грузомъ. Несчастныя эти животныя отъ трудовъ, безкормицы и стужи, до того ослабѣли, что даже верблюдовожатые киргизы, которые почти не ходятъ пѣшкомъ (они полагали, что наша пѣхота за наказаніе осуждена была идти въ Хиву пѣшкомъ, но, услышавъ о храбрости ея при Акъ-Булакѣ, говорили, „что пора простить ее и дать ей лошадей“), сами до Акъ-Булака по цѣлымъ переходамъ не взлѣзали на верблюдовъ, шли тоже пѣшкомъ. Новая забота явилась на походѣ къ Акъ-Булаку: проголодавшіеся верблюды прогрызали лубочные короба, кули, мѣшки, чтобы достать оттуда сухарей, муки, крупъ, овса, выщипывали прессованное сѣно, отчего этого продовольствія болѣе разсыпалось, нежели они съѣдали; а потому требовалось самое бдительное наблюденіе надъ верблюдами и немедленная поправка поврежденій во вьюкахъ (пробовали было верблюдамъ надѣвать веревочные намордники, но они ихъ перегрызали). На становищахъ надобно было навьючивать и развьючивать 16,000 вьюковъ, и потомъ, чтобы со-

---

пути. Наконецъ 3) движеніе 4,000-го отряда нашего, предварительно сосредоточеннаго изъ Улеаборга къ Кеми, и оттуда направленнаго чрезъ Торнео въ Улео, подъ начальствомъ графа Шувалова, хотя и совершилось при 30° Р. мороза, но войска могли дѣлать по 30 и болѣе верстъ перехода, и движеніе до заключенія перемирія продолжалось всего три дня. Въ такое короткое время движенія нашихъ войскъ къ Швеціи не могло обнаружиться ни изнуренія лошадей, ни развиться болѣзни.

грѣться или сварить кашицу, приходилось перерывать кучу снѣгу глубокаго, жесткаго, мѣстами даже обледенѣлаго и окрѣпшаго, и изъ мерзлой земли вырубать тоненькіе корешки скудныхъ здѣшнихъ травъ, состоявшихъ иногда изъ низкой полыни и солянки, расчищать мѣста для кибитокъ, для верблюдовъ и проч. Словомъ, становище не было отдыхомъ: солдатъ и казакъ успокоивался только къ 8 и 9 часамъ вечера, а въ 2 или 3 часа долженъ былъ подыматься для новыхъ такихъ же тяжкихъ трудовъ.

На этомъ измѣнчивомъ пути нельзя было даже предугадать, какого рода повозками лучше запасаться: колесными или на полозьяхъ. При движеніи до Эмбы, пока снѣгъ былъ не очень глубокъ и одинаковой жесткости, полозья казались лучше, такъ что и для 12-фунтовыхъ орудій придѣлали полозья; но когда снѣгъ былъ, попеременно, то рыхлый, то твердый, мѣстами выдерживавшій тяжесть верблюдовъ и 12-фунтовыхъ орудій, или вдругъ проваливавшійся, то увидѣли, что сани въ такихъ мѣстахъ бороздятъ, взрывая кучу снѣгу, а колеса катятся, не накопляя передъ собою снѣгу, и легче вытаскиваются изъ проваловъ. По этой причинѣ предпочли 6 и 12-фунтовыя орудія и $^1/_4$-пудовые единороги везти на колесахъ, запрягая въ нихъ по парѣ лишнихъ лошадей.

Съ прибытіемъ на Акъ-Булакъ, морозы увеличились до 30° Р. Въ это время, отрядъ въ ясные дни съ восходомъ часто видѣлъ на небѣ то столбы съ радужными цвѣтами, то два побочныя солнца, являвшіяся по сторонамъ настоящаго солнца, изъ которыхъ каждое сіяло почти одинаковымъ блескомъ съ настоящимъ.

При такихъ морозахъ нельзя было мыть бѣлья, ни наблюдать чистоту тѣла. Многіе во все время похода не только не перемѣняли бѣлья, но даже не снимали одежды; отъ этого завелись миріады ползающихъ насѣкомыхъ, тѣло покрылось грязью, развилось или, лучше сказать, усилилось, расположеніе къ худосочнымъ болѣзнямъ.

Акъ-Булакское укрѣпленіе, расположенное на солонцеватой мѣстности, имѣвшее изъ Акъ-Булакскаго ключа воду сѣрносолонцеватаго вкуса, несравненно хуже было Эмбенскаго укрѣпленія; по неимѣнію здѣсь лѣса не представлялось никакихъ средствъ устроить въ немъ баню или прачешную. Землянки для жилья были сыры и содержали въ себѣ зловредный воздухъ;

стѣны ихъ были покрыты какой-то плѣсенью, сходною на видъ съ селитрой и магнезіей. Окрестности состояли изъ солонцовъ, покрытыхъ жесткою травою, называемою киргизами чіемъ (которую верблюды ѣли только отъ сильнаго голода), или изъ голыхъ и каменистыхъ возвышенностей. Только по оврагу р. Чегана, лежащему верстахъ въ 8 отъ укрѣпленія, были мѣстами тальникъ и трава. Въ значительномъ разстояніи на востокъ и югъ, виднѣлись угрюмыя, дикія скалы, окраина Усть-Урта, называемая киргизами Чинкомъ и бывшая нѣкогда, по ихъ повѣрью, берегомъ моря. Скалы эти видны были верстъ на 60 и потомъ скрывались въ туманной дали. На скатахъ скалъ, почти отвѣсныхъ, снѣгъ не держался, показывая тѣмъ, что всходъ на нихъ невозможенъ; только мѣстами отдѣлялись между скалами блестящія полосы снѣгу, обнаруживая скаты болѣе отлогіе. Темная полоса Чинка отдѣляла снѣгъ плоской возвышенности Усть-Урта отъ остальной снѣжной равнины степи, разстилавшейся на необозримое пространство у его подошвы. Между Усть-Уртомъ и укрѣпленіемъ, по оврагамъ, паслись наши верблюды и лошади, какъ въ безопасномъ отъ угона и бурь мѣстѣ.

Въ отрядѣ съ нетерпѣніемъ слѣдили въ подзорныя трубки по окраинѣ Усть-Урта, не появятся ли на немъ непріятельскіе всадники; но, къ общему неудовольствію, присутствія непріятеля не открыто ни малѣйшихъ слѣдовъ.

Генералъ-адъютантъ Перовскій, выѣхавшій изъ Эмбенскаго укрѣпленія 17 января съ легкимъ казачьимъ отрядомъ, обогнавъ на пути къ Акъ-Булаку послѣднія двѣ колонны, лично удостовѣрился въ трудностяхъ, переносимыхъ войсками, при движеніи къ этому укрѣпленію, и въ истощеніи силъ верблюдовъ отъ глубокихъ снѣговъ и отъ недостатка подножнаго корма. Видя такое положеніе отряда, онъ потребовалъ мнѣнія начальниковъ колоннъ: подаютъ ли надежду состоявшіе въ ихъ колоннахъ верблюды достигнуть Хивы. Начальники колоннъ донесли, что, по причинѣ ослабленія силъ верблюдовъ, скудныхъ кормовъ и глубокихъ снѣговъ, движеніе къ Хивѣ невозможно. То же мнѣніе подтвердилъ и бывшій при отрядѣ правитель западной орды, султанъ Айчуваковъ, которому, какъ киргизу, лучше всего были извѣстны и свойства верблюдовъ, и состояніе степи. Не довольствуясь этимъ отзывомъ начальниковъ колоннъ и султана Айчувакова, генералъ-адъютантъ Перовскій, съ при-

бытіемъ на Акъ-Булакъ, послалъ къ Усть-Урту, какъ выше было сказано, уральскаго войска полковника Бизянова для осмотра путей впереди, и узнавъ, что снѣга впереди еще глубже, что кормы и топливо закрыты ими, что слабость верблюдовъ съ каждымъ днемъ увеличивается, что они начали падать иногда по сотнѣ въ день, онъ убѣдился, что дойдти до Хивы, при такихъ обстоятельствахъ, дѣйствительно невозможно. Къ тому же представились на размышленіе слѣдующія обстоятельства:

1) До жилыхъ мѣстъ Хивы оставалось еще около 800 верстъ, по степи безпріютной, безкормной и покрытой глубокимъ снѣгомъ.

Судя по тому, что отъ Эмбенскаго укрѣпленія до Акъ-Булакскаго, всего 160 верстъ, колонны шли отъ 15 до 17 дней, путь къ Хивѣ и на свѣжихъ верблюдахъ не могъ быть совершенъ (при морозахъ, по глубокому снѣгу, а въ случаѣ оттепели—отъ грязи и распутицы) ранѣе мѣсяца, а съ ослабѣвшими верблюдами, каковые были при отрядѣ, разстояніе это пришлось бы идти не менѣе полутора мѣсяца, между тѣмъ на оставшихся 5,000 тощихъ верблюдахъ едва можно было поднять (кромѣ боевыхъ и другихъ необходимыхъ запасовъ) полное мѣсячное продовольствіе для людей, лошадей и верблюдовъ. Если же, забравъ акъ-булакскіе запасы, везти съ собою продовольствіе только для людей, то можно было взять его на два мѣсяца, за то лошади и верблюды будутъ почти безъ продовольствія и при движеніи по глубокимъ снѣгамъ или, при оттепели, по топкимъ грязямъ и безкормнымъ мѣстамъ частію погибнутъ, частію придутъ въ совершенное изнуреніе.

2) Если предположить, что отрядъ, преодолѣвъ всѣ трудности пути, противъ всякаго вѣроятія, достигнетъ хивинскаго владѣнія, то продовольствія при немъ останется на нѣсколько дней, лошади будутъ изнурены, верблюды совершенно обезсилены, и, въ такомъ случаѣ, гдѣ взять продовольствіе? какъ отражать нападенія непріятеля, если онъ окружитъ нашъ отрядъ своею конницею, и, слѣдя за нимъ, будетъ стараться отгонять нашихъ лошадей и верблюдовъ и препятствовать выгону ихъ на пастбище? Какъ можно его настигнуть съ изнуренными лошадьми и отбить добычу, если ему удастся угнать часть нашихъ верблюдовъ и лошадей?

Хивинцы, безъ сомнѣнія, спрячутъ всѣ свои запасы, которыхъ, впрочемъ, къ веснѣ и нельзя найдти у нихъ много, по-

тому что они излишній хлѣбъ свой продаютъ окрестнымъ кочевымъ племенамъ. Съ слабой нашей конницей, которая, вѣроятно, при этомъ походѣ потеряла бы большую часть лошадей, нельзя съ успѣхомъ дѣйствовать противъ непріятеля и преслѣдовать его, почему, не имѣя возможности покорить Хиву, нельзя было надѣяться заставить жителей доставить продовольствіе и фуражъ, и лошадямъ нашимъ и верблюдамъ пришлось бы отъ недостатка средствъ къ существованію погибнуть съ голоду или въ самой Хивѣ, или на обратномъ пути. Подвозъ 2-мѣсячнаго продовольствія изъ Ново-Александровскаго укрѣпленія, на который разсчитывали, какъ выше было сказано, при составленіи плана экспедиціи, по причинѣ противныхъ вѣтровъ и ранней зимы, остановленъ былъ льдами. Корнетъ Аитовъ, собиравшій между этимъ укрѣпленіемъ и нижней частію Урала верблюдовъ, былъ отправленъ плѣнникомъ въ Хиву. Доставка новыхъ запасовъ, въ дополненіе неприбывшихъ въ Ново-Александровское укрѣпленіе, по зимнему времени могла быть сдѣлана только сухопутно изъ Астрахани; но, по недостатку перевозочныхъ средствъ, она оказалась невозможною. Ожидать же открытія навигаціи и сбора новыхъ верблюдовъ отрядъ, по совершенному недостатку продовольствія, не могъ бы. Притомъ надобно было опасаться, что если хищныя кочевыя племена узнаютъ о бѣдственномъ положеніи отряда, то пагубный примѣръ неповиновенія адаевцевъ и бершевцевъ, отказавшихъ въ поставкѣ верблюдовъ и увлекшихъ въ плѣнъ корнета Аитова, распространится болѣе; тогда всѣ сообщенія отряда съ предѣлами Россіи будутъ прерваны, и хивинцамъ стоило бы наблюдать только за отрядомъ, не допускать пасти лошадей и верблюдовъ, и отряду ничего не оставалось бы, какъ погибнуть, потому что и пробившись сквозь непріятеля нельзя было пройдти полторы тысячи верстъ безкормной и безводной степью безъ продовольствія. Въ этомъ случаѣ движеніе къ Хивѣ подвергло бы цѣлый отрядъ напрасной гибели ([32]).

([32]) Подобная же предусмотрительность побудила къ отступленію англичанъ, во время вторичной экспедиціи ихъ, въ 1842 году, въ Кабулъ. Съ числомъ войскъ, почти равнымъ нашему отряду, но съ изнуренными лошадьми и верблюдами, англичане, 6 января, выступили по направленію къ Аттоку; но чрезъ 7 дней отрядъ этотъ, отъ недостатка продовольствія и отъ холода, пришелъ въ совершенное разстройство и, не отойдя ста верстъ, былъ истребленъ авганами (о чемъ упомянуто въ историческомъ введеніи). Изъ всего отряда одному только удалось при-

3) Отъ непривычки оренбургской линейной пѣхоты къ перенесенію трудностей похода, постоянной стужи и необыкновенныхъ для нея трудовъ, убыль въ людяхъ произошла значительная. Изъ числа выступившихъ изъ Оренбурга 2,750 унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ едва, на половинѣ пути, осталось въ строю 1,856 человѣкъ; изъ числа выбывшихъ, 236 чел. умерло, состояло больными 528 и оставлено въ помощь эмбенскому гарнизону 130 чел. Съ прибытіемъ къ Хивѣ, вѣроятно, число больныхъ было бы еще значительнѣе; поэтому, имѣя огромный обозъ боевыхъ запасовъ, больныхъ, верблюдовъ, хотя частію порожнихъ ([33]), при слабомъ отрядѣ пѣхоты и еще болѣе слабой конницѣ, трудно было рѣшиться упорствовать въ намѣреніи дальнѣйшаго хода. Какъ прикрывать этотъ обозъ во время движенія пересѣченною мѣстностію, лошадей и верблюдовъ на пастбищахъ, при столь быстро уменьшающемся числѣ годныхъ къ службѣ людей?

4) Наконецъ, если, по всей вѣроятности, верблюды отъ стужи, трудовъ и голода будутъ дохнуть и худать болѣе и болѣе, то отрядъ, не дойдя Хивы, побросалъ бы на пути запасы и принужденъ былъ бы воротиться къ Эмбенскому укрѣпленію съ большими затрудненіями, нежели изъ Акъ-Булака. Если къ тому непріятель вздумалъ бы выйдти въ это время на встрѣчу отряду, то невольное его возвращеніе, отъ невозможности идти впередъ, не могло ли казаться отступленіемъ отъ непріятеля? Въ такомъ случаѣ лучше было отступать передъ неодолимыми преградами природы, нежели передъ такимъ непріятелемъ, какъ хивинцы, и лучше быть побѣжденными отъ стихій природы, нежели жалкимъ нашимъ непріятелемъ.

Всѣ эти причины убѣдили генералъ-адъютанта Перовскаго въ невозможности продолжать путь къ Хивѣ и въ горькой необходимости возвратиться къ Эмбенскому укрѣпленію, гдѣ былъ сложенъ 4-мѣсячный запасъ продовольствія, которымъ отрядъ могъ довольствоваться до весны.

1 февраля 1840 года генералъ-адъютантъ Перовскій отдалъ по отряду войскъ хивинской экспедиціи приказъ слѣдующаго

скакать верхомъ въ Джелалъ абадъ. (Подробныя извѣстія о дѣйствіяхъ англичанъ въ Авганистанѣ см. въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1842 года, статью В. Даля.) *Прим. г. Голосова.*

([33]) Порожнихъ верблюдовъ нельзя было отпускать потому, что, кромѣ замѣны ими палыхъ, они, въ случаѣ крайности, могли быть употреблены и въ пищу.

содержанія: „Товарищи! скоро три мѣсяца, какъ выступили мы, по повелѣнію Государя Императора, въ походъ, съ упованіемъ на Бога и съ твердою рѣшительностію исполнить царскую волю. Почти три мѣсяца сряду боролись мы съ неимовѣрными трудностями, одолѣвая препятствія, которыя встрѣчаемъ въ необычайно суровую зиму отъ бурановъ и непроходимыхъ, небывалыхъ здѣсь снѣговъ, завалившихъ путь намъ и всѣ кормы. Намъ не было даже отрады встрѣтить непріятеля, если не упоминать о стычкѣ, показавшей все ничтожество его. Невзирая на всѣ перенесенные труды, люди свѣжи и бодры, лошади сыты, запасы наши обильны; одно только намъ измѣнило: значительная часть верблюдовъ уже погибла, остающіеся обезсилѣли, и мы лишены всякой возможности поднять необходимое для остальной части похода продовольствіе. Какъ ни больно отказаться отъ ожидавшей насъ побѣды, но мы должны возвратиться на сей разъ къ своимъ предѣламъ. Тамъ будемъ ожидать новыхъ повелѣній Государя Императора: въ другой разъ будемъ счастливѣе! Мнѣ утѣшительно благодарить васъ всѣхъ за неутомимое усердіе, готовность и добрую волю каждаго, при всѣхъ переносимыхъ трудностяхъ: Всемилостивѣйшій Государь и отецъ нашъ узнаетъ обо всемъ.“

Съ горестію войска услышали приказъ о возвратномъ походѣ; уральскіе казаки болѣе прочихъ жалѣли, что не удалось побить бусурмановъ, наказать хищную Хиву, и выручить своихъ братьевъ изъ неволи.

Угрюмо всѣ готовились къ возвратному пути, и въ отрядѣ надолго перестали раздаваться веселые напѣвы. Немедленно начали разбирать по колоннамъ бывшіе на Акъ-Булакѣ продовольственные запасы, пересыпать въ легкіе вьюки (еще уменьшенные), отбирать все, что было необходимо для возвратнаго похода, т. е. что могло служить въ пищу и для топлива. Часть запасовъ, которая не могла быть взята съ собою, оставлена на мѣстѣ или истреблена; нѣкоторыя тяжести, какъ-то: якоря, фальшфейеры и проч., были зарыты въ землю, на тотъ конецъ, чтобы, въ случаѣ втораго похода въ Хиву, ихъ опять взять съ собою.

ГЛАВА VIII.

Приготовленія къ обратному движенію и затрудненія этого движенія по недостатку верблюдовъ. — Расположеніе главнаго отряда въ трехъ лагеряхъ при р. Сага-Темирѣ.—Затрудненія въ отысканіи перевозочныхъ средствъ для движенія главнаго отряда въ г. Оренбургъ. — Число больныхъ и умершихъ и мѣры къ сбереженію здоровья въ экспедиціонномъ отрядѣ. — Оставленіе отряда въ степи до весны.— Состояніе больныхъ въ отрядѣ.—Новыя мѣры для сбора верблюдовъ въ отрядѣ.— Поискъ на Усть-Уртъ для наказанія непослушныхъ киргизовъ адаевскаго рода.

Послѣдняя колонна, выступившая изъ Эмбы 16 января, подъ начальствомъ полковника Геке, прибыла къ Акбулаку только 2 февраля. Тогда, по сведеніи общихъ счетовъ, оказалось, что со дня выступленія съ Эмбы по 4 февраля отрядъ потерялъ 1,958 верблюдовъ, а по 7 февраля 2,100, не говоря о множествѣ верблюдицъ ожеребившихся и потому сдѣлавшихся неспособными къ походу. Оставшіеся еще въ живыхъ верблюды такъ были слабы, что первыя двѣ колонны, начавшія выступленіе въ обратный путь 4 и 5 февраля, принуждены были покинуть и истребить изъ акъ-булакскихъ запасовъ 36-дневное продовольствіе на весь отрядъ. Въ такую же необходимость были поставлены и остальныя двѣ колонны, вскорѣ выступившія за первыми.

Подъ паркъ и подъ больныхъ, число которыхъ въ пѣхотѣ со дня на день возрастало, выбраны были лучшіе въ отрядѣ верблюды; но изъ нихъ нѣкоторые пали на первомъ же переходѣ. Обстоятельство это было тѣмъ затруднительнѣе, что деревянные ящики артиллерійскаго парка невозможно было раздѣлять на болѣе легкіе вьюки; больныхъ также нельзя было сажать или укладывать на верблюдовъ по одному, потому что вьюки верблюжьи не имѣютъ подпругъ и держатся на спинѣ верблюдовъ на балансѣ, почему (какъ выше уже сказано) съ каждой стороны верблюда надобно было привязывать койки и размѣщать въ нихъ больныхъ. Больные, отправленные изъ акъ-булакскаго гарнизона съ транспортомъ, о которомъ было говорено выше, въ это время уже находились на Эмбѣ; заболѣвшіе послѣ того, равно какъ и весь акъ-булакскій гарнизонъ, размѣщены были по колоннамъ, и затѣмъ, съ выступленіемъ послѣднихъ колоннъ, Акъ-Булакское укрѣпленіе окончательно упразднено.

Морозы отъ 15° до 20° Р., и даже болѣе, стояли почти

постоянно, нерѣдко сопровождались значительными вѣтрами, и топливо, состоявшее изъ мелкихъ корешковъ растеній, которые надобно было добывать, взрывая кучи снѣгу, въ окрестностяхъ Акъ-Булака и по пути къ Эмбѣ верстъ на 80, на солонцеватой почвѣ, было чрезвычайно скудно, отчего солдаты на всемъ этомъ пути очень много терпѣли отъ стужи. Словомъ, обратное движеніе было столь же трудное и бѣдственное, какъ и въ передній путь. Верблюды еще болѣе ослабѣли. Не было никакой надежды дойти съ ними зимою же до линіи, и потому необходимость заставила остановить отрядъ до весны, вблизи Эмбенскаго укрѣпленія.

Такъ какъ въ окрестностяхъ его, башкирскими транспортами, гарнизономъ и предшествующимъ расположеніемъ при немъ всего отряда, топливо было истреблено, подножный кормъ вытравленъ, близъ укрѣпленія накопилось много нечистотъ и падали, что гніеніемъ своимъ, съ начатіемъ теплаго времени, могло заразить воздухъ и произвесть повальныя болѣзни, то, въ избѣжаніе этого и чтобы отряду до весны не терпѣть отъ недостатка топлива, не отгонять далеко для пастбища лошадей и верблюдовъ и имѣть здоровое подъ лагерь мѣсто, генералъ-адъютантъ Перовскій послалъ впередъ генералъ-лейтенанта Толмачева и генеральнаго штаба подполковника Иванина съ сотнею казаковъ для отысканія мѣста подъ лагерь означеннаго отряда, верстъ за 30 отъ Эмбенскаго укрѣпленія.

Дабы успѣть выбрать такое мѣсто до прихода колоннъ, генералъ-лейтенантъ Толмачевъ быстрыми переходами опередилъ на нѣсколько дней колонны и, по осмотрѣ степи въ окружности верстъ на 30 отъ Эмбенскаго укрѣпленія, выбралъ для трехъ лагерей мѣсто при впаденіи въ р. Эмбу р. Сага-Темиръ и ручья Тегеле, гдѣ кормъ подножный не былъ вытравленъ, кустарника для топлива было въ изобиліи, камышъ находился не въ дальнемъ разстояніи и вода была довольно прѣсная.

Обратный путь колоннъ былъ нѣсколько успѣшнѣе: протоптанныя при движеніи къ Акъ-Булаку тропинки не были совсѣмъ занесены снѣгомъ, почему верблюдамъ по нимъ легче было идти, и этотъ путь совершенъ былъ въ 10 дней. Притомъ верблюдовъ поддерживали на пути мукой, сухарями и овсомъ, которые приходилось оставлять на пути, безъ чего большая часть ихъ не дошла бы вовсе до мѣста. По необходимости и для большаго облегченія колоннъ, употреблены

были на топливо разборныя лодки, настилка понтоновъ, веревки, канаты и проч.

Путь этотъ устланъ былъ павшими и слабыми верблюдами. Издохшихъ терзали хищные звѣри: волки, лисицы и проч., которые, почуявъ добычу, сбѣжались на готовый кормъ изъ отдаленныхъ мѣстъ степи, такъ что въ ночное время они ходили по этой дорогѣ стадами; но верблюдовъ живыхъ, хотя и слабыхъ, они, повидимому, боялись, по крайней мѣрѣ многихъ, брошенныхъ за негодностію, видѣли на обратномъ пути еще живыми: они лежали, поджавъ подъ себя ноги, не имѣя силъ подняться, чтобы пощипать травы, и, будучи оставлены съ войлочными сѣдлами и попонами и прикрыты сверху снѣгомъ, выдерживали стужу. При прохожденіи же колоннъ, верблюды, поднявши головы и вытянувъ шеи, долго слѣдили за движеніемъ колоннъ, какъ бы прощаясь съ ними навсегда. Къ устлавшимъ этотъ путь верблюдамъ на обратномъ походѣ прибавилось новыхъ 1,780 верблюдовъ; другіе совершенно ослабѣли, у нѣкоторыхъ отморожены были ноги, потрескались подошвы, отчего они сдѣлались вовсе негодными къ употребленію. Вслѣдствіе того отрядъ не могъ везти съ собою всего продовольствія на верблюдахъ и долженъ былъ часть тяжестей побросать, а часть везти на казачьихъ лошадяхъ, такъ что всѣхъ запасовъ на Акъ-Булакѣ и на обратномъ походѣ было брошено или искормлено: сухарей и муки на 50 дней, крупъ на 23 дня, овса на 2 недѣли, соли на 105 дней—для всего отряда!

Всѣ четыре колонны, между 13 и 17 февраля, прошли мимо Эмбенскаго укрѣпленія и направились въ назначенныя для нихъ лагерныя мѣста на р. Сага-Темиръ и ручьѣ Тегеле. Чтобы на случай распутицы и разлива р. Эмбы не остаться войскамъ въ лагерѣ безъ продовольствія, предприняты были мѣры къ немедленной перевозкѣ всѣхъ запасовъ изъ Эмбенскаго укрѣпленія, пока верблюды имѣли еще силы нести вьюки, а въ подмогу имъ употреблены были и казачьи лошади; перевезенные запасы уложены въ бунты, которые частію были покрыты рогожами и лубками, полученными изъ кулей и коробовъ. Потомъ занялись устройствомъ госпиталя. Больныхъ въ пѣхотѣ прибыло много: цынга, несмотря ни на какія мѣры, распространилась не только между рядовыми, но и между офицерами; почему употреблены были всѣ средства къ перевозкѣ больныхъ изъ укрѣпленія и размѣщенію въ колоннахъ какъ можно простор-

нѣе. Для нихъ устроили войлочные просторные балаганы, и чтобъ балаганы эти меньше продувало, ихъ обнесли камышемъ; для постелей также употребленъ былъ камышъ, и положеніе больныхъ для степнаго, зимняго похода было, по возможности, удовлетворительно.

Но одна изъ главныхъ заботъ состояла въ изысканіи перевозочныхъ способовъ для обратнаго движенія отряда на линію. Въ зимнее время верблюды вообще худѣютъ, а жестокая зима и глубокіе снѣга еще болѣе способствовали къ худобѣ верблюдовъ. Въ иныхъ родахъ киргизовъ верблюды вовсе подохли отъ жестокой стужи, почему новый наборъ ихъ, особенно въ хорошемъ тѣлѣ, представлялъ величайшія затрудненія. Нельзя было надѣяться на скорый сборъ верблюдовъ, которыхъ требовалось для поднятія парка, продовольствія на три съ половиной мѣсяца и всѣхъ тяжестей отряда не менѣе 5,000; а это число трудно было собрать въ короткое время, какъ по причинѣ предшествовавшей поставки ихъ ордынцами, такъ и отдаленія кочевокъ ихъ и затрудненій движенія по глубокому снѣгу и безкормицѣ. Притомъ многія племена, кочующія вдали отъ линіи, худо повинуются начальству, и для принужденія ихъ надобно посылать команды, что сопряжено было съ потерею времени. Наемъ верблюдовъ также не могъ состояться и отчевали, и притомъ въ эту пору, при глубокихъ снѣгахъ, ихъ нельзя было и подрядить, такъ какъ весь скотъ ихъ и верблюды пострадали отъ необычайно суровой зимы.

того, что роды киргизовъ, занимающіеся извозомъ, далеко ко-

Такъ какъ генералъ-адъютантъ Перовскій не могъ оставить въ степи, въ столь безнадежномъ положеніи, свой отрядъ, не обезпечивъ его перевозочными способами и продовольствіемъ и не принявъ самыхъ дѣятельныхъ мѣръ къ облегченію больныхъ, то онъ все время и оставался при отрядѣ, пока не увѣрился, что идутъ успѣшно всѣ сдѣланныя имъ распоряженія по снабженію войскъ, расположенныхъ на Темирѣ, способами къ облегченію ихъ положенія въ степи и къ будущему возвращенію на линію.

Для сбереженія фуража, котораго осталось при отрядѣ менѣе, чѣмъ продовольствія для людей, 24 февраля отправленъ былъ, подъ начальствомъ полковника Геке, на оренбургскую линію дивизіонъ 1-го оренбургскаго казачьяго полка, съ нѣсколькими больными офицерами и нѣкоторыми штабными чи-

новниками, не имѣвшими при расположеніи отряда на мѣстѣ особыхъ занятій. Для подъема продовольствія этому первому отряду, отправленному на линію, отобрано было 425 верблюдовъ, подававшихъ надежду, что они, съ облегченными вьюками, дойдутъ до кордонной линіи; а чтобы сократить путь къ линіи, отрядъ направленъ былъ, чрезъ уроч. Бишъ-Тамакъ, на Ильинскую крѣпость. Преодолѣвъ величайшія препятствія, на каждомъ шагу прокладывая дорогу по глубокому снѣгу, отрядъ прибылъ въ Ильинскую крѣпость 12 марта, черезъ 18 дней послѣ выступленія, приведя къ линіи изъ 425 только 199 верблюдовъ; остальные за усталостію и негодностію были на пути брошены. Во все время слѣдованія отряда стояли постоянно жестокіе морозы, сопровождаемые иногда сильными буранами; но, къ счастію, съ приближеніемъ къ линіи, въ топливѣ недостатка уже не было.

Между тѣмъ, для обезпеченія продовольствія оставшагося на Сага-Темирѣ отряда приняты были всевозможныя мѣры. Какъ свѣжая пища есть одно изъ главныхъ противоцынготныхъ средствъ, то, невзирая на множество затрудненій, собранъ былъ скотъ для мясныхъ порцій, и нижніе чины получали ежедневно свѣжее мясо и полную дачу провіянта. Если при всѣхъ принятыхъ мѣрахъ цынготная болѣзнь не только не уменьшалась, а даже увеличивалась, то это надобно приписать полученному людьми во время похода предрасположенію къ этой болѣзни, невозможности наблюдать зимнимъ походомъ чистоту, мыть и часто перемѣнять бѣлье, спертому воздуху въ кибиткахъ (которыя люди, невзирая ни на что, для сохраненія тепла, тщательно закутывали), но преимущественно непривычкѣ солдатъ къ степной жизни и нѣсколько солонцеватой водѣ степныхъ рѣкъ; къ таянію же снѣга для воды, по затрудненію въ добываніи и подвозѣ топлива, состоявшаго притомъ изъ сыраго кустарника, нельзя было изыскать никакихъ средствъ. По сдѣланному послѣ похода разсчету, со времени выступленія войскъ въ степь по 20 февраля, въ отрядѣ и въ укрѣпленіяхъ вообще переболѣло 3,124 человѣкъ, умерло изъ нихъ 608 челов., состояло больныхъ 565 человѣкъ. Притомъ собственно въ отрядѣ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, приходилось въ пѣхотѣ больныхъ 1 на каждыхъ 2 человѣкъ, умершихъ 1 на каждыхъ 14 человѣкъ; въ дивизіонѣ 1 оренбургскаго полка больныхъ 1 на 2, 3 человѣка, умершихъ 1 на 26 чел.; въ оренбургскомъ ка-

зачьемъ войскѣ больныхъ 1 на 4, 3 челов., умершихъ 1 на 34 челов., а въ уральскомъ казачьемъ войскѣ больныхъ 1 на 27 челов., а умершихъ 1 на 200 человѣкъ. Въ гарнизонахъ же обоихъ укрѣпленій, въ теченіе 9 мѣсяцевъ, число перебо-лѣвшихъ было гораздо значительнѣе, а умершихъ въ нихъ бы-ло въ пѣхотѣ 1 на 26 челов. и въ оренбургскомъ казачьемъ войскѣ 1 на 6, 8 человѣкъ. Какъ всѣ эти войска терпѣли оди-наковые труды, получали одну и ту же пищу, то разность въ содержаніи числа больныхъ и умершихъ къ здоровымъ, безъ сомнѣнія, происходитъ отъ большаго или меньшаго навыка и способности войскъ къ степнымъ походамъ. Изъ этого видно, что оренбургская пѣхота менѣе прочихъ войскъ, а уральскіе казаки болѣе прочихъ войскъ оренбургскаго корпуса способны для перенесенія степныхъ походовъ ([34]).

Въ числѣ больныхъ болѣе всего было одержимыхъ цынгою. Для излеченія ея больнымъ давали: свѣжее мясо, сбитень, ква-шеную сушеную капусту, лукъ, уксусъ и крутъ (овечій мало-сольный, кислый сыръ, употребляемый вообще въ средней Азіи въ пищу и для приправы воды, которая въ степи рѣдко бы-ваетъ хорошаго качества). Взятый для похода хрѣнъ оказался, вѣроятно отъ стужи, не имѣющимъ никакой крѣпости. Съ от-крытіемъ весны, начали давать больнымъ дикій лукъ и чеснокъ, растущіе въ изобиліи въ степи; велѣно также выкопать погре-ба для наполненія снѣгомъ и льдомъ, чтобъ доставить боль-нымъ прѣсную воду, вмѣсто солонцеватой.

По перевозкѣ изъ Эмбенскаго укрѣпленія всѣхъ больныхъ, артиллерійскаго парка и вообще всѣхъ тяжестей, оставлено при колоннахъ для подвоза топлива и необходимыхъ надобно-стей 700 изъ болѣе надежныхъ верблюдовъ; остальные же на-ходились въ такомъ положеніи, что вовсе неспособны были на

([34]) Если принять еще во вниманіе, что уральское войско, выставившее передъ тѣмъ на внѣшнюю службу нѣсколько полковъ, для хивинской экспедиціи назна-чило казаковъ не по выбору (у нихъ на службу нанимается всѣмъ казачьимъ войскомъ потребное число казаковъ), тогда какъ въ прочихъ войскахъ высылали болѣе крѣпкихъ и здоровыхъ людей, то нельзя не удивляться сноснвости ураль-цевъ въ походѣ и нельзя не отдать имъ полной справедливости, что они въ подобныхъ походахъ незамѣнимы. И такъ какъ содержаніе по всему протяже-нію уральской линіи кордонной стражи и рыболовство по Уралу и Каспійскому возморью, производимое уральскими казаками круглый годъ, болѣе всего способ-ствуютъ къ укрѣпленію ихъ здоровья, пріучаетъ переносить труды и частое измѣ-неніе погоды, то нельзя не пожелать, чтобы эти занятія постоянно между ними продолжались и поддерживались. *Прим. г. Голосова.*

работу, и потому они отогнаны были на лучшія пастбища, въ надеждѣ хотя небольшую часть изъ нихъ сохранить для обратнаго пути; но поправки этой можно было ожидать только при теплой погодѣ и свѣжей травѣ, слѣдовательно не ранѣе мая мѣсяца.

Такъ какъ этихъ верблюдовъ для поднятія тяжестей отряда было совершенно недостаточно, то къ сбору свѣжихъ приняты были самыя дѣятельныя мѣры, для созданія новыхъ перевозочныхъ способовъ отряду.

Чтобы не упустить времени для сбора верблюдовъ съ тѣхъ киргизскихъ родовъ, которые для хивинскаго похода ихъ не ставили, посланъ былъ, съ 2 сотнями уральскихъ казаковъ, въ началѣ марта, правитель западной части орды, подполковникъ султанъ Айчуваковъ, извѣстный своимъ усердіемъ и знаніемъ степи и имѣвшій большее вліяніе на киргизовъ; ему приданъ былъ въ помощь генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Рехенбергъ. Съ другой стороны, какъ киргизы адаевскаго и бершева родовъ, захватомъ въ плѣнъ корнета Аитова и веденныхъ имъ къ отряду верблюдовъ и разграбленіемъ затертыхъ близъ Прорвинскаго пикета купеческихъ судовъ съ провіянтомъ, подали пагубный примѣръ непослушанія и своеволія, то для ослабленія вліянія этого примѣра на другія киргизскія племена необходимо было принять скорыя мѣры къ строгому наказанію виновныхъ въ ослушаніи правительству киргизовъ. Для отысканія виновныхъ и для ихъ наказанія султану Айчувакову приданъ былъ, въ концѣ марта, 3-хъ-сотенный отрядъ уральскихъ казаковъ, при двухъ 3-хъ-фунт. единорогахъ, подъ начальствомъ полковника Бизянова; чтобы поднять продовольствіе этого отряда наняты были, отъ кочевавшаго въ недальномъ разстояніи племени назаровцевъ, сотни двѣ верблюдовъ; притомъ надѣялись, что, по мѣрѣ сбора верблюдовъ, можно будетъ отряду замѣнять павшихъ и усталыхъ свѣжими изъ числа набранныхъ. Айчуваковъ 5 марта направился внизъ по р. Эмбѣ, вдоль которой пройдя верстъ 150, повернулъ на р. Сагизъ, къ ожерейцамъ, кочевавшимъ близъ урочища Дауенъ-Копа. Благоразумными распоряженіями онъ побудилъ ихъ доставить до 500 верблюдовъ; потомъ, узнавъ здѣсь, что нѣкоторые изъ ожерейцевъ и другія киргизскія племена, по внушенію подосланныхъ хивинцами лазутчиковъ, начали откочевывать въ направленіи къ Усть-Урту, отправился въ ту же сторону. Къ этому

времени подоспѣлъ къ нему съ своимъ отрядомъ полковникъ Бизяновъ, который, по совѣщаніи съ Айчуваковымъ, рѣшился, безъ потери времени, преодолѣвая всѣ трудности, преслѣдовать киргизовъ и 9 апрѣля, несмотря на разливъ р. Эмбы, переправился черезъ нее вплавь съ 350 казаками и однимъ орудіемъ, оставивъ для охраненія обоза 150 казаковъ при другомъ орудіи. Послѣ усиленныхъ переходовъ, онъ настигъ близъ Усть-Урта череновцевъ; оставя здѣсь сотню казаковъ для сбора у нихъ верблюдовъ, самъ поднялся на Усть-Уртъ, по единственному здѣсь всходу Кара-сай, и, послѣ 60-верстнаго перехода, настигъ виновныхъ ожерейцевъ и каракисяковъ, у песковъ Самъ, заставилъ побросать всѣ ихъ тяжести и скотъ, но за темнотою и усталостію лошадей не могъ ихъ далѣе преслѣдовать, почему киргизы на другой день скрылись изъ виду. Тогда, почитая преслѣдованіе безполезнымъ, Бизяновъ повернулъ назадъ, 14 апрѣля. Поискъ этотъ совершенъ былъ съ девятидневнымъ продовольствіемъ и съ переходами отъ 60 до 80 верстъ, и одна только усталость лошадей принудила полковника Бизянова возвратиться. Присоединясь къ оставленному имъ обозу, Бизяновъ пошелъ внизъ по Эмбѣ, настигнулъ виновныхъ адаевцевъ у самаго устья ея, послѣ 80-верстнаго перехода, напалъ на нихъ неожиданно и побилъ до 450 человѣкъ хищниковъ, усилилъ сборъ верблюдовъ и потомъ, направя ихъ съ командою къ отряду на р. Темиръ, самъ съ своими казаками пошелъ къ р. Уралу и 12 мая прибылъ въ Калмыковскую крѣпость.

Между тѣмъ, главный отрядъ, вынужденный обстоятельствами оставаться въ степи, продолжалъ свою лагерную стоянку на р. Сага-Темирѣ и ручьѣ Тегелѣ въ трехъ отдѣльныхъ лагеряхъ. Положеніе его въ степи имѣло свои выгоды: 1) давало поводъ киргизамъ и хивинцамъ полагать, что, съ открытіемъ весны и полученіемъ свѣжихъ верблюдовъ, мы опять двинемся на Хиву, а это держало въ страхѣ тѣхъ и другихъ и способствовало, какъ увидимъ ниже, къ склоненію хивинскаго хана на возобновленіе переговоровъ и къ уступкамъ по выполненію нашихъ требованій; 2) еслибъ отрядъ возвратился немедленно, то надобно было бы всѣ запасы Эмбенскаго укрѣпленія бросить или истребить, взявъ только необходимое въ путь, и тогда продовольствіе баталіоновъ пало бы, со дня ихъ прибытія на линію, на корпусные запасы, между тѣмъ какъ, оставаясь въ

степи, эти запасы сохранялись, чѣмъ сберегалась значительная сумма; 3) дожидаясь весны, часть продовольственныхъ запасовъ могла быть употреблена войсками, и оставалось бы взять только необходимое въ путь, а между тѣмъ весенній, свѣжій подножный кормъ поправилъ бы лошадей и верблюдовъ. Весною же не представлялось болѣе надобности имѣть съ собою много фуража и запасовъ топлива; даже, въ случаѣ недостатка верблюдовъ, можно было не брать съ собою кибитокъ, теплой одежды и проч.: отрядъ могъ идти налегкѣ, почему, для поднятія артиллерійскаго парка, больныхъ и путеваго продовольствія (которое частію могло бъ везтись на казачьихъ лошадяхъ), достаточно было бы вмѣсто 5,000 всего 1,200 верблюдовъ. 4) Наконецъ, пребываніе отряда на Сага-Темирѣ давало даже возможность къ сбору верблюдовъ на случай втораго похода въ Хиву.

Зима упорно держалась почти до конца марта, а стужа продолжалась весь февраль; морозы стояли отъ 15° до 26° Р., сопровождаемые иногда жестокими буранами. По сдѣланному разсчету, со дня выступленія отряда до 27 февраля, за 101 день, средняя температура этого времени составляетъ 18° Р.— стужа неслыханная и въ самыхъ сѣверныхъ обитаемыхъ странахъ!

Съ приближеніемъ весны, отъ сильнаго блеска снѣгу, а также и отъ служившаго для топлива сыраго кустарника (въ которомъ къ веснѣ стали подыматься соки, почему кустарникъ давалъ много дыму), начала появляться глазная болѣзнь, несмотря на предохраненіе отъ нея нижнихъ чиновъ волосяными наглазниками. Цынга къ веснѣ также усилилась.

Къ 20 марта больныхъ было 801, а къ 1 апрѣля 857; два лекаря и почти всѣ фельдшера заболѣли. 18 марта первый день былъ довольно теплый: термометръ въ тѣни показалъ +1° Р.; но вообще въ первые 17 дней этого мѣсяца средняя температура все еще была—12° Р.

Между тѣмъ, отрядъ дѣятельно готовился къ выступленію. Изъ оставленнаго Эмбенскаго укрѣпленія забранъ былъ лѣсъ землянокъ и бани, изъ котораго, съ частію телѣжнаго дерева, подѣлали для больныхъ висячія койки, а для вновь полученныхъ верблюдовъ были пошиты сѣдла, прилажены вьюки и проч.

Получивъ донесеніе, что сборъ верблюдовъ, вслѣдствіе принятыхъ мѣръ, идетъ успѣшно, хотя и медленно, и во всякомъ

случаѣ обезпечитъ выступленіе отряда на линію въ маѣ мѣсяцѣ, генералъ-адъютантъ Перовскій, 1 апрѣля, съ 20 конвойными казаками, выступилъ въ Оренбургъ для необходимыхъ предварительныхъ распоряженій ко второму походу въ Хиву ([35]), составленію плана похода и для принятія мѣръ къ лучшему обезпеченію обратнаго движенія изъ степи хивинскаго отряда, начальство надъ которымъ ввѣрено было начальнику 22 пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанту Толмачеву.

Генералъ-адъютанттъ Перовскій прибылъ въ Оренбургъ 11 апрѣля, и въ это время снѣгъ по дорогѣ большею частію уже сошелъ, но травы еще не показывались.

Изъ числа 10,500 верблюдовъ, бывшихъ въ началѣ похода при отрядѣ, къ 1 апрѣля осталось въ живыхъ менѣе 1,500 верблюдовъ. Больныхъ людей при отрядѣ къ 1 же апрѣля состояло: чиновниковъ 7 и нижнихъ чиновъ 853 человѣка. Въ походѣ умерло: чиновниковъ 3 и нижнихъ чиновъ 758 чел. Затѣмъ (исключая нѣкоторыхъ отправившихся въ Оренбургъ и въ особыя командировки) состояло налицо въ лагерѣ, на р. Сага-Темирѣ: штабъ и оберъ-офицеровъ 86 и нижнихъ чиновъ 2,895 человѣкъ ([36]).

Съ весною болѣзни начали увеличиваться: къ 22 апрѣля число больныхъ возросло до 937 человѣкъ; изъ этого числа было: 151 горячечныхъ и 648 цынготныхъ, остальные — разными другими болѣзнями.

Въ теченіе трехъ недѣль (съ 1 по 22 апрѣля) выздоровѣло 258 чел. и умерло 121. А со дня выступленія отряда (съ 14 ноября 1839 года) по 22 апрѣля 1840 года умерло: чиновниковъ 8 и нижнихъ чиновъ 880 человѣкъ.

([35]) Когда получено было извѣстіе о невозможности достигнуть Хивы съ войсками первой экспедиціи, то немедленно Высочайше повелѣно было усилить оренбургскій корпусъ шестью баталіонами 6-го корпуса. Контръ-адмиралъ Римскій-Корсаковъ отправленъ былъ для собранія свѣдѣній о числѣ судовъ, имѣющихся на р. Волгѣ и Каспійскомъ морѣ, для перевозки означенныхъ шести баталіоновъ водою на восточный берегъ Каспія, съ цѣлію, во что бы ни стало, путемъ князя Бековича-Черкасскаго, достигнуть Хивы. Когда же оказалось (какъ о томъ упомянуто во II главѣ), что судовъ недостаточно, то рѣшено было направиться опять тѣмъ же самымъ путемъ, который оказался въ первое предпріятіе столь несчастливымъ, съ тѣмъ, однакожь, чтобы ранѣе, осенью, сосредоточить въ степи войска, дабы зимою оставалось пройдти только безводную плоскую возвышенность Усть-Урта. *Прим. г. Головова.*

([36]) Изъ строеваго рапорта генералъ-лейтенанта Толмачева, отъ 1 апрѣля 1840 года.

ГЛАВА IX.

Прибытіе хивинскихъ посланцевъ въ лагерь. — Слухи о появленіи хивинскихъ войскъ. — Выступленіе и прибытіе главныхъ силъ отряда на линію. – Выгодныя послѣдствія похода: возвращеніе нашихъ плѣнныхъ и новое направленіе торговыхъ сношеній нашихъ съ среднею Азіею. — Впечатлѣніе, произведенное хивинскою экспедиціею въ Европѣ.

19 апрѣля прибыли въ нашъ лагерь отъ хивинскаго хана посланцы съ бумагами, какъ объявили они, къ Государю Императору и къ генералъ-адъютанту Перовскому; но какъ за нѣсколько дней до ихъ прибытія разнеслись слухи о появленіи хивинскаго войска, въ значительныхъ силахъ, въ окрестностяхъ бывшаго нашего укрѣпленія Акъ-Булакскаго (самаго переднаго) ([37]), и что войско это имѣло въ виду произвести на лагерь нашъ нападеніе, то посланцевъ хана сначала приняли было за шпіоновъ, а для удостовѣренія въ справедливости слуховъ отряжены, въ направленіи къ Акъ-Булаку, казачьи партіи и посланы лазутчики, которые по возвращеніи объявили, что дѣйствительно видѣли на вершинахъ горъ Бакгиръ и Али конныхъ часовыхъ, но, по причинѣ слабости изнуренныхъ своихъ лошадей, опасались подъѣхать ближе, для открытія непріятеля.

На всякій случай приняли всѣ необходимыя предосторожности для обороны и предохраненія лагеря отъ нечаяннаго нападенія: усилили караулы и разъѣзды, выставлены были, гдѣ надобно, казачьи пикеты. Но всѣ эти предосторожности оказались излишними:- чрезъ нѣсколько дней узнали, что видѣнные конные часовые на горахъ Бакгирѣ и Али были выставлены бѣжавшими отъ преслѣдованія полковника Бизянова киргизами, отказавшимися дать намъ верблюдовъ. Они пасли стада свои по оврагу Чегану, намѣреваясь отсюда перекочевать въ пески Барсуки, въ случаѣ преслѣдованія, а потому усилили бдительность и выставили конныхъ часовыхъ. Однакожь, на

([37]) Лагери на р. Сага-Темирѣ отстояли отъ Эмбенскаго укрѣпленія, какъ замѣчено выше, верстахъ въ 30, а отъ Эмбенскаго укрѣпленія до Акъ-Булакскаго 200 верстъ. Слѣдовательно, слухи о появленіи всадниковъ на горахъ Бакгиръ и Али достигли лагеря за 230 верстъ. Кто знакомъ съ киргизскими степями, тотъ только можетъ повѣрить, съ какой быстротою разносятся въ здѣшнихъ пустыняхъ всякіе слухи, и особенно новости, всегда притомъ преувеличиваясь; а потому отрядъ нашъ въ степи всегда заблаговременно могъ узнать о приближеніи непріятеля и въ этомъ отношеніи былъ совершенно безопасенъ. *Прим. г. Голосова.*

мѣстѣ Акъ-Булакскаго укрѣпленія дѣйствительно находилось въ это время и десятка три хивинцевъ, пробравшихся сюда для отысканія и захвата брошенныхъ отрядомъ запасовъ и другихъ вещей.

Число больныхъ въ нашихъ войскахъ увеличивалось: къ 1 мая прибыло вновь больныхъ 497 человѣкъ, выздоровѣло 186 и умерло 91; затѣмъ всего состояло больныхъ при отрядѣ 1,130 человѣкъ, изъ нихъ цынготныхъ 613 человѣкъ, несмотря на то, что начали употреблять дикій лукъ и чеснокъ, котораго въ степи находили много; горячечныхъ было 237 чел., одержимыхъ лихорадкою, ломотою и другими болѣзнями 159 чел., слабыхъ 121 чел. и больныхъ офицеровъ 9.

Около 1 же мая доставлено было для поднятія отряда значительное число верблюдовъ:

Собрано правителемъ западной части орды, подполковникомъ Баймухамедъ Айчуваковымъ и полковникомъ Бизяновымъ 1,030 верблюдовъ. Доставлено изъ Оренбурга 700 и собрано султаномъ Юсуфомъ 450, итого 1,150 верблюдовъ. Оставалось отъ перваго сбора при отрядѣ 1,300 верблюдовъ. А всего 3,480 верблюдовъ.

Такъ какъ часть этихъ верблюдовъ еще не совершенно поправилась послѣ суровой зимы и какъ притомъ изъ Оренбурга ожидались разнаго рода потребности, подводы и еще до 1,400 верблюдовъ, то отрядъ принужденъ былъ пробыть въ степи до 18 мая. Въ особенности отрядъ нуждался, для перевозки больныхъ, въ подводахъ, которыхъ къ этому времени и выслано было 200 конныхъ и воловыхъ, а также нѣсколько сотъ коекъ, веревки для увязки коекъ и вьюковъ, овесъ для лошадей и нѣкоторыя другія принадлежности; сверхъ того, для перевозки значительнаго числа больныхъ, состоявшихъ при отрядѣ, взяты были изъ Эмбенскаго укрѣпленія остававшіяся тамъ отъ прошлаго года башкирскихъ транспортовъ телѣги, въ которыя предполагалось запречь казачьихъ лошадей.

Собранными верблюдами, высланными подводами и казачьими лошадьми можно было поднять всѣ тяжести, находившіяся при отрядѣ, почему 18 мая отрядъ двумя колоннами выступилъ изъ лагеря и направился прежнимъ путемъ (38) къ Орен-

(38) Путь изъ лагеря на р. Хобду по линіи былъ короче; но, по причинѣ часто встрѣчающихся здѣсь горъ, а также и потому, что переправа чрезъ эту рѣку, всегда довольно глубокую, въ весеннее время была бы весьма затруднительна, путь этотъ не былъ избранъ для обратнаго слѣдованія.

бургу, забравъ всѣ тяжести и имѣя съ собою больныхъ: 16 офицеровъ и 1,195 нижнихъ чиновъ. Съ выступленіемъ, цынга начала уменьшаться, но за то горячки увеличились, и къ 22 мая больныхъ было уже 1,214 чел., которые размѣщались частію на конныхъ и воловыхъ подводахъ, частію въ койкахъ на верблюдахъ.

На обратномъ походѣ войскамъ нашимъ особенныхъ препятствій не встрѣтилось, за исключеніемъ страшной грязи и часто шедшихъ проливныхъ дождей, замедлявшихъ движеніе.

Пройдя урочище Бишъ-Тамакъ, куда войска прибыли 31 мая, главный отрядъ продолжалъ движеніе къ Оренбургу, забравъ съ собою всѣхъ больныхъ, а линейные № 4 и № 5 баталіоны и оренбургскіе казаки отдѣлились и направлены были по своимъ квартирамъ и станицамъ, ближайшимъ путемъ, чрезъ крѣпость Орскую. Уральскіе казаки, подъ начальствомъ полковника Бизянова, какъ уже выше было сказано, наказавъ виновныхъ киргизовъ и отправивъ собранныхъ верблюдовъ къ отряду въ лагерь на рѣку Сага-Темиръ, возвратились еще ранѣе на свою линію; остальныя же затѣмъ войска, слѣдуя отъ Бишъ-Тамака по рѣкѣ Илеку, 2 іюня прибыли къ линіи на Караванное озеро.

Съ приближеніемъ къ линіи, больныхъ нѣсколько уменьшилось, и хотя къ 4 іюня и прибыло ихъ 216 чел., а умерло 35 чел., но за то выздоровѣло 737 чел.; затѣмъ осталось больныхъ всего 658 чел.

8 іюня отрядъ, послѣ восьмимѣсячнаго пребыванія въ степи, среди суровой зимы, вьюгъ и мятелей, возвратился наконецъ въ г. Оренбургъ.

Къ 11 іюня больныхъ прибыло 89 чел., умерло 11 чел., выздоровѣло 146 чел., затѣмъ осталось въ лазаретѣ 609 чел. Такимъ образомъ, во весь походъ умерло 1,054 чел. ([39]) нижнихъ чиновъ (при чемъ смертность сильнѣе была въ гарнизонахъ укрѣпленій). Уральскіе казаки менѣе всѣхъ пострадали,

---

([39]) Весьма чувствительны были и другія потери: подъемныхъ лошадей пало 204; изъ отпущенныхъ на экспедицію 1,700,000 рубл. ассигн. осталось за всѣми издержками около 40,000 р. (36,000 р. асс.), а по приблизительному исчисленію, если переложить натуральную повинность, понесенную для похода башкирами и киргизами, и тѣ и другіе понесли потерь на сумму по $2^1/_2$ милл. каждые. Слѣдовательно, всего издержекъ было сдѣлано почти на $6^1/_2$ милл. рублей. По приблизительному же исчисленію, издержекъ для вторичнаго похода уже потребовалось до 16 милл. рублей. *Прим. г. Голосова.*

несмотря на то, что несомнѣнно болѣе прочихъ войскъ перенесли трудностей (40). Къ этому должно прибавить, что, невзирая на изнурительные труды, требовавшіе поддержки силъ обильною мясною пищею, уральцы въ походѣ соблюдали во всей строгости посты.

Такъ какъ уральскіе казаки у себя дома, занимаясь рыболовствомъ, живутъ зиму и лѣто постоянно въ трудахъ и на открытомъ воздухѣ, между тѣмъ какъ оренбургская пѣхота вовсе не бывала до хивинской экспедиціи въ походахъ и даже не дѣлала большихъ передвиженій, то необыкновенная сносливость уральскихъ казаковъ въ степномъ походѣ, и, напротивъ, развитіе худосочныхъ и воспалительныхъ болѣзней и смертность, почти на третью часть, въ пѣхотѣ служатъ, сколько намъ кажется, самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ, что надлежащее воспитаніе людей, предназначенныхъ для войны, и сообразный съ тѣмъ родъ жизни воиновъ въ мирное время всегда послужатъ самою вѣрною порукою переносчивости ихъ въ военное время, а также и къ уменьшенію госпиталей и смертности отъ болѣзней.

Въ іюлѣ 1840 года данъ былъ на имя генералъ-адъютанта Перовскаго Высочайшій рескриптъ, коимъ объявлялось всѣмъ участникамъ похода Высочайшее благоволеніе, отданное въ приказѣ по корпусу отъ 2 августа того же года, за № 122.

Такъ кончился походъ въ Хиву, о которомъ въ свое время

---

(40) Смертность въ войскахъ хивинской экспедиціи была въ слѣдующихъ отношеніяхъ: въ пѣхотѣ умеръ 1 челов. изъ 3, 5 чел., въ 1 Оренбургскомъ казачьемъ полку 1 изъ 26 чел., въ оренбургскомъ казачьемъ войскѣ 1 изъ 4 чел., а въ уральскомъ казачьемъ войскѣ 1 изъ 80 человѣкъ. *Прим. ген.-маіора Иванина.*

Въ лѣтнюю хивинскую экспедицію князя Бековича-Черкасскаго въ 1717 году (какъ объяснено въ описаніи той экспедиціи, см. «Военный Сборникъ», № 10 за 1861 годъ) умерла $^1/_4$ часть людей, а въ зимнюю, генерала Перовскаго, въ 1839 году, около $^1/_3$ части; слѣдовательно, эти два опыта, повидимому, говорятъ въ пользу лѣтнихъ предпріятій нашихъ въ степь. Принявъ въ соображеніе, что пройденная отрядомъ генерала Перовскаго часть пути совершена по мѣстамъ, обильнымъ водою, нельзя не согласиться, что выступленіе въ походъ зимою было совершено напрасно: къ началу зимы всему отряду можно было собраться къ Усть-Урту. Справедливость требуетъ сказать, что были люди, которые тогда не одобряли зимняго похода; но мнѣніе другихъ, ссылавшихся на лорда Веллингтона, сказавшаго, что «знойныя степи тоже проходимы для войскъ, но только зимою», восторжествовало. Мнѣніе о преимуществахъ зимняго похода поддерживалось гражданскими чиновниками, незнакомыми съ военнымъ искусствомъ вообще и еще менѣе знавшими киргизскія степи, въ то время мало кѣмъ изъ нихъ посѣщаемыя. *Прим. г. Голосова.*

много говорили и писали, который такъ много обѣщалъ и по всей справедливости заслуживаетъ вниманія Россіи и Европы.

Походъ этотъ имѣлъ цѣлію: внушить страхъ и уваженіе къ имени русскому въ отдаленныхъ странахъ средней Азіи; открыть намъ туда свободный доступъ и дать другой, выгоднѣйшій оборотъ нашей торговлѣ; ознакомить съ аральскимъ бассейномъ и унять дерзкую Хиву, подстрекавшую киргизовъ къ неповиновенію, побуждавшую ихъ къ увозу русскихъ подданныхъ въ неволю, не допускавшую на свои рынки нашихъ купцовъ .и даже не принимавшую къ себѣ нашихъ посольствъ; заставить возвратить нашихъ плѣнныхъ, томившихся тамъ въ тяжкой неволѣ, и, наконецъ, рѣшить географическую задачу, которая такъ долго занимала ученый миръ: текла ли прежде рѣка Аму-Дарья въ Каспійское море, и возможно ли теперь обратить вновь туда же ея воды?

Возвращеніе отряда (далеко не съ полупути даже) лишило возможности достигнуть предположенныхъ цѣлей. Однакожь, если и не всѣ изъ этихъ цѣлей, то, по крайней мѣрѣ, большая часть ихъ выполнилась однимъ только предпріятіемъ похода, однимъ началомъ его.

Неудачное нападеніе отряда хивинцевъ (состоявшаго изъ самыхъ отборныхъ всадниковъ) на Акъ-Булакское укрѣпленіе и на транспортъ штабсъ-капитана Ерофѣева, при чемъ хивинцы, будучи въ десять разъ сильнѣе, потеряли значительное число убитыми и ранеными (по слухамъ, до 400 чел.), а на возвратномъ пути еще болѣе ихъ погибло отъ стужи, и потеря аргамаковъ (оказавшихся неспособными, подобно верблюдамъ, къ перенесенію холода), все это смутило хана и совѣтъ его: ханъ Аллакулъ началъ помышлять о средствахъ умилостивить Россію. Притомъ прекращеніе прямыхъ торговыхъ сношеній съ Россіею, заставивъ хивинцевъ прибѣгнуть къ посредству бухарскихъ и коканскихъ купцовъ, нанесло самый чувствительный вредъ хивинской торговлѣ. Всѣ наши товары доставались хивинцамъ почти по удвоенной цѣнѣ, и, напротивъ, хивинскія произведенія подешевѣли почти вдвое.

Приступъ къ примиренію ханъ задумалъ сдѣлать чрезъ корнета Аитова, который, какъ выше было сказано, захваченъ былъ въ плѣнъ киргизами и отведенъ въ Хиву. Сначала положеніе Аитова было незавидное: его содержали, какъ плѣнника, въ тюрьмѣ, и онъ ежеминутно опасался за свою жизнь,

Но когда ханъ увидѣлъ необходимость смириться, то съ Аитовымъ начали обращаться какъ съ гостемъ, а потомъ призывали къ хану для совѣта о способахъ примиренія съ Россіею.

Лагерь нашъ въ степи, на рѣкѣ Сага-Темиръ. наказаніе ослушныхъ киргизовъ за непоставку верблюдовъ и за уводъ въ плѣнъ Аитова и преслѣдованіе ихъ полковникомъ Бизяновымъ даже на Усть-Уртѣ ясно показывали хивинцамъ, что русскіе вовсе не намѣрены ограничиться первою попыткою достигнуть Хивы: они видѣли во всемъ томъ сборы къ новому походу (41), и потому хивинцы наконецъ устрашились; внушенія же Аитова о милосердіи русскаго императора и объ умѣренности нашихъ требованій склонили хана хивинскаго къ началтію переговоровъ.

Еще въ апрѣлѣ ханъ Аллакулъ. чрезъ своихъ посланцевъ (прибывшихъ. какъ сказано, въ лагерь на рѣку Сага-Темиръ и надѣлавшихъ тамъ тревоги), обѣщалъ выполнить справедливыя наши требованія и началъ это обнародованіемъ, 19 іюля, фирмана. которымъ. подъ опасеніемъ смертной казни, запрещалось подданнымъ хивинскимъ впередъ и навсегда грабить и полонить русскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ханъ освободилъ собственныхъ невольниковъ, предписалъ сдѣлать то же всѣмъ подданнымъ и велѣлъ всѣмъ плѣнникамъ нашимъ являться къ Аитову, дабы онъ могъ лично убѣдиться. дѣйствительно ли освобождены изъ неволи всѣ русскіе. Когда повѣрка эта была окончена, ханъ выдалъ каждому плѣнному по одной тиллѣ (золотая хивинская монета. цѣнностію въ 4 р. сер.), по мѣшку муки на дорогу и на двухъ человѣкъ по верблюду. Отпуская Аитова впередъ, ханъ объявилъ на аудіенціи, что раскаяніе его не ограничивается возвратомъ плѣнныхъ нашихъ и изданіемъ фирмана, запрещающаго на будущее время торговлю невольниками, но что онъ готовъ исполнить и прочія требованія Россіи.

23 августа корнетъ Аитовъ прибылъ въ Оренбургъ. а ка-

(41) И, дѣйствительно, генералъ-адъютантъ Перовскій, по возвращеніи въ Оренбургъ (гдѣ начальникъ корпуснаго штаба, генералъ-маіоръ Рокасовскій, согласно полученныхъ повелѣній, уже приступилъ къ соображеніямъ о новомъ немедленномъ походѣ на Хиву), тотчасъ же занялся изысканіемъ способовъ къ снаряженію новой экспедиціи. Но ближайшее разсмотрѣніе имѣвшихся къ тому средствъ убѣдило въ необходимости отсрочить на нѣкоторое время вторичное предпріятіе на Хиву, а, между тѣмъ, ханъ хивинскій смирился, и въ новомъ походѣ надобности болѣе не оказалось. *Прим. г. Голосова.*

равань съ освобожденными плѣнниками, въ числѣ 416 чел., отправленный вскорѣ послѣ отъѣзда Аитова изъ Хивы, прибылъ 30 августа въ Ново-Александровское укрѣпленіе, откуда отправленъ моремъ въ Гурьевъ-Городокъ. Отсюда плѣнные препровождены были въ Оренбургъ, куда и прибыли 18 октября. Здѣсь имъ предоставлено было избрать родъ жизни и отправиться туда, гдѣ кто пожелаетъ поселиться, при чемъ выдано каждому и соотвѣтственное пособіе.

Тогда отпущены были въ Хиву и задержанные въ 1836 году хивинскіе купцы, товары имъ возвращены, а многіе изъ нихъ сверхъ того получили еще и пособіе отъ казны. Съ хивинскими купцами отправились съ товарами и нѣсколько нашихъ купцовъ; которые въ Хивѣ были приняты дружелюбно.

Въ то же время киргизъ-кайсакамъ и туркменамъ объявлено всепрощеніе, но съ тѣмъ, чтобы они впередъ воздерживались отъ хищничества и грабежей.

Между тѣмъ, для окончательнаго заключенія мирныхъ условій и вмѣстѣ съ тѣмъ для начатія правильныхъ сношеній съ Хивою, мы требовали принятія въ Хиву нашего посольства, на что ханъ также изъявилъ согласіе. Обо всемъ этомъ было тогда же обнародовано особымъ объявленіемъ.

Для переговоровъ съ хивинскимъ ханомъ посылаемы были: первоначально генеральнаго штаба капитанъ Никифоровъ, а потомъ состоявшій по кавалеріи подполковникъ Данилевскій ([42]), которыми заключены мирныя условія и собраны свѣдѣнія о ханствѣ Хивинскомъ (большею частію подтвердившія прежнія наши распросныя свѣдѣнія), а также узнаны лучше и опредѣтельнѣе пути въ Хиву, такъ что, въ случаѣ новаго разрыва съ этимъ ханствомъ, успѣхъ другаго похода уже не будетъ подверженъ такимъ случайностямъ, какъ въ экспедицію 1839 года.

Наконецъ и торговля наша съ сосѣдними средне-азіятскими ханствами приняла совершенно новый оборотъ: прежде хивинцы не только не пускали къ себѣ нашихъ купцовъ, но и грабили наши караваны, посыланные въ Бухару, или же подучали къ тому киргизовъ, и мы торговали съ Хивою только на

([42]) «Описаніе посольства капитана Никифорова» помѣщено генеральнаго штаба подполковникомъ Н. Залѣсовымъ въ № 11 «Военнаго Сборника» за 1861 г., а посольство подполковника Данилевскаго, сколько намъ извѣстно, приготовляется къ изданію тѣмъ же авторомъ. *Прим. г. Голосова.*

нашей линіи или въ Астрахани и Нижнемъ-Новѣгородѣ. Потому торговля наша была въ совершенной зависимости отъ азіятскихъ купцовъ; при заключеніи мирныхъ условій съ Хивою мы потребовали допущенія нашихъ купцовъ на хивинскіе рынки, и какъ ханъ согласился, то нѣкоторые наши купцы и поспѣшили этимъ воспользоваться.

Посылая въ Хиву своихъ повѣренныхъ, русское купечество ближе узнало потребности хивинцевъ и мѣстныя средства торговли. Составилось даже товарищество, подъ названіемъ *хивинской компаніи*, главнымъ руководителемъ которой былъ шуйскій купецъ Барановъ (къ сожалѣнію, вскорѣ затѣмъ умершій отъ холеры, почему и самое товарищество впослѣдствіи разстроилось). Торговля компаніи поведена была правильно, съ знаніемъ дѣла и потребностей обоихъ народовъ, и не только съ одною Хивой, но и съ Бухарой и Коканомъ, куда, по примѣру Хивы, русское купечество стало также допускаться (43).

Купцы хивинскаго товарищества, убѣдившись, что земли средне-азіятскихъ владѣній составляютъ оазисы, произведенія которыхъ могутъ принадлежать къ жаркимъ климатамъ, приняли мѣры къ увеличенію и улучшенію тамъ посѣвовъ растеній, наиболѣе необходимыхъ для нашей мануфактурной промышленности, а именно: марены (44), индиго и хлопчатой бумаги, которыя, по мнѣнію знающихъ людей, могутъ еще болѣе улучшиться, такъ что марена будетъ лучше дагестанской, а хлопчатая бумага не уступитъ американской и индійской. Для достиженія этой цѣли, купцы наши наняли въ Хивинскомъ ханствѣ земли, чтобъ подъ собственнымъ надзоромъ разводить означенныя растенія.

Къ числу благодѣтельныхъ послѣдствій хивинскаго похода должно еще отнести и полную безопасность путешествій по степи и въ Хиву, отчего, естественно, торговля пошла успѣшнѣе и цѣна товаровъ удешевилась. Прежде средне-азіятскіе купцы, опасаясь грабежа кочевыхъ племенъ, ходили всегда

---

(43) Въ настоящее время исключительно ведутъ торговлю въ сосѣднихъ ханствахъ: московскій купецъ Быковскій и оренбургскій купецъ Дѣевъ (послѣдній особенною извѣстностію и уваженіемъ пользуется во всей киргизской степи). *Прим. г. Голосова.*

(44) Прежде марены изъ средней Азіи мы не получали вовсе, но хивинское товарищество въ 1846 г. вывезло оттуда до 20,000 пуд. оной; впослѣдствіи начался вывозъ и индиго. Въ настоящее время производятся опыты разведенія хлопчатой бумаги и на р. Сыръ-Дарьѣ. *Прим. г. Голосова.*

большими караванами, для сбора которыхъ терялось много времени, товаръ или задерживался, или же, изъ опасенія купцовъ отстать отъ каравана, продавался поспѣшно, съ убыткомъ; опасность быть разграбленнымъ увеличивала цѣну за доставку товаровъ изъ Россіи въ Хиву или обратно, такъ что платили съ пуда отъ 1 р. 50 к. до 2 руб. сер. Но послѣ похода и заключенія мирныхъ условій провозная цѣна съ пуда обходилась всего отъ 50 коп. до 1 руб. сер., т. е. стала вдвое дешевле, потому что товары начали отправляться караванами на 20 или 30 верблюдахъ: не надо было уже дожидаться сбора караванов въ 700 или 800 верблюдовъ, какъ прежде, такъ какъ купцы вовсе перестали опасаться разбоевъ и грабежей. Все это вмѣстѣ дало совсѣмъ другое направленіе торговлѣ на востокѣ, несравненно болѣе выгодное для обѣихъ торгующихъ сторонъ.

Наконецъ, надобно сказать, что хивинскій походъ 1839 года послужилъ полезнымъ опытомъ для всѣхъ послѣдующихъ предпріятій нашихъ въ степи: на самомъ дѣлѣ испытанныя измѣненія въ составѣ и организаціи отрядовъ, въ мѣрахъ къ предохраненію людей отъ болѣзней, въ одеждѣ, въ облегченіи движеній, вьючкѣ и т. п. сдѣлались достояніемъ и руководствомъ мѣстныхъ войскъ. Походъ этотъ будетъ не безплоднымъ урокомъ и для будущихъ нашихъ предпріятій въ средней Азіи (*), и если когда нибудь обстоятельства потребуютъ новаго туда движенія съ войсками, чтобъ стать гдѣ либо тамъ твердою ногою, то воспоминанія о походѣ 1839—1840 г. послужатъ, въ этомъ отношеніи, съ большою пользою, и потому-то мы съ такою подробностію старались изложить описаніе этого похода, собравъ относительно его все, что еще пока уцѣлѣло ([45]).

(*) Здѣсь оканчивается рукопись генералъ-маіора Иванина, по которой мы тщательно прослѣдили весь текстъ статьи, представленной г. Голосовымъ. Заключеніе статьи принадлежитъ г. Голосову. *Ред.*

([45]) Описаніе хивинскаго похода генералъ-адъютантъ Перовскій, подъ личнымъ своимъ руководствомъ, поручилъ составить Н. Ханыкову, при помощи офицеровъ генеральнаго штаба, принимавшихъ участіе какъ въ приготовленіяхъ къ походу, такъ и въ самой экспедиціи. Но Ханыковъ составилъ обширную для того программу, въ которую долженъ былъ войдти подробный географическій и историческій обзоръ Турана, а также и подробныя описанія рѣшительно всѣхъ нашихъ посольствъ и предпріятій въ средней Азіи, и сообразно тому началъ собирать матеріялы. Обширность подобной работы и многія затрудненія, встрѣтившіяся при исполненіи оной, были причиною, что такой трудъ не состоялся; тѣмъ не менѣе, собрано было много любопытныхъ свѣдѣній, а между тѣмъ офицеры генераль-

Впослѣдствіи времени, однакожь, Хива, забывъ грозу, вновь сдѣлалась малодоступною для русской торговли (что побудило въ 1858 г. отправить въ Хиву новое посольство ([46])), и сношенія наши съ этимъ ханствомъ постепенно обратились едва ли не къ прежнему положенію, съ тою толькою разницею, что, съ возведеніемъ нашихъ укрѣпленій въ степи, торговля наша, равно какъ и подчиненные намъ киргизы болѣе обезпечены отъ грабежа и вреднаго вліянія хивинцевъ; но на пространствѣ между Аральскимъ и Каспійскимъ морями вліяніе Хивы существуетъ до настоящаго времени.

Возможно подробное описаніе хивинской экспедиціи 1839 г. съ достаточною ясностію показываетъ и причины неудачнаго окончанія этого похода; а потому, не распространяясь болѣе, считаемъ необходимымъ прибавить нѣсколько словъ о томъ впечатлѣніи, какое произвела хивинская экспедиція наша въ Европѣ.

Не говоря уже о томъ своекорыстіи и нарушеніи договоровъ, съ которыми англичане захватили Мысъ Доброй Надежды, Мальту, Іоническіе острова и прочее и прочее, укажемъ на совершившееся незадолго до хивинской экспедиціи нашей событіе, когда одно изъ европейскихъ государствъ на оскорбленіи консула своего основало и утвердило право завоеванія обширнаго и сильнаго африканскаго владѣнія: вся Европа была свидѣтельницею завоеванія Алжира французами—и молчала. Но вина алжирскаго дея, въ минуту вспышки ударившаго консула, исчезаетъ въ сравненіи съ преступнымъ поведеніемъ цѣлыхъ поколѣній хивинскихъ хановъ относительно не только Россіи, но и цѣлаго христіянскаго міра: Хива въ те-

---

наго штаба, подполковникъ Иванинъ, капитанъ Никифоровъ и другіе, подготовили матеріялы по части военныхъ дѣйствій экспедиціи 1839 г. (Подполк. Иваниным, между прочимъ, составлено было при этомъ весьма подробное описаніе Хивинскаго ханства, напечатанное впослѣдствіи подполковникомъ Даниловскимъ, съ небольшими дополненіями.)

Назначенный оренбургскимъ гражданскимъ губернаторомъ, Н. Ханыковъ ограничилъ программу свою уже однимъ походомъ 1839 г. и испросилъ себѣ въ помощники генеральнаго штаба капитана Симонова. Переѣхавъ, впослѣдствіи, изъ г. Уфы въ Петербургъ, Ханыковъ забралъ съ собою и всѣ матеріялы по этому предмету. Наконецъ матеріялы эти, весьма уже неполные, разрозненные и растерянные, доставлены были въ архивъ генеральнаго штаба отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, откуда мы и пользовались ими при составленіи настоящаго описанія.

([46]) Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ посольствѣ были сообщены въ 4 письмахъ, участвовавшаго въ оном, генеральнаго штаба капитана Н. Залѣсова. (См. «Воен. Сбор.» за 1858 и 1859 годы.)

ченіе цѣлаго вѣка, своимъ вѣроломствомъ, разбоями и грабежемъ, испытывала долготерпѣніе Россіи, и тысячи русскихъ изъ тяжкой хивинской неволи молили о помощи. Несмотря на то, вѣсть о походѣ нашихъ войскъ въ Хиву произвела въ Европѣ неблагопріятные для насъ толки.

Европейскіе журналы и газеты (служащіе выраженіемъ общественнаго мнѣнія, а иногда и направляющіе оное) показали, при этомъ случаѣ, одни всю поверхностность своихъ познаній въ дѣлѣ, о которомъ разсуждали, между тѣмъ, съ самоувѣренностію знатаковъ, другіе же обнаружили явную недобросовѣстность и недоброжелательство.

Нѣмецкія газеты, по большей части, повторяли извѣстія, публиковавшіяся въ Россіи объ экспедиціи генерала Перовскаго. Знаменитая англійская газета „Times“, выставляющая себя самою безпристрастною, умышленно смѣшала фамилію начальника хивинской экспедиціи съ Боровскимъ: она приписала біографію этого польскаго выходца генералу Перовскому, котораго поэтому объявила польскимъ евреемъ по происхожденію и по профессіи гувернеромъ у одного англійскаго семейства (проживавшаго въ Александріи, въ Египтѣ), а въ турецкую войну 1829 г. успѣвшаго понравиться Императору Николаю I, который будто бы тогда же принялъ Перовскаго (или, какъ называетъ его „Times“, Боровскаго) въ русскую службу прямо генералъ-маіоромъ. Французскія газеты, по обыкновенію, отличаясь особеннымъ незнаніемъ всего не-французскаго, пошли еще дальше: онѣ смѣло утверждали, что корпусъ русскихъ войскъ, силою до 30,000, идетъ въ Хиву; потомъ, что русскіе заняли это ханство и наконецъ идутъ въ Индію! Послѣ чего, конечно, имъ оставалось предсказывать только встрѣчу русскихъ войскъ съ англійскими на Гинду-Кушѣ, и онѣ дѣйствительно предсказывали это (47). Справедливость требуетъ сказать, что европейскую журналистику ввели въ заблужденіе англійскіе агенты, находившіеся въ то время въ средней Азіи: Абботъ изъ Хивы (гдѣ онъ, какъ объяснено выше, находился въ темницѣ) первый сообщилъ въ Кабулъ и Индію о приближеніи 24,000 русскихъ войскъ къ Хивѣ. Борнсъ изъ Ка-

---

(47) Въ историческомъ введеніи упомянуто нами о дѣйствіяхъ англичанъ въ Авганистанѣ (болѣе подробныя о томъ извѣстія см. въ статьѣ В. Даля, помѣщенной въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1842 годъ), и это послужило основаніемъ къ упомянутымъ выше предположеніямъ французскихъ газетъ.

була подтверждалъ это извѣстіе въ своихъ письмахъ; во французскихъ газетахъ число русскихъ войскъ возросло уже до 30,000. Одинъ только „Journal de Francfort“ (издававшійся во Франктуртѣ-на-Майнѣ и постоянно въ то время расположенный къ Россіи) указывалъ иностранцамъ на заблужденія недоброжелателей Россіи и обличалъ недобросовѣстность распространяемыхъ ими слуховъ.

Напоминая объ этихъ, конечно давно уже забытыхъ, толкахъ о хивинскомъ походѣ, повторимъ еще разъ, что незнаніе, даже, можно сказать, невѣжество, относительно сопредѣльныхъ Россіи на юго-востокѣ странъ было главною причиною столь ложнаго взгляда на дѣйствія Россіи, вынужденныя крайнею необходимостію и основанныя на совершенной справедливости. Ближайшее знакомство съ странами средней Азіи давно уже должно было бы доказать свѣту, что здѣсь завоевательные замыслы, если бы они и существовали, уступаютъ предъ невозможностію. Поэтому обнародованіе всѣхъ свѣдѣній, какъ о сосѣдственныхъ намъ странахъ центральной Азіи, такъ и объ отношеніяхъ нашихъ къ нимъ, теперь и прежде, считаемъ лучшимъ средствомъ избавиться отъ несправедливыхъ нареканій, а иногда и небезопасныхъ заблужденій относительно нашихъ намѣреній, запутывающихъ и усложняющихъ нерѣдко самое ясное и простое дѣло.

НЕОБХОДИМОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ.

По выходѣ въ свѣтъ первыхъ двухъ книжекъ „Военнаго Сборника“ за текущій 1863 годъ, въ то самое время, когда уже была набрана и отпечатана, для третьей книжки, послѣдняя часть „Похода въ Хиву“, отъ генеральнаго штаба генералъ-маіора Михаила Игнатьевича *Иванина*, на имя Главнаго Редактора, получено было письмо слѣдующаго содержанія:

М. Г.

„Во 2 № „Военнаго Сборника“ за нынѣшній годъ напечатана статья, отъ имени г. Голосова, подъ заглавіемъ: „Походъ въ Хиву 1839 г. отряда войскъ подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Перовскаго“.

„Прочитавъ эту статью, я убѣдился, что она есть большею частію выписка слово въ слово, а частію извлеченіе изъ составленнаго мною, по порученію генералъ-адъютанта Перовскаго, въ 1848 и 1849 гг., описанія этого похода, которое

предназначалось мною для напечатанія. Въ подтвержденіе моихъ авторскихъ правъ, я представлялъ вамъ письмо ко мнѣ генералъ-адъютанта Перовскаго, предисловіе къ описанію похода, черновыя мои записки, изъ которыхъ вы могли убѣдиться, что это дѣйствительно мой трудъ.

„Первыя четыре главы записокъ г. Голосова, напечатанныя въ извлеченіи, безъ необходимыхъ чертежей, поясненій и съ прибавленіями самого г. Голосова, не даютъ вполнѣ вѣрнаго понятія о хивинскомъ походѣ. Неудовлетворительное же изложеніе приготовительныхъ мѣръ къ походу, съ выраженіемъ мнѣній, принадлежащихъ лично г. Голосову, можетъ повести къ ложнымъ выводамъ и не послужитъ ни пособіемъ для соображеній на случай будущихъ нашихъ предпріятій въ среднюю Азію, ни для научной цѣли. Все это я намѣренъ доказать въ особой запискѣ.

„Утверждать, что г. Голосовъ имѣлъ намѣреніе присвоить себѣ мой трудъ, я преждевременно не желаю, предоставляя ему самому разъяснить это дѣло. Я полагаю, что г. Голосовъ, по всей вѣроятности, не зналъ, что описаніе хивинскаго похода было предназначено мною для печати, и воспользовался имъ какъ матеріяломъ, хранившимся въ штабѣ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса и извлеченнымъ изъ моего описанія похода.

„Прочитавъ сообщенные вами корректурные листы третьяго отдѣла „Похода въ Хиву“, и находя, что и здѣсь почти все слово въ слово выписано изъ моего труда, съ небольшими измѣненіями порядка изложенія, бывшаго въ моемъ описаніи похода, я исправилъ значительныя ошибки, отмѣтилъ то, что принадлежитъ собственно г. Голосову, и полагаю справедливымъ, что описаніе хивинскаго похода должно явиться въ свѣтъ отъ моего имени, съ исправленіемъ указанныхъ мною ошибокъ и съ исключеніемъ или указаніемъ въ примѣчаніяхъ того, что принадлежитъ собственно г. Голосову.“

Примите и проч.

М. ИВАНИНЪ.

8 февраля 1863 г.

„Редакція „Военнаго Сборника“, впредь до выясненія встрѣтившагося обстоятельства, не имѣя права входить въ какое либо разбирательство дѣла, считаетъ своею обязанностью заявить, что она пріобрѣла рукопись отъ генеральнаго штаба капитана Голосова, какъ трудъ, составленный имъ на основаніи документовъ и матеріяловъ, хранящихся въ архивахъ генеральнаго штаба отдѣльнаго оренбургскаго корпуса.

„Дисциплина и хорошія качества войскъ основываются больше всего на исправности ихъ продовольствія и содержанія, и какъ только разрушится послѣдняя, тотчасъ же падаютъ и первыя“.

ЗАМѢТКИ

ПО ПОВОДУ НАПЕЧАТАННОЙ ВО 2 И 3 НУМЕРАХЪ «ВОЕННАГО СБОРНИКА» НЫНѢШНЯГО ГОДА СТАТЬИ: «ПОХОДЪ ВЪ ХИВУ 1839 Г.»

При чтеніи „Описанія похода въ Хиву 1839 г.“, напечатаннаго, безъ моего вѣдома, во 2 и 3 нумерахъ „Воен. Сборника“, мнѣ особенно было непріятно то, что къ описанію не прибавлено никакихъ изслѣдованій, что ошибки похода не разъяснены и въ примѣчаніяхъ высказаны невѣрные выводы. Между тѣмъ, послѣ похода, мы узнали степь лучше, сдѣлали по ней множество экспедицій, были нѣсколько разъ въ Хивѣ, основали укрѣпленіе на р. Сыръ-Дарьѣ, описали Аральское море, имѣемъ на Сыръ-Дарьѣ флотилію. Все это побудило меня высказать здѣсь нѣсколько замѣчаній относительно похода въ Хиву 1839 г. и мнѣній о немъ г. Голосова.

Г. Голосовъ, говоря о дѣйствіяхъ полковника Геке по устройству укрѣпленія на Акъ-Булакѣ и излагая причины, побудившія къ устройству другаго укрѣпленія, на р. Эмбѣ (въ 36-й выноскѣ, на стр. 347, № 2-й „Воен. Сб.“), замѣчаетъ, „что къ этой мѣрѣ побудила и недовѣрчивость къ его (полковника Гоке) распорядительности, потому: а) что избранная имъ форма Акъ-булакскаго укрѣпленія (бастіонная) была самая неудобная для склада запасовъ (по стѣснительности внутренняго пространства)“ (*). Укрѣп-

(*) Это мнѣніе г. Голосова и невѣрно составленные планы походнаго движенія и расположенія лагеремъ колоннъ походомъ 1839 г., приложенные къ описанію его,

леніе это составляетъ неправильный пятиугольникъ, съ такими небольшими тремя бастіонами, что они вовсе не помѣшали бы сложить внутри его всѣхъ запасовъ, назначенныхъ въ походъ; два бастіона, при полигонахъ отъ 55 до 95 саженъ, имѣютъ горжи по 12 саженъ, фланги отъ 6 до 8 саженъ, а фасы отъ 8 до 12 саженъ; горжа третьяго бастіона 18 саженъ, фланги по 14 саж. и фасы по 15 саж. б) „Что солонцеватая вода ручья и колодцевъ начала оказывать вредное вліяніе на здоровье людей, обремененныхъ иногда и безполезными работами“, и что будто бы это укрѣпленіе послужило впослѣдствіи „къ сильному развитію болѣзней“. Пора намъ перестать сваливать наши ошибки на воду, мѣстность, воздухъ и проч. Подобныя причины неудачъ не имѣютъ такого значенія, какъ, напримѣръ, злоупотребленія, беззаботность, незнаніе. Вода на Акъ-Булакѣ не была такъ

удостовѣряютъ, что г. Голосовъ имѣлъ мои записки о походѣ неполныя и нѣсколько измѣненныя. Это, кажется, можно такъ объяснить: Я. В. Ханыковъ, участникъ предварительныхъ распоряженій къ походу въ Хиву 1839 г., взялся потомъ описать его; но прошло восемь лѣтъ, а дѣло не подвигалось. Тогда генералъ-адъютантъ Перовскій поручилъ мнѣ описать походъ, исключая первой и послѣдней главъ. Едва я началъ разбирать груды матеріяловъ, какъ получилъ назначеніе въ Могилевъ-на-Днѣпрѣ. Отобравъ на скорую руку тѣ изъ нихъ, которые казались мнѣ болѣе необходимыми, я уѣхалъ въ Могилевъ, гдѣ, съ помощію моего походнаго журнала, составилъ описаніе похода, попавшее потомъ въ руки Я. В. Ханыкова, который, вѣроятно, и сдѣлалъ въ нихъ измѣненія.

Изъ письма ко мнѣ генеральнаго штаба полковника Симонова отъ 8 сего марта видно, что онъ принялъ отъ Ханыкова, во время болѣзни его, всѣ имѣвшіяся у него свѣдѣнія о средней Азіи и о походѣ въ Хиву 1839—1840 годовъ, уложенныя въ девяти ящикахъ. Документамъ этимъ полковникъ Симоновъ сдѣлалъ подробную опись, и когда генералъ-адъютантъ Перовскій оставлялъ Оренбургъ, то приказалъ полковнику Симонову передать всѣ документы бывшему оберъ-квартирмейстеру оренбурскаго корпуса полковнику Дандевилю, которому сдана была и моя рукопись о походѣ въ Хиву 1839 — 1840 годовъ, съ тѣмъ, чтобы, отобравъ дѣла корпуснаго штаба, хранившіяся въ числѣ документовъ о походѣ, собственные документы и письма Ханыкова, всѣ остальныя бумаги отослать къ нему (Перовскому) въ Крымъ. Были ли эти дѣла и описаніе похода въ Хиву отправлены въ Крымъ и какъ попало описаніе похода въ штабъ оренбургскаго корпуса, ни полковнику Симонову, ни мнѣ неизвѣстно. Но, полагая, что, по смерти генералъ-адъютанта Перовскаго, всѣ его бумаги должны были поступить къ его наслѣдникамъ, я, прибывъ въ 1858 г. въ Петербургъ, просилъ полковника Симонова, по знакомству его съ родственникомъ Перовскаго, Алек. М. Жемчужниковымъ, спросить у наслѣдниковъ Перовскаго мою рукопись, предъявя письмо ко мнѣ Перовскаго, изъ котораго видно, что онъ намѣренъ былъ рукопись эту возвратить мнѣ. Я получилъ въ отвѣтъ, что у наслѣдниковъ Перовскаго рукописи нѣтъ. Теперь я вижу только, что трудъ мой напечатанъ безъ моего вѣдома и подъ чужимъ именемъ. Прежде напечатанія слѣдовало бы разработать, исправить описаніе экспедиціи и дополнить справками съ дѣлами: тогда трудъ имѣлъ бы болѣе цѣны.

Зам. авт.

дурна, чтобъ могла произвести болѣзни; работы тоже не имѣли ничего особенно обременительнаго. Въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи (нынѣшнемъ Ново-Александровскомъ, на полуостровѣ Мангишлакѣ) вода была не лучше акъ-булакской, а работы въ 1846 году были обременительнѣе; тамъ также развилась цынготная болѣзнь и произвела бы, безъ сомнѣнія, значительную смертность, если бы не были приняты дѣятельныя мѣры къ ея прекращенію. Если бы болѣзнь восторжествовала, то было бы пущено въ ходъ мнѣніе, что мѣстность для укрѣпленія выбрана неудачно, а, между тѣмъ, причина болѣзни въ обоихъ укрѣпленіяхъ и смертности въ Акъ-Булакскомъ была та, что въ нихъ былъ начальникомъ одинъ и тотъ же человѣкъ, не отличавшійся особенною заботливостію: На Акъ-Булакѣ, если бы, по настоянію горныхъ инженеровъ, капитановъ Ковалевскаго и Гернгроса, не сдѣлана была наканунѣ нападенія хивинцевъ предварительная тревога, не распредѣлены люди по мѣстамъ на случай нападенія, не розданы и заготовлены патроны и заряды, и если бы горные инженеры не взялись сами управлять огнемъ артиллеріи во время нападенія на укрѣпленіе, то, по всей вѣроятности, оно было бы взято хивинцами. Въ Ново-Петровскѣ гарнизонъ укрѣпленія болѣе двухъ мѣсяцевъ употреблялъ въ пищу гнилую солонину; когда же въ іюлѣ мѣсяцѣ я прибылъ въ укрѣпленіе и увидѣлъ эту солонину, то немедленно назначилъ коммиссію изъ офицеровъ гарнизона, которые единогласно объявили, что за гнилостію подобную солонину употреблять невозможно. Я тотчасъ же озаботился пріисканіемъ способовъ покупать отъ киргизовъ барановъ и принялъ дѣятельныя мѣры къ прекращенію цынги. Болѣзнь прекратилась; работы по укрѣпленію и по другимъ предметамъ продолжались дѣятельно и шли успѣшно. Для доказательства прилагаю извлеченіе изъ отчета, представленнаго мною въ 1847 году. Въ отчетѣ этомъ я не помѣстилъ случая, который считаю необходимымъ разсказать здѣсь. Узнавъ, что солдатъ худо кормятъ, я на другой же день неожиданно пришелъ къ обѣду и велѣлъ при себѣ взвѣсить мясо, бывшее въ щахъ, для раздачи людямъ. Оказалось, что дача на каждаго солдата была значительно менѣе положенной. Труднѣе всего было добыть изъ Астрахани луку, чесноку и свѣжей зелени: несмотря на мои неоднократныя приглашенія торговцевъ привозить эти припасы въ Ново-Петровскъ, никто сначала не хотѣлъ ѣхать, потому что нѣкоторыя мѣстныя власти, образо-

вавъ компанію рыболовства, удалили всѣхъ рыбопромышленниковъ, исключая одного, который былъ имъ нуженъ для продажи ихъ рыбы въ Астрахани. Но когда я на мѣстѣ ловли захватилъ 4,000 крючковъ, принадлежавшихъ чиновнику-промышленнику, и когда узнали объ этомъ въ Астрахани, тогда немедленно пріѣхали оттуда настоящіе рыбопромышленники и торговцы, навезли разныхъ товаровъ, и гарнизонъ сталъ видимо поправляться, получая зелень и другіе необходимые припасы. Въ подобныхъ злоупотребленіяхъ кроется корень болѣзней и смертности, а не въ водѣ, воздухѣ или работахъ. Если солдатъ накормленъ хорошо и объ немъ заботятся, то работа не можетъ изнурить его.

Многіе полагаютъ, въ томъ числѣ и г. Голосовъ, будто походъ въ Хиву 1839 г. не удался только оттого, что предпринятъ былъ зимою. Мнѣніе это несправедливо. Мною представлены были примѣры, что величайшіе полководцы средней Азіи, Чингисъ-Ханъ и Тамерланъ, переходили зимою степи Гоби и Бебтакъ (Голодную) съ 200,000-ю арміею. Тамерланъ, приготовляясь воевать съ Тохтамышемъ, осенью 1390 г. собралъ многочисленную армію въ окрестностяхъ г. Ташкента; сдѣлавъ смотръ ей 19 января 1391 г., онъ объявилъ войну улусу Джучи (Золотой ордѣ) и, распредѣливъ войска по колоннамъ, двинулъ ихъ внизъ по р. Сыръ-Дарьѣ, а потомъ, направя ихъ на западную сторону горъ Китчикъ-Тау и Улу-Тау, далъ имъ здѣсь нѣсколько дней отдыху. Голодную степь онъ прошелъ въ концѣ февраля и началѣ марта, когда можно было довольствоваться снѣговой водой или растаянной, накопившейся въ ямахъ и лужахъ. Далѣе Тамерланъ направился на р. Ишимъ, верховья Абуги (Абагана) и Тобола, куда прибылъ въ началѣ апрѣля. Здѣсь, на тучныхъ пастбищахъ, онъ опять далъ войскамъ отдыхъ, во время котораго, для продовольствія ихъ свѣжимъ мясомъ, предпринималъ охоты. Отсюда онъ выступилъ въ началѣ мая. Слѣдовательно, разстояніе до вершинъ р. Абуги, около 1,200 верстъ, Тамерланъ шелъ болѣе трехъ мѣсяцевъ, безъ сомнѣнія, съ цѣлію сберечь силы лошадей и верблюдовъ; но далѣе, освѣживъ животныхъ на вершинахъ рр. Абуги и Тобола и направясь на западъ въ земли непріятеля по хорошимъ кормамъ, онъ двигался быстрѣе. Пройдя около тысячи верстъ съ небольшимъ въ 40 дней и настигнувъ, 18 іюня, Тохтамыша при р. Кондурчѣ (въ нынѣшней Самарской губерніи), Тамер-

ланъ разбилъ его и преслѣдовалъ остатки его арміи до береговъ Волги (*). Проведя здѣсь около мѣсяца, войска Тамерлана двинулись обратно къ р. Сыръ-Дарьѣ и прошли южныя киргизскія степи тоже зимою.

И наша исторія показываетъ примѣръ замѣчательнаго успѣшнаго зимняго похода въ 1499 г., при Іоаннѣ III, къ берегамъ Иртыша и Оби (описаннаго въ исторіи Карамзина): 5,000 войска, подъ начальствомъ воеводъ Ушатаго и Курбскаго, прошли на лыжахъ болѣе 3,000 верстъ.

Намъ ли, жителямъ сѣвера, бояться зимнихъ походовъ? Но есть люди, для убѣжденія которыхъ примѣры, взятые изъ исторіи, недостаточны: имъ нужны доказательства, взятыя изъ сущности дѣла. Поэтому я принужденъ разсмотрѣть составленный въ 1839 г. планъ похода и указать на сдѣланныя при его исполненіи ошибки. Если въ то время, когда приготовлялись къ экспедиціи, еще можно было спорить, какой путь выгоднѣе избрать для достиженія Хивы, по причинѣ недостаточнаго знанія нами мѣстности (хотя, впрочемъ, ничто не мѣшало заблаговременно изслѣдовать разные пути отъ оренбурго-уральской линіи къ Хивѣ, на значительное разстояніе), то, разъ избравши какой-либо путь, надлежало обдумать и толково привести въ исполненіе всѣ средства для достиженія предположенной цѣли. Этого-то именно и не было сдѣлано.

Если бы походъ Бековича 1717 г. былъ описанъ своевременно и въ подробности, то, готовясь къ экспедиціи 1839 г., мы избѣжали бы многихъ ошибокъ. Полагаю, что уже настало время для исторіи похода генерала Перовскаго; пора разобрать безпристрастно, что было хорошо придумано для успѣха его, что неудачно, и указать на ошибки. На первый разъ я намѣренъ высказать только то, что можетъ служить къ опроверженію мнѣнія тѣхъ, которые полагаютъ, будто походъ 1839 года не удался потому, что предпринятъ былъ зимою. Надѣюсь, что редакція „Военнаго Сборника“, для возстановленія истины, не откажется помѣстить на страницахъ журнала мои откровенныя замѣчанія.

(*) Разстояніе отъ г. Ташкента до р. Кондурчи, пройденное войсками Тамерлана, вымѣрено циркулемъ по картѣ, слѣдовательно по прямымъ линіямъ; но если принять въ разсчетъ обходы горъ, крутыхъ овраговъ, топкихъ солонцовъ, то, нѣтъ сомнѣнія, все разстояніе, пройденное Тамерланомъ, составитъ не менѣе 2,500 верстъ.

Путь отъ Оренбурга въ Хиву, чрезъ Усть-Уртъ, по которому до населенныхъ мѣстъ не менѣе 1,350 верстъ, трудно было совершить на однихъ и тѣхъ же лошадяхъ и верблюдахъ безъ изнуренія, не давши имъ, на полупути, нѣсколько дней и даже недѣль отдыху. Еще въ 1826 г. генеральнаго штаба полковникъ Бергъ (нынѣ генералъ-отъ-инфантеріи графъ Бергъ), по возвращеніи съ зимней экспедиціи къ Аральскому морю, совѣтовалъ въ случаѣ похода въ Хиву избрать складочный пунктъ близъ Усть-Урта, при урочищѣ Донгутъ-Тау, придти сюда въ концѣ ноября и выждать здѣсь выпада снѣгу. Въ это время лошади и верблюды могли бы отдохнуть, и съ первымъ снѣгомъ надлежало бы двинуться въ Хиву: тогда снѣгъ не могъ бы еще завалить пути и кормовъ и служилъ бы вмѣсто воды для питья. Мысль основательная, но ее слѣдовало бы лучше развить и толковѣе исполнить. Планъ можетъ быть составленъ умно, дальновидно; однако если исполнители выбраны неудачно, трудно ожидать успѣха. Къ сожалѣнію, покойный генералъ Перовскій, при своемъ умѣ и рѣдкихъ душевныхъ качествахъ, не имѣлъ способности выбирать людей; онъ былъ слишкомъ довѣрчивъ къ своимъ приближеннымъ, и они-то причиною, что здравая мысль, положенная въ основаніе, худо примѣнена была къ дѣлу. Походъ въ Хиву 1839 г. не удался не отъ суровой зимы, не отъ измѣны верблюдовъ, какъ тогда говорили, а отъ злоупотребленій, интригъ, недостаточнаго знанія мѣстности и свойствъ киргизскихъ степей. Однимъ изъ главныхъ виновниковъ неудачи похода былъ генеральнаго штаба капитанъ Никифоровъ. Для раскрытія истины слѣдовало бы покороче познакомиться съ этимъ офицеромъ; но онъ уже умеръ, а о мертвыхъ, по смыслу пословицы, надобно говорить или хорошо, или не говорить ничего. Я скажу только, что личность Никифорова очерчена невѣрно въ статьѣ г. Залѣсова, помѣщенной въ „Военномъ Сборникѣ“ (1861 г., № 11-й), и сообщу о Никифоровѣ кое-какія свѣдѣнія, прямо идущія къ дѣлу.

Никифоровъ служилъ въ одномъ изъ саперныхъ баталіоновъ, откуда въ 1833 году поступилъ въ военную академію, но, не пробывъ здѣсь и года, принужденъ былъ отправиться на службу въ одинъ изъ оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ. Ему удалось обратить на себя вниманіе генералъ-адъютанта Перовскаго, который, къ несчастію, исходатайствовалъ переводъ Никифорова въ генеральный штабъ и началъ до-

вѣрять ему важныя дѣла по управленію. Не только переписка, но и распоряженія, по части приготовительныхъ мѣръ къ походу 1839 г. въ Хиву, поручены были Никифорову. Пользуясь этимъ, онъ хотѣлъ въ самомъ походѣ занять видное мѣсто и, чтобы лучше достигнуть этого, употребилъ всѣ свои усилія, чтобы отстранить отъ участія въ предварительныхъ соображеніяхъ и первоначальныхъ распоряженіяхъ офицеровъ генеральнаго штаба, бывшихъ при оренбургскомъ корпусѣ, особенно тѣхъ, которые коротко его знали и были старше его по генеральному штабу, именно: оберъ-квартирмейстера оренбургскаго корпуса полковника Жемчужникова и меня. Вся предварительная переписка по походу ведена была скрытно отъ насъ. По самонадѣянности своей, успѣхъ похода Никифоровъ считалъ вѣрнымъ и не счелъ нужнымъ обратиться къ содѣйствію прочихъ офицеровъ генеральнаго штаба (*).

Полковникъ Жемчужниковъ, служа въ оренбургскомъ корпусѣ довольно долго, зналъ хорошо степь, ходилъ съ отрядомъ за рѣку Сыръ-Дарью, основывалъ новую оренбургскую линію и, при его добросовѣстности и благоразуміи, очень былъ бы полезенъ какъ при первоначальномъ соображеніи плана похода въ Хиву, такъ и во время приготовительныхъ распоряженій для приведенія плана въ исполненіе. Но въ такомъ случаѣ онъ былъ бы необходимымъ лицомъ для отряда, назначеннаго въ Хиву; посему Никифоровъ старался отстранить Жемчужникова отъ всякаго участія въ распоряженіяхъ. Хотя еще въ мартѣ 1839 года, бабы на базарѣ толковали, что мы пойдемъ въ Хиву, но оберъ-квартирмейстеръ корпуса, полковникъ Жемчужниковъ, о предполагаемомъ походѣ офиціяльно ничего не зналъ; по бумагамъ походъ считался тайною, и приготовленія дѣлались подъ видомъ ученой экспедиціи къ Аральскому морю. Чтобъ отстранить полковника Жемчужникова отъ участія въ походѣ подъ благовиднымъ предлогомъ, надобно было пріискать ему соотвѣтствующее этой цѣли порученіе: и вотъ ему даютъ казачій отрядъ и посылаютъ въ степь для прикрытія башкир-

---

(*) Эту самоувѣренность раздѣляли многіе изъ приближенныхъ генералъ-адъютанта Перовскаго. Не задолго до выступленія, когда я спорилъ съ Я. В. Ханыковымъ о трудностяхъ, которыя встрѣтятся въ походѣ, и говорилъ, что успѣхъ былъ бы вѣрнѣе, еслибъ мы пошли на Сыръ-Дарью, чтобы воспользоваться водянымъ путемъ, и не болѣе какъ съ 3,000 человѣкъ войска, Ханыковъ отвѣчалъ: «походъ такъ хорошо приготовленъ, что не можетъ не удасться.»

скихъ транспортовъ, предназначенныхъ къ отправленію въ передовое укрѣпленіе, гдѣ долженъ быть складъ запасовъ экспедиціи— порученіе казачьяго или кавалерійскаго офицера. Выбрать же удобнѣйшую дорогу въ Хиву до Усть-Урта, отыскать лучшій подъемъ на него, найдти удобный складочный пунктъ, или, выражаясь языкомъ стратегіи, опредѣлить операціонный путь и основать передовой базисъ — дѣло офицера генеральнаго штаба — поручили кавалерійскому офицеру, полковнику Геке, служившему сначала адъютантомъ, потомъ по особымъ порученіямъ при оренбургскомъ генералъ-губернаторѣ. Ему даже не дали въ помощь офицера генеральнаго штаба.

Прибывъ къ урочищу Донгузтау, полковникъ Геке донесъ, что оно не годится для склада запасовъ. Урочище это полковникъ Бергъ въ 1826 г. видѣлъ зимою. Это солонцоватая долина, покрытая горько-соленой травой. Зимой, во время прохода полковника Берга, вѣроятно, паслись на ней стада, вслѣдствіе чего полковникъ Бергъ указалъ на это мѣсто какъ на удобное для стоянки отряда, въ ожиданіи выпада снѣгу. Въ то время мы еще мало были знакомы со свойствами киргизскихъ степей и степныхъ травъ, и ошибка полковника Берга не разъ и другими офицерами повторялась. Полковникъ Бутовскій, проѣзжая по уральскимъ степямъ мимо солонцоватыхъ долинъ, поросшихъ густыми и высокими травами, увѣрялъ, что уральскіе казаки имѣютъ здѣсь луговъ на двѣ тысячи стоговъ; капитанъ Шульцъ, на низовьяхъ рѣки Сыръ-Дарьи, принялъ молодой камышъ за сѣно и писалъ, что тамъ можно получать до милліона пудовъ сѣна. Камышъ этотъ привычныя лошади ѣдятъ, а зимою камыши устій Сыръ-Дарьи, Каспійскаго моря и рѣки Урала служатъ кормомъ и лучшимъ прикрытіемъ во время бурановъ киргизскому скоту; но что пригодно для кочеваго народа, то не всегда годится нашему военному отряду. Киргизы замѣтили, что лошади сѣверныхъ степей, при переводѣ въ южныя степи, болѣютъ; на Кавказѣ гурійскія и имеретинскія лошади, по привычкѣ, безъ вреда питаются кукурузными стеблями и листьями, но лошади Аракской долины отъ этого корму болѣютъ. Есть и другія особенности киргизскихъ травъ. Во время движенія моего въ сентябрѣ 1846 г. съ отрядомъ на полуостровѣ Мангишлакѣ, къ горамъ Каратау, у меня пало нѣсколько лошадей отъ здѣшнихъ ядовитыхъ травъ; но тѣ же травы зимою, послѣ морозовъ, бываютъ безвредны, и въ окрест-

ности горъ Каратау кочуетъ зимою довольно много киргизовъ со своими стадами.

Всѣ эти свойства киргизскихъ травъ, узнаваемыя опытомъ, должны быть извѣстны офицерамъ генеральнаго штаба, служащимъ въ пограничныхъ мѣстахъ съ среднею Азіею. На планахъ нашихъ съемокъ степей средней Азіи слѣдовало бы означать особыми условными знаками годныя или вредныя для питья воды и для подножнаго корма травы, описывать, какія пространства и въ какое время года годятся для пастьбы верблюдовъ, лошадей, барановъ, и гдѣ лучшія зимовки для этихъ животныхъ. Если мы, сверхъ того, переймемъ отъ кочевыхъ народовъ способъ скорѣе отпасывать скотъ на разныхъ мѣстностяхъ, а отъ монгольскихъ полководцевъ производить военныя движенія въ видѣ перекочевокъ, такъ чтобы лошади и верблюды отъ передвиженій не только не изнурялись, но еще укрѣплялись, то и мы будемъ въ состояніи, какъ Тамерланъ, дѣлать походы въ 2,500 верстъ и имѣть возможность вести войну въ средней Азіи, удалясь на такое разстояніе отъ своего основанія.

Недаромъ у монгольскихъ хановъ были особые чиновники для веденія колоннъ, для выбора становищъ, для расположенія войскъ въ лагеряхъ (такъ называемые юртджи), имѣвшіе назначеніе и обязанности, сходныя съ обязанностями офицеровъ генеральнаго штаба, но приноровленныя къ кочевому быту.

Если мы въ 1839 г. знали плохо свойства киргизской степи и мѣстность, тѣмъ болѣе было побудительныхъ причинъ, задумывая походъ въ Хиву, послать заблаговременно отрядъ для изслѣдованія мѣстности (*). Но полковникъ Геке, при самомъ приготовленіи къ походу, посланъ былъ съ обозомъ изъ 1,200 повозокъ не только выбрать направленіе для движенія обозовъ, мѣсто для склада, но и для немедленнаго устройства укрѣпленія, въ которомъ могли бы до прихода отряда складываться и храниться всѣ запасы, предполагавшіеся къ перевозкѣ въ степь послѣдующими транспортами. Если бы на мѣстѣ полковника Геке былъ полковникъ Жемчужниковъ, то, знакомый съ основной мыслію, изложенной въ запискѣ полковника Берга, онъ, по осмотрѣ урочища Донгузтау, найдя его не соотвѣтствующимъ цѣли, возвратился бы къ рѣкѣ Эмбѣ, назначилъ бы

(*) Мы это сдѣлали уже послѣ похода.

то мѣсто при устьѣ рѣки Аты-Якши, которое онъ впослѣдствіи избралъ, и приступилъ бы немедленно къ заготовленію возможно большаго количества сѣна. Онъ, безъ сомнѣнія, хорошо вникъ въ смыслъ предположенія полковника Берга, потому что, по возвращеніи съ своей степной командировки, говорилъ мнѣ, что еслибъ его послали вовремя для выбора складочнаго пункта, пока киргизы не вытравили кормовъ, и снабдили достаточнымъ числомъ косъ, то онъ накосилъ бы въ долинѣ Эмбы и Аты-Якши 200 и даже 300 тысячъ пудовъ сѣна; а это имѣло бы существенное вліяніе на успѣхъ экспедиціи. По приходѣ къ Эмбенскому укрѣпленію, колонны стояли тамъ отъ 3 до 4 недѣль. Имѣй мы большіе запасы сѣна, верблюды и лошади на хорошомъ корму могли бы отдохнуть и оправиться въ силахъ; но, при скудномъ подножномъ кормѣ, покрытомъ снѣгомъ, и при недостаткѣ сѣна, они не только не поправились, но еще болѣе похудѣли. Несмотря, однакожь, на эту ошибку, послѣ блистательнаго отраженія хивинцевъ акъ-булакскимъ гарнизономъ и штабсъ-капитаномъ Ерофѣевымъ, намъ слѣдовало бы немедленно идти въ Хиву (*), съ 2,000 или 3,000 войска, отобравъ лучшихъ 4,000 или 5,000 верблюдовъ и оставя прочихъ въ резервѣ; но идти надлежало съ меньшими затѣями, съ лучшимъ выборомъ начальниковъ и особенно чиновъ штаба, и безъ потери времени, потому что съ каждымъ днемъ могъ прибавляться снѣгъ, а верблюды слабѣли бы въ силахъ отъ недостатка корму.

Впрочемъ, и выборъ передоваго складочнаго мѣста на Акъ-Булакѣ не могъ бы испортить дѣла, еслибъ распорядились иначе и не потеряли времени. Мѣстность тамъ хотя солонцоватая, но годная для пастьбы верблюдовъ, и потому можно было бы тамъ устроить верблюдное депо, согнать туда изъ числа имѣющихъ быть выставленными отъ южныхъ киргизовъ верблюдовъ 3 или 4,000 и держать ихъ здѣсь для отпасу; другія же 3 или 4,000 согнать къ Эмбенскому укрѣпленію для той же цѣли. Съ 6 или 8,000 свѣжихъ, въ хорошемъ тѣлѣ, верблюдовъ, придя на передовые склады налегкѣ, везя тяжести частію на башкирскихъ повозкахъ, а частію съ легкими вьюками, на верблюдахъ, которые должны были быть поставлены сѣверными и западными киргизами и ханомъ Джангеромъ, въ числѣ отъ 4

(*) Свѣдѣніе объ отраженіи хивинцевъ получено было вскорѣ по приходѣ главной колонны къ Эмбенскому укрѣпленію.

до 6,000, мы, съ выпадомъ снѣгу, съ передовыхъ укрѣпленій могли бы идти въ Хиву уже съ полной надеждой на успѣхъ, потому что однимъ изъ главныхъ условій успѣха похода въ Хиву было то, чтобъ придти въ это ханство съ лошадьми и верблюдами не изнуренными. А для этого слѣдовало озаботиться, чтобъ у подошвы Усть-Урта (на Акъ-Булакѣ) или на Эмбѣ эти животныя были въ полной силѣ и чтобъ Усть-Уртъ переходить не по глубокимъ снѣгамъ. Если же, по какимъ-нибудь важнымъ причинамъ, невозможно было имѣть у Эмбенскаго и Акъ-Булакскаго укрѣпленій сильныхъ верблюдныхъ депо (какъ выше сказано), то надобно было выступить изъ Оренбурга не въ половинѣ ноября, а въ началѣ или въ половинѣ сентября; придя на Эмбу и Акъ-Булакъ, въ началѣ или половинѣ октября, въ ожиданіи выпада снѣгу, дать отряду продолжительный отдыхъ, а между тѣмъ дошить здѣсь и достроить то, что было необходимо для зимняго похода; людей можно бы поучить стрѣльбѣ въ цѣль, разсыпному строю, необходимымъ построеніямъ для походнаго движенія; лошади и верблюды освѣжились бы и поправились въ тѣлѣ. Тогда остававшіяся 850 или 700 верстъ по малокормному Усть-Урту можно бы сдѣлать въ 25 или 30 дней, и мы пришли бы въ Хиву не съ изнуренными верблюдами, въ январѣ или февралѣ, то есть въ самое удобное время. Если бы даже, придя въ Хивинское ханство, понадобилось нѣсколько времени дать лошадямъ и верблюдамъ отдыху, пока приготовится укрѣпленіе для склада здѣсь запасовъ, то и это удобно было бы сдѣлать, потому что въ Хивѣ много сѣютъ люцерны, составляющей хорошій подножный кормъ, а частыя и глубокія канавы служили бы преградами отъ внезапнаго угона животныхъ.

Этихъ приведенныхъ фактовъ и сужденій, полагаю, достаточно для убѣжденія, что въ неудачѣ похода вовсе не виноваты были ни зима, ни верблюды.

Другой человѣкъ, котораго Никифорову непремѣнно надо было устранить отъ участія въ походѣ въ Хиву, былъ я (*). Меня

(*) Еще въ 1836 г. мнѣ и Никифорову поручено было составить предположеніе объ устройствѣ укр. на р. Сыръ-Дарьѣ. Работая вмѣстѣ съ Никифоровымъ, я убѣдился въ его способности увлекаться несбыточными надеждами и въ неосновательности его сужденій, и потому, когда я, по пріѣздѣ изъ отпуска въ Оренбургъ въ мартѣ 1839 г., увидѣлъ, что Никифоровъ дѣлалъ всѣ распоряженія по приготовленію къ походу въ Хиву, скрытно отъ офицеровъ генеральнаго штаба, то, опасаясь его промаховъ и увлеченій, я, вмѣстѣ съ переведеннымъ изъ инженеровъ

еще ранѣе Жемчужникова послали закупить запасы, необходимые для похода — порученіе, также не входящее въ кругъ обязанностей офицера генеральнаго штаба.

Не знаю, донесли ли генералъ-адъютанту Перовскому про интриги Никифорова, или онъ самъ сталъ наконецъ понимать этого офицера, только недѣли за двѣ или за три до выступленія колоннъ изъ Оренбурга мнѣ объявили, что я долженъ готовиться къ походу, но какое назначеніе я буду имѣть при отрядѣ, мнѣ ничего не сказали, несмотря на то, что въ нашихъ постановленіяхъ опредѣляется кругъ обязанностей каждому. Къ сожалѣнію, и отряду не было дано хорошей организаціи. Въ походѣ, гдѣ такъ важно было сохраненіе въ тѣлѣ верблюдовъ и сбереженіе продовольственныхъ запасовъ, не было ни завѣдывающаго верблюдами, ни оберъ-провіянтмейстера; назначены были только, и то предъ самымъ выступленіемъ, начальникъ колоннъ, начальникъ пѣхоты, начальникъ артиллеріи; во время самаго похода назначенъ былъ дежурный штабъ-офицеръ, но ни начальника штаба, ни оберъ-квартирмейстера отряда во все время похода не было. Вѣроятно, Никифорову не хотѣлось выпускать изъ рукъ своего вліянія на дѣла отряда и на генералъ-адъютанта Перовскаго. Впрочемъ, въ постоянномъ отстраненіи Жемчужникова и меня отъ участія въ приготовленіяхъ къ походу и отъ назначенія опредѣленныхъ намъ должностей въ отрядѣ, безъ сомнѣнія, кромѣ Никифорова, трудились и другіе приближенные Перовскаго. Не говоря уже о наградахъ, которыя можно было получить за успѣшный походъ, представлялись и другія, такъ называемыя существенныя выгоды.

Я слѣдовалъ при отрядѣ въ главной колоннѣ. Еще въ 1837 г., узнавъ изъ частныхъ разговоровъ о предположеніи генералъ-адъютанта Перовскаго предпринять зимній походъ въ Хиву, я, по собственному побужденію и понимая необходимость узнать сосѣднюю страну, куда предполагался походъ, составилъ, по распросамъ, описаніе Хивинскаго ханства (*). Въ

путей сообщенія корпуса топографовъ поручикомъ Ивановымъ, просилъ оберъ-квартирмейстера полковника Жемчужникова доложить начальству о неправильныхъ дѣйствіяхъ Никифорова. Но вскорѣ послѣ этого Жемчужниковъ посланъ былъ въ степь прикрывать движеніе башкирскихъ транспортовъ, а я и Ивановъ за покупками.

(*) Свѣдѣнія о Хивинскомъ ханствѣ, собранныя тщательными распросами отъ бывшихъ въ хивинской неволѣ нашихъ подданныхъ, впослѣдствіи почти всѣ под-

продолженіе же самого похода я, не имѣя ни надежды на успѣхъ, ни возможности исправить капитальныя ошибки, посвящалъ время слѣдующимъ занятіямъ: на Караванномъ озерѣ и потомъ при Эмбенскомъ укрѣпленіи составилъ предположенія для движенія и расположенія въ лагеряхъ и на становищахъ, для всего отряда, утвержденныя генералъ-адъютантомъ Перовскимъ, выбиралъ мѣста для становищъ главной колонны, при которой слѣдовалъ, ѣхалъ всегда впереди колонны съ вожаками, дѣлалъ распросы о свойствѣ пути, кормовъ, топлива и воды впереди; писалъ (спиртовыми чернилами) замѣчанія о походѣ, велъ походный журналъ. Словомъ, я дѣйствовалъ какъ слѣдовало усердному и добросовѣстному юртджи (*).

Служа при генералъ-адъютантѣ Перовскомъ нѣсколько лѣтъ, я не могъ надивиться его довѣрчивости и слабости къ своимъ приближеннымъ. Когда пришлось изъ Акъ-Булака возвращаться, то онъ, говоря о своемъ походѣ и взглянувъ на Никифорова сказалъ: „это поэзія“. Казалось бы, послѣ такого мнѣнія о Никифоровѣ, слѣдовало отстранить его отъ всякаго вліянія на дѣла, но Перовскій его же выбралъ для посольства въ Хиву. Никифоровъ не оправдалъ и этого выбора. Въ „Военномъ Сборникѣ“ описано посольство Никифорова въ Хиву и разсказаны его тамъ дѣйствія, вѣроятно, на основаніи его же донесеній. Я не очень довѣряю тому, что онъ о себѣ писалъ: безъ сомнѣнія, онъ многое раскрасилъ. Что же касается до того, что онъ не-дипломатически обходился съ чиновниками хивинскаго хана, выталкивая ихъ съ посольскаго двора, это дѣлалъ онъ, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ особаго настроенія и раздражительности, и потому не удивительно, если въ такомъ ненормальномъ состояніи приказывалъ выталкивать въ шею хивинскихъ чиновниковъ. Что Никифорову сходило это съ рукъ, можно объяснить тѣмъ, что, во время его пребыванія

твердились, и потому надѣюсь, что не почтутъ самохвальствомъ, если я скажу, что, при участіи въ предварительныхъ соображеніяхъ и распоряженіяхъ къ походу, и полковникъ Жемчужниковъ и я положили бы для успѣха его болѣе прочныя основанія, предварительно ознакомившись и со степью, и съ Хивой.

(*) По окончаніи похода, когда сдѣлано было представленіе къ наградамъ, генералъ-адъютантъ Перовскій написалъ, что я исполнялъ при отрядѣ должность генералъ-квартирмейстера. Какъ о назначеніи меня оберъ-квартирмейстеромъ отряда ни письменно, ни словесно мнѣ ничего не было объявлено, то не знаю, какъ объяснить эту странность. Можетъ быть, дѣйствительно, былъ отданъ объ этомъ приказъ; но не былъ ли онъ скрытъ кѣмъ-либо?

въ Хивѣ, еще не изгладилось впечатлѣніе блистательнаго отраженія кушъ-беги (хивинскаго военнаго министра) акъ-булакскимъ гарнизономъ и слабымъ отрядомъ штабсъ-капитана Ерофѣева; притомъ движеніе нашихъ партій въ степи для изслѣдованія путей въ Хиву и предположенія новаго похода не могли не устрашить хивинцевъ. Этимъ легко объяснить впечатлѣніе, которое произвело, по словамъ г. Залѣсова („Военный Сборникъ 1862 г., № 9, стр. 46, прим. 47), посольство Никифорова на простой народъ Хивы; но на высшихъ чиновниковъ и на хана оно вовсе не подѣйствовало: посольство Никифорова не имѣло успѣха. Правительство принуждено было назначить другое для заключенія съ хивинскимъ ханомъ мирныхъ условій. Посланный послѣ Никифорова подполковникъ Данилевскій заключилъ съ хивинскимъ ханомъ довольно выгодный договоръ, не прибѣгая къ средствамъ Никифорова.

Я выше сказалъ, что въ приготовительныхъ распоряженіяхъ къ походу въ Хиву я вовсе не участвовалъ и не имѣлъ у себя всей переписки по этому походу. Поэтому я не могъ ни описать подробно, ни достаточно разъяснить предшествовавшихъ выступленію колоннъ изъ Оренбурга дѣйствій и происшествій, а также нѣкоторыхъ числовыхъ выводовъ. Для примѣра приведу слѣдующій фактъ:

При движеніи башкирскихъ транспортовъ въ степь, только первый транспортъ въ 1,200 повозокъ дошелъ до Акъ-Булака, а остальныя 6,350 троечныхъ подводъ доходили только до Эмбенскаго укрѣпленія, всего за 500 верстъ отъ Оренбурга, гдѣ по дорогѣ кормы и вода вообще хороши. Несмотря на то, башкиры потеряли болѣе одной трети или до 9,000 лошадей. Объяснить такую гибель лошадей можно только дурной распорядительностію и злоупотребленіями; но чтобы знать, какъ на будущее время предостеречься отъ нихъ, надобно знать, въ чемъ состояли нераспорядительность и злоупотребленія.

Отчетность по отряду была вообще неудовлетворительна, а относительно верблюдовъ нельзя было добиться числа ихъ, даже приблизительнаго; но если признать болѣе вѣрными вѣдомости о числѣ верблюдовъ, распредѣленныхъ по колоннамъ, то въ третьей или главной колоннѣ полагалось 3,600 верблюдовъ, а всѣхъ верблюдовъ при отрядѣ по этой вѣдомости должно было быть 12,128. По суточному же рапорту третьей колонны отъ 19 ноября 1839 г. показывалось верблюдовъ казенныхъ 117, киргиз-

скихъ 3,664, итого 3,781 верблюдъ. Безъ сомнѣнія, и въ другихъ колоннахъ были подобныя же невѣрности; но если эти только 181 верблюдъ, показанныхъ сверхъ 3,600, прибавить къ общему счету, то получится при отрядѣ 12,309 верблюдовъ. На пути къ Эмбенскому укрѣпленію верблюдовъ пало немного; во время стоянки лагеремъ при этомъ укрѣпленіи верблюды были на пастбищѣ, слѣдовательно и здѣсь не могло ихъ пасть много; а, между тѣмъ, при выступленіи къ Акъ-Булаку уже показано годныхъ верблюдовъ всего 8,900, слѣдовательно, павшихъ или выбывшихъ 3,409 верблюдовъ. При движеніи къ Акъ-Булаку и обратно выбыло вновь 3,880 верблюдовъ, и затѣмъ въ лагерѣ при Сага-Темирѣ должно бы быть не менѣе 5,000 верблюдовъ. Изъ нихъ 425 отправлено съ небольшимъ отрядомъ къ Ильинской крѣпости, 700 оставлены для надобностей въ лагерѣ при Сага-Темирѣ; остальныхъ отправили для поправки въ тѣлѣ на лучшія пастбища, которыя въ мартѣ и апрѣлѣ уже не могутъ назваться скудными и покрытыми глубокимъ снѣгомъ. Несмотря на то, къ 1 мая показано при отрядѣ всего 1,300 верблюдовъ. Итакъ, или надобно предполагать, что при счетѣ верблюдовъ играли въ цифры, или допустить злоупотребленія.

Я объяснилъ причину смертности акъ-булакскаго гарнизона. Полагаю, что страшная смертность и болѣзненность людей всего отряда должны объясниться тѣми же причинами; безъ сомнѣнія, солдаты не получали той пищи, которая полагалась имъ, и не имѣли о нихъ той заботливости, которая предписывалась (*).

Въ степь отправлено было 7,750 троечныхъ башкирскихъ повозокъ. Если положить на лошадь по 15 пудовъ, то перевезено въ степь не менѣе 348,750 пудовъ, да на верблюдахъ перевезено къ Эмбенскому укрѣпленію не менѣе 120,000 пудовъ, слѣдовательно всего почто полмилліона пудовъ запасовъ и матеріяловъ вывезено было въ степь. Отчетность по этой части сосредоточивалась въ рукахъ капитана Никифорова. Но относительно отчетности по покупкѣ, отправкѣ и расходованію запасовъ и остатка ихъ не сдѣлано никакихъ розысканій.

Вотъ вопросы, которые слѣдовало бы разъяснить, имѣя въ

(*) Въ зимней одеждѣ были также недостатки. Особенно неудачно была замѣнена вата джебагой, надъ которой солдаты подсмѣивались по своему: одинъ солдатикъ въ трескучій морозъ ходилъ по лагерю и предлагалъ: «кому угодно купить конемные пироги съ начинкой изъ джебаги?» (войлочные).

рукахъ дѣла по хивинскому походу 1839 года и разработывая матеріялы, хранящіеся въ архивѣ оренбургскаго штаба. Кромѣ того, вѣроятно, въ самомъ Оренбургѣ, есть еще на службѣ, или проживаютъ тамъ, участники похода 1839 года. Они могли бы пояснить многое, что до сихъ поръ остается загадочнымъ.

М. ИВАНИНЪ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ОТЧЕТА ПО УСТРОЙСТВУ НОВО-ПЕТРОВСКАГО УКРѢПЛЕНІЯ ВЪ 1846 г.

Гарнизонъ Ново-Петровскаго укрѣпленія состоялъ изъ 3-й и 4-й ротъ № 1 оренбургскаго линейнаго баталіона, двухъ сотенъ уральскихъ казаковъ и команды 14-й артиллерійской гарнизонной бригады, именно:

	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.
Линейнаго № 1 баталіона	1	12	465
14 гарн. артилл. бриг.	„	1	22
Уральскихъ казаковъ	1	4	208
Итого .	2	17	695

Для большей успѣшности работъ нанято было 125 вольнорабочихъ мастеровыхъ; для подвозки запасовъ съ гавани и строительныхъ матеріяловъ, 25 мая приведены были въ Ново-Петровское укрѣпленіе купленные у киргизовъ 200 лошадей и 25 верблюдовъ, а изъ Астрахани доставлено 30 арбъ. За расходомъ людей для выставленія передовыхъ пикетовъ, карауловъ, для надзора за лошадьми, во время пастьбы, за исключеніемъ больныхъ и проч., на работу выходило ежедневно отъ 250 до 300 человѣкъ, кромѣ вольныхъ мастеровыхъ.

Укрѣпленіе заложено 21 апрѣля 1846 г.

Съ этого числа по 22 октября въ укрѣпленіи выстроены были: стѣна изъ мѣстнаго камня вокругъ крѣпости на протяженіи болѣе двухъ верстъ, вышиною отъ 6 до 10-ти и толщиною до 5-ти футовъ; стѣна выведена мѣстами съ бойницами, а мѣстами съ банкетами, для орудій же устроены барбеты.

Деревянныя строенія для помѣщенія всѣхъ чиновъ гарнизона:

4 казармы, каждая длиною 21 сажень, шириною 3 сажени; 2 дома для штабъ-офицеровъ, 3 дома для оберъ-офицеровъ, 2 блокгауза на 50 человѣкъ каждый, кордегардія, гауптвахта, госпиталь на 60 человѣкъ, контора и аптека. Сверхъ того окончена въ наружной постройкѣ церковь. Каменныя строенія: 3 кухни съ пекарнями, баня, цейхгаузъ, провіянтскій магазинъ, длиною 17 саженъ, шириною 4 сажени, винный подвалъ, 3 пороховыхъ погреба. Двѣ отдѣльныя каменныя башни доведены до крыши, но не совершенно окончены, по причинѣ наступавшей стужи; начаты ледники и загонъ для лошадей.

Для построекъ, недалеко отъ укрѣпленія, находили только камень и глину; прочіе строительные матеріялы, какъ-то: лѣсъ, известь, желѣзо и проч., также запасы продовольственные, госпитальные, артиллерійскіе, боевые и проч., доставлялись изъ Астрахани и Гурьева и складывались на западной косѣ въ гавани; но какъ оттуда перевозка по песчаному грунту, на разстояніи околъ 4-хъ верстъ до укрѣпленія, была затруднительна, то склады перевозили на плотахъ къ восточной сторонѣ гавани, откуда дорога къ укрѣпленію верстой короче и идетъ по твердому грунту. Это требовало однако двухъ складовъ, слѣдовательно двойной перегрузки и двухъ карауловъ; посему устроена была на восточной сторонѣ гавани пристань на козлахъ, гдѣ приставали суда для выгрузки запасовъ; западная же гавань предоставлена для хивинскихъ каравановъ, рыбопромышленниковъ и стоянки судовъ. Устройствомъ этой пристани былъ уменьшенъ расходъ людей и ускорены крѣпостныя работы. На будущее время слѣдовало бы устроить каменную пристань съ моломъ, въ чемъ, по обилію возлѣ самаго берега камня, большой трудности не представляется.

Слѣдующія мѣры были приняты для доставленія гарнизону хорошей воды:

Какъ вода въ мелкихъ колодцахъ близъ укрѣпленія и Соленаго озера солоновата, то были произведены нивеллировка и тщательное изслѣдованіе мѣстности. Оказалось, что въ 60 саженяхъ отъ главнаго укрѣпленія, на $4^1/_2$ саженяхъ глубины, можетъ получиться вода, почему выкопанъ былъ колодезь. Послѣ рытья на $1^1/_2$ сажени въ сыпучемъ грунтѣ и просѣчки камня на 3 сажени каменнаго слоя, показалась вода хорошаго качества и въ большомъ количествѣ.

Для доставленія же свѣжей зелени гарнизону, засѣянъ былъ, въ видѣ опыта, огородъ (въ іюлѣ), и въ первый же годъ получены капуста, огурцы, рѣдька и проч., хотя не въ большомъ количествѣ. Осенью были посажены привезенныя изъ Астрахани лоза, виноградъ и тутовыя деревья. По причинѣ дороговизны и затрудненій въ доставкѣ сѣна моремъ, для имѣющихся въ гарнизонѣ 200 лоша-

дей произведенъ былъ опытъ травосѣянія, и, несмотря на поздній посѣвъ (между 18 іюля и 3 августа), сжато было зеленаго овса, ржи и хивинской люцерны, съ 200 квадр. саженъ, 8 пуд. 15 фунт. по высушкѣ сѣна (*). Работы произведены были хивинскими земледѣльческими орудіями, подъ надзоромъ освобожденныхъ изъ хивинскаго плѣна оренбургскаго казака и крестьянина (**). (Въ Хивѣ плѣнные эти пробыли слишкомъ по 20 лѣтъ и хорошо знали тамошній способъ обработки земель, основанный на искусственномъ орошеніи. Изъ хивинской неволи освобождено болѣе 500 человѣкъ. Еслибъ на нижнихъ частяхъ Волги, Урала, Дона и Днѣпра поселить часть ихъ, то, безъ сомнѣнія, они могли бы завести тамъ полеводство при искусственномъ орошеніи, которое даетъ хорошіе и постоянные урожаи.)

Несмотря на усиленныя работы, въ теченіе болѣе 6 мѣсяцевъ (съ 12 апрѣля по 22 ноября) изъ 714 человѣкъ гарнизона умерло: 1 оберъ-офицеръ отъ апоплексическаго удара, 1 рядовой и 1 казакъ; самое большое число больныхъ было въ половинѣ августа и доходило до 72 человѣкъ, преимущественно скорбутомъ. Болѣзнь эта

(*) Въ Хивѣ люцерны въ годъ иногда получаютъ по пяти укосовъ. Если допустить при Ново-Петровскѣ только три укоса, то можно бы получать по 300 пудовъ сѣна съ десятины; а какъ при укрѣпленіи земли удобной для посѣва люцерны найдется болѣе 100 десятинъ, то сѣна достаточно было бы на 200 лошадей круглый годъ. Въ 1846 г. сѣно доставлялось изъ Астрахани по $38\frac{1}{2}$ к. сер. за пудъ. Поэтому я полагалъ полезнымъ введеніе травосѣянія при Ново-Петровскомъ укрѣпленіи. Все затрудненіе состояло въ изысканіи способовъ къ орошенію земли. Впереди укр. есть оврагъ Огру, по долинѣ котораго туркмены занимались земледѣліемъ. По нивеллировкѣ оказалось, что, устроивъ чрезъ оврагъ плотину во 100 саж. длиною, можно поднять воду на 2 сажени высоты. При такой высотѣ воды, орошенія могли производиться почти все лѣто и достаточно было бы на 200 и болѣе десятинъ.

(**) Крестьянинъ этотъ назывался Василій Лаврентьевъ. Будучи 20 лѣтъ, онъ ушелъ отъ своего помѣщика, поступилъ въ ватагу астраханскихъ рыбопромышленниковъ, поплылъ съ ними къ Мангишлаку для ловли рыбы, попался въ плѣнъ туркменамъ и проданъ ими въ Хиву. Тамъ, при его способности къ мастерству, онъ обратилъ на себя вниманіе хана, который поручилъ ему устроить полевые лафеты для артиллеріи. Съ 3 или 4 пушками на лафетахъ, построенныхъ Лаврентьевымъ, ханъ ходилъ, для грабежа, къ границамъ Персіи, при чемъ Лаврентьевъ содѣйствовалъ своими орудіями къ взятію какой-то крѣпости. Ханъ назначилъ его начальникомъ своей артиллеріи. Пользуясь своимъ вліяніемъ, Лаврентьевъ облегчалъ судьбу несчастныхъ своихъ соотечественниковъ, томившихся въ плѣну. Когда въ 1840 году его освободили, онъ, пробывъ въ плѣну около 22 лѣтъ, надѣялся быть избавленнымъ отъ крѣпостной зависимости; но прежній его помѣщикъ требовалъ за него рекрутскую квитанцію. Пока шла переписка, Лаврентьевъ жилъ на оренбургской линіи. Я взялъ его съ собой въ Ново-Петровскъ, въ надеждѣ, что служба посодѣйствуетъ освобожденію его отъ крѣпостной зависимости. Но онъ умеръ тамъ же, гдѣ былъ взятъ въ плѣнъ, и первый крестъ на ново-петровскомъ кладбищѣ былъ поставленъ надъ могилой Лаврентьева.

развилась, по мнѣнію медика, не столько отъ свойствъ воды и климата, сколько отъ употребленія въ пищу солонины, получавшейся изъ Астрахани, которая, будучи дурнаго качества, въ Ново-Петровскѣ, по неимѣнію погреба и ледника, скоро портилась. Для противодѣйствія болѣзни приняты были мною слѣдующія мѣры:

Постоянная дача свѣжаго мяса, квасъ, купанье больныхъ скорбутомъ въ соленомъ озерѣ, находившемся при крѣпости, легкое движеніе, кумысъ; сдѣлано было распоряженіе къ доставкѣ изъ Астрахани и Гурьева свѣжей зелени, луку, рѣдьки и проч. Для сбереженія припасовъ, скоро портившихся, привозили ихъ въ небольшомъ количествѣ; но часто масло, въ случаѣ порчи, замѣнялось бараньимъ курдючьимъ саломъ. Люди размѣщены были въ кибиткахъ по возможности просторнѣе; платье ихъ ежедневно вывѣшивалось на солнце, а кибитки открывались. Почти каждыя три недѣли кибитки перестанавливались на новыя мѣста; облегчены были способы для мытья бѣлья; вообще всѣ нижніе чины гарнизона часто водились къ морю для купанья; для возбужденія веселости и бодрости заведены игры, пѣсенники, катанье въ лодкахъ по заливу; въ царскіе дни дѣлались иллюминація и потѣшные огни (плошки дѣлались изъ мѣстнаго камня). Въ эти дни приглашались почетные, кочевавшіе близъ укрѣпленія, киргизы, что способствовало къ сближенію съ ними и облегчало покупку за сходную цѣну барановъ и кумыса. При такихъ мѣрахъ, работы шли успѣшно, скорбутъ прекратился; изъ гарнизона никто не умеръ отъ этой болѣзни, и къ 22 октября въ ново-петровскомъ госпиталѣ состояло больныхъ 8 человѣкъ, въ околодкѣ 20 слабыхъ.

Въ праздничные и воскресные дни нижніе чины гарнизона занимались практическими ученьями: изъ ружей обыкновенныхъ и крѣпостныхъ стрѣляли въ цѣль, въ устроенныя деревянныя мишени, а для артиллерійской стрѣльбы, по причинѣ дороговизны лѣса, мѣсто мишеней замѣняли три вѣхи, изъ которыхъ на средней утверждена была, для цѣли, доска съ яблокомъ.

Всѣ эти занятія по устройству укрѣпленія не помѣшали произвесть инструментальную съемку окрестностей укрѣпленія, на пушечный выстрѣлъ, въ масштабѣ 50 саж. въ дюймѣ, и полуинструментальную съемку полуострова Мангишлака до заливовъ Александръ-Бая и Сарыташа, съ отрядомъ изъ 80 человѣкъ. Снято было до 10,000 квадр. верстъ, на что употреблено около мѣсяца времени.

М. ИВАНИНЪ.